

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-9527

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОБРАЗОВАНИИ**

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

T. 6 № 4 2024

Vol. 6 No. 4 2024

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-9527 (online)

psychinedu.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4>

2024. Том 6, № 4

2024. Vol. 6, no. 4

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

PSIKHOLOGIYA CHELOVEKA V OBRAZOVANII

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 —
74247, выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 —
74247, issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. А. Цветкова (Российская академия образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

С. А. Безгодова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

А. В. Микляева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

А. Б. Веревкина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. Волкова (Психологический институт Российской академии образования, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия)

А. Н. Веракса (Российская академия образования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

П. Дзюкколотти (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия)

С. Н. Ениколопов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (Российская академия образования, Российское психологическое общество, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

К. В. Карпинский (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь)

А. Квятковска (Институт психологии Академии наук Польши, Варшава, Польша)

И. В. Королева (Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Larisa A. Tsvetkova (Russian Academy of Education, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Svetlana A. Bezgodova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Executive Editor

Anastasia V. Miklyaeva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Anna B. Verevkina (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Elena N. Volkova (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia)

Alexander N. Veraksa (Russian Academy of Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Pierluigi Zoccolotti (Sapienza University of Rome, Rome, Italy)

Sergey N. Enikolopov (Lomonosov Moscow State University, Research Centre of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia)

Yuri P. Zinchenko (Russian Academy of Education, Russian Psychological Society, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Konstantin V. Karpinsky (Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus)

Anna Kwiatkowska (Institute of Psychology of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland)

Inna V. Koroleva (Saint-Petersburg Research Institute of Ear, Throat, Nose and Speech (the Ministry of Health), Saint Petersburg, Russia)

Natalya N. Koroleva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Chiara V. Marinelli (University of Foggia, Foggia, Italy)

Timofey A. Nestik (Russian Academy of Sciences, International Association for Analytical Psychology, International Association of Facilitators, Moscow, Russia)

Н. Н. Королева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Малых (Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия)

К. В. Маринелли (Университет Фоджи, Фоджа, Италия)

Т. А. Нестик (Институт психологии РАН, Международная ассоциация прикладной психологии (IAAP), Международная ассоциация фасилитаторов (IAF), Москва, Россия)

Т. Н. Носкова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Реан (Российская академия образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Шихуэй Хан (Институт исследований мозга IDG/Макговерн в Пекинском университете, Пекин, Китай)

В. П. Шейнов (Международная академия информационных технологий, Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь)

В. А. Янчук (Академия последипломного образования, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Учредитель РГПУ им. А. И. Герцена
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 21,1 Мб

Подписано к использованию 25.12.2024

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Психология человека в образовании» и на авторов материала обязательна.

Журнал «Психология человека в образовании» публикует результаты новых фундаментальных и прикладных научных исследований в области психологии, в фокусе внимания которых находится человек как субъект образования, независимо от возраста, ступени и формата образования. В современном мире образование — это неотъемлемый процесс в жизни любого человека, независимо от возраста и рода занятий. *Life-long* образование («образование длиною в жизнь») как один из основных трендов социального развития предполагает высокую степень субъектности человека, готовность к непрерывному приобретению новых знаний и навыков в избранных сферах жизни и, как следствие, формирование личностной образовательной системы, выходящей за пределы институционализированного образования.

Редакторы английского текста *М. В. Городиский, И. А. Наговицына*

Редактор *М. С. Огуренкова*

Корректор *М. С. Огуренкова*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *Д. В. Романовой*

Индексация / Indexation:

- [Российский индекс научного цитирования \(РИНЦ\) / Russian Index of Science Citation](#)
- [DOAJ](#)
- [Ulrich's Periodicals Directory](#)
- «КиберЛенинка» / Online scientific library “CyberLeninka”
- [НТЦ «Информрегистр»](#)
- [ERIH PLUS](#)

Tatyana N. Noskova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Artur A. Rean (Russian Academy of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia)

Shihui Han (IDG Brain Research Institute/McGovern at Peking University, Beijing, China)

Viktor P. Sheynov (International Academy of Information Technologies, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus)

Vladimir A. Yanchuk (Academy of Postgraduate Education, Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Founded by Herzen State Pedagogical University of Russia
Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 25.12.2024

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal “Psychology in Education” and the author(s) of the material in question.

The journal *Psychology in Education* (alternative title *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*) publishes the results of original fundamental and applied research in psychology that focuses on an individual in an educational environment, regardless of their age, programme level or format of education. Lately, education has become an integral part of everyone's life, including people of all ages and professions. Indeed, life-long learning is now one of the key trends in social development. It involves a high degree of individual agency and readiness to constantly acquire new knowledge and skills in one's areas of interest, which requires an individual educational system beyond the educational institutions.

Санкт-Петербург, 2024

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	396
<i>Махнач А. В.</i> Изучение жизнеспособности семьи: динамика интереса и проблемы исследования	396
Личность в процессах обучения и воспитания	412
<i>Коргожа М. А.</i> Ресурсы современного материнства: систематическое обзорное исследование зарубежной литературы	412
<i>Михайлова О. Б., Корач И.</i> Семейные ценности и традиции воспитания в России и Сербии: ретроспективный анализ и современные проблемы	432
<i>Никифорова А. В.</i> Обзор отечественных и зарубежных психологических исследований женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей	444
<i>Али Ю., Шах С. М. И.</i> Сплоченность семьи, мысли детей и их когнитивная оценка: опосредующая роль спортивной тревожности	462
<i>Маленова А. Ю., Потапова Ю. В., Маленов А. А.</i> Роль семьи в формировании миграционных установок омской молодежи	472
<i>Курапова И. А.</i> Внутрисемейные и личностные предикторы жизнеспособности студенток вуза и их матерей	484
<i>Васина Е. А., Юмкина Е. А.</i> Ценностные основания родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии взрослых детей	502
Особенности познавательной деятельности современных детей, подростков и молодежи в контексте проблем образования	523
<i>Панферов В. Н., Цветкова Л. А.</i> Уровень образования родителей как фактор академических достижений обучающихся: результаты систематического обзора литературы	523
Клинические, образовательные и социальные аспекты психологии здоровья	534
<i>Золотова И. А.</i> Роль фигуры отца ребенка при формировании материнского отношения к новорожденному с заболеванием	534
Психологические технологии в образовании	543
<i>Карпинский К. В.</i> Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация	543

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	396
<i>Makhnach A. V.</i> The study of family resilience: Dynamics of interest and research problems	396
An individual's personality in teaching, learning and education.	412
<i>Korgozha M. A.</i> The resources of modern motherhood: A systematic scoping review of foreign studies	412
<i>Mikhailova O. B., Korac I.</i> Family values and parenting traditions in Russia and Serbia: A retrospective analysis and contemporary problems	432
<i>Nikiforova A. V.</i> A review of Russian and foreign psychological studies of voluntary childlessness.	444
<i>Ali Yu., Shah S. M. I.</i> Family cohesion, children's thoughts, and children's cognitive assessments: Mediating role of sport anxiety	462
<i>Malenova A. Yu., Potapova Yu. V., Malenov A. A.</i> The role of family in the development of migration attitudes in Omsk youth	472
<i>Kurapova I. A.</i> Intra-family and personal predictors of resilience in female university students and their mothers	484
<i>Vasina E. A., Yumkina E. A.</i> The values behind parenting practices in the retrospective perception of adult children	502
Cognitive activity in modern children, adolescents and young adults: Educational issues ...	523
<i>Panferov V. N., Tsvetkova L. A.</i> The level of parents' education as a factor of students' academic achievements: A systematic literature review.	523
Clinical, educational, and social aspects of health psychology.	534
<i>Zolotova I. A.</i> The role of the figure of the child's father in the development of maternal attitude to a newborn with a disease	534
Psychological tools in education.	543
<i>Karpinski K. V.</i> The Value of Children Scale: Development, validation and standardization ..	543

Check for updates

Вступительная статья редакции

EDN LAKZVV

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411>

Изучение жизнеспособности семьи: динамика интереса и проблемы исследования

А. В. Махнач ¹

¹ Институт психологии Российской академии наук,
129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1

Для цитирования: Махнач, А. В. (2024) Изучение жизнеспособности семьи: динамика интереса и проблемы исследования. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411> EDN LAKZVV

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Махнач (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Статья приглашенного редактора открывает тематический номер журнала «Становление личности в пространстве современной семьи: психологические риски и возможности», посвященный Году семьи, объявленному Указом Президента Российской Федерации в 2024 году. Проблематика психологии семьи рассматривается через призму ее жизнеспособности как системной характеристики, обеспечивающей ее способность реагировать на стрессоры разной природы с использованием уникальных, присущих именно ей ресурсов, определяющих совладание с трудностями, адаптацию и развитие. На основе теоретического анализа литературных источников показано, что первоначально исследования жизнеспособности семьи были сконцентрированы вокруг анализа детерминант ее неблагополучия, то есть изучения «факторов риска», в то время как на современном этапе развития психологической науки фокус внимания исследователей смещается на выявление факторов защиты, способствующих адаптации и развитию семьи в целом и каждого из ее членов в отдельности. Подчеркивается, что психологические исследования семейной проблематики в парадигме изучения жизнеспособности семьи в современной российской психологии встречаются довольно редко, в то время как в зарубежной психологии количество исследований, выполненных в этом предметном поле, в последние годы неуклонно возрастает. Среди развивающихся направлений в теоретических и прикладных исследованиях жизнеспособности современных российских семей выделены: изучение жизнеспособности семей военнослужащих; семей, воспитывающих ребенка-инвалида или ребенка с ограниченными возможностями здоровья; замещающих и приемных семей; семей мигрантов — граждан России. Акцентируется внимание на том, что изучение жизнеспособности семьи открывает принципиально новые возможности для исследования функционирования семей в аспектах их адаптации, ресурсов и механизмов совладания с проблемами, обеспеченные логикой перехода от медицинской концептуальной модели к социальной на основе синтеза достижений современных социальных и гуманитарных наук. Представлен обзор статей, составивших тематический номер, охарактеризованы их научная новизна и основные научные результаты, а также показан их потенциальный вклад в развитие психологических исследований жизнеспособности семьи.

Ключевые слова: психология семьи, жизнеспособность семьи, ресурсы семьи, психологическое сопровождение семьи, обзор исследований жизнеспособности семьи

The study of family resilience: Dynamics of interest and research problems

A. V. Makhnach ✉¹

¹Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Bld. 1, 13 Yaroslavskaya Str., Moscow 129366, Russia

For citation: Makhnach, A. V. (2024) The study of family resilience: Dynamics of interest and research problems. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411> EDN LAKZVV

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Makhnach (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

This issue of *Psychology in Education* is titled *Personality Development in Modern Family: Psychological Risks and Opportunities*. It is dedicated to the Year of the Family proclaimed by a decree of Russia's President in 2024. This article by the Guest Editor addresses family psychology through the prism of resilience. Resilience is a systemic feature that ensures the family's ability to respond to stressors of different nature using resources that are unique to and inherent in the family: it is these resources that determine how the family adapts, evolves and copes with difficulties. The author analyses research literature to show that the first studies of family resilience were focused on the determinants of dysfunctional families — i. e., on the study of 'risk factors', while today the focus of researchers is shifting to identifying 'protective factors' that contribute to adaptation and development of the family as a whole and its individual members. The author shows that studies of family resilience are quite rare in Russian modern psychology, while the number of foreign studies on the subject has been steadily increasing in recent years. Among the developing areas in theoretical and applied resilience research of Russian families, the following are highlighted: resilience in military families, families with a disabled child, resilience in foster families, and migrant families. The author argues that family resilience research opens up fundamentally new opportunities for studying the functioning of families in terms of their adaptation, resources and coping mechanisms. These opportunities are underpinned by the logic of the transition from the medical conceptual model to the social one: this transition is based on the synthesis of the findings of social sciences and humanities. The author also provides an overview of the articles included in this thematic issue, describes their scientific novelty and main findings, and highlights their contribution to the development of psychological research on family resilience.

Keywords: family psychology, family resilience, family resources, psychological support of family, review of family resilience studies

В социальные процессы изменений в российском обществе вовлечено все население страны, идущие процессы консолидации или ослабления связей в нем соотносимы с многообразием форм семей и устройства семейной жизни. По нашему мнению, понимание в этой динамике роли семейных ресурсов в формировании и развитии жизнеспособности семьи помогает создавать оптимальные условия для решения проблем, возникающих в современной семье.

М. Боуэн утверждал, что, когда люди находятся под влиянием стрессогенных обстоятельств, активизируются тенденции к сближению с членами семьи, а в случае сильного стресса — значительно увеличивается возможность усиления и распространения на всех членов семьи этого стресса. В зависимости от обстоятельств симптомы стресса могут выливаться в супружеский конфликт, развитие физической, психологической

и/или социальной дисфункции любого члена семьи (Bowen 1978).

В исследовании влияния хронического стресса на монородительскую семью с признаками социальной и экономической незащищенности были выделены компоненты жизнеспособности, семейные, индивидуальные ресурсы главы семьи — как правило, в этой роли выступают женщины. «Посредническая» роль ряда компонентов жизнеспособности уменьшает негативное воздействие неблагоприятных событий на семью: злоупотребление психоактивными веществами, болезнь или смерть близкого, уход из семьи и развод, жестокость по отношению к кому-то из членов семьи и т. п. (Reding, Wijnberg 2001). Физическая жестокость или психологическое насилие предсказывают функциональные расстройство или эмоциональные срывы, поведенческие проблемы у детей в семье (Аракелян 2014; Fernández-Álvarez et al. 2022; Sardinha et al. 2022),

раннюю потерю ребенком родителя(ей) (Alvis et al. 2022; Kennedy et al. 2018), злоупотребление алкоголем или наркотиками (Новоселова 2020; Sreenivasulu et al. 2024). Говоря о родителях, отметим, что вызванный этими неблагоприятными событиями стресс, влияет на их психологическое состояние, а также на их способность быть эффективными родителями (Rodgers 1998, 542). В некоторых исследованиях указывается, что защитные факторы определяют жизнеспособность, обеспечивая человеку социальную и семейную поддержку (Liu et al. 2021), защиту от переживания сильного стресса (Fraser et al. 1999), психологическое благополучие, а также укрепляя духовные или религиозные установки (Howard et al. 2023; Sayed et al. 2024).

Несмотря на признание важности исследований жизнеспособности семьи, операционализация как термина, так и в целом концепции жизнеспособности семьи, многогранна, и не все данные могут быть поняты и объяснены сегодня. Существующая проблема заключается в том, что близкие по психологическому содержанию термины недостаточно разведены, поэтому часто наблюдается неточное толкование «жизнеспособности семьи» в парадигме научного объяснения. Активное использование семьей своих ресурсов, соответствующих сложности ситуации, разнообразие стратегий совладания, эволюция ресурсов, адаптация их к изменениям, и, наконец, развитие — в этом состоит суть жизнеспособности семьи.

Последовательное изучение жизнеспособности семьи началось с работ Ф. Уолш. В ее работе подчеркивается, что анализ жизнеспособности семьи «позволяет фокусироваться на сильных сторонах семьи, закаленной стрессом каждого из кризисов и при длительных периодах неблагополучия; предполагается, что ни одна модель здорового функционирования не может подходить всем семьям; процессы оптимального функционирования и благополучие членов семьи меняются со временем по мере возникновения проблем, что и развивает семью» (Walsh 2012, 405). В концепции жизнеспособности семьи Ф. Уолш рассматривает каждого ее члена как потенциальный ресурс для семьи в целом, который увеличивает жизнеспособность семьи как функциональной единицы.

Жизнеспособность семьи определяют как коллективную способность членов семьи преодолевать сложные ситуации, стрессы и невзгоды. Она способствует восстановлению после трудных жизненных этапов и кризисов семьи посредством существующих в ней тепла, поддержки и сплоченности (Li, Li 2021), обеспечи-

вая постоянное функционирование и развитие семьи (Zhao et al. 2023). Жизнеспособность семьи — это многогранный процесс, который включает в себя взаимодействие между семьями и другими системами в сложных средах, что повышает способность семьи справляться с невзгодами в течение времени (Ungar et al. 2023). Использование в наших исследованиях концепта жизнеспособности семьи имеет ряд преимуществ. Прежде всего, потому, что эта характеристика семьи базируется на ее сильных сторонах, которые развиваются в условиях стресса, в ответ на кризис и/или во время длительных невзгод. Семья — это одновременно и универсальный, и культурно специфичный фактор жизнеспособности.

Исследования жизнеспособности семьи в России и мире

Изучение жизнеспособности человека и позже семьи, как правило, было нацелено на анализ последствий воздействия факторов риска, а также на обращение к семейным ресурсам. Исследователи стремились найти предикторы неблагополучного развития человека или семьи в целом вследствие выраженного воздействия факторов риска. Как правило, в работах довольно длительного периода в истории изучения влияния на человека неблагоприятных факторов среды его жизнедеятельности исследователи считали своей задачей наиболее полно изучить факторы риска и их последствия. В исследованиях были получены данные взаимовлияния нескольких факторов риска на человека:

- биологические риски, определяемые здоровьем, наследственными психическими заболеваниями, инвалидностью (Есенкова 2018; Conder et al. 2015; Seligowski et al. 2020);
- кумулятивные риски, которые в совокупности несут более высокую вероятность неблагоприятных исходов (Masten, Barnes 2018);
- психосоциальные риски, связанные с бедностью, насилием, злоупотреблением психоактивными веществами (Пушкарева и др. 2018; Haleem, Masood 2023);
- социальные риски, идущие из семьи, отношений с друзьями, взаимодействия в общественном, экологическом пространстве (Сараева, Суханов 2020; Ungar et al. 2023);
- структурные признаки, связанные с неблагополучным положением семьи как социальной группы (Li, Li 2024);

- травмы, приносимые войной, терроризмом, стихийными бедствиями (Grossman et al. 2020);
- экономические обстоятельства неблагополучия отдельного члена семьи, или семьи в целом (Masten 2019).

В изучении жизнеспособности семьи разрабатывают модели системной организации человека, в которые включают компоненты из самых разных областей знания (генетика, природная экологическая среда, культура, социум, семья, нация, город, страна, экономика), и на основе сочетания и/или влияния совокупности переменных делаются попытки представить жизнеспособность системно. Такой подход к изучению этого понятия закономерен в связи с его всеобъемлемостью, он предполагает рассмотрение жизнеспособности семьи как наиболее широкого зонтичного понятия. Разработки теоретических оснований понятия позволят описать жизнеспособность с позиций системного подхода к ее изучению: «1) жизнеспособность возникает в условиях неблагоприятных обстоятельств; 2) жизнеспособность — это процесс; 3) существуют компромиссы между системами, когда система жизнеспособна; 4) жизнеспособная система открыта, динамична и сложна; 5) жизнеспособная система способствует налаживанию связей; 6) жизнеспособная система демонстрирует экспериментирование и обучение и 7) жизнеспособная система включает разнообразие, избыточность и участие» (Ungar 2018).

Для обоснования нового понятия жизнеспособность семьи важно опираться на теоретический анализ явления, его особенностей и форм проявления. В общей, социальной психологии и психологии развития созданы теории, ориентированные на изучение: баланса воздействия факторов риска и защиты; закономерностей взаимовлияния характеристик семьи как системы. Также исследуется взаимодействие членов семьи как сложной структуры с соподчиненными взаимосвязями, в которой формируются детско-родительские отношения. Для развития понятия «жизнеспособность семьи» у российских психологов, возможно, как ни у кого больше, имеются фундаментальные разработки отечественных философов, кибернетиков, биологов и генетиков, помогающие разобраться в таком сложном феномене. Достаточно перечислить их имена: биолог и эволюционист И. И. Шмальгаузен (Шмальгаузен 1940), философы А. А. Богданов, О. С. Разумовский, М. Ю. Хазов (Богданов 1989; Разумовский, Хазов 1998), эколог Н. Ф. Реймерс (Реймерс 1994), методологи науки И. В. Блау-

берг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин (Блауберг и др. 1970). Важно помнить, что философский фундамент изучения жизнеспособности в России был заложен А. А. Богдановым (Богданов 1927) и И. И. Шмальгаузенем (Шмальгаузен 1940), дальнейшие системные исследования были продолжены в кибернетике и теории систем в 1960–1970 годы. Обратим внимание на тот факт, что наиболее известные работы по теории систем и системной концепции Л. фон Берталанфи появились на несколько десятков лет позже работ А. А. Богданова (Mattesich 1982).

Таким образом, увеличение интереса к теме жизнеспособности человека, семьи и теоретическая разработка этих понятий могут быть объяснены следующими обстоятельствами:

- исследованиями адаптации, саморегуляции, контроля поведения, механизмов совладания как составляющих жизнеспособности;
- обращением к положительным качествам человека (самосознание, самопонимание, профессиональная эффективность, моральные ценности, духовность, благополучие и т. д.);
- психологическим пониманием жизнеспособности человека или семьи, опосредованных развитием современных социальных и гуманитарных наук;
- результатами лонгитюдных исследований в зарубежной психологии по психологии развития, психопатологии;
- переходом в концептуальной модели с медицинской на социальную и появлением новой методологической и идеологической основы современных исследований;
- попытками системного исследования этого феномена в теоретическом пространстве ряда наук: кибернетики, философии, истории, педагогики, психологии, появлением междисциплинарных данных о природе жизнеспособности человека и семьи.

Эпистемология структуры и функционирования нового в науке понятия «жизнеспособность семьи» всегда начинается с формирования феноменологической базы, наблюдений, фиксации динамики, получения данных на протяжении временного отрезка и т. д. По причине доминирования в науке и практике медицинской модели неблагополучия — на протяжении многих десятилетий происходило описание феноменологии неблагополучия. Для этого были свои причины, укоренившиеся в философии Г. Лейбница и И. Канта и переосмысленные нами для объяснения силы и влиятельности медицинской

модели в науке. Рассмотрим на примере апостериорной и априорной форм познания в приложении к нашему исследованию жизнеспособности человека следующие аспекты:

- Исследования семьи осуществляются в формате «после» (a posteriori), и то, как воспринимается ситуация в семье, позволяет исследовать присущие только ей феномены в полноте и разнообразии, что и определяется учеными как субъективный опыт семейной жизни. Существующее в философии противопоставление апостериори — априори (опытное — доопытное знание) хорошо проверяется традицией проведения любого исследования — в нашем случае жизнеспособности семьи.
- Знание о событиях в семье и следствиях из них представляется важнейшим материалом для нас. Оно важно для науки, как и умозрительный взгляд вначале (априори) на объект изучения, и часть его — выражается в какой-то степени в гипотезе исследования и/или является интуицией ученого. Предварительная или предвосхищающая оценка может быть умозрительным знанием о том, что будет позже проверено собранными материалами в формате апостериори.
- Ученый, планируя изучение жизнеспособности человека, обладает априорными формами познания этого зонтичного понятия. Эти формы познания помогают ему представить объект и предмет его исследования в возможной и достаточной для исследования полноте, что позволяет предвосхитить результат его научной деятельности, иметь predisposition о жизнеспособности семьи.

Проведя анализ качественных характеристик жизнеспособной семьи, мы выделили основные. Итак, жизнеспособная семья:

- активно стремится предвосхитить любые влияния, которые могут снизить ее социальную успешность в целом и каждого члена в отдельности;
- находит гармонию между потребностями родительской диады и детей во всех жизненных сферах;
- проявляет гибкость, создает условия для поддержки и проявления этого качества в каждом члене семьи, сознательно следует правилам наиболее легким в исполнении всеми членами семьи;
- предвосхищает и при необходимости обсуждает ситуации, способные спровоцировать развитие конфликта, риска,

стремится поддерживать оптимизм даже в сложной ситуации;

- следует обязательству быть ответственной в адрес младшего поколения, предпринимая активные усилия для того, чтобы противостоять воздействию факторов риска, сохранить равновесие, обратившись к факторам защиты;
- подразумевает, что родители (старшее поколение семьи) непредвзято высказывают свои ожидания в поведении, включенности в семейные дела, отношения, адекватно возможностям детей;
- формирует и поддерживает в каждом члене семьи ощущения нужности, значимости, успешности, сохраняет свою целостность и автономию.

В изучении жизнеспособности социально-психологические (личность) и социальные (семья) объекты анализа в настоящее время рассматриваются как субъекты: самоорганизующиеся и воспроизводящие себя в качестве инварианта в условиях обмена с окружающей средой энергией и информацией; способные к саморазвитию. В связи с такими представлениями о научной парадигме «жизнеспособность семьи» относим к эпистемологическим терминам с присущим ему анализом структуры понятия, закономерностях его функционирования, тенденциях развития и изменений, вероятностными механизмами объективации полученного знания о феномене и в итоге — его концептуализации в научно-теоретической работе и практической деятельности. Вместе с тем необходимо учитывать следующее соображение: «сложность и разнообразие терминов привели к поиску новых стратегий исследований, где переплетение различных сфер жизни сопровождается пронизываемостью дисциплинарных границ» (Гусельцева 2016, 38). Отметим, что в связи с активным ростом числа исследований жизнеспособности человека, а впоследствии — жизнеспособности семьи, ведущий ученый в этой области предупреждает, что термин «жизнеспособность» должен использоваться очень осторожно, потому что «несет в себе многозначную коннотацию дискретной психологической характеристики» (Masten 1994, 6).

Подчеркнем: изучение жизнеспособности человека в разных областях его жизнедеятельности нарастает пока преимущественно в работах зарубежных авторов. Количество тематических журналов, специализирующихся на изучении проблем жизнеспособности в разнообразных аспектах и контекстах, представлено следующими: Anthropocene Science, Adversity

and Resilience Science (Springer); Resilience: International Policies, Practices and Discourses (Taylor & Francis); Resilient Cities and Structures, Journal of Infrastructure Intelligence and Resilience (Elsevier); Climate Resilience and Sustainability (Wiley). Из российской научной периодики только в журнале «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда» есть раздел «Проблемы адаптации, жизнеспособности и развития человека», в котором публикуются статьи по тематике жизнеспособности в контексте социальной, возрастной психологии и психологии труда (Лактионова 2019). Вместе с тем в российской психологии отмечен малозаметный рост исследований в интересующей нас области (табл. 1), хотя в мире рост публикаций за пять лет — практически на треть (34%).

В России изучение понятия жизнеспособность семьи осуществляется в нескольких теоретических парадигмах и областях психологии. В психологии развития/возрастной психологии способности каждого члена семьи рассматриваются как умение задействовать индивидуальные способности для рефлексии своей роли в семье, поведения, отношений к членам семьи и системе ценностей. Важно помнить, что подросток в меньшей мере ориентируется на то, что показывают и декларируют члены его семьи, поэтому часть «славы» за умение ребенка / под-

ростка / молодого человека выстраивать жизнеспособные стратегии на протяжении всей его жизни отдаем и его окружению. В этой парадигме мы считаем, что искать вклад только семьи в формирование жизнеспособности — не совсем правильно, как и искать признаки неблагополучия в жизни подростка или молодого человека в семье. В позитивной психологии исследователи стремятся объяснить то, как эффективные семьи обращаются к своим ресурсам, оптимизму при столкновении с жизненными трудностями, транслируют социальному окружению преимущества опоры на свои сильные стороны, семейные и индивидуальные ресурсы. Работы, проведенные в русле динамической психологии, объясняют с позиции положительной динамики способности каждого члена семьи к адаптации в изменяющихся условиях жизнедеятельности семьи и обращение к своим умениям и навыкам оперативного решения проблем. По мнению Л. И. Анцыферовой, «даже для того чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности — жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, — она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества» (Анцыферова 1981, 8). В таком ракурсе динамический

Табл. 1. Количество статей российских (по базе РИНЦ) и зарубежных (по базе Mendeley) исследований жизнеспособности семьи по психологии и другим наукам

Год	Жизнеспособность семьи в статьях по психологии		Жизнеспособность в статьях по другим наукам	
	В мире	В России	В мире	В России
2017	1411	4	16 696	198
2018	2202	6	21 312	180
2019	2240	6	22 068	169
2020	3154	1	28 770	199
2021	4274	8	33 327	221

Table 1. Number of articles focusing on family resilience by Russian (Russian Science Citation Index) and foreign (Mendeley) scholars: psychology articles and articles in other areas of science

Year	Family resilience: psychology articles		Family resilience: articles in other areas of science	
	World	Russia	World	Russia
2017	1411	4	16 696	198
2018	2202	6	21 312	180
2019	2240	6	22 068	169
2020	3154	1	28 770	199
2021	4274	8	33 327	221

подход к изучению личности Л. И. Анцыферовой позволяет рассмотреть конкретные проявления личностных изменений в системе психики человека, различных устоявшихся и всегда важных для системы законов, реакций, отношений, оценок, которые приводят к их интеграции с внутренним миром и, следовательно — к жизнеспособности человека.

Тенденции в выборе тем исследований жизнеспособности семьи в России

Несмотря на незначительный рост интереса к теме жизнеспособности семьи, выделим основные направления, по которым все же можно судить о развитии этой предметной области в нескольких разделах психологии.

1. Жизнеспособность семьи военнослужащих. В настоящее время это очень актуальная тема в свете происходящих изменений роли и места военнослужащих в структуре современного российского общества. В российской психологии работы, посвященные семьям военнослужащих, крайне незначительны, тем реже в них появляется тематика жизнеспособности таких семей. В работах С. В. Котовской и ее соавторов впервые были представлены данные о специфике жизнеспособности семьи военных. Проведен анализ условий развития жизнеспособности военных, служащих в экстремальных условиях деятельности, определены их индивидуально-психологические особенности, а также оценка значимости семейного окружения, семейных традиций для профессионального самоопределения военнослужащего (Котовская и др. 2019). По мнению С. В. Котовской, «в родительской семье в виде традиций, преемственности и продолжает формировать субъективную оценку качества жизни в последующем становлении профессионала с высоким уровнем жизнеспособности, опираясь на поддержку уже собственной семьи и своего референтного окружения» (Котовская 2015, 221). Другой автор обращает внимание на необходимость введения в штат воинской части или подразделения социальных работников, владеющих методами коррекции социальной адаптации военнослужащих и членов их семей с целью формирования их жизнеспособности (Васюк 2021).

2. Жизнеспособность семьи с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья. В статьях этой тематики приводятся эмпирические данные о социально-психологических характеристиках жизнеспособности семьи, воспитывающей детей с ограниченными возможностями здоровья. Основные

выводы: оставаться жизнеспособной семье помогает ее понимание тяжести заболевания и неизбежности постоянного совладания с трудностями, умение видеть позитивную динамику даже в малых изменениях больного ребенка, обращение к социальным ресурсам окружения, участие в судьбе ребенка каждого из членов расширенной семьи и их общая включенность в заботу о нем. Среди личностных характеристик родителей исследователи выделяют настойчивость, внутренний локус контроля, уверенность, оптимизм, когнитивно-активный стиль совладания (Одинцова 2023; Ткач, Мендоса Ортега 2019).

3. Жизнеспособность семьи в психологии развития и возрастной психологии. Это направление изучения жизнеспособности семьи представлено работами не по предмету исследования, а по областям психологии. В них изучаются проблемы долголетия: активная жизненная позиция во временной перспективе, долголетие и профессиональная жизнь — как проявление субъектности личности. На примере межпоколенного копинга в разных возрастах описана жизнеспособность семьи, проявляющаяся в ее положительных характеристиках: родовой целостности, удовлетворенности отношениями, поддержке — а также в отрицательных: дезинтеграции и отчуждении членов семьи, аддикциях, конфликтности (Сапоровская 2016). Отчасти различие по компонентному составу жизнеспособности нашло подтверждение в исследовании, в котором показано, что выраженность контекстуальной, индивидуальной и семейной жизнеспособности изменяется в зависимости от возраста (Лактионова 2020). В другой работе подчеркивается, что поддержка в пожилом возрасте социальной активности, полноценное участие в жизни расширенной семьи, а также любая деятельность вне семьи ее старших членов положительно сказывается на их жизнеспособности (Емельянова, Неверович 2014). Показано, что переход от дефицитарной концепции оценки функциональности лиц старших возрастных групп к ресурсной и объективизации возрастной жизнеспособности позволяет персонифицировать вектор реабилитационных воздействий на пациентов (Ильницкий и др. 2021).

4. Жизнеспособность замещающих семей. Во многих статьях этого направления исследований внимание к развитию жизнеспособности замещающей семьи определяются тем, что при таком взгляде на семью проще увидеть ее ресурсность, сильные стороны (Махнач 2016). При их анализе появляется более точное видение целей помощи семье со стороны социальных

служб, специфика и выраженность компонентов жизнеспособности семьи, их взаимосвязанность с семейными ресурсами (Беззубова 2023; Окунева 2021 и др.). В наших исследованиях мы обратили внимание на изучение семейного контекста жизнеспособности подростков-сирот. Фактор «Отношения», в который вошли вопросы о семье, выходит на первое место в факторной структуре, но он не отражает реального жизненного ресурса для этих молодых людей и подтверждает присущую им идеализацию родителей, оставивших их в детском доме (Лактионова, Махнач 2007).

5. Тема **жизнеспособности семей мигрантов** не активно исследуется в социальной, семейной психологии, психологии труда (Алексанова 2023). Особенно это неоправданно с учетом статистики въездной миграции. В 2023 году 378,5 тысяч иностранцев стали российскими гражданами, а это количество равно населению крупного города России, например, Владимира, Симферополя, Белгорода, Калуги или Читы! Попадая в новые социально-экономические и культурные условия проживания страны приема, семьи новых россиян вынуждены приспосабливаться самостоятельно, практически не имея ресурсов и условий для быстрой экономической и социокультурной адаптации. Это состояние подчеркивает значимость исследований жизнеспособности семей эмигрантов.

Тема исследований жизнеспособности семьи мигрантов в России достаточно актуальна, но также и малоизучена.

Несколько основных направлений исследований, упомянутых в связи с этим явлением, не охватывают всех проблем современной семьи. С точки зрения развития области исследований жизнеспособности семьи наиболее значимые работы отражают попытки систематического анализа концепции, являющейся новой для отечественной науки.

В тематическом номере журнала «*Становление личности в пространстве современной семьи: психологические риски и возможности*» представлены исследования семейной проблематики в разных направлениях учеными из России, Белоруссии, Сербии и Пакистана. В нем направление изучения жизнеспособности семьи представлено статьей И. А. Кураповой. Автор исследует внутрисемейные и личностные предикторы жизнеспособности студентов вуза и их родителей. К ним отнесены личностная зрелость и внутрисемейные отношения, но их вклад в жизнеспособность студентов и родителей различается. Жизнеспособность родителей детерминирована личностной зрелостью и семейны-

ми отношениями в равной степени, а спектр семейных предикторов разнообразен, вместе с тем личностные характеристики студентов больше определяют жизнеспособность, чем семейные отношения. Также в систематическом обзоре М. А. Коргожи представлены результаты исследования зарубежной литературы по проблеме ресурсов современного материнства (2004–2024 годов), в котором описаны общие и специфические психологические ресурсы матерей. Среди личностных ресурсов женщин особое внимание уделяется локусу-контроля, жизнестойкости, самооффективности и толерантности к неопределенности — частые предикторы жизнеспособности во многих исследованиях этого феномена. Специфическими ресурсами материнства в работах определяют материнскую идентичность, жизнеспособность (резильентность) и материнскую самооффективность. Отмечается, что в русле позитивной психологии ресурсы способствуют адаптации женщины к материнству, а также помогают совладать с повседневными трудностями родительства. Поэтому фокусом внимания исследователей являются оптимальное состояние физического и психического здоровья женщины, финансовые и жилищные условия семьи, помощь и поддержка со стороны партнера, семьи и ближайшего окружения.

О ценности традиций в семейном воспитании, формирующих основу развития позитивных характеристик личности, сообщается в статье О. Б. Михайловой и И. Корач, где представлены данные исторического и кросс-культурного анализа психолого-педагогических ценностей и традиций семейного воспитания в двух странах с близкой языковой и ментальной культурой, проведенного с помощью метода интроспекции. Авторы утверждают, что на основе этих ценностей и традиций продолжает развиваться семейное воспитание в России и в Сербии. Перспективой дальнейших исследований станет изучение кросс-культурных исследований ценностей и традиций семейного воспитания для психолого-педагогического сопровождения родительства и семейного воспитания в России и Сербии.

Близкой к изучаемой в предыдущей статье теме является исследование Е. А. Васиной и Е. А. Юмкиной, в котором с целью определения оптимальных моделей семейного взаимодействия анализируются родительско-детские отношения в ценностно-смысловом контексте. В статье приводится анализ ценностных оснований родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии детей старшего

школьного и студенческого возраста. В родительской практике наиболее распространены конструктивные стили взаимодействия с детьми, деструктивные стили представлены в меньшей степени и обусловлены девальвацией ценностного отношения к личности ребенка. Общими ценностными детерминантами родительско-детских отношений выступают семейные ценности, при этом основаниями позитивных стилей воспитания являются духовно-нравственные ценности. Авторы установили, что характер вовлеченности родителей в жизнь своих детей и форма предъявления требований к детям имеют качественную специфику в ценностных предпочтениях детей и в их рефлексивном восприятии ценностей родителей.

Ценности полной семьи, сталкивающейся с серьезным для нее испытанием — заболеванием новорожденного ребенка, и важной роли отца, включенного в переживание этого события, посвящена статья *И. А. Золотовой*. В ней обращено внимание на значимость фигуры отца в формировании материнского отношения к новорожденному с заболеванием. При изучении субъективных представлений женщины об отношении к ней отца ребенка в ситуации «отягощенного материнства» был сделан важный вывод о том, что необходимо осуществлять психологическое сопровождение триады «мать — отец — дитя» в раннем послеродовом периоде.

Отдельно отметим обзор отечественных и зарубежных исследований феномена добровольного отказа женщин от рождения детей в статье *А. В. Никифоровой*. Эта статья также о ценностях, связанных с семьей, но другого рода. Тема мало изучена, но представляет интерес с позиции изучения ценностных ориентаций женщин, выбравших такую жизненную перспективу бездетности. В статье подчеркивается недостаток исследований по проблематике в психологии. Заслуживает внимания попытка автора выделить психологические особенности женщин, добровольно отказывающихся от детей: 1) репродуктивные стратегии/установки; 2) ценностные ориентации и 3) роль детско-родительских отношений. На базе этих особенностей автором была предложена модель «психологического портрета» этих женщин.

Исследования главной роли семьи в формировании жизненных установок, планированию будущего, успешности в обучении и спорте посвящены еще две статьи выпуска. В частности, в статье *А. Ю. Маленовой, Ю. В. Потаповой и А. А. Маленова* обращено внимание на роль семьи в формировании миграционных установок молодежи из Омской области, где отмеча-

ется проблема высокой миграционной утраты. Выявлено, что у школьников миграционные установки в среднем выше и хуже согласованы, чем у студентов. На повышение миграционных намерений в школьном возрасте влияет состав семьи («мать — отчим — дети», «мать — дети»), в студенчестве — отсутствие официально заключенного брака и детей. Эти результаты нацеливают практическую работу на группы риска, формируют направления социально-психологической работы с молодежью, а также с их родителями как прямыми и опосредованными трансляторами миграционных установок для своих детей. Целью второй статьи этой тематики — психологов из Пакистана *Ю. Али и С. М. Икбаль Шаха* — стало изучение связанности показателей семейной сплоченности и мыслей детей по поводу оценки своих когнитивных способностей. Авторы предположили, что существует связь этих показателей с тревожностью в спорте. В рамках спортивной психологии была оценена роль семейных связей в формировании тревожности у детей. В статье делается вывод о том, что активное участие семьи в спортивном развитии детей — ценный ресурс, который помогает в целом образовательному процессу. Семья также влияет на позитивную самооценку школьника, количество мыслей, не относящихся к выполнению задачи, умение фокусироваться на задаче.

В статье *В. Н. Панферова и Л. А. Цветковой* проведено системное обобщение научных данных о факторах, которые могут определять вклад уровня образования родителей в академические успехи их детей. В работе выделены три группы факторов, раскрывающие вклад образовательного уровня родительской семьи в академические успехи обучающихся: когнитивные и некогнитивные особенности обучающихся и их родителей, характеристики детско-родительских отношений, социальный статус семьи, отражающий ее положение в системе социальных отношений. Перспективы дальнейших исследований авторы видят в эмпирической проверке гипотезы об опосредующем влиянии указанных факторов на взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими успехами их детей в контексте изучения траекторий образовательной социализации обучающихся на разных образовательных ступенях.

Методический раздел выпуска журнала представлен статьей *К. В. Карпинского*, который разработал и провел психометрические процедуры и первичную валидизацию Шкалы ценностного отношения к детям. Методика операционализирует ценностное отношение и личностный

смысл ребенка для взрослого. Автор утверждает, что методика полностью соответствует конвенциональным психометрическим стандартам и может применяться в исследованиях, а также в индивидуальном психодиагностическом обследовании.

Редакция журнала и авторы исследований, представленных в тематическом выпуске «Становление личности в пространстве современной семьи: психологические риски и возможности», надеются, что изучение многих аспектов психологии семьи, не представленных здесь, будет продолжено не только авторами выпуска — психологами, но и специалистами из другим смежных областей знания: педагогами, социологами, демографами — заинтересованными

учеными и практиками. Тема психологии семьи обширна и, к сожалению, изучена крайне фрагментарно, поэтому еще так много в ней направлений, которые ждут своего исследователя. Введением к этому номеру стала тема жизнеспособности семьи и она уже интересна многим ученым. Однако отметим, что базой этой темы является позитивная психология, которая стала такой же «сильной» областью как, например, психопатология. Социальная модель в исследованиях феноменологии семьи подчеркивает ее ресурсность и умение каждого члена семьи обратиться к своим сильным сторонам и ресурсам в своем окружении. Надеемся, что выпуск будет полезным для психологов, психотерапевтов, педагогов, социологов и педагогов.

Литература

- Алексанова, О. Е. (2023) Индивидуально-психологические особенности эмигрантов с различной успешностью адаптации в России. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 8, № 2, с. 120–138. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_005
- Анцыферова, Л. И. (1981) О динамическом подходе к психологическому изучению личности. *Психологический журнал*, т. 2, № 2, с. 8–18. EDN: [SAEWIH](#)
- Аракелян, К. Н. (2014) Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, № 4, с. 58–65. EDN: [SZIJRR](#)
- Беззубова, Н. Ю. (2023) Роль школы приемных родителей в эффективности внутрисемейной коммуникации. В кн.: З. Х. Саралиева (ред.). *Надежды. Сборник научных статей студентов Молодежной межвузовской научно-практической конференции. Вып. 17*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, с. 276–282. EDN: [ZQNMFP](#)
- Блауберг, И. В., Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. (1970) Системный подход в современной науке. В кн.: И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин (ред.). *Проблемы методологии системного исследования*. М.: Мысль, с. 7–48.
- Богданов, А. А. (1927) *Борьба за жизнеспособность*. М.: Новая Москва, 160 с.
- Богданов, А. А. (1989) *Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 т. Т. 1*. М.: Экономика, 303 с.
- Васюк, А. Г. (2021) Резильентность и адаптация к воинской службе. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко*, № 1 (10), с. 153–161. EDN: [LNNTNH](#)
- Гусельцева, М. С. (2016) Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности. В кн.: Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев (ред.). *Принцип развития в современной психологии*. М.: Институт психологии РАН, с. 31–51. EDN: [WGNGGL](#)
- Емельянова, Т. В., Неверович, Г. А. (2014) Чтение как способ формирования поля психологической устойчивости человека на поздних этапах онтогенеза. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, № 4–2, с. 244–248. EDN: [SEONEB](#)
- Есенкова, Н. Ю. (2018) Внутренняя картина болезни и особенности жизнеспособности больных ишемической болезнью сердца, перенесших кардиохирургическое вмешательство. *Живая психология*, т. 5, № 2, с. 173–180. <https://doi.org/10.18334/lp.5.2.39226>
- Ильницкий, А. Н., Кравченко, Е. С., Прощаев, К. И. (2021) Возрастная жизнеспособность как новый концепт геронтологии и гериатрии. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 6, № 4, с. 63–86. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_003
- Котовская, С. В. (2015) Роль семьи в профессиональном самоопределении лиц трудных профессий с разным уровнем жизнеспособности. В кн.: А. В. Махнач, К. Б. Зуев (ред.). *Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», с. 215–224. EDN: [UXHCTN](#)
- Котовская, С. В., Мосягин, И. Г., Бойко, И. М. (2019) Условия развития жизнеспособности в сфере экстремальных профессий с позиции биопсихосоциального подхода. *Морская медицина*, т. 5, № 4, с. 84–90. <http://dx.doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90>
- Лактионова, А. И. (2019) Проблематика жизнеспособности в публикациях журнала «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда»: профессиональные, социальные и индивидуальные аспекты. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 4, № 4, с. 4–31.

- Лактионова, А. И. (2020) Взаимосвязь дифференциального типа рефлексии и компонентов жизнеспособности человека в разных возрастных группах. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 5, № 4, с. 193–217. <http://dx.doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008>
- Лактионова, А. И., Махнач, А. В. (2007) Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков. В кн.: *Ребенок в современном обществе*. М.: Изд-во МГППУ, с. 184–191. EDN: [UAAEJL](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Махнач, А. В. (2016) Диагностика жизнеспособности и ресурсов замещающих семей как условие профилактики отказов от приемных детей. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 1, № 1, с. 227–253. EDN: [XVOZJH](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Новоселова, Е. Н. (2020) К проблеме чрезмерного потребления алкоголя в российских семьях. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, т. 26, № 4, с. 142–160. <http://dx.doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-142-160>
- Одинцова, М. А. (2023) Жизнеспособность семьи в оценках родителей детей с инвалидностью и родителей здоровых детей (пилотное исследование). В кн.: Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова и др. (ред.). *Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук 12–14 октября 2023 г.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», с. 1562–1566. EDN: [UKFECC](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Окунева, М. С. (2021) Ресурсы жизнеспособности замещающих родителей. В кн.: *Система знаний в вопросах развития науки и образования*. Казань: СитИвент, с. 166–169. EDN: [RAOGVQ](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Пушкарева, Т. В., Леванова, Е. А., Горбенко, И. А. (2018) Жизнеспособность личности как основа профилактики зависимого поведения у подростков. *Перспективы науки*, № 10 (109), с. 209–215. EDN: [YUUYUP](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Разумовский, О. С., Хазов, М. Ю. (1998) Проблема жизнеспособности систем. *Гуманитарные науки в Сибири*, № 1, с. 1–7.
- Реймерс, Н. Ф. (1994) *Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы*. М.: Россия молодая, 367 с.
- Сапогская, М. В. (2016) Межпоколенный копинг и жизнеспособность членов семьи. В кн.: А. В. Махнач, Л. Г. Дикая (ред.). *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», с. 408–424. EDN: [WJKBUH](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Сараева, Н. М., Суханов, А. А. (2020) Изучение жизнеспособности студентов, проживающих в осложненных условиях жизненной среды: социально-психологический подход. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология»*, т. 33, с. 59–68. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.59>
- Ткач, Е. Н., Мендоса Ортега, Э. Н. (2019) Особенности проявления резилентности родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. В кн.: Т. Г. Луковенко (ред.). *Человек с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве: развитие инклюзивной культуры и практики. Материалы научно-практических конференций «Гуманизация общества — основа формирования толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья» (24–25 мая 2018 года) и «Формирование активной жизненной позиции лиц с ограниченными возможностями в инклюзивном образовании» (22–23 октября 2018 года)*. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, с. 69–73. EDN: [QUIIQ](https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008)
- Шмальгаузен, И. И. (1940) *Пути и закономерности эволюционного процесса*. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 232 с.
- Alvis, L., Zhang, N., Sandler, I. N., Kaplow, J. B. (2022) Developmental manifestations of grief in children and adolescents: Caregivers as key grief facilitators. *Journal of Child and Adolescent Trauma*, vol. 16, no. 2, pp. 447–457. <https://doi.org/10.1007/s40653-021-00435-0>
- Bowen, M. (1978) *Family therapy in clinical practice*. Lanham: Jason Aronson book Publ., 565 p.
- Conder, J. A., Mirfin-Veitch, B. F., Gates, S. (2015) Risk and resilience factors in the mental health and well-being of women with intellectual disability. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, vol. 28, no. 6, pp. 572–583. <https://doi.org/10.1111/jar.12153>
- Fernández-Álvarez, N., Fontanil, Y., Alcedo, Á. (2022) Resilience and associated factors in women survivors of intimate partner violence: A systematic review. *Anales de Psicología*, vol. 38, no. 1, pp. 177–190. <https://doi.org/10.6018/ANALES.461631>
- Fraser, M. W., Richman, J. M., Galinsky, M. J. (1999) Risk, protection and resilience towards a conceptual framework for social work practice. *Social Work Research*, vol. 23, no. 3, pp. 131–143. <https://doi.org/10.1093/swr/23.3.131>
- Grossman, M., Hadfield, K., Jefferies, P. et al. (2020) Youth resilience to violent extremism: Development and validation of the BRAVE Measure. *Terrorism and Political Violence*, vol. 34, no. 3, pp. 468–488. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283>
- Haleem, M., Masood, S. (2023) The role of self-control and resilience in reducing violent extremist attitudes among Pakistani young adults. *Psychological Studies*, vol. 68, no. 4, pp. 512–520. <https://doi.org/10.1007/s12646-023-00741-7>
- Howard, A. H., Roberts, M., Mitchell, T., Gilbertson Wilke, N. (2023) The relationship between spirituality and resilience and well-being: A study of 529 care leavers from 11 nations. *Adversity and Resilience Science*, vol. 4, pp. 177–190. <https://doi.org/10.1007/s42844-023-00088-y>

- Kennedy, B., Chen, R., Valdimarsdóttir, U. et al. (2018) Childhood bereavement and lower stress resilience in late adolescence. *Journal of Adolescent Health*, vol. 63, no. 1, pp. 108–114. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2018.02.002>
- Li, X., Li, H. (2021) Reliability and validity of the Chinese version of the Revised Walsh family resilience questionnaire. *Annals of Palliative Medicine*, vol. 10, no. 8, pp. 8709–8717. <https://doi.org/10.21037/apm-21-1152>
- Li, Z., Li, Q. (2024) How social support affects resilience in disadvantaged students: The Chain-Mediating Roles of school belonging and emotional experience. *Behavioral Sciences*, vol. 14, no. 2, article 114. <https://doi.org/10.3390/bs14020114>
- Liu, Q., Jiang, M., Li, S., Yang, Y. (2021) Social support, resilience, and self-esteem protect against common mental health problems in early adolescence: A nonrecursive analysis from a two-year longitudinal study. *Medicine*, vol. 100, no. 4, article e24334. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000024334>
- Masten, A. S. (1994) Resilience in individual development: Successful adaptation despite risk and adversity. In: M. C. Wang, E. W. Gordon (eds.). *Educational resilience in inner city America: Challenges and prospects*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 3–25.
- Masten, A. S. (2019) Resilience from a developmental systems perspective. *World Psychiatry*, vol. 18, no. 1, pp. 101–102. <https://doi.org/10.1002/wps.20591>
- Masten, A. S., Barnes, A. J. (2018) Resilience in children: Developmental perspectives. *Children*, vol. 5, no. 7, article 98. <https://doi.org/10.3390/children5070098>
- Mattessich, R. (1982) The systems approach: Its variety of aspects. *Journal of the American Society for Information Science*, vol. 33, no. 6, pp. 383–394. <https://doi.org/10.1002/asi.4630330609>
- Reding, K. M., Wijnberg, M. H. (2001) Chronic stress: A conceptual perspective. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, vol. 82, no. 4, pp. 345–354. <https://doi.org/10.1606/1044-3894.187>
- Rodgers, A. Y. (1998) Multiple sources of stress and parenting behavior. *Children and Youth Services Review*, vol. 20, no. 6, pp. 525–546. [https://doi.org/10.1016/S0190-7409\(98\)00022-X](https://doi.org/10.1016/S0190-7409(98)00022-X)
- Sardinha, L., Maheu-Giroux, M., Stöckl, H. et al. (2022) Global, regional, and national prevalence estimates of physical or sexual, or both, intimate partner violence against women in 2018. *The Lancet*, vol. 399, no. 10327, pp. 803–813. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02664-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02664-7)
- Sayed, T., Malan, H., Fourie, E. (2024) Exploring the associations between resilience and psychological well-being among South Africans during COVID-19. *Frontiers in Psychology*, vol. 15, article 1323466. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1323466>
- Seligowski, A. V., Hill, S. B., King, C. D. et al. (2020) Understanding resilience: Biological approaches in at-risk populations. In: A. Chen (ed.). *Stress Resilience: Molecular and Behavioral*. London: Academic Press, pp. 133–148. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-813983-7.00010-0>
- Sreenivasulu, M., Prathyusha, V., Ezhumalai, S. et al. (2024) Adverse childhood experiences, coping and resilience in persons with alcohol use disorder and their non-drinking siblings in high-density families: A case-control study. *Indian Journal of Psychological Medicine*, vol. 46, no. 2, pp. 139–146. <https://doi.org/10.1177/02537176231219769>
- Ungar, M. (2018) Systemic resilience: Principles and processes for a science of change in contexts of adversity. *Ecology and Society*, vol. 23, no. 4, article 34. <https://doi.org/10.5751/ES-10385-230434>
- Ungar, M., Theron, L., Höltge, J. (2023) Multisystemic approaches to researching young people's resilience: Discovering culturally and contextually sensitive accounts of thriving under adversity. *Development and Psychopathology*, vol. 35, no. 5, pp. 2199–2213. <https://doi.org/10.1017/S0954579423000469>
- Walsh, F. (2012) Family resilience: Strengths forged through adversity. In: F. Walsh (ed.). *Normal family processes: Growing diversity and complexity*. 4th ed. New York: Guilford Press, pp. 399–427.
- Zhao, J., Cui, H., Zhou, J., Zhang, L. (2023) Influence of home chaos on preschool migrant children's resilience: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1087710. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1087710>

References

- Aleksanova, O. E. (2023) Individual'no-psikhologicheskie osobennosti emigrantov s razlichnoj uspešnost'yu adaptatsii v Rossii [Individual psychological characteristics of emigrants with different success rates of adaptation in Russia]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya Truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 8, no. 2, pp. 120–138. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_005 (In Russian)
- Alvis, L., Zhang, N., Sandler, I. N., Kaplow, J. B. (2022) Developmental manifestations of grief in children and adolescents: Caregivers as key grief facilitators. *Journal of Child and Adolescent Trauma*, vol. 16, no. 2, pp. 447–457. <https://doi.org/10.1007/s40653-021-00435-0> (In English)
- Antsyferova, L. I. (1981) O dinamicheskom podkhode k psikhologicheskomu izucheniyu lichnosti [On the dynamic approach to the psychological study of personality]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 2, no. 2, pp. 8–18. EDN: SAEWII (In Russian)
- Arakelyan, K. N. (2014) Opyt perezhitogo nasiliya i sklonnost' k viktimmomu povedeniyu podrostkov: gendernyj aspekt [Experience of violence and manifestations of victim behavior: Gender aspect]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

- universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, no. 4, pp. 58–65. EDN: [SZIJRR](#) (In Russian)
- Bezzubova, N. Yu. (2023) Rol' shkoly priemnykh roditel' v effektivnosti vnutrisemejnoj kommunikatsii [The role of the foster parent school in the effectiveness of intrafamilial communication]. In: Z. Kh. Saralieva (ed.). *Nadezhdy. Sbornik nauchnykh statej studentov Molodezhnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 17 [Hope. Collection of scientific articles by students of the Youth Interuniversity scientific and practical conference]. Iss. 17.* Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., pp. 276–282. EDN: [ZQNMFP](#) (In Russian)
- Blauberg, I. V., Sadovskij, V. N., Yudin, E. G. (1970) Sistemnyj podkhod v sovremennoj nauke [A systematic approach in modern science]. In: I. V. Blauberg, V. N. Sadovskij, E. G. Yudin (eds.). *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya [Problems of the methodology of system research]*. Moscow: Mysl' Publ., pp. 7–48. (In Russian)
- Bogdanov, A. A. (1927) *Bor'ba za zhiznesposobnost' [The Struggle for Viability]*. Moscow: Novaya Moskva Publ., 160 p. (In Russian)
- Bogdanov, A. A. (1989) *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 t. T. 1. [Tectology: General Organizational Science: In 2 vols. Vol. 1.]*. Moscow: Ekonomika Publ., 303 p. (In Russian)
- Bowen, M. (1978) *Family therapy in clinical practice*. Lanham: Jason Aronson book Publ., 565 p. (In English)
- Conder, J. A., Mirfin-Veitch, B. F., Gates, S. (2015) Risk and resilience factors in the mental health and well-being of women with intellectual disability. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, vol. 28, no. 6, pp. 572–583. <https://doi.org/10.1111/jar.12153> (In English)
- Emel'yanova, T. V., Neverovich, G. A. (2014) Chtenie kak sposob formirovaniya polya psikhologicheskoy ustojchivosti cheloveka na pozdnykh etapakh ontogeneza [Reading as a way of forming the field of psychological stability of a person at the later stages of ontogenesis]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 4–2, pp. 244–248. EDN: [SEONEB](#) (In Russian)
- Esenkova, N. Yu. (2018) Vnutrennyaya kartina bolezni i osobennosti zhiznesposobnosti bol'nykh ishemicheskoy bolezniyu serdtsa, perenesshikh kardiokhirurgicheskoe vmeshatel'stvo [Internal picture of the disease and peculiarities of resilience in patients with coronary heart disease who underwent cardiac surgery]. *Zhivaya psikhologiya — Living Psychology*, vol. 5, no. 2, pp. 173–180. <https://doi.org/10.18334/lp.5.2.39226> (In Russian)
- Fernández-Álvarez, N., Fontanil, Y., Alcedo, Á. (2022) Resilience and associated factors in women survivors of intimate partner violence: A systematic review. *Anales de Psicología*, vol. 38, no. 1, pp. 177–190. <https://doi.org/10.6018/ANALES.461631> (In English)
- Fraser, M. W., Richman, J. M., Galinsky, M. J. (1999) Risk, protection and resilience towards a conceptual framework for social work practice. *Social Work Research*, vol. 23, no. 3, pp. 131–143. <https://doi.org/10.1093/swr/23.3.131> (In English)
- Grossman, M., Hadfield, K., Jefferies, P. et al. (2020) Youth resilience to violent extremism: Development and validation of the BRAVE Measure. *Terrorism and Political Violence*, vol. 34, no. 3, pp. 468–488. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283> (In English)
- Gusel'tseva, M. S. (2016) Printsip razvitiya v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [The Principle of the development in psychology: The challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity]. In: E. A. Sergienko, A. L. Zhuravlev (eds.). *Printsip razvitiya v sovremennoj psikhologii [The principle of development in modern psychology]*. Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 31–51. EDN: [WGNGGL](#) (In Russian)
- Haleem, M., Masood, S. (2023) The role of self-control and resilience in reducing violent extremist attitudes among Pakistani young adults. *Psychological Studies*, vol. 68, no. 4, pp. 512–520. <https://doi.org/10.1007/s12646-023-00741-7> (In English)
- Howard, A. H., Roberts, M., Mitchell, T., Gilbertson Wilke, N. (2023) The relationship between spirituality and resilience and well-being: A study of 529 care leavers from 11 nations. *Adversity and Resilience Science*, vol. 4, pp. 177–190. <https://doi.org/10.1007/s42844-023-00088-y> (In English)
- Ilnitski, A. N., Kravchenko, E. S., Prashchayeu, K. I. (2021) Vozrastnaya zhiznesposobnost' kak novyj kontsept gerontologii i geriatrii [Resilience as a new concept of gerontology and geriatrics]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya Truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 6, no. 4, pp. 63–86. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_003 (In Russian)
- Kennedy, B., Chen, R., Valdimarsdóttir, U. et al. (2018) Childhood bereavement and lower stress resilience in late adolescence. *Journal of Adolescent Health*, vol. 63, no. 1, pp. 108–114. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2018.02.002> (In English)
- Kotovskaya, S. V. (2015) Rol' sem'i v professional'nom samoopredelenii lits trudnykh professij s raznym urovnem zhiznesposobnosti [The role of the family in the professional self-determination of people in difficult professions with different levels of resilience]. In: A. V. Makhnach, K. B. Zuev (eds.). *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoj Rossii. Vyp. 2. [Family, marriage and parenthood in modern Russia. Iss. 2.]*. Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 215–224. EDN: [UXHCTN](#) (In Russian)

- Kotovskaya, S. V., Mosyagin, I. G., Boyko, I. M. (2019) Usloviya razvitiya zhiznesposobnosti v sfere ekstremal'nykh professiy s pozitsii biopsikhosotsial'nogo podkhoda [Conditions of resilience development in the sphere of extreme professions from the perspective of biopsychosocial approach]. *Morskaya meditsina — Marine Medicine*, vol. 5, no. 4, pp. 84–90. <http://dx.doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90> (In Russian)
- Laktionova, A. I. (2019) Problematika zhiznesposobnosti v publikatsiyakh zhurnala "Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda": professional'nye, sotsial'nye i individual'nye aspekty [The issue of resilience in the publications of the journal Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor psychology: Professional, social and individual aspects]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya Truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol 4, no. 4, pp. 4–31. (In Russian)
- Laktionova, A. I. (2020) Vzaimosvyaz' differentsial'nogo tipa refleksii i komponentov zhiznesposobnosti cheloveka v raznykh vozrastnykh gruppakh [The relationship between the differential type of reflection and the components of resilience in different age groups]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya Truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 193–217. <http://dx.doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008> (In Russian)
- Laktionova, A. I., Makhnach, A. V. (2007) Vliyaniye faktorov zhiznesposobnosti na sotsial'nyuyu adaptatsiyu podrostkov [The influence of resilience factors on social adaptation of adolescents]. In: *Rebenok v sovremennom obshchestve [The child in modern society]*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ., pp. 184–191. EDN: [UAAEJL](https://doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90) (In Russian)
- Li, X., Li, H. (2021) Reliability and validity of the Chinese version of the Revised Walsh family resilience questionnaire. *Annals of Palliative Medicine*, vol. 10, no. 8, pp. 8709–8717. <https://doi.org/10.21037/apm-21-1152> (In English)
- Li, Z., Li, Q. (2024) How social support affects resilience in disadvantaged students: The Chain-Mediating Roles of school belonging and emotional experience. *Behavioral Sciences*, vol. 14, no. 2, article 114. <https://doi.org/10.3390/bs14020114> (In English)
- Liu, Q., Jiang, M., Li, S., Yang, Y. (2021) Social support, resilience, and self-esteem protect against common mental health problems in early adolescence: A nonrecursive analysis from a two-year longitudinal study. *Medicine*, vol. 100, no. 4, article e24334. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000024334> (In English)
- Makhnach, A. V. (2016) Diagnostika zhiznesposobnosti i resursnosti zameshchayushchikh semej kak uslovie profilaktiki otkazov ot priemnykh detej [Resilience and resources' diagnostics of foster families as a condition for the prevention of renouncement of foster children]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya Truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 1, no. 1, pp. 227–253. EDN: [XVOZJH](https://doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90) (In Russian)
- Masten, A. S. (1994) Resilience in individual development: Successful adaptation despite risk and adversity. In: M. C. Wang, E. W. Gordon (eds.). *Educational resilience in inner city America: Challenges and prospects*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 3–25. (In English)
- Masten, A. S. (2019) Resilience from a developmental systems perspective. *World Psychiatry*, vol. 18, no. 1, pp. 101–102. <https://doi.org/10.1002/wps.20591> (In English)
- Masten, A. S., Barnes, A. J. (2018) Resilience in children: Developmental perspectives. *Children*, vol. 5, no. 7, article 98. <https://doi.org/10.3390/children5070098> (In English)
- Mattessich, R. (1982) The systems approach: Its variety of aspects. *Journal of the American Society for Information Science*, vol. 33, no. 6, pp. 383–394. <https://doi.org/10.1002/asi.4630330609> (In English)
- Novoselova, E. N. (2020) K probleme chrezmernogo potrebleniya alkogolya v rossijskikh sem'yakh [To the problem of excessive alcohol consumption in Russian families]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya — Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 4, pp. 142–160. <http://dx.doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-142-160> (In Russian)
- Odintsova, M. A. (2023) Zhiznesposobnost' sem'i v otsenkakh roditelej detej s invalidnost'yu i roditelej zdorovykh detej (pilotnoe issledovanie) [Family resilience in the assessments of parents of children with disabilities and parents of healthy children (pilot study)]. In: D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova et. al. (eds.). *Chelovek, sub'ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovanij. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 90–letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo i 300–letiyu osnovaniya Rossijskoj akademii nauk 12–14 oktyabrya 2023 g. [Man, subject, personality: perspectives of psychological research. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences on October 12–14, 2023.]*. Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 1562–1566. EDN: [UKFECC](https://doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90) (In Russian)
- Okuneva, M. S. (2021) Resursy zhiznesposobnosti zameshchayushchikh roditelej [Resources for the resilience of substitute parents]. In: *Sistema znaniy v voprosakh razvitiya nauki i obrazovaniya [The system of knowledge in the development of science and education]*. Kazan: SitIvent Publ., pp. 166–169. EDN: [RAOGVQ](https://doi.org/10.22328/2413-5747-2019-5-4-84-90) (In Russian)

- Pushkareva, T. V., Levanova, E. A., Gorbenko, I. A. (2018) Zhiznesposobnost' lichnosti kak osnova profilaktiki zavisimogo povedeniya u podrostkov [Personality vitality as the basis for the prevention of addictive behavior in adolescents]. *Perspektivy nauki — Science Prospects*, no. 10 (109), pp. 209–215. EDN: YUUYUP (In Russian)
- Razumovskij, O. S., Khazov, M. Yu. (1998) Problema zhiznesposobnosti system [The problem of system resilience]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*, no. 1, pp. 1–7. (In Russian)
- Reding, K. M., Wijnberg, M. H. (2001) Chronic stress: A conceptual perspective. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, vol. 82, no. 4, pp. 345–354. <https://doi.org/10.1606/1044-3894.187> (In English)
- Rejmers, N. F. (1994) *Ekologiya: Teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy [Ecology: Theories, laws, rules, principles and hypotheses]*. Moscow: Rossiya molodaya Publ., 367 p. (In Russian)
- Rodgers, A. Y. (1998) Multiple sources of stress and parenting behavior. *Children and Youth Services Review*, vol. 20, no. 6, pp. 525–546. [https://doi.org/10.1016/S0190-7409\(98\)00022-X](https://doi.org/10.1016/S0190-7409(98)00022-X) (In English)
- Saporovskaya, M. V. (2016) Mezhpokolennyj koping i zhiznesposobnost' chlenov sem'i [Intergenerational coping and the viability of family members]. In: A. V. Makhnach, L. G. Dikaya (eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty [Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 408–424. EDN: WJKBUH (In Russian)
- Saraeva, N. M., Sukhanov, A. A. (2020) Izuchenie zhiznesposobnosti studentov, prozhivayushchikh v oslozhnennykh usloviyakh zhiznennoj sredy: sotsial'no-psikhologicheskij podkhod [The Study of the Resilience of Students Residing in the Complicated Living Environment Conditions: Socio-Psychological Approach]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" — The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Psychology"*, vol. 33, pp. 59–68. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.59> (In Russian)
- Sardinha, L., Maheu-Giroux, M., Stöckl, H. et al. (2022) Global, regional, and national prevalence estimates of physical or sexual, or both, intimate partner violence against women in 2018. *The Lancet*, vol. 399, no. 10327, pp. 803–813. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02664-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02664-7) (In English)
- Sayed, T., Malan, H., Fourie, E. (2024) Exploring the associations between resilience and psychological well-being among South Africans during COVID-19. *Frontiers in Psychology*, vol. 15, article 1323466. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1323466> (In English)
- Seligowski, A. V., Hill, S. B., King, C. D. et al. (2020) Understanding resilience: Biological approaches in at-risk populations. In: A. Chen (ed.). *Stress Resilience: Molecular and Behavioral*. London: Academic Press, pp. 133–148. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-813983-7.00010-0> (In English)
- Sreenivasulu, M., Prathyusha, V., Ezhumalai, S. et al. (2024) Adverse childhood experiences, coping and resilience in persons with alcohol use disorder and their non-drinking siblings in high-density families: A case-control study. *Indian Journal of Psychological Medicine*, vol. 46, no. 2, pp. 139–146. <https://doi.org/10.1177/02537176231219769> (In English)
- Tkach, E. N., Mendosa Ortega, E. N. (2019) Osobennosti proyavleniya rezilientnosti roditel'ev, vospityvayushchikh detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Peculiarities of the manifestation of the resilience of parents carrying out children with disabilities]. In: T. G. Lukovenko (ed.). *Chelovek s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v obrazovatel'nom prostranstve: razvitie inklyuzivnoj kul'tury i praktiki. Materialy nauchno-prakticheskikh konferentsij "Gumanizatsiya obshchestva — osnova formirovaniya tolerantnogo otnosheniya k lyudyam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya" (24–25 maya 2018 goda) i "Formirovanie aktivnoj zhiznennoj pozitsii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami v inklyuzivnom obrazovanii" (22–23 oktyabrya 2018 goda) [A person with disabilities in the educational space: the development of an inclusive culture and practice. Materials of the scientific and practical conferences "Humanization of society — the basis for the formation of a tolerant attitude towards people with disabilities" (May 24–25, 2018) and "Formation of an active life position of people with disabilities in inclusive education" (October 22–23, 2018)]*. Khabarovsk: Pacific National University Publ., pp. 69–73. EDN: QUIIQ (In Russian)
- Shmal'gauzen, I. I. (1940) *Puti i zakonomernosti evolyutsionnogo protsessa [Ways and patterns of the evolutionary process]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR Publ., 232 p. (In Russian)
- Ungar, M. (2018) Systemic resilience: Principles and processes for a science of change in contexts of adversity. *Ecology and Society*, vol. 23, no. 4, article 34. <https://doi.org/10.5751/ES-10385-230434> (In English)
- Ungar, M., Theron, L., Höltge, J. (2023) Multisystemic approaches to researching young people's resilience: Discovering culturally and contextually sensitive accounts of thriving under adversity. *Development and Psychopathology*, vol. 35, no. 5, pp. 2199–2213. <https://doi.org/10.1017/S0954579423000469> (In English)
- Vasyuk, A. G. (2021) Rezilientnost' i adaptatsiya k voinskoj sluzhbe [Resilience and adaptation to military service]. *Vestnik Luganskoj akademii vnutrennikh del imeni E. A. Didorenko — The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs Named by E. A. Didorenko*, no. 1 (10), pp. 153–161. EDN: LNNTNH (In Russian)
- Walsh, F. (2012) Family resilience: Strengths forged through adversity. In: F. Walsh (ed.). *Normal family processes: Growing diversity and complexity*. 4th ed. New York: Guilford Press, pp. 399–427. (In English)
- Zhao, J., Cui, H., Zhou, J., Zhang, L. (2023) Influence of home chaos on preschool migrant children's resilience: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1087710. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1087710> (In English)

Сведения об авторе

Александр Валентинович Махнач, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт психологии Российской академии наук
SPIN-код: [8139-9820](#), Scopus AuthorID: [6602510315](#), ResearcherID: [D-2184-2014](#), ORCID: [0000-0002-2231-1788](#),
e-mail: makhnach@ipran.ru

Author

Alexander V. Makhnach, Doctor of Sciences (Psychology), Deputy Director for Science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
SPIN: [8139-9820](#), Scopus AuthorID: [6602510315](#), ResearcherID: [D-2184-2014](#), ORCID: [0000-0002-2231-1788](#),
e-mail: makhnach@ipran.ru

УДК 159.9.072

EDN BFTPNF

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-412-431>

Научная статья

Ресурсы современного материнства: систематическое обзорное исследование зарубежной литературы

М. А. Коргожа ^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Для цитирования: Коргожа, М. А. (2024) Ресурсы современного материнства: систематическое обзорное исследование зарубежной литературы. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 412–431.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-412-431> EDN BFTPNF

Получена 20 августа 2024; прошла рецензирование 22 сентября 2024; принята 30 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. А. Коргожа (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты систематического обзорного исследования зарубежной литературы, посвященной проблеме ресурсов современного материнства. Содержание и состояние как общих психологических ресурсов матерей, так и специфических ресурсов материнства — ключевые факторы качественной адаптации женщины к материнству и конструктивного совладания с повседневными трудностями родительства.

Материалы и методы. Осуществлено систематическое обзорное исследование публикаций за 2004–2024 годы по методологии scoring review с применением русскоязычного чек-листа PRISMA-ScR и критериев соответствия по модели PCC. Проведен двухэтапный поисковый запрос с использованием ключевого словосочетания “maternal personal resources” и связанных ключевых слов, определенных дополнительно посредством библиометрического анализа. Поиск, отбор и анализ содержания зарубежных научных публикаций осуществлялся в базах данных PubMed, Scopus, Bielefeld Academic Search Engine и Crossref.

Результаты. По результатам обзорного исследования 172 статей выявлен фокус внимания зарубежных исследователей к этапам перехода женщины к материнству и адаптации к материнской роли. Возраст женщины, оптимальное состояние ее физического и психического здоровья, приемлемые для содержания ребенка финансовые и жилищные условия семьи и т. д. являются объективными внешними ресурсами современных матерей. Показана значимость помощи и поддержки женщины со стороны партнера, семьи и ближайшего окружения как важного социального ресурса матери. Среди актуальных для материнства личностных ресурсов женщин специалисты выделяют локус контроля, жизнестойкость, самоэффективность и толерантность к неопределенности. К специфическим ресурсам материнства относятся материнская идентичность, резильентность и материнская самоэффективность.

Заключение. Результаты исследования показали отсутствие единой концептуальной модели в изучении ресурсов материнства, а также диспропорциональность исследовательского интереса в оценке ресурсов матерей на разных этапах материнства. Результаты обзора могут быть использованы для определения актуальных целей и методологии перспективных эмпирических психологических исследований ресурсов материнства.

Ключевые слова: психология материнства, психологические ресурсы личности, психологические ресурсы материнства, адаптация к материнству, материнская идентичность, материнская резильентность, материнская самоэффективность

The resources of modern motherhood: A systematic scoping review of foreign studies

M. A. Korgozha ¹

¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

For citation: Korgozha, M. A. (2024) The resources of modern motherhood: A systematic scoping review of foreign studies. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 412–431. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-412-431> EDN BFTPNF

Received 20 August 2024; **reviewed** 22 September 2024; **accepted** 30 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. A. Korgozha (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The article contains a systematic scoping review of foreign studies on modern motherhood resources. The content and condition of the general psychological resources of mothers and the specific resources of motherhood are among the key factors of a woman's qualitative maternal adaptation and her constructive coping with the daily difficulties of parenthood.

Materials and Methods. The systematic scoping review of publications for 2004–2024 was carried out using the Russian-language PRISMA-ScR checklist and compliance criteria according to the PCC model. A two-stage search query was conducted using the keywords 'maternal personal resources' and related keywords determined through an additional bibliometric analysis. The search for, selection and content analysis of foreign scientific publications was carried out in the databases Scopus, PubMed, Bielefeld Academic Search Engine and Crossref.

Results. The review of 172 articles showed that foreign researchers focus on the stages of a woman's transition to motherhood and her adaptation to the maternal role. The objective external resources of mothers include a woman's age, the optimal state of her physical and mental health, the financial and living conditions of the family which are acceptable for child raising, etc. The article shows the importance of the help and support of a woman from a partner, family and close environment as an important social resource of the mother. Women's personal resources which are relevant to motherhood include the locus of control, resilience, self-efficacy and tolerance to uncertainty. The specific resources of motherhood include maternal identity, resilience and maternal self-efficacy.

Conclusions. The study showed that there is no unified conceptual model in the research of maternity resources. It was also shown that different stages of motherhood receive disproportionately different amount of interest from scholars studying maternal personal resources. The results of the review can be used to determine the goals and methodology of prospective empirical psychological research on motherhood resources.

Keywords: psychology of motherhood, personal resources, maternal personal resources, maternal adaptation, maternal identity, maternal resilience, maternal self-efficacy

Введение

Изучение вопросов формирования и развития материнской сферы — междисциплинарная область интересов как отечественных, так и зарубежных исследователей. Глубокое понимание факторов, влияющих на психологическую готовность женщины к рождению ребенка, на развитие ее чувствительности к потребностям ребенка, на способность своевременно и качественно осуществлять уход за ним, требует системного подхода к анализу всех аспектов материнского функционирования. Для решения этих вопросов одним из наиболее перспективных в психологи-

ческих исследованиях является ресурсный подход (Леонтьев 2016; Моспан, Леонтьев 2022; Стреленко 2023; Филиппова 2020; Wells et al. 1997). В последние годы среди отечественных и зарубежных исследований реализовывалось значительное количество научно-исследовательских проектов по изучению личностных и семейных ресурсов матерей с фокусом внимания на ситуацию воспитания ребенка с нарушениями здоровья или развития. При этом вопрос выявления специфических ресурсов самого материнства остается слабо изученным (Филиппова 2020).

В современной психологической науке существует несколько подходов в применении

понятия «ресурсы человека». В широком смысле оно обозначает совокупность доступных человеку актуальных жизненных возможностей, позволяющих с относительным качеством справляться с повседневными жизненными обстоятельствами, реализовывать определенную деятельность и преследовать индивидуальные цели в жизни. Раскрытию содержания психологических аспектов различных ресурсов человека, а также анализу возможностей управления ими посвящено большое количество работ отечественных ученых. В частности, описанию понятий психических и психологических ресурсов посвящены работы Б. Ф. Ломова, Л. И. Анцыферовой, О. Г. Власовой, К. Р. Капиевой, С. Л. Соловьевой и многих других. (Ананьева и др. 2017; Власова 2006; Журавлев, Харламенкова 2009; Капиева 2015; Соловьева 2010). В научных трудах Д. А. Леонтьева раскрывается содержание психологических ресурсов устойчивости и саморегуляции личности, а также обосновывается выделение обособленного понятия личностного потенциала (Леонтьев 2016). Изучение ресурсов человека в контексте его адаптационных способностей отражено в исследованиях А. Г. Маклакова, Ю. М. Забродина, Т. С. Кабаченко, Л. А. Александровой и других (Александрова 2011; Кабаченко 2006; Маклаков, Сидорова 2011). Вопросы классификации и иерархии психологических ресурсов рассматривались в работах Н. Е. Водошняковой, Ю. В. Постыляковой, М. В. Рагулиной (Водошнякова 2011; Постылякова 2005; Рагулина, Сивенков 2021). Особое внимание исследователей уделяется проблеме семейных ресурсов и ресурсности родительства (Залужная, Заярная 2019; Захарова 2015; Махнач, Лактионова 2021; Семенова и др. 2022; Филиппова 2020; Шульга 2017).

В зарубежных исследованиях лидирующее положение занимает подход, рассматривающий ресурсы человека в ситуации совладания с различными жизненными обстоятельствами. В своих исследованиях С. Хобфолл, С. Фолкман, А. Бандура, И. Диенер и многие другие специалисты с разных позиций использовали ресурсный подход для изучения вопросов совладания человека со стрессом (Bandura 1991; Diener 1984; Folkman 2007; Hobfoll 2002). При этом исследователи также предпринимали попытки разработать классификации ресурсов и объективные методы диагностики их содержания и состояния (Wells et al. 1997). Различные авторы выделяют субъективные (внутренние) ресурсы человека, к которым относят физиологические ресурсы организма и личностные ресурсы (локус контроля, толерантность к неопределенности,

жизнестойкость, самоэффективность и пр.), а также объективные (внешние) ресурсы — материальные блага и различные жизненные обстоятельства человека. Обособленной группой являются социальные ресурсы, которые представляют собой сочетание объективных и субъективных аспектов социальных отношений человека (социальные роли, принадлежность к различным сообществам и пр.). Сталкиваясь с различными стрессовыми обстоятельствами, индивидум обращается к актуальным ресурсам для быстрой и качественной адаптации к сложившейся ситуации и для сохранения определенного качества жизни.

Ситуация рождения ребенка, адаптация к материнству и достижение женщиной материнской идентичности сопряжены с высокой стрессовой нагрузкой, требующей обращения к различным доступным ресурсам для ее преодоления. Материнство имеет большое внутреннее значение для женщин и выходит за рамки простой фертильности (Hadadi et al. 2011; Oh, Palk 2003). Вынашивание ребенка приводит мать к необходимости принятия фундаментальных изменений в ее когнитивных, эмоциональных, социально-ролевых и поведенческих функциях (Bailey 2010; Khalesi et al. 2021). На все эти изменения могут влиять объективные жизненные обстоятельства женщины, такие как состояние здоровья, социальный статус, юридические и экономические условия жизни, а также различные психологические условия: актуальные ценности и смыслы, готовность к рождению ребенка и материнству в целом (Guedes, Canavarro 2015).

С учетом актуальности и растущего интереса ученых к вопросу ресурсов материнства целью настоящего обзорного исследования стал поиск и систематизация результатов современных зарубежных исследований, изучающих как общие психологические ресурсы матерей, так и специфические ресурсы материнства. Важной задачей исследования также было выявление перспективных направлений для психологических исследований ресурсов материнской сферы.

Материалы и методы исследования

Было осуществлено систематическое обзорное исследование по методологии *scoping review* (ScR). При проведении исследования использовался адаптированный русскоязычный чек-лист PRISMA-ScR (Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses Extension for Scoping Reviews) (Кулакова и др. 2021). Протокол

обзорного исследования разрабатывался в процессе первичного поискового запроса и отбора научных публикаций с использованием ключевого словосочетания “maternal personal resources”. Регистрация и публикация протокола обзорного исследования не осуществлялась. Для определения критериев соответствия использовалась рекомендованная для ScR модель PCC — Population (участники/популяция), Concept (концепция/понятие), Context (контекст). Участники — женщины, концепция — психологические ресурсы человека, контекст — ситуация рождения ребенка, уход и воспитание детей. Поиск, отбор и анализ содержания зарубежных научных публикаций осуществлялись в базах данных PubMed, Scopus, Bielefeld Academic Search Engine и Crossref. В обзор включались научные статьи, опубликованные на английском языке в период с 2004 по 2024 год.

Предварительный анализ зарубежных и отечественных исследований, изучающих психологические ресурсы матерей, показал существенные различия подходов к определению понятий «психических ресурсов» и «психологических ресурсов», «психологических ресурсов личности» и «психологических ресурсов материнства» и т. п. Различия в терминологии ресурсного подхода в психологических исследованиях отечественных и зарубежных авторов требуют отдельного тщательного анализа и описания. Для первичного поискового запроса научных публикаций по теме современных ресурсов материнства был выбран наиболее часто используемый в публикациях термин “maternal personal resources”. Он отражает различные психологические ресурсы матерей и включает в себя как общие психологические ресурсы личности человека, так и специфические ресурсы материнской сферы женщины, которые актуализируются у матери в ситуации рождения ребенка.

Первичный поисковый запрос с указанным выше ключевым словосочетанием позволил определить семантическое поле понятий, используемых в зарубежных публикациях в широкой тематике исследований ресурсов материнства. Данные понятия были использованы во вторичном поисковом запросе, описанном далее более подробно. На первичном этапе обзорного исследования дополнительно осуществлялся библиометрический анализ с использованием программного инструмента для построения и визуализации библиометрических сетей “VOSviewer 1.6.20”. Для данного анализа использовались материалы 11176 научных публикаций базы данных PubMed в период

с 2004 по 2024 год с применением ключевого словосочетания “maternal personal resources”. По результатам программного анализа были определены пять кластеров ключевых слов (рис. 1): 1) красный кластер, условно обозначенный как “Maternal Health Services”, охватывал термины, связанные с организацией медицинской помощи в ситуации рождения ребенка и с поддержкой здоровья матерей; 2) зеленый кластер “Pregnancy&Infant” фокусировался на ключевых словах гестационного и послеродового периодов; 3) синий кластер “Parenting” представлял спектр терминов, связанных с родительством, социальными и личностными психологическими ресурсами родителей; 4) желтый кластер “Care&Exposure” объединял термины, связанные с обеспечением заботы и ухода за детьми (кормление, обучение, организация развивающей среды и пр.); 5) фиолетовый кластер “Disease” был сфокусирован на специализированных терминах различных заболеваний матерей (коронавирусная инфекция, ВИЧ, преэклампсия и пр.) и детей (врожденная патология, недоношенность, инфицирование в период новорожденности и младенчества и пр.). Разнообразие связей ключевого словосочетания “maternal personal resources” с социологическими, педагогическими и медицинскими терминами указывает на его многопрофильность и в целом на актуальность темы психологических ресурсов матерей. Примечателен результат, указывающий на тесную связь термина психологических ресурсов матерей с темой беременности и младенчества, которая четко очерчивает круг интересов исследователей в рамках перинатального периода. Результаты основного этапа систематического обзорного исследования также подтвердили актуальность исследований психологических ресурсов матерей и материнства в целом в фокусе ситуации рождения ребенка и адаптации к материнству. Важно отметить, что за последние 20 лет пик активности исследовательского интереса к теме психологических ресурсов матерей пришелся на период с 2016 по 2018 год, при этом с 2020 года по настоящее время данная тематика изучается учеными в тесной связи с вниманием к проблеме грудного вскармливания, к последствиям пандемии и различным локальным военным конфликтам. В соответствии с итогами кластеризации ключевых слов в настоящем обзорном исследовании фокус внимания был направлен на анализ спектра терминов синего кластера “Parenting” как наиболее тесно связанного с целью данного исследования.

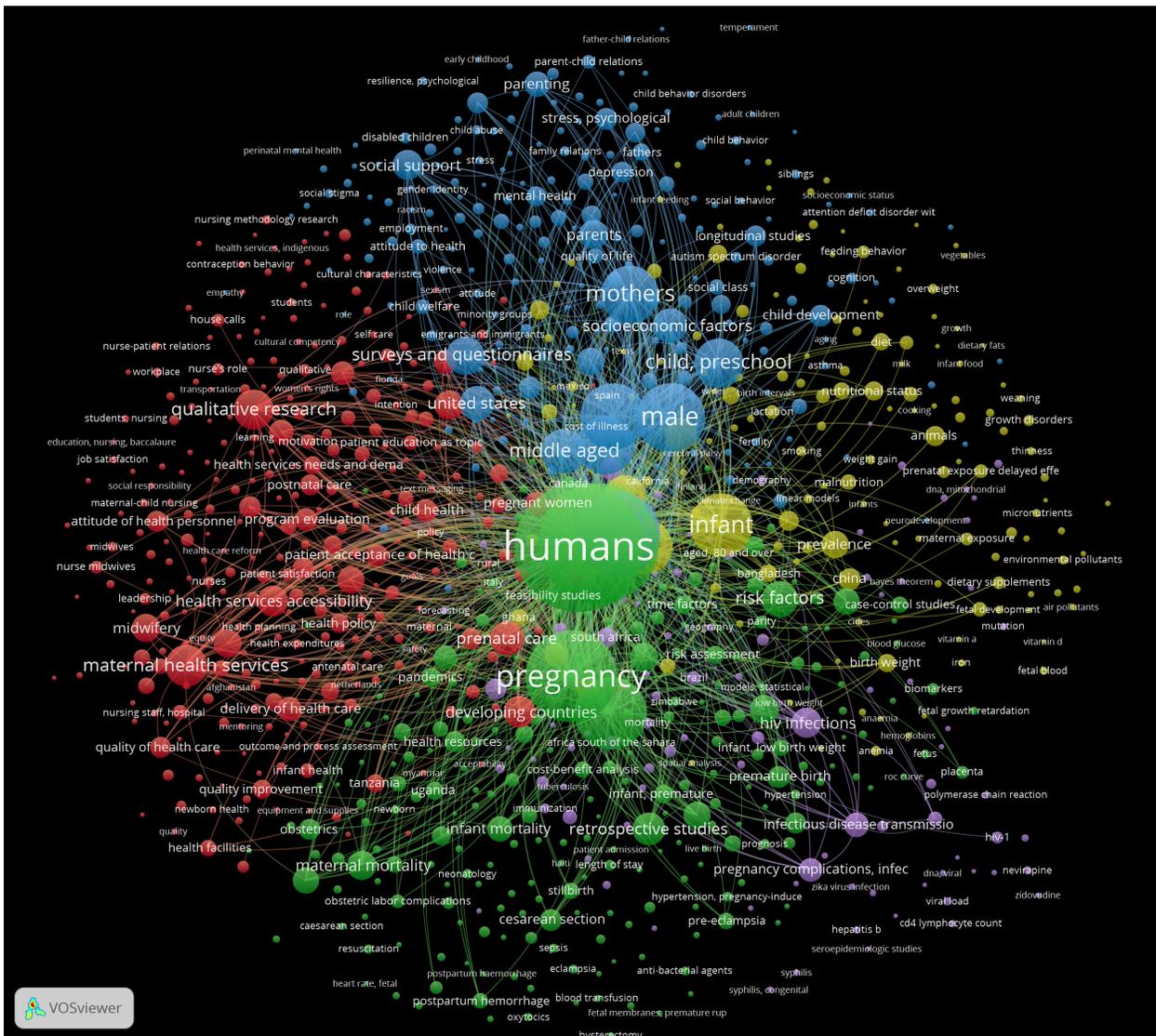

Рис. 1. Кластеризация ключевых слов “maternal personal resources” публикаций за 2004–2024 годы

Fig 1. Clustering of the keywords ‘maternal personal resources’ in publications for 2004–2024

Вторичный поисковый запрос был осуществлен по ключевым словам «“maternal personal resources” or “parenting” and “resources” or “transition to motherhood” or “maternal adaptation” or “maternal role adaptation” or “maternal identity” or “maternal self-perceptions” or “maternal self-confidence” or “maternal self-efficacy” or “maternal resilience”». Поиск выполнялся с использованием инструментов поиска с учетом морфологии слов, а также автоматизированных ограничений по дате публикации. Таким образом, в обзорное исследование вошли 172 статьи, из них 139 оригинальных исследований (в том числе эмпирических исследований с применением стандартизированных психодиагностических методов, а также анкетных опросов и интервьюирования), 17 обзоров литературы, 12 статей-мнений экспертов и 4 описания клинических случаев.

Результаты и их обсуждение

Объективные и социальные ресурсы современных матерей

Зарубежные исследования последних 10 лет рассматривают некоторые объективные ресурсы матерей, сталкивающихся с различными трудностями родительства и повседневной жизни, в качестве основных предпосылок конструктивного совладания со стрессом. Оптимальное состояние физического и психического здоровья, приемлемые для содержания ребенка финансовые и жилищные условия, наличие официального трудоустройства и декретного отпуска в соответствии с действующим законодательством, а также наличие высшего образования у матери — объективные внешние

ресурсы матерей, содействующие позитивному решению различных трудностей родительства (Basnet et al. 2020; Khaledi et al. 2021). Важно отметить, что фактор семейного статуса (наличие официально зарегистрированного брака с партнером) редко рассматривается зарубежными исследователями как ресурс, а качество партнерских отношений оценивается в комплексе всех социальных ресурсов матерей (Seo et al. 2020). Результаты исследований различных лет подтверждают довольно очевидную гипотезу о позитивном влиянии поддержки со стороны партнера, семьи, ближайшего окружения и общества в целом как социального ресурса на психическое здоровье, благополучие и качество жизни женщин на различных этапах своего материнства (Erbaba, Pinar 2021; Tani, Castagna 2017). Значение данного ресурса также исследовалось в контексте эффективности лечения депрессии у матерей, в том числе послеродовой депрессии (Levinson et al. 2022).

Более старший возраст матери при рождении ребенка рассматривается исследователями как ресурс, несмотря на потенциальные риски для здоровья матери и ребенка в ситуации родов в позднем репродуктивном возрасте (Chang, Fine 2007; Guedes, Canavarro 2015). Возраст матери оценивается как индикатор личностной зрелости и показатель более высокой психологической готовности женщины к материнству. С логикой этих выводов также согласуются результаты исследования материнской сферы несовершеннолетних матерей. Было показано, что для них характерна низкая материнская самооффективность и затрудненная адаптация к материнству, обосновывающие необходимость поддержки семьи со стороны специалистов ранней помощи (Hables, Hassan 2020).

Вопрос о различиях в актуальных ресурсах женщин, впервые ставших матерями, и женщин, имеющих опыт материнства, остается дискуссионным и слабо изученным (Noy et al. 2015). В 2023 году С. Ялсинтас и А. Пайк изучали различные ресурсы матерей, ожидающих рождение второго ребенка, и выявили, что субъективно более спокойный характер старшего ребенка, хорошее самочувствие матери, оптимальное внутрисемейное функционирование и поддержка членов семьи в уходе за старшим ребенком тесно связаны с более позитивным качеством отношений в диаде «мать — дитя», более высоким уровнем ресурсности и удовлетворенности материнством у женщин (Yalcintas, Pike 2023).

Поддержка грудного вскармливания детей первого года жизни рассматривается некоторыми специалистами как фактор с высоким

ресурсным потенциалом для матерей, однако, она может требовать некоторой помощи специалистов и индивидуального рассмотрения актуальной жизненной ситуации женщины и ее семьи (Basnet et al. 2020; Crossland et al. 2020; Dennis, McQueen 2009).

Личностные ресурсы матерей

Из всего многообразия личностных ресурсов матерей в фокусе внимания зарубежных исследователей чаще всего оказываются локус контроля, толерантность к неопределенности, самооффективность и жизнестойкость. Локус контроля рассматривается специалистами как важный психологический ресурс женщин, содействующий адаптации к материнству. Выявлено, что внутренний локус контроля служит фактором защиты психического здоровья матери в послеродовом периоде, при этом внешний локус контроля связан с послеродовым дистрессом и депрессией (Keeton et al. 2008; Penacoba-Puente et al. 2016). Толерантность к неопределенности также вызывает интерес исследователей в связи с вопросом содействия в адаптации к материнству. Для женщины стать матерью само по себе предполагает переход от известной реальности к неизвестной. Даже в случаях, когда женщина имеет опыт рождения ребенка, вопросы воспитания, взаимодействия и выстраивания взаимоотношений с несколькими детьми также представляют собой новую реальность, к которой ей необходимо приспособиться (Kestler-Peleg, Lavenda 2021). Проведенный М. Хажур и соавторами систематический обзор особенностей психического здоровья беременных женщин показал, что толерантность к неопределенности относится к наиболее распространенным позитивным факторам высокой жизнестойкости женщин в перинатальном периоде (Hajure et al. 2024). Такие личностные ресурсы матерей, как самооффективность и жизнестойкость (резильентность), подробно изучались зарубежными специалистами в течение последних лет и будут рассмотрены далее в фокусе внимания к специфическим ресурсам материнства.

Переход к материнству и адаптация к материнской роли

Изучение вопросов актуальных ресурсов женщины при рождении и воспитании ребенка и ресурсности материнства в целом зарубежные исследователи осуществляют в тесной связи с рассмотрением процессов перехода к материнству (“transition to motherhood” и “maternal transition”), а также адаптации к материнству

и к исполнению роли матери (“maternal adaptation” и “maternal role adaptation”). Переход к материнству представляет собой комплекс физических, психологических и социальных изменений, а также изменений в системе отношений личности женщины, которые происходят по завершении беременности и фактическому рождению ребенка (Cronin-Fisher, Parcell 2019; Müller et al. 2019; Spector, Cinamon 2017). В 2022 году В. Хуанг и соавторы провели теоретическое исследование данного феномена и выделили структурные компоненты перехода к материнству: 1) физический компонент (“physical dimension”), раскрывающий процесс адаптации женщины к физическим изменениям в организме после беременности и родов; 2) психологический компонент (“psychological dimension”), включающий в себя процесс переживания женщиной различных позитивных и негативных психологических изменений (переживание радости, удовольствия, тревоги, одиночества и т. д.); 3) социальный компонент (“social dimension”), раскрывающий процесс изменения у женщины социального восприятия себя как «чьей-то матери»; 4) компонент отношений (“relational dimension”), отражающий процесс формирования и развития отношений с ребенком, а также переосмысления и изменения отношений с партнером, семьей и ближайшим окружением в контексте новой роли матери (Hwang et al. 2022). Качественные показатели перехода к материнству оказывают влияние на степень достижения женщиной материнской идентичности и на уровень материнской самооффективности (Camberis et al. 2014).

В современных работах зарубежных исследователей изучение вопроса перехода к материнству сопряжено с рассмотрением понятия «адаптации к материнству», предполагающего осмысление и ответственное принятие женщиной материнской роли, которая осознается путем достижения новой идентичности и проявляется путем формирования определенного материнского поведения (Kearvell, Grant 2010; Mercer 2004). Успешная адаптация к роли матери приводит к повышению самооценки у женщины и к удовлетворенности ее способностями в уходе за ребенком, что качественным образом отражается на личностных ресурсах матери (Lemmens et al. 2021; Rajabi et al. 2018). Успешная адаптация к материнской роли находится в тесной взаимосвязи с состоянием личностных и социальных ресурсов женщины. Так, на адаптацию позитивно влияет социальная поддержка женщины в сочетании с развитым умением матери противостоять навязанным со стороны

общества иррациональным социальным установкам в вопросах ухода и воспитания ребенка (Erbaba, Pinar 2021; Leahy-Warren et al. 2012). По мнению исследователей, процесс адаптации к материнству начинается во время беременности и продолжается после родов, что требует от женщины обращение к актуальным для нее ресурсам (Ahn et al. 2021). Специфическими для этого периода ресурсами можно считать достижение женщиной материнской идентичности и самооффективность.

Материнская идентичность, самооффективность и материнская резильентность

Под материнской идентичностью (“maternal identity” и “maternal self-perceptions”) понимается внутреннее чувство компетентности женщины в материнской роли и в знаниях о своем ребенке (Абдулаева, Коргожа 2024; Shrestha et al. 2019). Материнская идентичность достигается женщиной за счет самоанализа по трем показателям: 1) качество эмоциональной привязанности к ребенку; 2) компетентность в роли матери; 3) чувства самореализации при взаимодействии с ребенком и удовлетворения от материнства в целом (Law et al. 2019; Mendes et al. 2011; Mercer 2004). Большинство женщин обретают материнскую идентичность в течение четырех месяцев после родов (Mercer 2004). Достижение идентичности может быть значительным ресурсом в совладании матери с различными стрессовыми факторами в ситуациях ухода и воспитания ребенка. Подавляющее большинство исследований ресурсного потенциала материнской идентичности сводится к изучению особенностей совладания матерей с ситуацией болезни и/или нарушения в развитии ребенка в разные возрастные периоды (Tifferet et al. 2010). Так, матери недоношенных детей сталкиваются со значительными проблемами в адаптации к материнству и достижении материнской идентичности в первые полгода после рождения ребенка, а также испытывают выраженные симптомы тревоги, депрессии и травматического стресса (Abed et al. 2024; Erbaba, Pinar 2021; Forcada-Guex et al. 2011; Rozen et al. 2018; Sohrabi et al. 2021). При этом другие исследования показали отсутствие различий в материнской самооффективности в течение первого года жизни ребенка у матерей недоношенных детей и матерей детей, рожденных в срок (Crossland et al. 2020; Havizari, Mirgha-fourvand 2019).

В зарубежных исследованиях рассматриваются различные факторы, влияющие на материнскую

идентичность: возраст матери, восприятие опыта родов, качество социальной поддержки и личностные особенности, влияющие на процесс адаптации к материнству и повседневное функционирование женщины в роли матери (Perun 2020). Специфическими факторами, влияющими на материнскую идентичность, специалисты считают опыт собственных детско-родительских отношений у женщины, качество ее отношений с партнером, опыт общения с детьми разных возрастов, а также общие социокультурные особенности ближайшего окружения матери (Macintosh, Callister 2015; Rafii et al. 2020).

Качество достижения материнской идентичности рассматривается исследователями в фокусе оценки материнской самоэффективности (“maternal self-confidence” и “maternal self-efficacy”), которая определяется как уверенность матерей в своей способности заботиться о своих детях и понимать их нужды и потребности (Matthies et al. 2017). Материнская самоэффективность оценивается специалистами как обособленный от общей самоэффективности личности специфический психологический ресурс женщины в ситуации рождения ребенка. Она влияет на материнское поведение и убеждения, на основе которых женщина выбирает определенные методы воспитания (Tognasso et al. 2022). Мать основывает свое чувство эффективности на восприятии собственной способности понимать, планировать и выполнять действия, связанные с обеспечением заботы о своем ребенке (Samdan et al. 2022). Женщины с высокой материнской самоэффективностью более чувствительны и менее директивны по отношению к своим детям (Azmodou et al. 2014; Leahy-Warren et al. 2012). Материнская самоэффективность, будучи специфическим ресурсом материнства, способствует развитию у женщин конструктивных стратегий материнского совладания (Shafaie et al. 2017). В исследованиях отмечается, что на качество материнской самоэффективности женщин влияют успешность грудного вскармливания, а также некоторые аспекты родительской компетентности, например, позиционирование ребенка при кормлении, купании и в других естественных жизненных ситуациях (Aydemir, Onan 2020; Jesberger и др. 2021; Kadiroğlu, Güdücü Tüfekci 2022; Sönmez, Mamuk 2021).

Интерес исследователей к вопросу материнской самоэффективности связан с попыткой оценить ее влияние на психическое здоровье женщин. Низкий уровень материнской самоэффективности и низкая удовлетворенность

материнством значительно повышают риск развития послеродовой депрессии у женщин в первые месяцы после рождения ребенка (Dinni, Ardiyanti 2020; Dlamini et al. 2023; Reck et al. 2012). Низкая оценка собственной материнской компетентности также негативно влияет на развитие привязанности в диаде «мать — дитя» (Zietlow et al. 2014). При этом в лонгитюдном исследовании матерей годовалых детей не было доказано наличие связи между уровнем самоэффективности матери и какими-либо эффектами, влияющими на развитие ребенка и его благополучие (Chasson, Taubman-Ben-Ari 2023).

Сталкиваясь с вопросом изучения материнской компетентности, зарубежные авторы зачастую направляют свой исследовательский интерес в область изучения совладания с родительским стрессом. Так, в качестве обособленного психологического ресурса матерей выделяют материнскую резильентность (“maternal resilience”). В большинстве исследований материнская резильентность и общая резильентность женщины как личностный ресурс, изученный в контексте рождения ребенка, рассматриваются в качестве синонимичных понятий (Alves et al. 2021; Zlotnick, Manor-Lavon 2023). Однако некоторые авторы, такие как Л. Барейтсер и А. Ноак, указывают на обособленность данного понятия и определяют материнскую резильентность как способность матерей преодолевать сложности родительского опыта самого по себе в различные возрастные периоды своих детей (Baraitser, Noack 2007; SmithBattle, Phengnum 2023). При этом авторы отмечают, что материнская резильентность должна рассматриваться в структуре общей жизнестойкости женщины.

Исследования показывают, что высокий уровень материнской резильентности связан с более низким риском развития послеродовой депрессии у первородящих и повторнородящих женщин (Baraitser, Noack 2007; Mautner et al. 2022). В течение последних 5 лет зарубежные авторы направляли свое внимание на изучение проблемы резильентности матерей, воспитывающих детей с различными нарушениями здоровья и развития: детей с шизофренией (Khodabakhshi-Koolae, Manoochehri 2023), с аутизмом (Güçlü, Enüstün Hürmeydan 2024; Manicacci et al. 2019), с задержкой психического развития, а также с различными эмоциональными и поведенческими нарушениями (McLean, Halstead 2021; Zhang et al. 2023). Высокий уровень жизнестойкости женщины и ее материнской резильентности, а также наличие различных социальных ресурсов позволяют

ей с лучшим качеством преодолевать трудности ухода и воспитания ребенка с различными нарушениями здоровья.

Психологические ресурсы женщин на различных этапах материнства

Как уже указывалось ранее, интерес исследователей в области изучения ресурсов матерей в основном сосредоточен на ситуации рождения ребенка, в период перехода к материнству и адаптации женщины к материнской роли. При этом вопрос актуальных ресурсов матерей рассматривался зарубежными исследователями при изучении различных психологических особенностей детей дошкольного и школьного возраста (Agbaria, Mahamid 2023). Так, в 2008 году М. Аль-Ягон провел исследование взаимодействия матерей и детей в возрасте 8–11 лет, в котором изучались некоторые копинг-ресурсы матерей, сформированные на основе переживания чувств и ощущений собственной родительской компетентности, привязанности, социального и эмоционального одиночества (Al-Yagon 2008). Было показано, что позитивная оценка собственной родительской компетентности, опыт доверительных и близких отношений с собственными родителями положительно влияет на социально-эмоциональную адаптацию и поддержку безопасной привязанности у детей школьного возраста. При этом удовлетворенность матери своими социально-эмоциональными отношениями с окружающими (наличие или отсутствие чувства одиночества) значимо не влияли на качество адаптации ее ребенка. В 2007 году Л. Уолкер и С. Ченг в своем исследовании показали, что низкий уровень эмпатии и самоофективности матерей связан с проблемами адаптации у детей в дошкольном возрасте (Walker, Cheng 2007).

Слабоизученным и актуальным остается вопрос трансформации ресурсов материнской сферы у женщин при переходе в статус бабушки. Установлено, что уровень образования женщины, особенности самооценки и самоофективности, а также степень включенности в процесс ухода и воспитания внука тесно связаны с психическим здоровьем и личностным ростом бабушки (Shlomo et al. 2010). Переход женщины в новый статус бабушки считается исследователями нормативным жизненным событием и закономерным этапом развития материнской сферы, при этом способным вызвать как положительные, так и отрицательные эмоции и переживания, требующие актуализации различных психологических ресурсов (Noriega et al. 2022).

Современные возможности диагностики ресурсов материнства и перспективы дальнейших исследований

Для практики зарубежных психологов доступно крайне мало специфических диагностических методов, оценивающих содержание и качество ресурсов материнской сферы женщин. На основе предложенного Р. Рубин и Р. Мерсер определения понятия материнской идентичности был разработан метод психологической диагностики качества ее достижения — The Maternal Role Attainment Scale Form B (MRAS-Form B), который был в дальнейшем модифицирован и назван The Maternal Identity Scale (Mercer 2004; Rubin 1984). Оба варианта этого метода используются в эмпирических исследованиях с участием беременных женщин, а также матерей различных возрастных групп в разные периоды адаптации к материнству (Kim, Hong 1996; Panthomas, Kittipichai 2019). Однако метод не получил широкого применения. В зарубежных исследованиях также используется метод оценки материнской самоофективности — The Maternal Confidence Questionnaire (MCQ). Данный опросник стал более популярным и имеет девять языковых версий (Badr 2005; Zahr, Cole 1991). Он нашел практическое применение в исследованиях с участием матерей младенцев, находящихся в отделениях интенсивной терапии (Alinejad-Naeini et al. 2023; Keepanasseril et al. 2023). Задача разработки и апробации достоверных психодиагностических методов оценки состояния и качества ресурсов материнской сферы до сих пор остается актуальной, но не решенной.

Результаты обзорного исследования показали, что интересным и перспективным направлением в изучении вопросов ресурсов материнства является проблема материнской идентичности и самоофективности у женщин после участия в программах вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе в программах донорства и суррогатного материнства. Также для изучения важен и актуален вопрос материнской идентичности и самовосприятия у женщин после перинатальной утраты (Erato et al. 2022; Rossen et al. 2023).

Выводы

Систематическое обзорное исследование показало активный исследовательский интерес зарубежных специалистов к проблеме ресурсов современного материнства. Несомненно, требует отдельного внимания изучение результатов отечественных исследований психологических ресурсов российских матерей и сопоставление

полученных выводов с обзором зарубежных исследований. Ввиду выраженности различий в терминологии и методологии зарубежных и отечественных исследований такое сравнение крайне проблематично выполнить в рамках единого протокола систематического обзорного исследования.

Результаты обзорного исследования ресурсов материнства показали фокус внимания зарубежных исследователей к периоду перехода женщины к материнству и адаптации к материнской роли. Возраст как фактор личностной зрелости женщины, оптимальное состояние физического и психического здоровья, приемлемые для содержания ребенка финансовые и жилищные условия семьи, наличие у женщины официального трудоустройства и декретного отпуска в соответствии с действующим законодательством, а также наличие высшего образования у матери — объективные внешние ресурсы матерей, содействующие позитивному решению различных трудностей родительства. Особое значение как важный социальный ресурс матери имеют помощь и поддержка со стороны партнера, семьи и ближайшего окружения. Среди актуальных для материнства личностных ресурсов женщины специалисты выделяют локус контроля, жизнестойкость, самоэффективность и толерантность к неопределенности.

К специфическим ресурсам материнства зарубежные исследователи относят материнскую идентичность, самоэффективность, и резильентность, которые оказывают значительное влияние на процесс адаптации женщины к материнской

роли. Перспективным общим направлением исследований является изучение ресурсности самого материнства как способности и возможности женщины получать психологические ресурсы при реализации материнских функций. Важной задачей в научных исследованиях может стать разработка методов диагностики содержания и состояния психологических ресурсов матерей и обоснование с их помощью мер психологической помощи и поддержки женщин на различных этапах материнства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Исследование одобрено Локальным этическим комитетом ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России (протокол № 38/02 от 26 апреля 2024г.).

Ethics Approval

The study was approved by the Ethics Committee of Saint Petersburg State Pediatric Medical University of the Ministry of Health of Russia (minutes no. 38/02 of 36 April 2024).

Литература

- Абдулаева, А. М., Коргожа, М. А. (2024) Материнская позиция женщин, воспитывающих одного ребенка и двойню раннего возраста: обзор отечественных и зарубежных исследований. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 1, с. 18–32. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-18-32>
- Александрова, Л. А. (2011) Субъективная витальность как личностный ресурс. *Психологические исследования*, № 3 (17). [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.843> (дата обращения 18.08.2024).
- Ананьева, К. И., Носуленко, В. Н., Самойленко, Е. С., Харитоновна, А. Н. (2017) Когнитивно-коммуникативная парадигма Б. Ф. Ломова: современное состояние и перспективы. *Психологический журнал*, т. 38, № 6, с. 17–29.
- Власова, О. Г. (2006) Психический ресурс субъекта деятельности: системный подход. *Известия ТРТУ*, № 1 (56), с. 170–177. EDN: [HVQLEF](https://doi.org/10.26907/2542-4502.2006.1.170-177)
- Водопьянова, Н. Е. (2011) Противодействие синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, № 2, с. 38–50. EDN: [OROHMZ](https://doi.org/10.26907/2542-4502.2011.2.38-50)
- Журавлев, А. Л., Харламенкова, Н. Е. (2009) Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой). *Психологический журнал*, т. 30, № 6, с. 30–39. EDN: [LJUZX](https://doi.org/10.26907/2542-4502.2009.6.30-39)
- Залужная, М. В., Заярная, М. В. (2019) Ответственное родительство в контексте российских реалий. *Современные проблемы науки и образования*, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29002> (дата обращения 18.08.2024).

- Захарова, Е. И. (2015) Освоение родительской позиции как траектория возрастно-психологического развития в зрелом возрасте. *Педагогическое образование в России*, № 11, с. 151–156. EDN: [VHOFRP](#)
- Кабаченко, Т. С. (2006) Фундаментальная и прикладная психология в обеспечении управления человеческими ресурсами государственной гражданской службы. *Государственное управление. Электронный вестник*, № 8, с. 1–10. EDN: [MPWEVP](#)
- Капиева, К. Р. (2015) Психический ресурс личности: паттерны и детерминанты развития. *Гуманизация образования*, № 3, с. 75–81. EDN: [UFENTD](#)
- Кулакова, Е. Н., Настаушева, Т. А., Кондратьева, И. В. (2021) Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoring review: история, теория и практика. *Вопросы современной педиатрии*, № 20 (3), с. 210–222. <https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271>
- Леонтьев, Д. А. (2016) Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, № 62, с. 18–37. <https://www.doi.org/10.17223/17267080/62/3>
- Маклаков, А. Г., Сидорова, А. А. (2011) Формирование адаптационного потенциала личности и его развитие в процессе обучения в вузе. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, т. 5, № 4, с. 41–51. EDN: [OZOKOH](#)
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2021) Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А. А. Богданова. *Социальная психология и общество*, т. 12, № 2, с. 41–55. <http://doi.org/10.17759/sps.2021120203>
- Моспан, А. Н., Леонтьев, Д. А. (2022) Личностные ресурсы и совладание с неопределенностью. В кн.: Е. В. Тихомирова, А. Г. Самохвалова (сост.). *Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности. Материалы VI Международной научной конференции, 22–24 сентября 2022 года*. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета, с. 283–286. EDN: [FSRWGU](#)
- Постылякова, Ю. В. (2005) Ресурсы совладания со стрессом в разных видах профессиональной деятельности. *Психологический журнал*, т. 26, № 6, с. 35–43. EDN: [HSIHRH](#)
- Рагулина, М. В., Сивенков, В. А. (2021) Стрессоустойчивость как субъектный ресурс совладающего поведения личности. *Ученые заметки ТОГУ*, т. 12, № 1, с. 157–166. EDN: [BIGPFB](#)
- Семенова, А. Э., Божкова, Е. Д., Конева, И. А. (2022) Личностные ресурсы психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. *Вестник Мининского университета*, т. 10, № 1 (38). [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5> (дата обращения 12.03.2024).
- Соловьева, С. Л. (2010) Ресурсы личности. *Медицинская психология в России*, № 2, с. 4. EDN: [WHZXTD](#)
- Стреленко, А. А. (2023) Я-образы как личностные ресурсы жизнеспособности матерей. *Личность в пространстве и времени*, № 12, с. 102–113. EDN: [ZYCMZO](#)
- Филиппова, Г. Г. (2020) *Психология материнства*. 2-е изд. М.: Юрайт, 212 с.
- Шульга, Т. И. (2017) Состояние семей как ресурс воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. *Актуальные проблемы психологического знания*, № 4 (45), с. 45–53. EDN: [YNGZKT](#)
- Abed, M. M., Pourmovahed, Z., Aryaeenezhad, A. (2024) The effectiveness of an educational intervention on maternal role adaptation and anxiety among mothers with preterm infants in neonatal intensive care unit. *Payesh*, vol. 23, no. 1, pp. 81–90. <https://doi.org/10.61186/payesh.23.1.81>
- Agbaria, Q., Mahamid, F. (2023) The association between parenting styles, maternal self-efficacy, and social and emotional adjustment among Arab preschool children. *Psicologia: Reflexao e Critica*, vol. 36, article 10. <https://doi.org/10.1186/s41155-023-00252-4>
- Ahn, J. A., Roh, E. H., Kim, T. et. al. (2021) Maternal adaptation of working mothers with infants or toddlers in South Korea: A systematic review. *BMC Women's Health*, vol. 21, article 213. <https://doi.org/10.1186/s12905-021-01357-7>
- Al-Yagon, M. (2008) Maternal personal resources and children's socioemotional and behavioral adjustment. *Child Psychiatry and Human Development*, vol. 39, no. 3, pp. 283–298. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0088-z>
- Alinejad-Naeini, M., Farahani, M. A., Choobdar, F. A., Aliyari, R. (2023) Translation and validation of maternal confidence questionnaire (MCQ) in Iran: Persian version. *Child Care in Practice*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1080/13575279.2022.2119206> (accessed 16.02.2024).
- Alves, A. C., Cecatti, J. G., Souza, R. T. (2021) Resilience and stress during pregnancy: A comprehensive multidimensional approach in maternal and perinatal health. *Scientific World Journal*, vol. 13, no. 1, article 9512854. <https://doi.org/10.1155/2021/9512854>
- Aydemir, S., Onan, N. (2020) The relationship between maternal self-confidence and postpartum depression in primipara mothers: A follow-up study. *Community Mental Health Journal*, vol. 56, no. 8, pp. 1449–1456. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00588-6>
- Azmoude, E., Jaafarnejad, F., Mazloum, S. (2014) Effect of self-efficacy-based training on maternal sense of competency of primiparous women in the infants care. *Evidence Based Care Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 7–14. <https://doi.org/10.22038/ebcj.2014.3369>
- Badr, L. K. (2005) Further psychometric testing and use of the maternal confidence questionnaire. *Comprehensive Child and Adolescent Nursing*, vol. 28, no. 3, pp. 163–174. <https://doi.org/10.1080/01460860500227572>

- Bailey, S. (2010) Postnatal care: Exploring the views of first-time mothers. *Community Practice*, vol. 83, no. 12, pp. 26–29. PMID: [21214136](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21214136/)
- Bandura, A. (1991) Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, no. 2, pp. 248–287. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90022-L](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90022-L)
- Baraitser, L., Noack, A. (2007) Mother courage: Reflections on maternal resilience. *British Journal of Psychotherapy*, vol. 23, no. 2, pp. 171–188. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0118.2007.00016.x>
- Basnet, S., Frongillo, E. A., Nguyen, P. H. et al. (2020) Associations of maternal resources with care behaviours differ by resource and behaviour. *Maternal & Child Nutrition*, vol. 16, no. 3, article e12977. <https://doi.org/10.1111/mcn.12977>
- Camberis, A. L., McMahon, C. A., Gibson, F. L., Boivin, J. (2014) Age, psychological maturity, and the transition to motherhood among English-speaking Australian women in a metropolitan area. *Developmental Psychology*, vol. 50, no. 8, pp. 2154–2164. <https://doi.org/10.1037/a0037301>
- Chang, Y., Fine, M. A. (2007) Modeling parenting stress trajectories among low-income young mothers across the child's second and third years: Factors accounting for stability and change. *Journal of Family Psychology*, vol. 21, no. 4, pp. 584–594. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.21.4.584>
- Chasson, M., Taubman-Ben-Ari, O. (2023) The contribution of childhood experiences, maternal disintegrative responses, and self-compassion to maternal self-efficacy and role satisfaction: A prospective study. *Current Psychology*, vol. 42, no. 34, pp. 30164–30173. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-04085-9>
- Cronin-Fisher, V., Parcell, E. S. (2019) Making sense of dissatisfaction during the transition to motherhood through relational dialectics theory. *Journal of Family Communication*, vol. 19, no. 2, pp. 157–170. <https://doi.org/10.1080/15267431.2019.1590364>
- Crossland, N., Thomson, G., Moran, V. H. (2020) Impact of parenting resources on breastfeeding, parenting confidence and relationships. *Midwifery*, vol. 81, article 102591. <https://doi.org/10.1016/j.midw.2019.102591>
- Dennis, C. L., McQueen, K. (2009) The relationship between infant-feeding outcomes and postpartum depression: A qualitative systematic review. *Pediatrics*, vol. 123, no. 4, pp. e736–e751. <https://doi.org/10.1542/peds.2008-1629>
- Diener, E. (1984) Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, vol. 95, no. 3, pp. 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Dinni, S. M., Ardiyanti, D. (2020) Predictors of postpartum depression: The role of emotion regulation, maternal self-confidence, and marital satisfaction on postpartum depression. *Jurnal Psikologi*, vol. 47, no. 3, pp. 220–238. <http://dx.doi.org/10.22146/jpsi.46603>
- Dlamini, L. P., Hsu, Y. Y., Shongwe, M. C. et al. (2023) Maternal self-efficacy as a mediator in the relationship between postpartum depression and maternal role competence: A cross-sectional survey. *Journal of Midwifery and Women's Health*, vol. 68, no. 4, pp. 499–506. <https://doi.org/10.1111/jmwh.13478>
- Erato, G., Ciciolla, L., Shreffler, K. M., Greil, A. L. (2022) Changes in importance of motherhood following pregnancy loss. *Journal of Family Issues*, vol. 43, no. 3, pp. 741–751. <https://doi.org/10.1177/0192513X21994138>
- Erbaba, H., Pinar, G. (2021) Association of perceived social support and maternal adaptation with postpartum depression in mothers of infants hospitalized in neonatal intensive care units. *Journal of Neonatal Nursing*, vol. 27, no. 4, pp. 251–256. <https://doi.org/10.1016/j.jnn.2020.11.005>
- Folkman, S. (2007) The case for positive emotions in the stress process. *Anxiety, Stress, & Coping*, vol. 21, no. 1, pp. 3–14. <https://doi.org/10.1080/10615800701740457>
- Forcada-Guex, M., Borghini, A., Pierrehumbert, B. et al. (2011) Prematurity, maternal posttraumatic stress and consequences on the mother-infant relationship. *Early Human Development*, vol. 87, no. 1, pp. 21–26. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2010.09.006>
- Güçlü, O., Enüstün Hürmeydan, C. (2024) Being the mother of a special child: Resilience and marital adjustment in mothers of children with autism spectrum disorder. *Psychiatry and Clinical Psychopharmacology*, vol. 34, no. 1, pp. 64–73. <https://doi.org/10.5152/pcp.2023.22592>
- Guedes, M., Canavarro, M. C. (2015) Personal competencies, social resources, and psychosocial adjustment of primiparous women of advanced maternal age and their partners. *Infant Mental Health Journal*, vol. 36, no. 5, pp. 506–521. <https://doi.org/10.1002/imhj.21528>
- Hables, R., Hassan, N. (2020) Maternal self-confidence during puerperal period among primipara adolescent mothers. *Alexandria Scientific Nursing Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 59–66. <https://doi.org/10.21608/asalexu.2020.206106>
- Hadadi, M., Kaldi, A., Sajadi, H., Salehi, M. (2011) Association between job classification and mental health in employed women. *Social Welfare*, vol. 11, no. 40, pp. 107–127.
- Hajure, M., Alemu, S. S., Abdu, Z. et al. (2024) Resilience and mental health among perinatal women: A systematic review. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 15, article e1373083. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1373083>
- Havizari, S., Mirghafourvand, M. (2019) Comparison of mental health and self-efficacy of mothers with preterm and term infants: A case-control study. *Shiraz E-Medical Journal*, vol. 20, no. 9, article e86144. <https://doi.org/10.5812/semj.86144>
- Hobfoll, S. E. (2002) Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, vol. 6, no. 4, pp. 307–324. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.4.307>

- Hwang, W. Y., Choi, S. Y., An, H. J. (2022) Concept analysis of transition to motherhood: A methodological study. *Korean Journal of Women Health Nursing*, vol. 28, no. 1, pp. 8–17. <https://doi.org/10.4069/kjwhn.2022.01.04>
- Jesberger, C., Chertok, I. A., Wessells, A., Schaumleffel, C. (2021) Maternal self-confidence and breastfeeding after participating in a program about infant prone positioning. *MCN The American Journal of Maternal/Child Nursing*, vol. 46, no. 4, pp. 205–210. <https://doi.org/10.1097/NMC.0000000000000731>
- Kadiroğlu, T., Güdücü Tüfekci, F. (2022) Effect of infant care training on maternal bonding, motherhood self-efficacy, and self-confidence in mothers of preterm newborns. *Maternal and Child Health Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 131–138. <https://doi.org/10.1007/s10995-021-03287-0>
- Kearvell, H., Grant, J. (2010) Getting connected: How nurses can support mother/ infant attachment in the neonatal intensive care unit. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 27, no. 3, pp. 75–82. <https://doi.org/10.37464/2010.273.1717>
- Keenanasseril, A., Singh, S., Bharadwaj, B. (2023) Postpartum mental health status & role transition to mother in primigravid women: A cross-sectional study. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 41, no. 1, pp. 43–52. <https://doi.org/10.1080/02646838.2021.1952552>
- Keeton, C. P., Perry-Jenkins, M., Sayer, A. G. (2008) Sense of control predicts depressive and anxious symptoms across the transition to parenthood. *Journal of Family Psychology*, vol. 22, no. 2, pp. 212–221. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.2.212>
- Kestler-Peleg, M., Lavenda, O. (2021) Personal resources associated with peripartum depression among mothers of NICU hospitalised preterm infants. *Psychology & Health*, vol. 37, no. 6, pp. 712–730. <https://doi.org/10.1080/08870446.2021.1873336>
- Khalesi, Z. B., Mirzaii, S., Rad, E. H. et al. (2021) Determinants of maternal role adaptation in mothers with preterm neonates. *Jornal Brasileiro de Reproducao Assistida*, vol. 25, no. 3, pp. 434–438. <https://doi.org/10.5935/1518-0557.20200108>
- Khodabakhshi-Koolaei, A., Manoochehri, M. (2023) Improving resilience in mothers with schizophrenic sons: A group movie analysis. *International Journal of Social Psychiatry*, vol. 69, no. 1, pp. 63–69. <https://doi.org/10.1177/00207640211067677>
- Kim, H. W., Hong, K. J. (1996) Development of a maternal identity scale for pregnant women. *The Journal of Nurses Academic Society*, vol. 26, no. 3, pp. 531–543. <https://doi.org/10.4040/jnas.1996.26.3.531>
- Law, K. H., Dimmock, J., Guelfi, K. J. et al. (2019) Stress, depressive symptoms, and maternal self-efficacy in first-time mothers: Modelling and predicting change across the first six months of motherhood. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, vol. 11, no. 1, pp. 126–147. <https://doi.org/10.1111/aphw.12147>
- Leahy-Warren, P., Mccarthy, G., Corcoran, P. (2012) First-time mothers: Social support, maternal parental self-efficacy and postnatal depression. *Journal of Clinical Nursing*, vol. 21, no. 3–4, pp. 388–397. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2011.03701.x>
- Lemmens, S. M. P., van Montfort, P., Meertens, L. J. et al. (2021) Perinatal factors related to pregnancy and childbirth satisfaction: A prospective cohort study. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, vol. 42, no. 3, pp. 181–189. <https://doi.org/10.1080/0167482X.2019.1708894>
- Levinson, M., Parvez, B., Aboudi, D., Shah, S. (2022) Impact of maternal stressors and neonatal clinical factors on post-partum depression screening scores. *Journal of Maternal- Fetal Neonatal Medicine*, vol. 35, no. 7, pp. 1328–1336. <https://doi.org/10.1080/14767058.2020.1754394>
- Macintosh, J., Callister, L. C. (2015) Discovering self: Childbearing adolescents' maternal identity. *MCN American Journal of Maternal/Child Nursing*, vol. 40, no. 4, pp. 243–248. <https://doi.org/10.1097/NMC.0000000000000143>
- Manicacci, M., Bouteyre, E., Despax, J., Bréjard, V. (2019) Involvement of emotional intelligence in resilience and coping in mothers of autistic children. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 49, no. 11, pp. 4646–4657. <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04177-9>
- Matthies, L. M., Wallwiener, S., Müller, M. et al. (2017) Maternal self-confidence during the first four months postpartum and its association with anxiety and early infant regulatory problems. *Infant Behavior and Development*, vol. 49, pp. 228–237. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2017.09.011>
- Mautner, E., Stern, C., Avian, A. et al. (2022) Maternal resilience and postpartum depression at the neonatal intensive care unit. *Frontiers in Pediatrics*, vol. 10, article 864373. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.864373>
- McLean, S., Halstead, E. J. (2021) Resilience and stigma in mothers of children with emotional and behavioural difficulties. *Research in Developmental Disabilities*, vol. 108, article e103818. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103818>
- Mendes, I. M., Cortesao, C., Sousa, G., Carvalho, S. (2011) Auto-percepção materna das competências no cuidar do recém-nascido de termo em primíparas. *Nursing*, vol. 23, no. 275, pp. 12–19.
- Mercer, R. T. (2004) Becoming a mother versus maternal role attainment. *Journal of Nursing Scholarship*, vol. 36, no. 3, pp. 226–232. <https://doi.org/10.1111/j.1547-5069.2004.04042.x>
- Müller, D., Teismann, T., Hirschfeld, G. et al. (2019) The course of maternal repetitive negative thinking at the transition to motherhood and early mother-infant interactions: Is there a link? *Development and Psychopathology*, vol. 31, no. 4, pp. 1411–1421. <https://doi.org/10.1017/S0954579418000883>
- Noriega, C., Velasco, C., Pérez-Rojo, G., López, J. (2022) Character strengths and social support as protective factors between grandparents' caregiving and health-related quality of life. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 31, no. 9, pp. 2505–2517. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02187-9>

- Noy, A., Taubman-Ben-Ari, O., Kuint, J. (2015) Well-being and personal growth in mothers of full-term and pre-term singletons and twins. *Stress and Health*, vol. 31, no. 5, pp. 365–372. <https://doi.org/10.1002/smi.2560>
- Oh, H. K., Palk, E. R. (2003) A study on affected factors of fertility of woman with disabilities. *Journal of Sociology & Social Welfare*, vol. 16, pp. 247–284.
- Panthumas, S., Kittipichai, W. (2019) Validation of the maternal identity scale for primiparous Thai teenage mothers. *Asian Nursing Research*, vol. 13, no. 1, pp. 69–75. <https://doi.org/10.1016/j.anr.2019.01.007>
- Penacoba-Puente, C., Marin-Morales, D., Carmona-Monge, F. J., Furlong, L. V. (2016) Post-partum depression, personality, and cognitive-emotional factors: A longitudinal study on Spanish pregnant women. *Health Care for Women International*, vol. 37, no. 1, pp. 97–117. <https://doi.org/10.1080/07399332.2015.1066788>
- Perun, M. B. (2020) Maternal identity of women in the postpartum period. *Journal of Education Culture and Society*, vol. 4, no. 1, pp. 95–105. <https://doi.org/10.15503/jecs20131.95.105>
- Rafii, F., Alinejad-Naeini, M., Peyrovi, H. (2020) Maternal role attainment in mothers with term neonate: A hybrid concept analysis. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, vol. 25, no. 4, pp. 304–313. https://doi.org/10.4103/ijnmr.IJNMR_201_19
- Rajabi, A., Maleki, A., Dadashi, M., Karamitanha, F. (2018) Evaluation of maternal role adaptation in mothers with late-preterm infants and its related factors. *Preventive Care in Nursing & Midwifery Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 1–10.
- Reck, C., Noe, D., Gerstenlauer, J., Stehle, E. (2012) Effects of postpartum anxiety disorders and depression on maternal self-confidence. *Infant Behavior and Development*, vol. 35, no. 2, pp. 264–272. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2011.12.005>
- Rossen, L., Opie, J. E., O'Dea, G. (2023) A mother's voice: The construction of maternal identity following perinatal loss. *Omega*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1177/00302228231209769> (accessed 12.03.2024).
- Rozen, G., Taubman-Ben-Ari, O., Strauss, T., Morag, I. (2018) Personal growth of mothers of preterms: Objective Severity of the event, subjective stress, personal resources, and maternal emotional support. *Journal of Happiness Studies*, vol. 19, no. 7, pp. 2167–2186. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9915-5>
- Rubin, R. (1984) Maternal identity and the maternal experience. *American Journal of Nursing*, vol. 84, no. 12, p. 1480.
- Samdan, G., Reinelt, T., Kiel, N. et al. (2022) Maternal self-efficacy development from pregnancy to 3 months after birth. *Infant Mental Health Journal*, vol. 43, no. 6, pp. 864–877. <https://doi.org/10.1002/imhj.22018>
- Seo, H. J., Song, J. E., Lee, Y., Ahn, J.-A. (2020) Effects of stress, depression, and spousal and familial support on maternal identity in pregnant women. *Korean Journal of Women Health Nursing*, vol. 26, no. 1, pp. 84–92. <https://doi.org/10.4069/kjwhn.2020.03.17>
- Shafaie, F. S., Mirghafourvand, M., Bagherinia, M. (2017) The association between maternal self-confidence and functional status in primiparous women during postpartum period, 2015–2016. *International Journal of Women's Health and Reproduction Sciences*, vol. 5, no. 3, pp. 200–204. <https://doi.org/10.15296/ijwhr.2017.36>
- Shlomo, S. B., Taubman-Ben-Ari, O., Findler, L. et al. (2010) Becoming a grandmother: Maternal grandmothers' mental health, perceived costs, and personal growth. *Social Work Research*, vol. 34, no. 1, pp. 45–57. <https://doi.org/10.1093/swr/34.1.45>
- Shrestha, S., Adachi, K., Petrini, M., Shrestha, S. (2019) Maternal role: A concept analysis. *Journal of Midwifery and Reproductive Health*, vol. 7, no. 3, pp. 1742–1751. <https://doi.org/10.22038/JMRH.2019.31797.1344>
- SmithBattle, L., Phengnum, W. (2023) An Integrative review of the research on teen mothers' resilience. *Western Journal Nursing Research*, vol. 45, no. 2, pp. 161–175. <https://doi.org/10.1177/01939459221106989>
- Sohrabi, M., Azizzadeh forouzi, M., Mehdipour-Rabori, R. et al. (2021) The effect of a training program on maternal role adaptation and self-esteem of mothers with preterm infants: A quasi-experimental study. *BMC Women's Health*, vol. 21, no. 1, article 296. <https://doi.org/10.1186/s12905-021-01440-z>
- Sönmez, B., Mamuk, R. (2021) The effects of postpartum education in primipara mothers on their readiness for hospital discharge and maternal self-confidence. *Medical Journal of Bakirkoy*, vol. 17, no. 4, pp. 286–292. <https://doi.org/10.4274/BMJ.galenos.2021.86158>
- Spector, M. G., Cinamon, R. G. (2017) Identity exploration during the transition to motherhood: Facilitating factors and outcomes. *Career Development International*, vol. 22, no. 7, pp. 829–843. <https://doi.org/10.1108/CDI-01-2017-0021>
- Tani, E., Castagna, V. (2017) Maternal social support, quality of birth experience, and post-partum depression in primiparous women. *The Journal of Maternal-Fetal & Neonatal Medicine*, vol. 30, no. 6, pp. 689–692. <https://doi.org/10.1080/14767058.2016.1182980>
- Tifferet, S., Manor, O., Elizur, Y. et al. (2010) Maternal adaptation to pediatric illness: A personal vulnerability model. *Children's Health Care*, vol. 39, no. 2, pp. 91–107. <https://doi.org/10.1080/02739611003679840>
- Tognasso, G., Gorla, L., Ambrosini, C. et al. (2022) Parenting stress, maternal self-efficacy and confidence in caretaking in a sample of mothers with newborns (0–1 month). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 15, article 9651. <https://doi.org/10.3390/ijerph19159651>
- Walker, L. O., Cheng, C. Y. (2007) Maternal empathy, self-confidence, and stress as antecedents of preschool children's behavior problems. *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*, vol. 12, no. 2, pp. 93–104. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6155.2005.00098.x>

- Wells, J., Hobfoll, S., Lavin, J. (1997) Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. *Psychology of Women Quarterly*, vol. 21, no. 4, pp. 645–662. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00136.x>
- Yalcintas, S., Pike, A. (2023) Child temperament and child-care support are related to better mother-child relationship quality. *Child Studies*, vol. 2, pp. 69–86. <https://doi.org/10.21814/childstudies.4511>
- Zahr, L., Cole, J. (1991) Assessing maternal competence and sensitivity to premature infant cues. *Issues in Comprehensive Pediatric Nursing*, vol. 14, no. 4, pp. 231–240. <https://doi.org/10.3109/01460869109009040>
- Zhang, S., Aquino, G. A., Tian, Z. et al. (2023) Mothers' resilience and potential for disrupted parenting in COVID-19: The protective effect of cognitive reappraisal. *Journal of Family Psychology*, vol. 37, no. 5, pp. 603–613. <https://doi.org/10.1037/fam0001103>
- Zietlow, A. L., Schlüter, M. K., Nonnenmacher, N. et al. (2014) Maternal self-confidence postpartum and at pre-school age: The role of depression, anxiety disorders, maternal attachment insecurity. *Maternal and Child Health Journal*, vol. 18, no. 8, pp. 1873–1880. <https://doi.org/10.1007/s10995-014-1431-1>
- Zlotnick, C., Manor-Lavon, I. (2023) Resilience, optimism and posttraumatic growth in first-time mothers. *Research in Nursing & Health*, vol. 46, no. 6, pp. 576–590. <https://doi.org/10.1002/nur.22338>

References

- Abed, M. M., Pourmovahed, Z., Aryaenezhad, A. (2024) The effectiveness of an educational intervention on maternal role adaptation and anxiety among mothers with preterm infants in neonatal intensive care unit. *Payesh*, vol. 23, no. 1, pp. 81–90. <https://doi.org/10.61186/payesh.23.1.81> (In English)
- Abdulaeva, A. M., Korgozha, M. A. (2024) Materinskaya pozitsiya zhenshchin, vospityvayushchikh odnogo rebenka i dvoynyu rannego vozrasta: obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy [The maternal position of women raising single or twin infants: A review of domestic and foreign studies]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 1, pp. 18–32. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-18-32> (In Russian)
- Agbaria, Q., Mahamid, F. (2023) The association between parenting styles, maternal self-efficacy, and social and emotional adjustment among Arab preschool children. *Psicologia: Reflexao e Critica*, vol. 36, article 10. <https://doi.org/10.1186/s41155-023-00252-4> (In English)
- Ahn, J. A., Roh, E. H., Kim, T. et al. (2021) Maternal adaptation of working mothers with infants or toddlers in South Korea: A systematic review. *BMC Women's Health*, vol. 21, article 213. <https://doi.org/10.1186/s12905-021-01357-7> (In English)
- Al-Yagon, M. (2008) Maternal personal resources and children's socioemotional and behavioral adjustment. *Child Psychiatry and Human Development*, vol. 39, no. 3, pp. 283–298. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0088-z> (In English)
- Aleksandrova, L. A. (2011) Sub'ektivnaya vital'nost' kak lichnostnyj resurs [Subjective vitality as a personal resource]. *Psikhologicheskie issledovaniya — Psychological Studies*, vol. 3, no. 17. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.843> (accessed 18.08.2024). (In Russian)
- Alinejad-Naeini, M., Farahani, M. A., Choobdar, F. A., Aliyari, R. (2023) Translation and validation of maternal confidence questionnaire (MCQ) in Iran: Persian version. *Child Care in Practice*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1080/13575279.2022.2119206> (accessed 16.02.2024). (In English)
- Alves, A. C., Cecatti, J. G., Souza, R. T. (2021) Resilience and stress during pregnancy: A comprehensive multidimensional approach in maternal and perinatal health. *Scientific World Journal*, vol. 13, no. 1, article 9512854. <https://doi.org/10.1155/2021/9512854> (In English)
- Anan'eva, K. I., Nosulenko, V. N., Samoilenko, E. S., Kharitonova, A. N. (2017) Kognitivno-kommunikativnaya paradigma B. F. Lomova: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [B. F. Lomov's cognitive-communicative paradigm: current state and prospects]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 38, no. 6, pp. 17–29. (In Russian)
- Aydemir, S., Onan, N. (2020) The relationship between maternal self-confidence and postpartum depression in primipara mothers: A follow-up study. *Community Mental Health Journal*, vol. 56, no. 8, pp. 1449–1456. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00588-6> (In English)
- Azmoude, E., Jaafarnejad, F., Mazloum, S. (2014) Effect of self-efficacy-based training on maternal sense of competency of primiparous women in the infants care. *Evidence Based Care Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 7–14. <https://doi.org/10.22038/ebcj.2014.3369> (In English)
- Badr, L. K. (2005) Further psychometric testing and use of the maternal confidence questionnaire. *Comprehensive Child and Adolescent Nursing*, vol. 28, no. 3, pp. 163–174. <https://doi.org/10.1080/01460860500227572> (In English)
- Bailey, S. (2010) Postnatal care: Exploring the views of first-time mothers. *Community Practice*, vol. 83, no. 12, pp. 26–29. PMID: [21214136](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21214136/)
- Bandura, A. (1991) Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, no. 2, pp. 248–287. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90022-L](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90022-L) (In English)

- Baraitser, L., Noack, A. (2007) Mother courage: Reflections on maternal resilience. *British Journal of Psychotherapy*, vol. 23, no. 2, pp. 171–188. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0118.2007.00016.x> (In English)
- Basnet, S., Frongillo, E. A., Nguyen, P. H. et al. (2020) Associations of maternal resources with care behaviours differ by resource and behaviour. *Maternal & Child Nutrition*, vol. 16, no. 3, article e12977. <https://doi.org/10.1111/mcn.12977> (In English)
- Camberis, A. L., McMahon, C. A., Gibson, F. L., Boivin, J. (2014) Age, psychological maturity, and the transition to motherhood among English-speaking Australian women in a metropolitan area. *Developmental Psychology*, vol. 50, no. 8, pp. 2154–2164. <https://doi.org/10.1037/a0037301> (In English)
- Chang, Y., Fine, M. A. (2007) Modeling parenting stress trajectories among low-income young mothers across the child's second and third years: Factors accounting for stability and change. *Journal of Family Psychology*, vol. 21, no. 4, pp. 584–594. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.21.4.584> (In English)
- Chasson, M., Taubman-Ben-Ari, O. (2023) The contribution of childhood experiences, maternal disintegrative responses, and self-compassion to maternal self-efficacy and role satisfaction: A prospective study. *Current Psychology*, vol. 42, no. 34, pp. 30164–30173. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-04085-9> (In English)
- Cronin-Fisher, V., Parcell, E. S. (2019) Making sense of dissatisfaction during the transition to motherhood through relational dialectics theory. *Journal of Family Communication*, vol. 19, no. 2, pp. 157–170. <https://doi.org/10.1080/15267431.2019.1590364> (In English)
- Crossland, N., Thomson, G., Moran, V. H. (2020) Impact of parenting resources on breastfeeding, parenting confidence and relationships. *Midwifery*, vol. 81, article 102591. <https://doi.org/10.1016/j.midw.2019.102591> (In English)
- Dennis, C. L., McQueen, K. (2009) The relationship between infant-feeding outcomes and postpartum depression: A qualitative systematic review. *Pediatrics*, vol. 123, no. 4, pp. e736–e751. <https://doi.org/10.1542/peds.2008-1629> (In English)
- Diener, E. (1984) Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, vol. 95, no. 3, pp. 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542> (In English)
- Dinni, S. M., Ardiyanti, D. (2020) Predictors of postpartum depression: the role of emotion regulation, maternal self-confidence, and marital satisfaction on postpartum depression. *Jurnal Psikologi*, vol. 47, no. 3, pp. 220–238. <https://doi.org/10.22146/jpsi.46603> (In English)
- Dlamini, L. P., Hsu, Y. Y., Shongwe, M. C. et al. (2023) Maternal self-efficacy as a mediator in the relationship between postpartum depression and maternal role competence: A cross-sectional survey. *Journal of Midwifery and Women's Health*, vol. 68, no. 4, pp. 499–506. <https://doi.org/10.1111/jmwh.13478> (In English)
- Erato, G., Ciciolla, L., Shreffler, K. M., Greil, A. L. (2022) Changes in importance of motherhood following pregnancy loss. *Journal of Family Issues*, vol. 43, no. 3, pp. 741–751. <https://doi.org/10.1177/0192513X21994138> (In English)
- Erbaba, H., Pinar, G. (2021) Association of perceived social support and maternal adaptation with postpartum depression in mothers of infants hospitalized in neonatal intensive care units. *Journal of Neonatal Nursing*, vol. 27, no. 4, pp. 251–256. <https://doi.org/10.1016/j.jnn.2020.11.005> (In English)
- Filippova, G. G. (2020) *Psikhologiya materinstva [The psychology of motherhood]*. 2nd ed. Moscow: Yurajt Publ., 212 p. (In Russian)
- Folkman, S. (2007) The case for positive emotions in the stress process. *Anxiety, Stress, & Coping*, vol. 21, no. 1, pp. 3–14. <https://doi.org/10.1080/10615800701740457> (In English)
- Forcada-Guex, M., Borghini, A., Pierrehumbert, B. et al. (2011) Prematurity, maternal posttraumatic stress and consequences on the mother-infant relationship. *Early Human Development*, vol. 87, no. 1, pp. 21–26. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2010.09.006> (In English)
- Güçlü, O., Enüstün Hürmeydan, C. (2024) Being the mother of a special child: Resilience and marital adjustment in mothers of children with autism spectrum disorder. *Psychiatry and Clinical Psychopharmacology*, vol. 34, no. 1, pp. 64–73. <https://doi.org/10.5152/pcp.2023.22592> (In English)
- Guedes, M., Canavarro, M. C. (2015) Personal competencies, social resources, and psychosocial adjustment of primiparous women of advanced maternal age and their partners. *Infant Mental Health Journal*, vol. 36, no. 5, pp. 506–521. <https://doi.org/10.1002/imhj.21528> (In English)
- Hables, R., Hassan, N. (2020) Maternal Self-confidence during puerperal period among primipara adolescent mothers. *Alexandria Scientific Nursing Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 59–66. <https://doi.org/10.21608/asalexu.2020.206106> (In English)
- Hadadi, M., Kaldi, A., Sajadi, H., Salehi, M. (2011) Association between job classification and mental health in employed women. *Social Welfare*, vol. 11, no. 40, pp. 107–127. (In English)
- Hajure, M., Alemu, S. S., Abdu, Z. et al. (2024) Resilience and mental health among perinatal women: A systematic review. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 15, article e1373083. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1373083> (In English)
- Havizari, S., Mirghafourvand, M. (2019) Comparison of mental health and self-efficacy of mothers with preterm and term infants: A case-control study. *Shiraz E-Medical Journal*, vol. 20, no. 9, article e86144. <https://doi.org/10.5812/semj.86144> (In English)
- Hobfoll, S. E. (2002) Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, vol. 6, no. 4, pp. 307–324. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.4.307> (In English)

- Hwang, W. Y., Choi, S. Y., An, H. J. (2022) Concept analysis of transition to motherhood: A methodological study. *Korean Journal of Women Health Nursing*, vol. 28, no. 1, pp. 8–17. <https://doi.org/10.4069/kjwhn.2022.01.04> (In English)
- Jesberger, C., Chertok, I. A., Wessells, A., Schaumleffel, C. (2021) Maternal self-confidence and breastfeeding after participating in a program about infant prone positioning. *MCN The American Journal of Maternal/Child Nursing*, vol. 46, no. 4, pp. 205–210. <https://doi.org/10.1097/NMC.0000000000000731> (In English)
- Kabachenko, T. S. (2006) Fundamental'naya i prikladnaya psikhologiya v obespechenii upravleniya chelovecheskimi resursami gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby [Fundamental and applied psychology in management human resources of the state civil service]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik — Public Administration. E-journal (Russia)*, vol. 8, p. 10. EDN: [MPWEVP](https://doi.org/10.1007/s10995-021-03287-0) (In Russian)
- Kadiroğlu, T., Güdücü Tüfekci, F. (2022) Effect of infant care training on maternal bonding, motherhood self-efficacy, and self-confidence in mothers of preterm newborns. *Maternal and Child Health Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 131–138. <https://doi.org/10.1007/s10995-021-03287-0> (In English)
- Kapieva, K. R. (2015) Psikhicheskij resurs lichnosti: patterny i determinanty razvitiya [Mental resource of personality: patterns and determinants of development]. *Gumanizaciya obrazovaniya — Humanization of Education*, vol. 3, pp. 75–81. EDN: [UFENTD](https://doi.org/10.1080/02646838.2021.1952552) (In Russian)
- Kearvell, H., Grant, J. (2010) Getting connected: How nurses can support mother/ infant attachment in the neonatal intensive care unit. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 27, no. 3, pp. 75–82. <https://doi.org/10.37464/2010.273.1717> (In English)
- Keenanasseril, A., Singh, S., Bharadwaj, B. (2023) Postpartum mental health status & role transition to mother in primigravid women: A cross-sectional study. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 41, no. 1, pp. 43–52. <https://doi.org/10.1080/02646838.2021.1952552> (In English)
- Keeton, C. P., Perry-Jenkins, M., Sayer, A. G. (2008) Sense of control predicts depressive and anxious symptoms across the transition to parenthood. *Journal of Family Psychology*, vol. 22, no. 2, pp. 212–221. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.2.212> (In English)
- Kestler-Peleg, M., Lavenda, O. (2021) Personal resources associated with peripartum depression among mothers of NICU hospitalised preterm infants. *Psychology & Health*, vol. 37, no. 6, pp. 712–730. <https://doi.org/10.1080/08870446.2021.1873336> (In English)
- Khalesi, Z. B., Mirzaii, S., Rad, E. H. et al. (2021) Determinants of maternal role adaptation in mothers with preterm neonates. *Jornal Brasileiro de Reproducao Assistida*, vol. 25, no. 3, pp. 434–438. <https://doi.org/10.5935/1518-0557.20200108> (In English)
- Khodabakhshi-Koolae, A., Manoochehri, M. (2023) Improving resilience in mothers with schizophrenic sons: A group movie analysis. *International Journal of Social Psychiatry*, vol. 69, no. 1, pp. 63–69. <https://doi.org/10.1177/00207640211067677> (In English)
- Kim, H. W., Hong, K. J. (1996) Development of a maternal identity scale for pregnant women. *The Journal of Nurses Academic Society*, vol. 26, no. 3, pp. 531–543. <https://doi.org/10.4040/jnas.1996.26.3.531> (In English)
- Kulakova, E. N., Nastaushcheva, T. L., Kondrat'eva, I. V. (2021) Sistematischeskoe obzornoe issledovanie literatury po metodologii scoping review: istoriya, teoriya i praktika [Scoping review methodology: History, theory and practice]. *Voprosy sovremennoj pediatrii — Current Pediatrics*, no. 20 (3), pp. 210–222. <https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271> (In Russian)
- Law, K. H., Dimmock, J., Guelfi, K. J. et al. (2019) Stress, depressive symptoms, and maternal self-efficacy in first-time mothers: Modelling and predicting change across the first six months of motherhood. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, vol. 11, no. 1, pp. 126–147. <https://doi.org/10.1111/aphw.12147> (In English)
- Leahy-Warren, P., Mccarthy, G., Corcoran, P. (2012) First-time mothers: Social support, maternal parental self-efficacy and postnatal depression. *Journal of Clinical Nursing*, vol. 21, no. 3–4, pp. 388–397. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2011.03701.x> (In English)
- Lemmens, S. M. P., van Montfort, P., Meertens, L. J. et al. (2021) Perinatal factors related to pregnancy and childbirth satisfaction: A prospective cohort study. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, vol. 42, no. 3, pp. 181–189. <https://doi.org/10.1080/0167482X.2019.1708894> (In English)
- Leont'ev, D. A. (2016) Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyj potentsial [Autoregulation, resources and personal potential]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal — Siberian Journal of Psychology*, no. 62, pp. 18–37. <https://www.doi.org/10.17223/17267080/62/3> (In Russian)
- Levinson, M., Parvez, B., Aboudi, D., Shah, S. (2022) Impact of maternal stressors and neonatal clinical factors on post-partum depression screening scores. *Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine*, vol. 35, no. 7, pp. 1328–1336. <https://doi.org/10.1080/14767058.2020.1754394> (In English)
- Macintosh, J., Callister, L. C. (2015) Discovering self: Childbearing adolescents' maternal identity. *MCN American Journal of Maternal/Child Nursing*, vol. 40, no. 4, pp. 243–248. <https://doi.org/10.1097/NMC.0000000000000143> (In English)
- Mahnach, A. V., Laktionova, A. I. (2021) Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoj teorii A. A. Bogdanova [Family resilience from the perspective of A. A. Bogdanov' organizational theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 12, no. 2, pp. 41–55. <http://doi.org/10.17759/sps.2021120203> (In Russian)

- Maklakov, A. G., Sidorova, A. A. (2011) Formirovanie adaptacionnogo potenciala lichnosti i ego razvitie v processe obucheniya v vuze [Formation of an individual's adaptive potential and its development during the process of studying at a university]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Pushkin Leningrad state university journal*, vol. 5, no. 4, pp. 41–51. EDN: OZOKOH (In Russian)
- Manicacci, M., Bouteyre, E., Despax, J., Bréjard, V. (2019) Involvement of emotional intelligence in resilience and coping in mothers of autistic children. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 49, no. 11, pp. 4646–4657. <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04177-9> (In English)
- Matthies, L. M., Wallwiener, S., Müller, M. et al. (2017) Maternal self-confidence during the first four months postpartum and its association with anxiety and early infant regulatory problems. *Infant Behavior and Development*, vol. 49, pp. 228–237. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2017.09.011> (In English)
- Mautner, E., Stern, C., Avian, A. et al. (2022) Maternal resilience and postpartum depression at the neonatal intensive care unit. *Frontiers in Pediatrics*, vol. 10, article 864373. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.864373> (In English)
- McLean, S., Halstead, E. J. (2021) Resilience and stigma in mothers of children with emotional and behavioural difficulties. *Research in Developmental Disabilities*, vol. 108, article e103818. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103818> (In English)
- Mendes, I. M., Cortesao, C., Sousa, G., Carvalho, S. (2011) Auto-percepção materna das competências no cuidar do recém-nascido de termo em primíparas [Maternal self-perception of competence in caring for the newborn at term in primiparous]. *Nursing*, vol. 23, no. 275, pp. 12–19. (In Portuguese)
- Mercer, R. T. (2004) Becoming a mother versus maternal role attainment. *Journal of Nursing Scholarship*, vol. 36, no. 3, pp. 226–232. <https://doi.org/10.1111/j.1547-5069.2004.04042.x> (In English)
- Müller, D., Teismann, T., Hirschfeld, G. et al. (2019) The course of maternal repetitive negative thinking at the transition to motherhood and early mother-infant interactions: Is there a link? *Development and Psychopathology*, vol. 31, no. 4, pp. 1411–1421. <https://doi.org/10.1017/S0954579418000883> (In English)
- Mospan, A. N., Leont'ev, D. A. (2022) Lichnostnye resursy i sovladanie s neopredelennost'yu [Personal resources and coping with uncertainty]. In: E. V. Tikhomirova, A. G. Samokhvalova (coms.). *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustojchivost' i izmenchivost' otnoshenij, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelennosti. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 22–24 sentyabrya 2022 goda [Psychology of stress and coping behavior: Stability and variability of relationships, personalities, groups in an era of uncertainty. Proceedings of the VI International Scientific Conference, September 22–24, 2022]*. Kostroma: Kostroma State University Publ., pp. 283–286. EDN: FSRWGU (In Russian)
- Noriega, C., Velasco, C., Pérez-Rojo, G., López, J. (2022) Character strengths and social support as protective factors between grandparents' caregiving and health-related quality of life. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 31, no. 9, pp. 2505–2517. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02187-9> (In English)
- Noy, A., Taubman-Ben-Ari, O., Kuint, J. (2015) Well-being and personal growth in mothers of full-term and pre-term singletons and twins. *Stress and Health*, vol. 31, no. 5, pp. 365–372. <https://doi.org/10.1002/smi.2560> (In English)
- Oh, H. K., Palk, E. R. (2003) A study on affected factors of fertility of woman with disabilities. *Journal of Sociology & Social Welfare*, vol. 16, pp. 247–284. (In English)
- Panthumas, S., Kittipichai, W. (2019) Validation of the maternal identity scale for primiparous Thai teenage mothers. *Asian Nursing Research*, vol. 13, no. 1, pp. 69–75. <https://doi.org/10.1016/j.anr.2019.01.007> (In English)
- Penacoba-Puente, C., Marin-Morales, D., Carmona-Monge, F. J., Furlong, L. V. (2016) Post-partum depression, personality, and cognitive-emotional factors: A longitudinal study on Spanish pregnant women. *Health Care for Women International*, vol. 37, no. 1, pp. 97–117. <https://doi.org/10.1080/07399332.2015.1066788> (In English)
- Perun, M. B. (2020) Maternal identity of women in the postpartum period. *Journal of Education Culture and Society*, vol. 4, no. 1, pp. 95–105. <https://doi.org/10.15503/jecs20131.95.105> (In English)
- Postlyakova, Yu. V. (2005) Resursy sovladaniya so stressom v raznykh vidakh professional'noj deyatel'nosti [Resources for coping with stress in different types of professional activities]. *Psihologicheskij zhurnal — Psychological journal*, vol. 26, no. 6, pp. 35–43. EDN: HSIHRH (In Russian)
- Rafii, F., Alinejad-Naeini, M., Peyrovi, H. (2020) Maternal role attainment in mothers with term neonate: A hybrid concept analysis. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, vol. 25, no. 4, pp. 304–313. https://doi.org/10.4103/ijnmr.IJNMR_201_19 (In English)
- Ragulina, M. V., Sivenkov, V. A. (2021) Stressoustoichivost' kak sub'ektnyj resurs sovladayushchego povedeniya lichnosti [Resistance to stress as a subject resource of the personal's coordinating behavior]. *Uchenye zametki TOGU — Scientific Notes of PGU*, vol. 12, no. 1, pp. 157–166. EDN: BIGPFB (In Russian)
- Rajabi, A., Maleki, A., Dadashi, M., Karamitanha, F. (2018) Evaluation of maternal role adaptation in mothers with late-preterm infants and its related factors. *Preventive Care in Nursing & Midwifery Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 1–10. (In English)
- Reck, C., Noe, D., Gerstenlauer, J., Stehle, E. (2012) Effects of postpartum anxiety disorders and depression on maternal self-confidence. *Infant Behavior and Development*, vol. 35, no. 2, pp. 264–272. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2011.12.005> (In English)
- Rossen, L., Opie, J. E., O'Dea, G. (2023) A mother's voice: The construction of maternal identity following perinatal loss. *Omega*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1177/00302228231209769> (accessed 12.03.2024). (In English)

- Rozen, G., Taubman-Ben-Ari, O., Strauss, T., Morag, I. (2018) Personal growth of mothers of preterms: Objective severity of the event, subjective stress, personal resources, and maternal emotional support. *Journal of Happiness Studies*, vol. 19, no. 7, pp. 2167–2186. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9915-5> (In English)
- Rubin, R. (1984) Maternal identity and the maternal experience. *American Journal of Nursing*, vol. 84, no. 12, p. 1480. (In English)
- Samdan, G., Reinelt, T., Kiel, N. et al. (2022) Maternal self-efficacy development from pregnancy to 3 months after birth. *Infant Mental Health Journal*, vol. 43, no. 6, pp. 864–877. <https://doi.org/10.1002/imhj.22018> (In English)
- Semenova, L. E., Bozhkova, E. D., Koneva, I. A. (2022) Lichnostnye resursy psikhologicheskogo blagopoluchiya materej, vospityvayushchikh detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu [Personal resources of psychological well-being of mothers raising children with disabilities]. *Vestnik Mininskogo universiteta — Vestnik of Minin University*, vol. 10, no. 1 (38). [Online]. Available at: <http://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5> (accessed 12.03.2024). (In Russian)
- Seo, H. J., Song, J. E., Lee, Y., Ahn, J.-A. (2020) Effects of stress, depression, and spousal and familial support on maternal identity in pregnant women. *Korean Journal of Women Health Nursing*, vol. 26, no. 1, pp. 84–92. <https://doi.org/10.4069/kjwhn.2020.03.17> (In English)
- Shafaie, F. S., Mirghafourvand, M., Bagherinia, M. (2017) The association between maternal self-confidence and functional status in primiparous women during postpartum period, 2015–2016. *International Journal of Women's Health and Reproduction Sciences*, vol. 5, no. 3, pp. 200–204. <https://doi.org/10.15296/ijwhr.2017.36> (In English)
- Shlomo, S. B., Taubman-Ben-Ari, O., Findler, L. et al. (2010) Becoming a grandmother: Maternal grandmothers' mental health, perceived costs, and personal growth. *Social Work Research*, vol. 34, no. 1, pp. 45–57. <https://doi.org/10.1093/swr/34.1.45> (In English)
- Shrestha, S., Adachi, K., Petrini, M., Shrestha, S. (2019) Maternal role: A concept analysis. *Journal of Midwifery and Reproductive Health*, vol. 7, no. 3, pp. 1742–1751. <https://doi.org/10.22038/JMRH.2019.31797.1344> (In English)
- Shul'ga, T. I. (2017) Sostoyanie semej kak resurs vospitaniya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Families' condition as a resource for the upbringing of children with disabilities]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya — Actual problems of psychological knowledge*, vol. 4, no. 45, pp. 45–53. EDN: [YNGZKT](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5) (In Russian)
- SmithBattle, L., Phengnum, W. (2023) An integrative review of the research on teen mothers' resilience. *Western Journal Nursing Research*, vol. 45, no. 2, pp. 161–175. <https://doi.org/10.1177/01939459221106989> (In English)
- Sohrabi, M., Azizzadeh forouzi, M., Mehdipour-Rabori, R. et al. (2021) The effect of a training program on maternal role adaptation and self-esteem of mothers with preterm infants: A quasi-experimental study. *BMC Women's Health*, vol. 21, no. 1, article 296. <https://doi.org/10.1186/s12905-021-01440-z> (In English)
- Solov'eva, S. L. (2010) Resursy lichnosti [Personal resources]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, no. 2, p. 4. EDN: [WHZXDT](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5) (In Russian)
- Sönmez, B., Mamuk, R. (2021) The Effects of postpartum education in primipara mothers on their readiness for hospital discharge and maternal self-confidence. *Medical Journal of Bakirkoy*, vol. 17, no. 4, pp. 286–292. <https://doi.org/10.4274/BMJ.galenos.2021.86158> (In English)
- Spector, M. G., Cinamon, R. G. (2017) Identity exploration during the transition to motherhood: Facilitating factors and outcomes. *Career Development International*, vol. 22, no. 7, pp. 829–843. <https://doi.org/10.1108/CDI-01-2017-0021> (In English)
- Strelenko, A. A. (2023) Ya-obrazy kak lichnostnye resursy zhiznesposobnosti materej [I-images as personal resources for the resilience of mothers']. *Lichnost' v prostranstve i vremeni*, no. 12, pp. 102–113. EDN: [ZYCMZO](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5) (In Russian)
- Tani, F., Castagna, V. (2017) Maternal social support, quality of birth experience, and post-partum depression in primiparous women. *The Journal of Maternal-Fetal & Neonatal Medicine*, vol. 30, no. 6, pp. 689–692. <https://doi.org/10.1080/14767058.2016.1182980> (In English)
- Tifferet, S., Manor, O., Elizur, Y. et al. (2010) Maternal adaptation to pediatric illness: A personal vulnerability model. *Children's Health Care*, vol. 39, no. 2, pp. 91–107. <https://doi.org/10.1080/02739611003679840> (In English)
- Tognasso, G., Gorla, L., Ambrosini, C. et al. (2022) Parenting stress, maternal self-efficacy and confidence in caretaking in a sample of mothers with newborns (0–1 month). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 15, article 9651. <https://doi.org/10.3390/ijerph19159651> (In English)
- Vlasova, O. G. (2006) Psikhicheskij resurs sub'ekta deyatel'nosti: sistemnyj podkhod [Mental resource of the subject of activity: system approach]. *Izvestiya TRTU — Izvestiya SFedU. Engineering Science*, vol. 1, no. 56, pp. 170–177. EDN: [HVQLEF](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5) (In Russian)
- Vodop'yanova, N. E. (2011) Protivodejstvie sindromu vygoraniya v kontekste resursnoj koncepcii cheloveka [Countering burnout syndrome in the context of the resource concept of human]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, vol. 2, pp. 38–50. EDN: [OROHMZ](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-5) (In Russian)
- Walker, L. O., Cheng, C. Y. (2007) Maternal empathy, self-confidence, and stress as antecedents of preschool children's behavior problems. *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*, vol. 12, no. 2, pp. 93–104. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6155.2005.00098.x> (In English)

- Wells, J., Hobfoll, S., Lavin, J. (1997) Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. *Psychology of Women Quarterly*, vol. 21, no. 4, pp. 645–662. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00136.x> (In English)
- Yalcintas, S., Pike, A. (2023) Child temperament and child-care support are related to better mother-child relationship quality. *Child Studies*, vol. 2, pp. 69–86. <https://doi.org/10.21814/childstudies.4511> (In English)
- Zakharova, E. I. (2015) Osvoenie roditel'skoj pozitsii kak traektoriya vozrastno-psikhologicheskogo razvitiya v zreлом vozraste [Mastering the position of a parent as a trajectory of age psychological development an adulthood]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, vol. 11, pp. 151–156. EDN: VHOFRP. (In Russian)
- Zaluzhnaya, M. V., Zayarnaya, M. V. (2019) Otvetstvennoe roditel'stvo v kontekste rossijskikh realij [Responsible parents in the context of the Russian realities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya — Modern Problems of Science and Education*, vol. 4. [Online]. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29002> (accessed 18.08.2024). (In Russian)
- Zahr, L., Cole, J. (1991) Assessing maternal competence and sensitivity to premature infant cues. *Issues in Comprehensive Pediatric Nursing*, vol. 14, no. 4, pp. 231–240. <https://doi.org/10.3109/01460869109009040> (In English)
- Zhang, S., Aquino, G. A., Tian, Z. et al. (2023) Mothers' resilience and potential for disrupted parenting in COVID-19: The protective effect of cognitive reappraisal. *Journal of Family Psychology*, vol. 37, no. 5, pp. 603–613. <https://doi.org/10.1037/fam0001103> (In English)
- Zhuravlev, A. L., Kharlamenkova, N. E. (2009) Psikhologiya lichnosti kak otkrytoj i razvivayushchejsya sistemy (k yubileyu L. I. Ancyferovoj) [Personality psychology as an open and developing system (to L. I. Antsyferova's jubilee)]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 30, no. 6, pp. 30–39. EDN: LJUZBX (In Russian)
- Zietlow, A. L., Schlüter, M. K., Nonnenmacher, N. et al. (2014) Maternal self-confidence postpartum and at pre-school age: The role of depression, anxiety disorders, maternal attachment insecurity. *Maternal and Child Health Journal*, vol. 18, no. 8, pp. 1873–1880. <https://doi.org/10.1007/s10995-014-1431-1> (In English)
- Zlotnick, C., Manor-Lavon, I. (2023) Resilience, optimism and posttraumatic growth in first-time mothers. *Research in Nursing & Health*, vol. 46, no. 6, pp. 576–590. <https://doi.org/10.1002/nur.22338> (In English)

Сведения об авторе

Мария Александровна Коргожа, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
 SPIN-код: 1547-7742, Scopus AuthorID: 57777877100, ResearcherID: AAW-1882-2020, ORCID: 0000-0001-8422-1772,
 e-mail: ma.korgozha@gpmu.org

Author

Maria A. Korgozha, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Saint Petersburg State Pediatric Medical University
 SPIN: 1547-7742, Scopus AuthorID: 57777877100, ResearcherID: AAW-1882-2020, ORCID: 0000-0001-8422-1772,
 e-mail: ma.korgozha@gpmu.org

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК:37.018.12

EDN BUFGYJ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-432-443>

Научная статья

Семейные ценности и традиции воспитания в России и Сербии: ретроспективный анализ и современные проблемы

О. Б. Михайлова ^{✉1}, И. Корач ²

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

² Академия искусств, Университет в Нови Сад, 21000, Республика Сербия, г. Нови-Сад, ул. Джуре Якшича, д. 7

Для цитирования: Михайлова, О. Б., Корач, И. (2024) Семейные ценности и традиции воспитания в России и Сербии: ретроспективный анализ и современные проблемы. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 432–443. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-432-443> EDN BUFGYJ

Получена 3 сентября 2024; прошла рецензирование 12 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. Б. Михайлова, И. Корач (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Проблема воспитания личности и особенно проблема семейного воспитания — одни из центральных в современных научно-практических исследованиях. В статье представлены культурно-исторические и психолого-педагогические основы, на которых формировалось и продолжает развиваться семейное воспитание в России и в Сербии. Цель работы — исторический и кросс-культурный анализ психолого-педагогических особенностей ценностей и традиций семейного воспитания в двух странах с близкой языковой и ментальной культурой. Объектом исследования стали ценности и традиции семейного воспитания. Предмет исследования — ретроспективные характеристики ценностей и традиций семейного воспитания в России и Сербии.

Материалы и методы. Основными методами исследования являются теоретический анализ, синтез и интерпретация научных материалов, которые позволили авторам выделить характерные особенности, проблемы и перспективы дальнейших научно-практических направлений исследований семейного воспитания в России и Сербии.

Результаты исследования. В содержании статьи представлен ретроспективный анализ истоков русских традиций семейного воспитания, описанных в исторических литературных источниках и работах российских педагогов XIX — начала XXI веков (К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, В. А. Караковский). Были определены современные базовые традиции семейного воспитания в России. Кроме того, в статье дано подробное описание исторических традиций и ценностей семейного воспитания в Сербии на примере традиции Крестной Славы. В работе представлены сербские педагоги и просветители XIX–XX веков (В. Бакич, Й. Миодрагович, С. Аджич, В. Младенович, С. Мркаль, В. Йованович, С. Топалич), которые в своих трудах уделяли внимание основным направлениям семейного воспитания в Сербии. Авторы статьи проанализировали ряд современных исследований сербских ученых (Н. Пантелич, С. Б. Бодрошки-Спариосу, М. Сенич-Ружич, Р. Пантич, М. Шарантич и др.), связанных с проблемами и перспективами семейного воспитания. **Заключение.** Результаты исследования позволили определить основные проблемы семьи и современного семейного воспитания, которые существуют в России и Сербии. Кроме того, авторы представили перспективные направления дальнейших кросс-культурных исследований в области заявленной проблематики.

Ключевые слова: семейное воспитание в России и Сербии, ценности, традиции, проблемы и перспективы, кросс-культурный анализ

Research article

Family values and parenting traditions in Russia and Serbia: A retrospective analysis and contemporary problems

O. B. Mikhailova ^{✉1}, I. Korac ²

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russia

² Academy of Arts, University of Novi Sad, 7 Djure Jaksica Str., Novi Sad 21000, Republic of Serbia

For citation: Mikhailova, O. B., Korac, I. (2024) Family values and parenting traditions in Russia and Serbia: A retrospective analysis and contemporary problems. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 432–443. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-432-443> EDN BUFGYJ

Received 3 September 2024; reviewed 12 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. B. Mikhailova, I. Korac (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The moral and values education — especially, in families — is a central problem in modern theoretical and applied psychology research. This article focuses on the cultural-historical and psychological-pedagogical foundations that have underpinned moral and values education in Russian and Serbian families. The authors carry out a historical and cross-cultural analysis of parenting values and traditions in the two countries which have similar linguistic and mental cultures.

Materials and Methods. The main methods include theoretical analysis, synthesis and interpretation of research materials. These methods allowed us to identify the specific features and problems of theoretical and applied research of parenting in Russian and Serbian families and identify the potential areas for future studies.

Results. The article presents a retrospective analysis of the origins of parenting traditions in Russian families as described in historical literary sources and works of Russian teachers (K. D. Ushinsky, A. S. Makarenko, V. A. Sukhomlinsky, V. A. Karakovsky) of the 19th — early 21st centuries. Modern basic traditions of parenting in Russian families were also identified. The article relies on the tradition of *Krestnaya Slava* celebration to provide a detailed description of the historical traditions and values of parenting in Serbian families. The authors present the materials from works by Serbian teachers and educators of the 19th–20th centuries (V. Bakić, J. Miodragović, S. Adzic, V. Mladenovic, S. Mrkalj, V. Jovanovic, S. Topalic), who focused on the main elements of parenting in Serbian families. The authors analyzed a number of parenting studies by modern Serbian scholars (N. Pantelić, S. B. Bodroški-Spariušu, M. Senich-Ružić, R. Pantich, M. Šarantić, etc.).

Conclusions. The study identified the main problems of families and parenting in Russia and Serbia. In addition, the authors presented promising areas for further cross-cultural research on the topic.

Keywords: parenting in Russian and Serbian families, values, traditions, problems and prospects, cross-cultural analysis

Введение

Семья была, есть и будет одной из главных общечеловеческих ценностей, основой жизнестойкости и жизнеспособности человека разумного на нашей планете. Сейчас институт семьи переживает очередной кризис на фоне исторического развития общества в XXI веке. Следует отметить, что одной из предпосылок сегодняшнего кризиса семейных отношений стали, как это ни парадоксально, достижения XX века в области образования.

В XX веке структура и модели семейных отношений радикально и стремительно менялись

под влиянием положительных социальных достижений: 1) равноправие полов; 2) всеобщее образование; 3) активное включение женщин в социально-экономическую и социально-политическую сферу; 4) освоение женщинами значительного количества профессий.

Вместе с тем появились и отрицательные тенденции социально-экономического развития общества: 1) чрезмерная пропаганда и социальная поддержка профессиональной активности женщины; 2) снятие социальной ответственности и исчезновение возможности для мужчины по обеспечению экономического благополучия семьи; 3) депопуляризация статуса

домохозяйки и «хранительницы очага»; 4) экономическая необходимость работать обоим супругам; 5) стремление современной женщины к профессиональной самореализации в ущерб интересам семьи.

Данные тенденции не могли не отразиться на семейном воспитании. Если в XX веке в странах социалистической направленности развития проблемами воспитания активно занимались государство и школа, то в XXI веке на фоне смены общественно-экономической формации практически вся ответственность за воспитание была делегирована семье. Это случилось в тот период, когда институт семьи переживает острый психологический, социальный и экономический кризис.

Вышеперечисленные проблемы необходимо решать, чтобы помочь преодолеть кризис семейных отношений и семейного воспитания, который переживают сегодня и европейские страны, и российское общество. Одним из путей преодоления обозначенного кризиса является возвращение к общечеловеческим и национальным ценностям, в частности, семейным ценностям, укрепление традиций семейных отношений и семейного воспитания.

Исторические основы традиций семейного воспитания в России

Воспитание в широком смысле можно рассматривать как систематическое «питание» личности ценностями, моральными принципами и нормами отношений и поведения человека в обществе, которые складывались в исторических традициях социума тысячелетиями (Михайлова, Корач 2023). В ходе разработки современных подходов и технологий семейного воспитательного процесса целесообразно обращаться к историческому наследию прошлого. В работах великих российских и европейских педагогов неоднократно подчеркивалась роль семьи в становлении личности.

В России одно из первых педагогических и политических произведений — «Поучение Владимира Мономаха детям» (XII век) — содержит указания на основные нравственные направления развития личности.

В 1628 году вышло одно из первых научных произведений о семейном воспитании — «Материнская школа», написанное выдающимся славянским мыслителем и педагогом, основателем педагогики как науки Яном Амосом Коменским. Указывая на первостепенную роль семейного воспитания, Я. А. Коменский выделял несколько направлений: 1) вера; 2) нравствен-

ность и благочестие; 3) образование (знание языков и наук) (Бондырева, Бушмарина 2021).

В то же время в первой половине XVI века в России появилась книга «Домострой», где регламентировалась система взаимоотношений внутри семьи между мужем и женой, родителями и детьми. Как считает А. Д. Экономова, в данном произведении роль женщины представлена как советчица мужа, хранительница семейных ценностей и традиций, ответственная за ведение домашнего хозяйства и организацию быта (Экономова 2022).

Переосмысление исторической ценности «Домостроя» происходит в наши дни, когда на фоне трансформации гендерных ролей, в том числе и в семейном воспитании, необходима историческая реконструкция социально-значимых обязанностей, которые были распределены в семье. В работе Т. И. Липич и А. Ю. Дмитриичук указывается, что в «Домострое» ответственность за экономическое благополучие, физическое и духовно-нравственное здоровье всей семьи входила в обязанности мужчины (Липич, Дмитриичук 2017). Анализируя ценности семьи и традиции воспитания, С. К. Бондырева и Н. Н. Бушмарина отмечают, что «в России во все времена критиковались мужчины особого социального положения — холостяки» (Бондырева, Бушмарина 2021, 144). Однако авторы констатируют, что в настоящее время происходят изменения в области построения семейных отношений, так как значительное число современных молодых людей, как юношей, так и девушек, не готовы и не хотят брать ответственность за создание семьи. Это не их вина, это результат системы образования последних тридцати лет, в которой не было места психолого-педагогической подготовке будущих поколений к семейной жизни. Напомним, что предмет «Этика и психология семейной жизни», который в 80-х годах XX века в СССР преподавали старшеклассникам и учащимся средних специальных учебных заведений, был исключен из программы среднего образования. Четыреста лет назад в России читали «Домострой» как литературный свод правил и традиций в семейных отношениях, а в XXI веке современные ученики не имеют ни предмета, ни учебной литературы, формирующих представление о семейных ценностях и традициях.

Основатель научной педагогики и педагогической психологии в России К. Д. Ушинский (1823–1870) придавал большое значение в воспитании детей изучению культурного наследия и национальных традиций. Он определял семью как естественную среду, где формируются

нравственные установки и ценности, ролевые модели поведения мужчин и женщин, отца и матери. В работах К. Д. Ушинского выделены три ключевых принципа семейного воспитания: 1) любовь и забота, 2) пример родителей; 3) игра и труд как средства развития ребенка в семье (Ткаченко 2024).

Идеи педагогов XIX века о сущности и важности семьи в развитии личности продолжили многие выдающиеся педагоги СССР, в том числе А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский. Советский педагог и писатель первой половины XX века А. С. Макаренко (1888–1939) в своих работах декларирует идеологические составляющие семейного воспитания в социалистическом обществе: авторитет и пример родителей; игра и дисциплина; трудовое и нравственное воспитание. Он обращал внимание на то, что, несмотря на ведущую роль общественной среды в новом обществе в воспитании детей и молодежи как будущих граждан, семья играет особое значение: «Наше общество возлагает на родителей большую ответственность за воспитание детей, а также требует от родителей, чтобы они воспитывали из молодежи достойных нашей эпохи людей: высокоморальных, трудолюбивых, энергичных, смелых и настойчивых, здоровых и жизнерадостных» (цит. по: Абалова 2022, 6).

Одним из инициаторов обучения этике семейной жизни в советской школе стал выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский (1918–1970). В образовательной программе Павлышской средней школы, которой он руководил с 1948 по 1970 годы, были введены педагогические инновации, в том числе уникальный учебный курс «Семья. Брак. Любовь. Дети» (Лыкова, Майер 2023). Важно, что данный предмет рассматривался В. А. Сухомлинским как один из главных учебных курсов, способствующих подготовке молодого человека к взрослой жизни. Целью предмета являлось понимание сущности и смысла семейной жизни и взаимоотношений в семье. Основная идея заключалась в понимании учащимися, что рождение и воспитание детей — главное предназначение семьи. В. А. Сухомлинский проводил просветительскую работу как с учениками, так и с родителями, подчеркивая важность рождения и воспитания детей как основного предназначения семьи. Он был убежден в том, что проблемы семьи основаны на деформации взаимоотношений между родителями, поэтому подрастающее поколение нужно целенаправленно готовить к семейным отношениям, к роли отца и матери (Лыкова, Майер 2023).

Трансформация системы образования 90-х годов XX века в России серьезным образом ска-

залась, прежде всего, на процессах воспитания. Активное делегирование воспитательного процесса семье в последние тридцать лет в системе российского образования под влиянием идей западной педагогики принесло трагические результаты в виде растущего инфантилизма, гедонизма, консьюмеризма и нравственного цинизма современной молодежи (Михайлова, Корач 2023). Следует отметить, что в это сложное для психолого-педагогических наук время уникальный педагог и директор средней школы № 825 г. Москвы Владимир Абрамович Каракровский (1932–2015) предлагал свою систему воспитания личности в рамках образовательного процесса. Он отстаивал ценности и традиции отечественной системы образования и воспитания: «Почему мы должны готовить своих ребят к вступлению в американский социум?... Взять и просто пересадить с американской на русскую почву образовательную модель — это значит начисто разрушить русское образование. Это унижает мое педагогическое достоинство» (Каракровский 2008, 45). В уникальной книге «Стать человеком. Общечеловеческие ценности — основа целостного учебно-воспитательного процесса» В. А. Каракровский просто и четко излагает свою систему общечеловеческих ценностей, на которые должна опираться современная система воспитания и образования. Среди выделенных семи глобальных ценностей автор определяет семью «как начальную структурную единицу общества, естественную среду развития ребенка» (Каракровский 1993, 7). Очень своевременно (1993 г.) В. А. Каракровский указывает на задачи педагога во взаимодействии с семьей: «В чем сегодня состоит актуальная задача педагога? Во взаимодействии и согласии с родителями воспитать у ребят чувство чести рода, ответственность за фамилию, осознание истории семьи как части истории народа, изучение образов и деяний предков, забота о продолжении рода, сохранении и умножении его добрых традиций» (Каракровский 1993, 9).

К сожалению, потребовались еще тридцать лет для того, чтобы в наше время в научно-практической деятельности педагоги и психологи стали разрабатывать в теории и внедрять на практике модели социально-психологического сопровождения семейного воспитания.

После длительного перерыва вопросы и проблемы семейного воспитания в нашей стране стали предметом особого внимания не только психологов и педагогов, но и государства в целом. Следует отметить, что прежде всего важна подготовка будущих поколений к семейной жизни, передача традиций и ценностей, формирование

нравственного иммунитета, который должен противостоять технологиям разврата и невежества, прорывающимся в бурных потоках интернет-среды. Этому неуправляемому потоку, который несет в себе много положительного и отрицательного, в том числе асоциальные и аморальные ценности, современные родители не могут и не должны противостоять в одиночку. Необходимо учить тому, как стать и быть мужем и женой, родителем. Учить целенаправленно и систематически, опираясь на национальные традиции и педагогическое наследие, а также на общечеловеческие ценности и традиции других народов.

Современные российские исследователи И. А. Лыкова и А. А. Майер выделяют несколько базовых традиций, основанных на анализе современных ценностей российской семьи: 1) уважение старших и забота о младших; 2) любовь к родному языку; 3) разделение в трудовом воспитании обязанностей мальчиков и девочек; 4) бережное отношение ко всему живому на планете, экологичность воспитания; 5) воспитание личности в семейном коллективе; 6) духовно-нравственные приоритеты, основанные на общечеловеческих ценностях; 7) опора на национальные традиции в воспитании (Лыкова, Майер 2022).

Анализ ценностей и традиций семейного воспитания в Сербии

В данной статье мы предлагаем рассмотреть традиции и ценности воспитательной системы в семье, которые сложились не только в России, но в Сербии. Обращение к традициям и ценностям семейного воспитания в Сербии было обусловлено значительной общностью языковых, религиозных и общекультурных особенностей наших народов. Россию и Сербию связывает общность исторических событий, которые переживали два духовно близких народа на протяжении многих веков. В Сербии накоплен интересный опыт православных семейных традиций, которые имеют свои отличительные особенности. На протяжении нескольких веков Сербия переживала много драматических эпизодов, включая римское господство и влияние Византийской империи, создание сильного государства в Средние века, османское владычество и борьбу за независимость. Особенно сложно сербам было сохранить свою идентичность под властью Османской империи, продлившейся более 400 лет. В такой непростой политической ситуации сербам удалось не только сохранить свою идентичность под влиянием иной культуры, но и веру,

язык, культурные традиции, а также продолжить борьбу за свою независимость.

Безусловно, традиции и ценности семейного воспитания сыграли в данном случае одну из главных ролей. Национальную идентичность сербов, позволяющую сохранить этнокультурные традиции на протяжении многих веков, составляют три основных компонента: 1) религиозно-ценностный; 2) собственно национальный компонент и 3) исторически-региональный (Jovanović 2015).

Религиозно-ценностный компонент семейного воспитания — один из фундаментальных в формировании и сохранении сербской национальной идентичности. В современной Сербии свято сохраняется традиция одновременного светского бракосочетания молодоженов и венчания в церкви. Многие современные семьи живут по православным заповедям и придерживаются религиозных традиций.

Отдельно стоит рассмотреть такую уникальную традицию православных сербов, как Крестная Слава. Слава или крестильное имя — древний народный обычай у сербов, имеющий религиозный смысл и содержание. Традиция передается из поколения в поколение, как правило, по мужской линии родства (Павковић 2015).

Сейчас этот семейный религиозный праздник существует только в Сербии и Черногории. Эта многовековая традиция — основа сербской идентичности, она выражает особенности самосознания сербского народа, объединившего православные принципы «веры и крови», духовного и национального (Матко 2015). Эта традиция включена в реестр объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО (Адоньева 2021). Крестная Слава — важнейший праздник одного из святых сербской православной церкви, покровителя всей семьи и целого рода. Праздник отмечается один раз в год в день памяти святого, которому посвящена Крестная Слава.

Традиция чествования святого покровителя семьи передается по мужской линии из поколения в поколение, отец передает семейную традицию сыну. Девушка до свадьбы празднует Крестную Славу отца, а после свадьбы празднует этот праздник в своей семье вместе с мужем, который унаследовал эту традицию от своих предков. Как считает С. Б. Адоньева, традиция «поддерживает принцип мужского старшинства и порядок иерархии семьи» (Адоньева 2021, 453). Крестная Слава является главным семейным праздником, который отмечается весь день, а иногда и несколько дней. Семья принимает гостей, существуют национальные традиции

организации трапезы и обязательное наличие на столе национальной еды. Гости общаются между собой, а хозяева любезно исполняют желания своих гостей. Уникальность праздника в том, что никто из гостей не приглашается, потому что, все родственники и близкие люди, друзья и кумовья, с которыми семья общается, но которые не празднуют в этот же день свою Крестную Славу, уже приглашены и могут прийти в любое время дня.

Таким образом, исследователи считают, что традиция Крестной Славы имела и имеет важное национальное и социальное значение: традиция праздновать Крестную Славу позволила сохранить в исторически сложное время на Балканах связь с предками, связь поколений, связь со своим народом вне зависимости от политической ситуации и места проживания (Павковић 2015).

Традиция Крестной Славы пережила и мировые войны, и времена социалистической Югославии, и трагический период распада балканского государства. Порядок мужского главенства в современной сербской православной семье сохранился. Отмечается, что «эта семейная традиция существенно отличает особенности семейных ритуалов сербов от семейных традиций в России» (Адоньева 2021, 453).

Развитие образования в Сербии в XVIII–XIX веках положило начало развитию педагогической науки, которая, с одной стороны, формировалась под влиянием научных работ европейских ученых (Я. А. Коменский, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци), а с другой стороны, опиралась на нравственные основы православного воспитания, которые внесли в научную педагогику сербские просветители. Значительную роль в развитии сербской педагогики сыграл Сава Мркаль (1813–1870), который был одним из первых сербских педагогов и просветителей, работавших над развитием образования и воспитания в Сербии. Его научные труды также включали аспекты семейного воспитания, особенно в контексте важности образования в семье.

Следует отметить работы Войслава Бакича (1847–1929), который пропагандировал патриархально-консервативный стиль воспитания детей, подчеркивая важность авторитета отца в семье, его роль старейшины, ответственного за порядок внутри семейных отношений (Матејевић, Ђорђевић 2019). В работах В. Бакича подчеркиваются ключевая роль семьи в формировании нравственного воспитания ребенка, значение материнской любви к детям, а также важность педагогического образования обоих родителей и последовательность их воспита-

тельных методов (Рајчевић, Минић 2022). Йован Миодрагович (1854–1926), педагог, автор многочисленных педагогических трудов, редактор нескольких журналов, переводчик «Великой дидактики» Я. А. Коменского на сербский язык, писал о семье как ключевом факторе воспитания детей, о значении семейных ценностей и традиций для развития общества, считал, что воспитание в семье является основой развития не только подрастающего поколения, но и всего общества (Матејевић, Ђорђевић 2019). Кроме того, Сретен Аджич (1856–1933), педагог, основатель и директор Учительской школы, также подчеркивал ключевую роль семейного воспитания в развитии личности, обращал внимание на уважение к личности ребенка, на важность ненасильственного воспитания и родительской поддержки, наполненной нежностью, пониманием, любовью и теплом (Ковачевић и др. 2023).

Владимир Йованович (1864–1921) — педагог и просветитель, развивавший идеи образования в контексте семейной среды и образовательной системы. Сава Топалич (1858–1937) — известный педагог и просветитель, в своих произведениях подчеркивал важность семьи в воспитании, особенно в контексте развития нравственных и интеллектуальных способностей детей.

Войслав Младенович (1884–1964), выдающийся сербский педагог, профессор и директор учительских школ, также выделял значение семьи, ее ценностей и традиций семейного воспитания для развития личности и общества в целом. В работах В. Младеновича семья рассматривается как важнейшее ядро социальной общности, целью образования, по его мнению, является социальная интеграция личности в общество, поскольку личность как таковая существует только внутри определенного социума.

Несмотря на то что во взглядах перечисленных педагогов имеются различия в понимании природы личности ребенка, в определении понятия и цели образования, их значении в развитии детей, авторы сходятся во мнении относительно понимания важности роли семьи как среды, в которой происходит первичная социализация детей на основе нравственных ценностей.

После Второй мировой войны в Сербии стали развиваться педагогические подходы, близкие к подходам советской педагогики, основанные на социалистических принципах воспитания. В диалоге о приоритетах в воспитательном процессе личности семьи и общества отдавали приоритет общественному воспитанию. Однако,

по мнению Матейевич и Дорджевич, уже в 1950-х годах важность семьи, ее ценностей, ее воспитательных принципов и функций вновь признается основополагающей (Матейевич, Ђорђевић 2019).

В конце XIX века в Сербии, как и в России, активно развивалось движение за женское равноправие, что постепенно изменило роль и статус женщины в семье в процессе модернизации сербского общества в XIX–XX веков. Анализируя многочисленные работы современных сербских исследователей, Л. В. Лобачева делает следующий вывод: «В XIX в. сербский народ обретает государственную независимость, создает собственное законодательство и организовывает собственные учреждения. В то же время это — начало эмансипации женщины, её образования и выхода за границы дома и семьи» (Лобачева 2022, 377).

В XX веке под воздействием модернизации семейных отношений сербская семья сталкивается с конфликтом традиционной и современной систем ценностей и переживает те же трансформации, что и семьи в СССР и постсоветский период. Однако, несмотря на влияние антирелигиозной политики во времена социалистической Югославии, сербской семье в конце XX века удалось сохранить ценности и традиции патриархальности.

Сербский ученый Н. Пантелич, проводя исследования в нескольких сербских городах (Крушевац, Шабац, Ужице и Бор), анализировал систему взаимоотношений в семьях представителей различных социальных слоев населения, отличающихся по своему составу и уровню образования (Пантелић 2007). Исследование выявило различие в способах ведения хозяйства и организации быта, в уровне образования респондентов, структуре дохода и потребления. Тем не менее, различий в системе ценностей и традиций, понимании функций семьи, особенностях детско-родительских отношений между городскими и сельскими семьями выявлено не было.

В результате своих исследований Н. Пантелич пришел к выводу, что традиции городской семьи мало отличаются от традиций сельской семьи. Количество семей, которые не соблюдают народные традиции, обычаи и ценности, оказалось малочисленным. Сохранению традиций, по мнению исследователя, способствуют традиционные мужские и женские роли в семье, а также традиционная система обязательного систематического общения в семье между поколениями на семейных традиционных православных праздниках (Пантелић 2007).

Распад в 90-е годы XX века Югославии и создание независимых государств повлияли на возрождение этнических и религиозных традиций. Ценности и религиозные традиции сплотили сербские семьи и помогли пережить трагические события, которые последовали за распадом Югославии.

Исследование, проведенное В. Милтоевич в 2013 году среди студентов университета Белграда на выборке в 430 человек, показало, что семья в иерархии системы ценностей у студентов занимает первое место (49%), далее идут здоровье (25%) и такие ценности, как образование, работа, друзья, свободное время, политика, религия, материальное благосостояние и общественная деятельность. Среди тех студентов, которые поставили в иерархии ценностей семью на десятое, последнее место, оказалось в три раза больше девушек, чем юношей. Среди сербских студентов 62,3% определили отношения в семье как отношения взаимного понимания и 25,3% — как теплые и дружеские. При выборе системы воспитания для своих будущих детей сербские студенты ответили, что будут опираться на модель, которая была принята в их семье, или будут воспитывать своих детей «приблизительно таким же способом» (Милтоевич 2013). Результаты проведенного исследования показали, что современная сербская молодежь осознает ценность семьи в современном обществе, отношения в семье они оценивают как дружеские, большинство из них опираются на семейные традиции в воспитании своих будущих детей, для создания семьи им необходима финансовая независимость и возможность содержать свою семью (Милтоевич 2013).

Современные работы сербских коллег посвящены исследованию роли семьи в современном обществе, культуре и политике родительства. Большое внимание уделяется взаимодействию семьи и школы и активизации участия семьи в образовании детей.

Как отмечают Б. С. Бордошки-Спариосу и М. Сенич-Ружич, требование профессионализации роли родителей является результатом политизации воспитания детей. Эти идеи впервые появляются в англоязычных странах, а позднее и в континентальной Европе (Бодрошки и др. 2020). Авторы считают, что акцент делается на всех повседневных родительских практиках, которые связаны с благополучием общества в целом, и делают вывод, что в современном обществе родители в результате воспитания своих детей несут ответственность за проблемы в обществе. В связи с этим, с одной стороны, на родителях лежит ответственность за воспи-

тание новых поколений, с другой стороны, мнение родителей подвергается сомнению. Современные сербские родители нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении и рекомендациях по воспитанию детей со стороны образовательных учреждений и общества.

В одной из своих последних работ Биляна Бордошки-Спариосу и Наташа Духанай анализируют современные модели участия родителей в образовании детей на основе проведенных международных исследований о партнерских моделях взаимоотношения семьи и школы. Авторы приходят к выводу, что в практику современного семейного воспитания активно включаются политики, экономисты, юристы, социологи в контексте неolibеральной образовательной политики. Однако сербские ученые подчеркивают важность сохранения педагогических и семейных ценностей и традиций, которые формировали и развивали систему взаимоотношений семьи и школы на протяжении нескольких веков (Бодошки и др. 2024).

Интересен опыт взаимодействия семьи и школы в ряде городов современной Сербии, который описан в исследовании Т. Ф. Сусловой и С. Дамнянович. На протяжении многих лет в Сербии существуют национальные ассоциации родителей. В одиннадцати городах созданы клубы родителей и педагогов, которые осуществляют мониторинг психолого-педагогических проблем взаимодействия семьи и школы и находят пути решения этих проблем, проводят различные культурные и спортивные мероприятия (Суслова, Дамнянович 2023).

Мария Шаранич и Ивана Пантич в работе «Родительство между критикой современной культуры и реальными потребностями в поддержке» отмечают, что в современном образовании важна профессиональная и научная поддержка семьи и института родительства (Šarančić, Pantić 2024). Тем не менее, авторы констатируют: то, что раньше казалось естественным в семейных отношениях и было личным делом семьи, в современной западной науке становится предметом дискуссий о влиянии семейного воспитания на последующие поколения и общество в целом. Попытка создать новую семейную культуру взаимоотношений между родителями и детьми в рамках новой семейной политики рассматривается как давление на родителей со стороны общества, которое выдвигает слишком большие требования и возлагает слишком большую ответственность на семью в процессе образования и воспитания детей. Авторы, соглашаясь с мнением своих сербских коллег (Senić Ružić et al. 2023), обращают внимание на необ-

ходимость поддержки семьи с помощью интеграции и сотрудничества специалистов из разных областей наук, кроме того, исследователи считают, что образовательная система современной школы должна предоставить возможность для просвещения, обучения и консультирования родителей по проблемам семейных отношений и воспитания (Šarančić, Pantić 2024).

Обсуждение проблем и перспектив исследования

Представленный ретроспективный анализ ценностей и традиций семейного воспитания в России и Сербии выявил ряд общих особенностей в системе семейного воспитания: 1) приоритет нравственного воспитания, основанного на религиозных ценностях; 2) уважение к старшим; 3) любовь к детям; 4) равноправие супругов в браке.

В исследовании, которое было проведено В. А. Березняк среди российских и сербских студентов с помощью экспертного интервью, было выявлено, что сербские и российские студенты переживают трансформацию ценностных ориентаций, в том числе семейных. Однако семейные ценности не теряют своей значимости для молодых людей, и основой благополучной семьи, по мнению молодых людей из Сербии и из России, являются любовь и доверие между супругами. Ценность самосохранения — одна из приоритетных для молодых людей, они указывают на важную роль семьи в их самосохранении и жизнеспособности (Березняк 2018).

Сравнительный анализ многочисленных научных работ показал, что семейные религиозные патриархальные традиции более выражены в Сербии.

Проведенный теоретический анализ также позволил выделить ряд проблем современной семьи, свойственных для обеих стран. Как для России, так и для Сербии общими проблемами института семьи являются: 1) низкая рождаемость; 2) демографическое старение; 3) поздняя сепарация детей от родителей; 4) увеличение числа незарегистрированных (гражданских) браков; 5) рост числа разводов; 6) рост числа конфликтов в семье между поколениями.

Перспективы исследования проблем и направлений психолого-педагогического сопровождения родительства и семейного воспитания в России и Сербии могут быть реализованы в совместных международных проектах. Важно продолжать исследования, посвященные сравнительному анализу религиозных и духовно-нравственных основ семейного воспитания,

а также изучению специфики детско-родительских и межпоколенческих отношений в сербских и российских семьях, близких по культуре и менталитету. Особый интерес вызывают исследования особенностей взаимоотношений в русско-сербских семьях, которые живут как на территории России, так и на территории Сербии.

Выводы

Полученные результаты теоретического анализа позволяют нам сформулировать основные кросс-культурные направления в работе с институтом семьи по сохранению и развитию семейных ценностей и традиций в воспитательном процессе:

- внедрение в систему среднего и высшего образования специальных предметов для подростков и юношества об этике и психологии семейных отношений;
- разработка и внедрение новых государственных программ и технологий воспитательного процесса в систему современного образования;
- систематическая просветительская и консультативная работа с семьей по вопросам и проблемам детско-родительских и супружеских отношений;
- трансляция семейных ценностей и традиций с использованием всех средств современной массовой информации;
- активное взаимодействие работников образования, педагогов и психологов с семьей на всех ступенях образовательного процесса ребенка;
- активизация кросс-культурного взаимодействия в международных исследованиях, посвященных проблемам изучения, сохранения и продвижения общечеловеческих ценностей, нравственному и психологическому благополучию современной семьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи: О. Б. Михайлова — теоретическое обоснование истории и традиций русского воспитания и анализ современной литературы по проблемам воспитания в Сербии; И. Корач — теоретический анализ истории и традиций воспитания в Сербии.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article. O. B. Mikhailova — theoretical substantiation of the history and traditions of Russian education and analysis of modern literature on the problems of education in Serbia. I. Korach — theoretical analysis of the history and traditions of education in Serbia.

Литература

- Абалова, А. А. (2022) Актуальные проблемы современного семейного воспитания в творчестве А. С. Макаренко. *Учитель и время*, № 17, с. 4–11. EDN: [FUIEZZ](#)
- Адоньева, С. Б. (2021) Ритуал Крестной Славы и патриархальный порядок: антропологический этюд. *Русский фольклор: Материалы и исследования*, № 38, с. 448–455. <https://doi.org/10.31860/0136-7447-2021-38-448-472>
- Березняк, В. А. (2018) Религиозные и семейные ценности в структуре самосохранительных ценностных ориентаций студентов России и Сербии. *Социология религии в обществе позднего модерна*, т. 7, с. 56–66. EDN: [YNNJLR](#)
- Бондырева, С. К., Бушмарина, Н. Н. (2021) Семейное воспитание: традиции и ценности. *Мир образования — образование в мире*, № 2 (82), с. 141–146. EDN: [TEHVTS](#)

- Караковский, В. А. (2008) *Воспитание для всех*. М.: Изд-во Научно-исследовательских институтов школьных технологий, 240 с.
- Караковский, В. А. (1993) *Стать человеком. Общечеловеческие ценности — основа целостного учебно-воспитательного процесса*. М.: Творческая педагогика, 80 с.
- Липич, Т. И., Дмитрийчук, А. Ю. (2017) Семья в философско-культурологическом осмыслении. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, № 10 (259), с. 146–150. EDN: [ZCJEIL](#)
- Лобачева, Ю. В. (2022) Женщина в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.: к историографии вопроса. В кн.: Т. В. Волокитина (ред.). *Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы. XVIII–XXI вв.* М.: Изд-во Института славяноведения РАН, с. 369–394. <https://www.doi.org/10.31168/7576-0477-0.4.1>
- Лыкова, И. А., Майер, А. А. (2022) Систематизация традиций семейного воспитания: социально-педагогический классификатор. *Science for Education Today*, т. 12, № 5, с. 200–224. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.11>
- Лыкова, И. А., Майер, А. А. (2023) Адресное сопровождение семейного воспитания в контексте наследия В. А. Сухомлинского. *Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО*, № 4, с. 41–53. EDN: [AFVNAX](#)
- Милтоевич, В. (2013) Семья как ценностная ориентация сербских студентов. *Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Социология*, № 1, с. 143–152. EDN: [PUORUX](#)
- Михайлова, О. Б., Корач, И. (2023) Формирование и развитие гражданской идентичности молодежи в процессе образования: кросс-культурный анализ проблемы. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, вып. 6, с. 390–396. <https://www.doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-49>
- Суслова, Т. Ф., Дамнянович, С. (2023) Оценка учителями и родителями уровня взаимодействия семьи и школы в системе начального образования Сербии. В кн.: О. И. Кабалина (ред.). *Актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований. Материалы международной научно-практической конференции. XVIII Левитовские чтения 12–13 апреля 2023 г.* М.: Изд-во Государственного университета просвещения, с. 680–686. EDN: [FOFEGT](#)
- Ткаченко, С. А. (2024) Семейное воспитание в творчестве К. Д. Ушинского. *Антропос: Логос и Теос*, № 10, с. 195–200. EDN: [EZHEGK](#)
- Экономова, А. Д. (2022) Гендерные доминанты в истории русского языка: образ женщины «от Домостроя до светской львицы». *Глобальный научный потенциал*, № 7 (136), с. 113–117. EDN: [TAVDEZ](#)
- Бодрочки Спарису, Б. С., Духанай, Н. В. (2024) Родитељска укљученост у деље образовање: концепт и модели. *Иновације у настави*, т. 37, № 1, с. 1–15. <https://www.doi.org/10.5937/inovacije2401001B>
- Бодрочки Спарису, Б. С., Сенић Ружић, М. (2020) Савремена култура родитељства: педагошке импликације. *Зборник Института за педагошка истраживања*, т. 52, № 1, с. 7–39. <https://doi.org/10.2298/ZIPI2001007B>
- Ковачевић, Н. С., Мушикић Поповић, И. Б. (2023) Допринос Сретена Аџића развоју и раду мушке учитељске школе у Јагодини. *Društvene i humanističke studije*, т. 8, № 1 (22), с. 237–254. <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2023.8.1.237>
- Матејевић, М., Ђорђевић, М. (2019) Компаративна анализа породичне педагогије у студијским програмима педагогије Филозофских факултета у Србији и окружењу. *Годишњак за педагогију*, № 4 (2), с. 7–19. <https://doi.org/10.46630/gped.2.2019.01>
- Матко, С. П. (2015) Утицај хришћанских вредности породичног васпитања на васпитање и образовање у друштву. *Иновације у настави*, т. 28, № 2, с. 97–104.
- Павковић, Н. Ф. (2015) Слава или Крсно име код Срба. *Гласник Етнографског института САНУ*, т. 63, № 1, с. 123–145. <https://doi.org/10.2298/GEI1501123P>
- Пантелић, Н. (2007) *Породица и традиција у градовима Србије крајем XX века на примеру Крушевца, Шапца, Ужица и Бора*. Београд: Српска академија наука и уметности, Етнографски институт, 166 с.
- Рајчевић, П. Ђ., Минић, В. Љ. (2022) Утицај др Војислава Бакића на развој научне педагогије у Србији у 19. и 20. веку. *Баштина*, т. 56, с. 423–434. <https://doi.org/10.5937/bastina32-36651>
- Jovanović, D. (2015) Dualna priroda srpskog nacionalnog identiteta. В кн.: V. Knežević-Predić (ред.). *Politički identitet Srbije u globalnom i regionalnom kontekstu*. Belgrade: Univerzitet u Beogradu. Fakultet političkih nauka, pp. 51–60.
- Šarančić, M., Pantić, I. (2024) Roditeljstvo između kritike savremene kulture roditeljstva i realnih potreba za podrškom. *Nastava i vaspitanje*, vol. 73, no. 1, pp. 131–144. <https://doi.org/10.5937/nasvas2401131S>
- Senić Ružić, M., Pantić, I., Šarančić, M. (2023) Reflections of digital environment on family education — the need for parent empowerment. In: S. Zuković (ed.). *Pedagogy — Yesterday, today, tomorrow. Book of proceedings*. Novi Sad: University of Novi Sad, Faculty of Philosophy Publ., pp. 107–114.

References

- Abalova, A. A. (2022) Aktual'nye problemy sovremennogo semejnogo vospitaniya v tvorchestve A. S. Makarenko [Current problems of modern family education in the works of A. S. Makarenko]. *Uchitel' i vremya*, no. 17, pp. 4–11. EDN: [FUIEZZ](#) (In Russian)

- Adon'eva, S. B. (2021) Ritual Krestnoj Slavy i patriarkhal'nyj poryadok: antropologicheskij etyud [The Ritual of the Glory of the Cross and the Patriarchal Order: Anthropological Essay]. *Russkij fol'klor: Materialy i issledovaniya — Russian folklore: Materials and Research*, vol. 38, pp. 448–455. <https://doi.org/10.31860/0136-7447-2021-38-448-472> (In Russian)
- Bereznyak, V. A. (2018) Religioznye i semejne tsennosti v strukture samosokhranitel'nykh tsennostnykh orientatsij studentov Rossii i Serbii [Religious and family values in the structure of self-preservation value orientations of students in Russia and Serbia]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna — Sociology of Religion in Late Modern Society*, vol. 7, pp. 56–66. EDN: [YNNJLR](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2018.7.56-66) (In Russian)
- Bondyreva, S. K., Bushmarina, N. N. (2021) Semejnoe vospitanie: traditsii i tsennosti [Family education: Traditions and values]. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire — The World of Education—Education in the World*, no. 82 (2), pp. 141–146. EDN: [TEHVTS](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2021.82.141-146) (In Russian)
- Bodroški Spariosu, B. S., Duhanaj, N. V. (2024) Roditeljska uključenost u dečje obrazovanje — koncept i modeli [Parental involvement in children's education: Concepts and models]. *Inovacije u nastavi — Teaching Innovations*, vol. 37, no. 1, pp. 1–15 <https://www.doi.org/10.5937/inovacije2401001B> (In Serbian)
- Bodroški Spariosu, B. S., Senić-Ruzić, M. (2020) Savremena kultura roditel'stva: pedagogshke implikatsije [Contemporary culture of parenting: Pedagogical implications]. *Zbornik Instituta za pedagoška istraživanja — Journal of the Institute for Educational Research*, vol. 52, no. 1, pp. 7–39. <https://doi.org/10.2298/ZIPI2001007B> (In Serbian)
- Ekonomova, A. D. (2022) Gendernye dominaty v istorii russkogo yazyka: obraz zhenshchiny “ot Domostorya do svetskoj l'vitsy” [Gender dominants in the history of the Russian language: the image of a woman “from Domostroy to a socialite”]. *Global'nyj nauchnyj potencial — Global Scientific Potential*, no. 7 (136), pp. 113–117. EDN: [TAVDEZ](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2022.7.113-117) (In Russian)
- Jovanović, D. (2015) Dualna priroda srpskog nacionalnog identiteta [The dual nature of Serbian national identity]. In: V. Knežević-Predić (ed.). *Politički identitet Srbije u globalnom i regionalnom kontekstu [Serbia's political identity in a global and regional context]*. Belgrade: University of Belgrade. Faculty of Political Sciences (FPN) Publ., pp. 51–60. (In Serbian)
- Karakovskij, V. A. (1993) *Stat' chelovekom: obshchechelovecheskie tsennosti — osnova tselostnogo uchebno-vospitatel'nogo protsessa [To become a human being. Universal human values are the basis of a holistic educational process]*. Moscow: Tvorcheskaya pedagogika Publ., 80 p. (In Russian)
- Karakovskij, V. A. (2008) *Vospitanie dlya vseh [Education for all]*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skij institut shkol'nykh tekhnologij Publ., 240 p. (In Russian)
- Kovachević, N. C., Mushikić Popović, I. B. (2023) Doprinos Sretena Adžića razvoju i radu mushke uchitel'ske shkole u Jagodini [Sreten Adžić's contribution to the development and work of the male teaching school in Jagodina]. *Društvene i humanističke studije — Social Sciences and Humanities Studies*, vol. 8, no. 1 (22), pp. 237–254. <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2023.8.1.237> (In Serbian)
- Lipich, T. I., Dmitriyčuk, A. Yu. (2017) Sem'ya v filosofsko-kul'turologicheskom osmyslenii [Family in philosophical and cultural judgment]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo — Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law*, no. 10 (259), pp. 146–150. EDN: [ZCJEIL](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2017.10.146-150) (In Russian)
- Lobacheva, Yu. V. (2022) Zhenshchina v Serbii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.: k istoriografii voprosa [Woman in Serbia in the second half of the 19th — early 20th centuries: Historiography of the issue]. In: T. V. Volokitina (ed.). *Balkany znakomye i neznakomye: sobytiya, lichnosti, narrativy. XVIII–XXI vv. [The Balkans, familiar and unfamiliar: Events, personalities, narratives. The 18th–21st centuries]* Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 369–394. <https://www.doi.org/10.31168/7576-0477-0.4.1> (In Russian)
- Lykova, I. A., Majer, A. A. (2022) Sistematizatsiya traditsij semejnogo vospitaniya: sotsial'no-pedagogicheskij klassifikator [Systematization of traditions of family education: A socio-pedagogical classifier]. *Science for Education Today*, vol. 12, no. 5, pp. 200–224. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.11> (In Russian)
- Lykova, I. A., Majer, A. A. (2023) Adresnoe soprovozhdenie semejnogo vospitaniya v kontekste naslediya V. A. Sukhomlinskogo [Targeted support of family education in the context of the legacy of V. A. Sukhomlinsky]. *Obrazovanie: Resursy razvitiya. Vestnik LOIRO*, no. 4, pp. 41–53. EDN: [AFVNA](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2023.4.41-53) (In Russian)
- Matejević, M., Ђorđević, M. (2019) Komparativna analiza porodichne pedagogije u studijskim programima pedagogije Filozofskih fakulteta u Srbiji i okruženju [Comparative analysis of family pedagogy courses in study programs of faculties of philosophy in Serbia and neighboring countries]. *Godišnjak za pedagogiju — Yearbook for Pedagogy*, no. 4 (2), pp. 7–19. <https://doi.org/10.46630/gped.2.2019.01> (In Serbian)
- Matko, S. P. (2015) Utitsaj khrišhanskikh vrednosti porodichnog vaspitaniya na vaspitanje i obrazovanje u drushtvu [Influence of Christian values of family education on education and education in society]. *Inovacije u nastavi — Teaching Innovations*, vol. 28, no. 2, pp. 97–104. (In Serbian)
- Miltoevich, V. (2013) Sem'ya kak tsennostnaya orientatsiya serbskikh studentov [The family as a value orientation among students in Serbia]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya — RUDN Journal of Sociology*, no. 1, pp. 143–152. (In Russian)
- Mikhailova, O. B., Korach, I. (2023) Formirovanie i razvitie grazhdanskoj identichnosti molodezhi v protsesse obrazovaniya: kross-kul'turnyj analiz problemy [Development of civic identity in young people through education: cross-cultural analysis of the problem] (In Russian)

- Cross-cultural analysis]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii — The Herzen University Studies: Psychology in Education*, iss. 6, pp. 390–396. <https://www.doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-49> (In Russian)
- Panteliћ, N. (2007) *Poroditsa i traditsija u gradovima Srbije krajem XX veka na primeru Krushevtsa, Shaptsa, Uzhitsa i Bora [Urban family and tradition in the eighties of the 20th century in Serbia in the Towns of Krusevac, Sabac, Uzice and Bor]*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, Ethnographic Institute Publ., 166 p. (In Serbian)
- Pavkoviћ, N. F. (2015) Slava ili Krsno ime kod Srba [The Slava or Patron Saint's Day among the Serbs]. *Glasnik Etnografskog instituta SANU — Gazette of Ethnographic Institute SANU*, vol. 63, no. 1, pp. 123–145. <https://doi.org/10.2298/GEI1501123P> (In Serbian)
- Rajčević, P. Đ., Minić, V. Lj. (2022) Uticaj Dr Vojislava Bakića na razvoj naučne pedagogije u Srbiji u 19. i 20. Veku [Influence of Vojislav Bakić (PhD) on the development of the scientific pedagogy in Serbia in XIX and XX century]. *Bastina*, vol. 56, pp. 423–434. <https://doi.org/10.5937/bastina32-36651> (In Serbian)
- Šarančić, M., Pantić, I. (2024) Roditeljstvo između kritike savremene kulture roditeljstva i realnih potreba za podrškom [Parenting between criticism of contemporary parenting culture and real support needs]. *Nastava i vaspitanje*, vol. 73, no. 1, pp. 131–144. <https://doi.org/10.5937/nasvas2401131S> (In Serbian)
- Senić Ružić, M., Pantić, I., Šarančić, M. (2023) Reflections of the digital environment on family education — the need for parent empowerment. In: S. Zuković (ed.). *Pedagogy — Yesterday, today, tomorrow. Book of proceedings*. Novi Sad: University of Novi Sad, Faculty of Philosophy Publ., pp. 107–114. (In English)
- Suslova, T. F., Damnyanovich, S. (2023) Otsenka uchitelyami i roditelyami urovnya vzaimodejstviya sem'i i shkoly v sisteme nachal'nogo obrazovaniya Serbii [Assessment by teachers' and parents' of the level of interaction between family and school in the primary education system of Serbia]. In: O. I. Kabalina (ed.). *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. XVIII Levitovskie chteniya 12–13 aprelya 2023 g [Actual problems of theory and practice of psychological, pedagogical and linguodidactic research. Proceedings of the international scientific and practical conference. XVIII Leviticus Readings April 12–13, 2023]*. Moscow: Federal state university of education Publ., pp. 680–686. EDN: [FOFEGT](https://www.edn.ru/FOFEGT) (In Russian)
- Tkachenko, S. A. (2024) Semejnoe vospitanie v tvorchestve K. D. Ushinskogo [Family education in the work of K. D. Ushinsky]. *Antropos: Logos i Teos — Anthropos: Logos and Theos*, vol. 10, pp. 195–200. EDN: [EZHEGK](https://www.edn.ru/EZHEGK) (In Russian)

Сведения об авторах

Михайлова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
SPIN-код: 6042-4171, ORCID: 0000-0001-5046-1452, e-mail: olga00241@yandex.ru

Корач Исидора, доктор педагогических наук, доктор наук методики преподавания, доцент Академии искусств, Университет в Нови Саде
ORCID: 0009-0009-2452-7652, e-mail: oisidora@gmail.com

Authors

Olga B. Mikhailova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
SPIN: 6042-4171, ORCID: 0000-0001-5046-1452, e-mail: olga00241@yandex.ru

Isidora Korac, Doctor of Sciences (Education), Associate Professor, Academy of Arts, University of Novi Sad
ORCID: 0009-0009-2452-7652, e-mail: oisidora@gmail.com

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 159.9

EDN BYCEZI

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-444-461>

Научная статья

Обзор отечественных и зарубежных психологических исследований женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей

А. В. Никифорова ¹

¹ Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, д.15

Для цитирования: Никифорова, А. В. (2024) Обзор отечественных и зарубежных психологических исследований женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 444–461. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-444-461> EDN BYCEZI

Получена 27 июля 2024; прошла рецензирование 3 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Никифорова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В последнее время вопрос добровольного отказа от рождения детей становится все более важным для российского общества, и, несмотря на пронаталистскую политику государства, с каждым годом людей, желающих быть свободными от детей, становится больше, а сами эти люди воспринимаются менее негативно, особенно среди молодежи. К настоящему моменту в отечественной и зарубежной науке женщины, откладывающие рождение детей, являются объектом изучения преимущественно в социологии; в психологии наблюдается недостаток исследований по проблематике. Цель данной работы — обзор отечественных и зарубежных психологических исследований феномена добровольного отказа женщин от рождения детей и описание их психологических особенностей.

Материалы и методы. Обзор был осуществлен в 2023 году с использованием отечественных и зарубежных баз данных. Были проанализированы отечественные и зарубежные источники, содержащие результаты психологических исследований по заданной проблематике. Критерии отбора материала для дальнейшей работы были следующие: во-первых, анализировались источники, опубликованные за последние 10 лет, во-вторых, авторами работ были ученые-психологи (однако в соавторстве допускались представители других научных направлений), в-третьих, источники должны были быть включены в базы рецензируемых научных изданий, в-четвертых, анализируемые источники содержали такие ключевые слова, как «чайлдфри», «добровольная бездетность», «осознанная бездетность», (“childfree”, “voluntary childlessness”, “conscious childlessness”).

Результаты. В ходе анализа исследований нами были обозначены три группы психологических особенностей женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей: 1) репродуктивные стратегии/установки, 2) ценностные ориентации, 3) характеристики опыта детско-родительских отношений. На основании этих групп был предложен «психологический портрет» женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, отражающий ключевые психологические характеристики данной группы: репродуктивная пассивность с преобладанием высокого уровня тревожности и личностной беспомощности, гедонизм и эгоистическая направленность, отсутствие в ценностной структуре категории «семья», связь позиции добровольного откладывания рождения детей с негативным опытом детско-родительских отношений.

Заключение. Результаты теоретического исследования могут быть использованы для построения эмпирической программы социально-психологического исследования женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей.

Ключевые слова: женщины, добровольно отказывающиеся от рождения детей, добровольная бездетность, осознанная бездетность, материнство, семейные кризисы

Research article

A review of Russian and foreign psychological studies of voluntary childlessness

A. V. Nikiforova ¹

¹ Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
15 Fuchika Str., Saint Petersburg 192238, Russia

For citation: Nikiforova, A. V. (2024) A review of Russian and foreign psychological studies of voluntary childlessness. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 444–461. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-444-461> EDN BYCEZI

Received 27 July 2024; reviewed 5 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Nikiforova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Both in Russia and abroad, the voluntary childlessness phenomenon has been studied mainly by sociology, while psychological studies of the topic are scarce. The article reviews Russian and foreign psychological studies of the voluntary childlessness phenomenon and describes the psychological characteristics of women who voluntarily refuse to have children.

Materials and Methods. The review was carried out in 2023 using Russian and foreign databases. The analysis involved Russian and foreign sources containing the results of psychological research on voluntary childlessness. The sources selected for analysis were published over the past ten years by psychology scholars (though some are co-authored by researchers from other fields) and included in scientific indices of peer-reviews research publications. The sources selected for the analysis included the following keywords: *chayld-fri*, *dobrovolnaya bezdetnost* and *osoznannaya bezdetnost* ('childfree', 'voluntary childlessness', 'conscious childlessness').

Results. We identified three groups of psychological characteristics of women who voluntarily refuse to have children: 1) reproductive strategies/attitudes, 2) value orientations, and 3) the characteristics of the experience of child-parent relations. Based on these groups, we proposed a 'psychological portrait' of a woman who voluntarily refuses to have children, reflecting the key psychological characteristics of this group: reproductive passiveness with a predominance of high levels of anxiety and personal helplessness, hedonism and egoistic orientation, the absence of the 'family' category in the value structure, and the connection of the voluntary childlessness position with the negative experience of child-parent relationships.

Conclusions. The results of this theoretical study can be used to design an empirical program for the socio-psychological study of the voluntary childlessness phenomenon.

Keywords: childfree, voluntary childlessness, conscious childlessness, motherhood, family crises

Введение

С каждым годом вопрос демографии в современной России становится более острым и актуальным. Так, по результатам последних исследований, совокупный спад рождаемости в 2023 году составил 8–10% от 2022 года (Гареева 2023). Исходя из этого, проблемы деторождения или добровольного отказа от него для нашей страны значимы по нескольким моментам: во-первых, происходит естественный спад рождаемости по ряду социально-экономических и политических причин (Бирюкова, Козлов 2023) и, во-вторых, нежелание или категоричный отказ от продолжения рода противоречит традиционным российским семейным ценностям. Остановимся более подробно на последнем

пункте. Есть работы, согласно которым появление феномена добровольного отказа от рождения детей — это следствие кризиса института семьи (Грицай 2013); другие ученые говорят о нем как о новой форме современной семьи, отличающейся от классической нуклеарной (Казанчихина 2014), аналогичные размышления можно найти и в зарубежных исследованиях (Hird, Abshoff 2000).

В России социальная группа женщин, добровольно отказывающихся от деторождения, на данный момент не распространена и не может существенно влиять на численность населения в нашей стране. По мнению И. В. Ломакина, такие женщины в нашей стране преимущественно представлены в онлайн-сообществах (Ломакин 2019). Доктор психологических наук

Е. Е. Сапогова связывает распространение стратегии добровольного отказа женщин от рождения детей, с появлением «новых ценностей», в перечень которых входит ценность жизненного минимализма (Сапогова 2022), то есть нежелание обременять себя обязательствами, ставящими под угрозу привычный образ жизни. Немаловажным в контексте рассматриваемого вопроса для современной России является обсуждение проблемы «отложенного материнства». При описании психологического портрета женщин с искаженным репродуктивным компонентом возрастной идентичности Г. Г. Филиппова выделила следующие аспекты: «1) паспортный возраст в промежутке от 35 до 42 лет, 2) ощущение своего тела на 25–30 лет, 3) стремление вкладываться в себя и свое развитие, 4) ощущение личностного развития на уровне ранней молодости, 5) длительный поиск подходящего партнера для деторождения и дальнейшего воспитания ребенка» (Филиппова 2023, 2). Таким образом, в настоящее время женщины могут осознанно откладывать рождение детей на более поздний срок, не опасаясь возрастных ограничений, связанных с репродуктивными возможностями.

Отношение к женщинам, добровольно отказывающимся от рождения детей, в современной России меняется. Согласно результатам некоторых исследований, было установлено, что молодые люди относятся к этой социальной группе нейтрально (Кислов, Шапко 2016; Левченко, Баяндина 2022), однако в некоторых регионах нашей страны отношение к ним всё же преимущественно негативно, например, в республике Дагестан (Загирова 2023).

Развитие идеологии добровольного отказа от деторождения в Европе тесно связано с распространением «второй волны феминизма» в 1960–1980-е годы (Полутова 2013) и, как следствие, с появлением «женских исследований» в науке, создавших «основу для формулирования новых теорий и понятий, которые изучают женщин с негетеросексистской перспективы» (Клецина 2003, 156). Основным феноменом, отражающим сущностное содержание гендерного подхода, является «гендерное неравенство», т. е. «социально-сконструированное неравенство по признаку пола» (Клецина 2022, 7). Отметим, что по данным Всемирного экономического форума за 2021 год по уровню гендерного разрыва Россия занимала 81 место (Global Gender Gap Report 2022).

Первые научные исследования феномена добровольного отказа женщин от рождения детей связаны с именем канадского социолога Дж. Э. Виверс, определяющей сторонников этой

идеологии как людей, принявших осознанное и добровольное решение отказаться от деторождения, при этом исследователь делает акцент на отсутствии у них физиологических проблем, препятствующих появлению детей (Veevers 1980). На наш взгляд, стоит отметить существенные проблемы, затрудняющие исследование феномена добровольного отказа от рождения детей в русле психологии.

Во-первых, следует учитывать «человеческий фактор», который выражается в стремлении женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, давать «социально желательные ответы» и нежелании открыто говорить о своей позиции и из-за боязни порицания со стороны других людей. Примечательно, что тенденция усугубления негласного конфликта между представителями данной социальной группы и ответственностью выражается и в современном языке, например, в отношении «воинственно настроенных чайлдфри» часто употребляется термин «биомусор» (Гребенюк 2019, 327). Также противоречие следует рассмотреть с точки зрения традиционной и эгалитарной моделей поведения в контексте трансформации института семьи (Клецина, Иоффе 2019). Для женщин, придерживающихся традиционной модели, главное предназначение — это стремление состояться в роли матери и жены (Елисеева 2018), в то время как в эгалитарной модели для женщин, помимо данных социальных ролей, свойственно стремление к внесемейной самореализации, например в карьере, а также желание быть равноправным субъектом взаимодействия, наравне с мужчинами. Недавние исследования проиллюстрировали «не приоритетность сферы семейной жизни, а также независимость от партнера» среди молодежи (Халикова и др. 2022, 164), хотя в эгалитарных семьях, по сравнению с патриархальными, наблюдается большая согласованность в вопросах воспитания детей, распределения ролей и ведения быта (Ростовцева и др. 2022). Другие результаты говорят о том, что по сравнению с 2014 годом в 2021 году людей, не осудивших бы супругов за нежелание иметь детей, стало больше на 17 % (Рогова, Давыдов 2023). Следовательно, с одной стороны, общество предлагает несколько сценариев формирования женской идентичности, в том числе и в вопросах материнства, однако, с другой стороны, поведение, которое не вписывается в «традиционно женское», может вызывать осуждение. Усугубляют данное положение «имплицитные» компоненты, «содержащие противоречивые ожидания от женщины в материнской роли» (Микляева, Румянцева 2018, 67).

Во-вторых, в научной литературе по-прежнему отсутствует единая трактовка термина «бездетность» и, как следствие, в исследованиях можно встретить такие общепринятые словосочетания, как «добровольная бездетность» (Костина, Гараева 2019; Левченко, Баяндина 2023), «осознанная бездетность» (Козырева 2022). Таким образом, сложность в определении трактовки термина приводит к трудностям в установлении реального процента распространения женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей (Ушакова 2020; Лысенко и др. 2024). В одном из зарубежных исследований авторами была предложена следующая классификация: 1) “childfree” — люди, предпочитающие не заводить детей; 2) “parents who have had children” — люди, у которых уже есть дети; 3) “not-yet-parents” — люди, которые еще не являются родителями, но планируют стать ими в дальнейшем; 4) “childless individuals” — бездетные индивиды (Neal, Neal 2021). Кроме того, помимо группы женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, сегодня часто выделяется и другая группа — женщины, ненавидящие детей. Эти группы, несмотря на разное отношение к детям, объединяет желание оставаться бездетными, не имея при этом проблем со здоровьем. По мнению Н. С. Клименко, обе группы можно считать крайними структурными компонентами феномена «материнство» (Клименко 2017). В данном исследовании мы склонны определять женщин, добровольно отказывающихся

от рождения детей, как «свободных от детей», делая акцент на их осознанности в принятии решения.

В настоящий момент существуют противоречивые данные в отношении природы феномена добровольной бездетности: некоторые авторы подчеркивают, что многие из женщин, отказывающихся от деторождения, выросли в благополучных семьях (Иванова 2015), другие отмечают, что у таких людей существует «искаженное восприятие социальных ожиданий» (Ушакова 2020, 326). Нами была предпринята попытка систематизировать результаты психологических исследований данного феномена для описания психологических особенностей.

Материалы и методы

Поиск публикаций проводился по зарубежным научным базам SpringerLink, JSTORE, ResearchGate, а также по российским библиотекам «КиберЛенинка» и eLibrary.ru. Для поиска информации в российских базах данных были использованы следующие ключевые слова и словосочетания: «чайлдфри», «добровольная бездетность», «осознанная бездетность»; изначально планировалось использовать также ключевое словосочетание «свободные от детей», однако для поиска работ для дальнейшего анализа это словосочетание оказалось неинформативным. Результаты поиска информации по теме исследования в отечественных базах представлены в таблице 1.

Табл. 1. Количество работ по теме исследования в отечественных электронных библиотеках

Сайт	Ключевое слово	Количество публикаций	Итого:
КиберЛенинка	Чайлдфри	40	98
	Добровольная бездетность	23	
	Осознанная бездетность	35	
eLibrary.ru	Чайлдфри	140	220
	Добровольная бездетность	67	
	Осознанная бездетность	13	

Table 1. The number of publications on the topic in Russian electronic libraries

Website	Keyword	Number of publications	Total:
CyberLeninka.ru	Childfree	40	98
	Voluntary childlessness	23	
	Conscious childlessness	35	
eLibrary.ru	Childfree	140	220
	Voluntary childlessness	67	
	Conscious childlessness	13	

На сайте «КиберЛенинка» после ввода в поисковую строку ключевых слов для поиска информации, отражающей цель исследования, были использованы следующие параметры: во-первых, рассматривались работы в период с 2013 по 2023 год, во-вторых, анализируемые статьи должны были быть написаны психологами, однако в соавторстве допускались представители других научных направлений. По ключевому слову «чайлдфри» с использованием заданных критериев на сайте «КиберЛенинка» было обнаружено 40 статей, по слову «добровольная бездетность» — 23 статьи, «осознанная бездетность» — 35 статей (всего — 98 статей). Для поиска информации в библиотеке eLibrary.ru были проведены аналогичные манипуляции по поиску информации, однако из-за слишком большого объема полученной информации были введены дополнительные критерии: в диалоговом окне «Где искать?» были использованы следующие критерии: «в названии», «в аннотации», «в ключевых словах», тип публикации — «статьи в журналах», дополнительными параметрами поиска были «искать с учетом морфологии» и «искать в публикациях,

имеющих полный доступ на eLibrary.ru». Из-за невозможности отфильтровать работы по научным направлениям был осуществлен дополнительный поиск информации об авторах с целью подтверждения сведений о том, что они (или один из них) являются психологами. В результате по ключевому слову «чайлдфри» было обнаружено 140 работ, по слову «добровольная бездетность» — 67 работ, «осознанная бездетность» — 13 работ, (всего 220 работ).

Перечень ключевых слов для поиска публикаций на английском языке, использованных в процессе отбора статей, включал “childfree”, “voluntary childlessness”, “conscious childlessness”. Результаты поиска информации по теме исследования в зарубежных базах представлены в таблице 2.

Для повышения эффективности поиска информации в базе данных SpringerLink были применены следующие фильтры: во-первых, сортировка по дате публикации (от новой к старой) и срокам публикации (2013–2023), во-вторых, направление «Психология». По ключевому слову “childfree” было обнаружено 58 публикаций, по словосочетанию “voluntary childlessness” —

Табл. 2. Количество работ по теме исследования в зарубежных базах данных

Сайт	Ключевое слово	Количество публикаций	Итого:
SpringerLink	Childfree	58	168
	Voluntary childlessness	55	
	Conscious childlessness	55	
JSTORE	Childfree	28	146
	Voluntary childlessness	67	
	Conscious childlessness	51	
ResearchGate	Childfree “psychology” и “psychological feature”	100	300
	Voluntary childlessness “psychology” and “psychological feature”	100	
	Conscious childlessness “psychology” and “psychological feature”	100	

Table 2. The number of publications on the topic in foreign databases

Website	Keyword	Number of publications	Total:
SpringerLink	Childfree	58	168
	Voluntary childlessness	55	
	Conscious childlessness	55	
JSTORE	Childfree	28	146
	Voluntary childlessness	67	
	Conscious childlessness	51	
ResearchGate	Childfree ‘psychology’ and ‘psychological feature’	100	300
	Voluntary childlessness ‘psychology’ and ‘psychological feature’	100	
	Conscious childlessness ‘psychology’ and ‘psychological feature’	100	

55 статей, по словосочетанию “conscious childlessness” — также 55 работ (итого 168 статей).

В базе данных JSTORE был использован дополнительный фильтр “content I can access”, то есть для анализа использовались работы, к которым был предоставлен доступ неавторизованным пользователям. По ключевому слову “childfree”, было обнаружено 28 публикаций, по словосочетанию “voluntary childlessness” — 67 статей, по словосочетанию “conscious childlessness” — 51 работа (итого 146 статей).

В зарубежной базе ResearchGate поиск информации на сайте затруднен по причине отсутствия фильтров, позволяющих отбирать нужную информацию: нет возможности выбрать сроки публикаций, научное направление исследования, сразу проанализировать информацию об авторах работ, а также отсутствует фильтр доступности полного текста для последующего анализа. Поэтому для поиска информации были использованы те же ключевые слова с дополнением “psychology” и “psychological feature”. По каждому из ключевых слов было получено около 100 работ, следовательно, около 300 статей для дальнейшего анализа.

Результаты

Итак, на первом этапе (поиск по названию) для дальнейшего анализа в отечественных базах данных удалось найти 318 работ, в зарубежных базах 614 работ, всего 932 работы. На данном этапе также было проведено изучение названий исследований для того, чтобы исключить те, которые не соответствуют цели нашего исследования. Результаты анализа представлены на рисунке 1.

Из анализа были исключены работы ($n = 882$), в которых 1) результаты исследования не представлены эмпирическими данными; 2) объектами исследования не были женщины, добровольно отказывающиеся от рождения детей; 3) результаты исследования не отражают психологические аспекты данного феномена; 4) авторы не имели достаточной квалификации (в частности, работы, написанные студентами); 4) возраст и пол респондентов не соответствуют целям работы (дети, подростки, мужчины, откладывающие рождение детей).

На следующем этапе нами были исключены работы, к текстам которых невозможно получить полный доступ для дальнейшего анализа ($n = 25$).

На последнем этапе происходил анализ оставшихся работ. В результате из итогового списка были исключены еще пять работ, которые но-

сили преимущественно теоретический характер и не включали развернутое описание методологии сбора эмпирических данных, упоминаемых в тексте ($n = 20$).

Обзор литературы позволил выделить следующие психологические особенности женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей: 1) репродуктивные стратегии/установки; 2) ценностные ориентации; 3) характеристики опыта детско-родительских отношений. На этом основании был составлен «психологический портрет» женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей (результаты представлены на рисунке 2).

Репродуктивные стратегии/установки женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей

По результатам исследований было обнаружено «торможение репродуктивного инстинкта» и наличие двух типов установок: «генофильная» и «доминантно-исследовательская». По мнению авторов, в основе формирования «психологического портрета» женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, лежит воспитание и социокультурная среда (Шляпникова и др. 2018). В результатах исследований предикторов феномена добровольной бездетности были отмечены генофобия и «репродуктивная пассивность», где конструктивные мотивы беременности были выражены слабо (Косцова и др. 2022; Козырева 2022). В исследовании А. Т. Куцубей и И. В. Пономарёвой была установлена корреляция между личностной беспомощностью и желанием иметь детей (Куцубей, Пономарёва 2019).

На основании анализа результатов глубинного интервью В. Р. Ушакова отмечает, что для половины опрошенных женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, воспоминание о детстве сопряжено с трудностями (в особенности отмечались конфликтные отношения с матерью), и лишь 5% из них считают свою родительскую семью идеальной, а 10% боятся стать плохими родителями. Таким образом, негативные воспоминания о родительской семье, а также конфликтные отношения в ней могут стать «регулятором в выборе модели репродуктивного поведения» (Ушакова 2020, 328).

В зарубежных исследованиях удалось определить несколько траекторий ожидания фертильности у женщин, которые не рассчитывают стать матерями. Было установлено, что характер ожидания фертильности будет меняться в течение жизни (впервые это происходит от середины до конца 20-ти лет, во второй раз — примерно

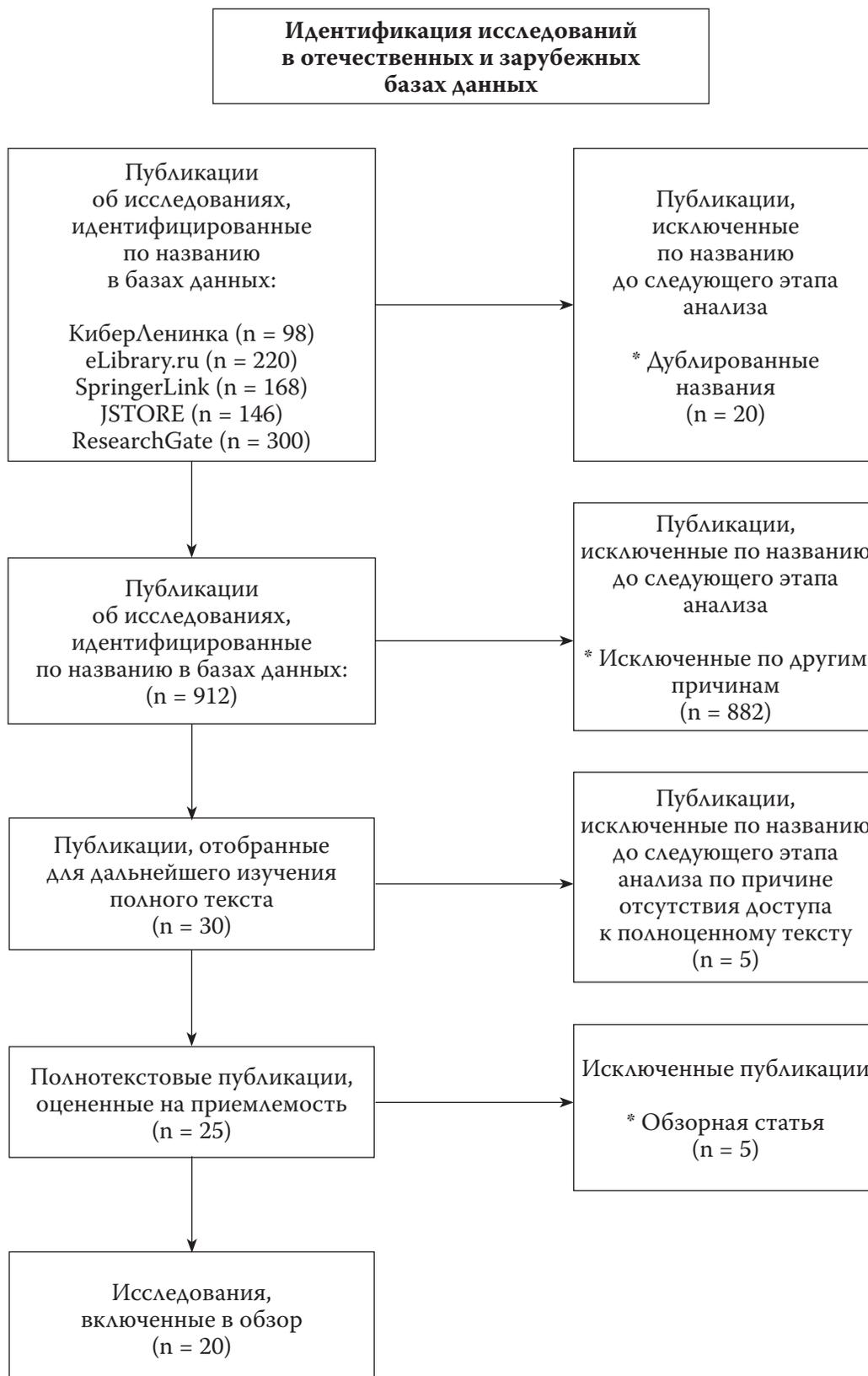

Рис. 1. Диаграмма поиска исследований феномена добровольного отказа женщин от рождения детей в отечественных и зарубежных базах данных

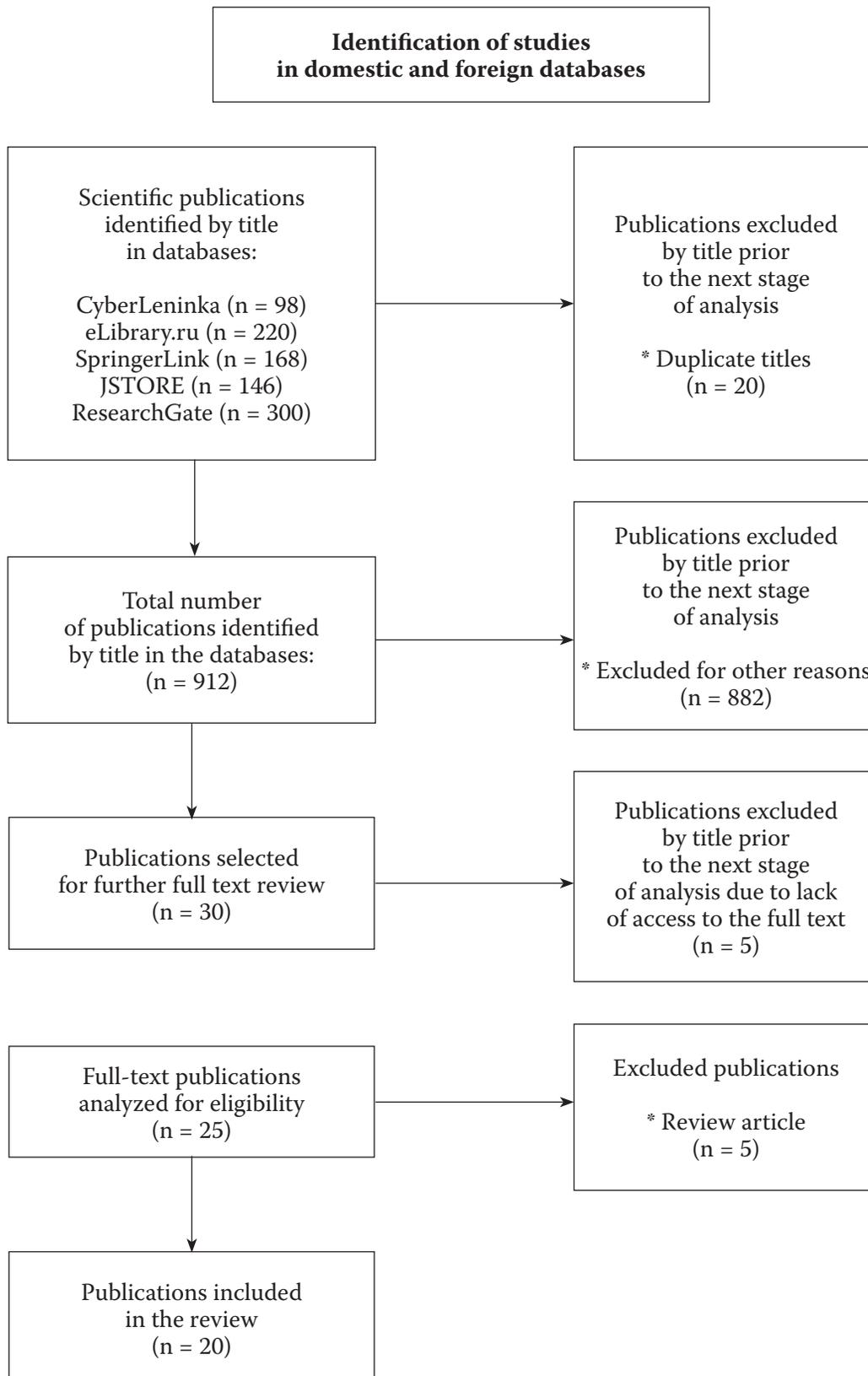

Fig. 1. Voluntary childlessness publications search diagram in Russian and foreign databases

Рис. 2. «Психологический портрет» женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей

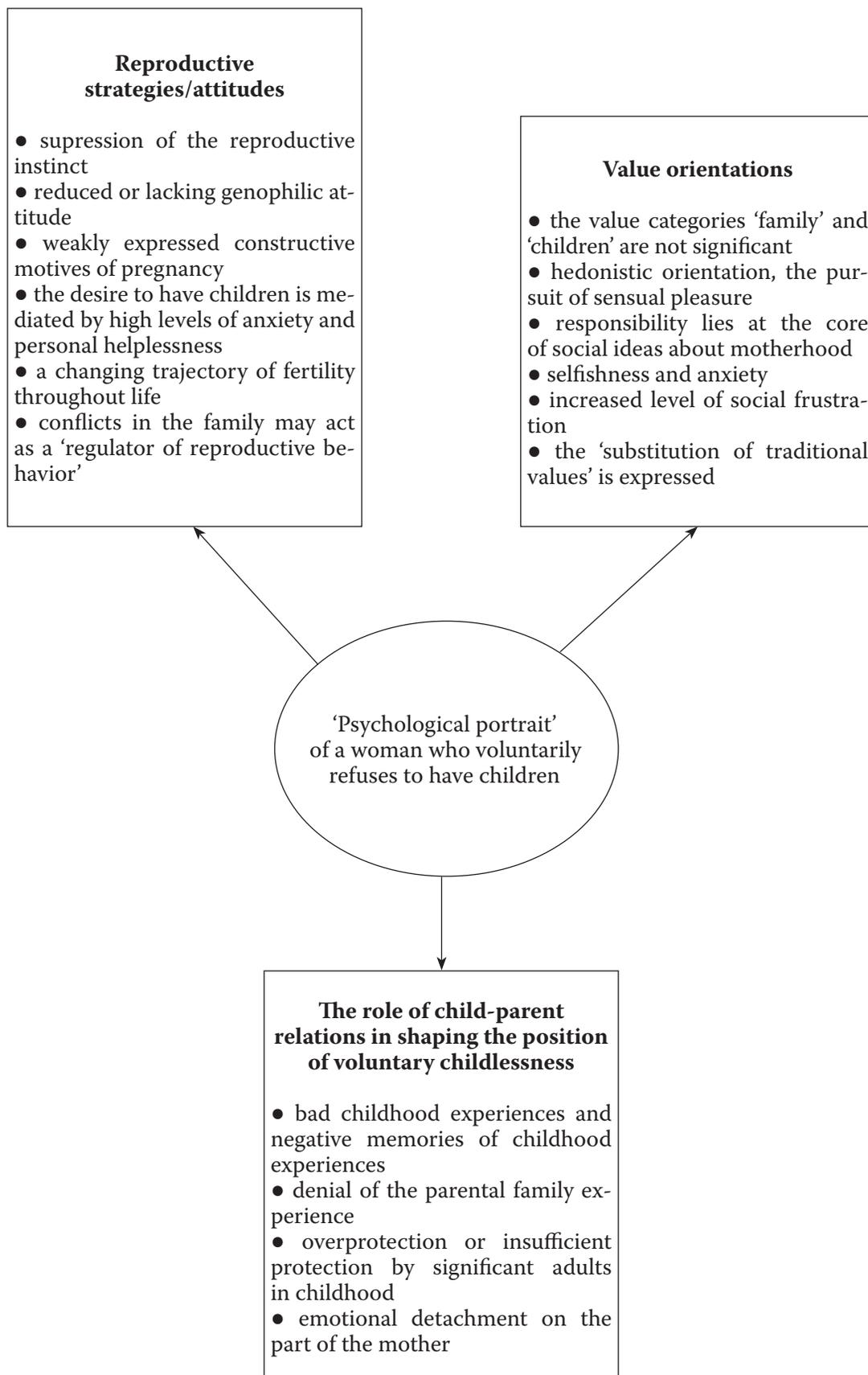

Fig. 2. The 'psychological portrait' of a woman who voluntarily refuses to have children

в 35 лет и до конца жизни), следовательно, переход к бездетному образу жизни сопряжен со многими факторами, включая биологические ограничения и партнерские отношения (Gemmill 2019). Также было обнаружено, что фактические временные ограничения, а не воспринимаемая важность и приоритетность поведения, могут привести к корректировке личных идеалов фертильности в сторону понижения или более низкой вероятности корректировки в сторону повышения (Ray et al. 2018).

Ценностные ориентации женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей

В исследовании В. Р. Ушаковой было отмечено, что для женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, такие ценностные категории, как «семья» и «дети», не рассматриваются в качестве самых значимых, в отличие от тех женщин, которые имеют позитивную установку на деторождение (Ушакова 2020). Согласно данным, полученным Е. И. Захаровой, женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, отличает «особая ценностная структура, в которой присутствует гедонистическая направленность», что составляет «серьезную конкуренцию ценности материнства» (Захарова 2015, 47). Были обнаружены различия в терминальных ценностях среди представителей этой социальной группы и тех, кто не идентифицирует себя с ней: для женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, терминальными ценностями являются «здоровье», «свобода», «материально обеспеченная жизнь» и «независимость», наибольшую ценность для них имеют «развлечения», в то время как «сфера семейной жизни» — наименьшую (Корж, Кирасова 2021).

У женщин, не планирующих рождение детей, зафиксирован «дисбаланс временной перспективы»: они направлены на получение удовольствия в настоящем (гедонизм), прошлое для них связано с определенными трудностями, при этом они нацелены на будущее, которое характеризуется для них неопределенностью (Ипполитова и др. 2023). В исследовании В. В. Козыревой обнаружены значимые различия между показателями «инстинкт самосохранения», «инстинкт доминирования» и «инстинкт свободы», исходя из которых у людей, отказывающихся от рождения детей, есть тенденция на эгоцентризм и тревожность, а также стремление к независимости и негативное отношение к «любимым ограничениям и подавлениям «Я» (Козырева 2022).

Кроме того, было обнаружено, что, несмотря на универсальность карьерных ориентиров для добровольно бездетных и у тех, кто желает иметь детей, у первых есть тенденция «подмены традиционных ценностей в системе мировоззрения на карьеру», также отмечается более высокий уровень стремления к чувственному удовольствию, автономии и самоактуализации (Земзюлина, Северинова 2020). Зарубежные исследователи отмечают противоречие между существующими практиками дискриминации женщин-матерей в профессиональной сфере и негативным влиянием отказа от материнства для карьеры женщин, в результате чего «репродуктивная роль женщин в конечном итоге становится эссенциализированной» (Verniers 2020, 15).

У женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, также подтверждена установка на эгоизм, то есть концентрация на собственной персоне; им присущ повышенный уровень социальной фрустрированности (Перова, Кара 2020). При этом не было обнаружено статистически значимых различий в удовлетворенности жизнью и ответственности среди исследуемых, то есть эти женщины не становятся родителями не по причине страха материнства, для них это решение вполне осознанное (Перова, Кара 2020). Женщины, оставшиеся без детей по внутренним причинам (например, собственное желание), были более удовлетворены жизнью, чем те, кто остался без детей по внешним причинам (например, нежелание супруга становиться родителем) (Shenaar-Golan, Lans 2022).

Интересными представляются результаты исследования (метод глубинного интервью, выборка — 16 человек), согласно которым, репродуктивная стратегия осознанного отказа может быть классифицирована как проэкологическое поведение (a pro-environmental behaviour). Автор (Э. Наккеруд) пишет, что «решение жить экологически без детей может быть понято как активизм и, таким образом, иметь последствия, выходящие за рамки простого отсутствия детей, потенциально влияя на других людей и социально-политические процессы» (Nakkerud 2023, 2895).

Опыт детско-родительских отношений женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей

Отдельного внимания заслуживают исследования, направленные на изучение опыта в родительской семье как фактора формирования нежелания становиться родителями в будущем. Анализируя мотивы отказа от деторождения,

К. М. Коржова, делает акцент не на откладывае-мом родителстве, а на осознанно принятом решении не заводить детей (Коржова 2017). Существуют отечественные работы, направленные на изучение вопроса о «девиантном материнстве», где авторы рассматривают в качестве факторов формирования такого типа отношения к материнству биологические, психологические и социальные (включая нездоровые отношения такой матери со своими родителями) аспекты (Шелехов и др. 2019). У женщин, демонстрирующих нежелание становиться матерями, была обнаружена тенденция отрицания опыта родительской семьи (Ипполитова и др. 2023). Также было установлено, что формирование позиции добровольной бездетности может быть и в благополучных семьях, если при этом родителями не прививалось ценностное отношение к другим (Захарова 2015). На формирование жизненного сценария также влияет тип родительского воспитания, например, было установлено, что у многих женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, в детстве была либо гиперопека, либо гипоопека со стороны значимых взрослых, а со стороны матери наблюдалась эмоциональная отстраненность (Камзина, Самыкина 2014).

Обсуждение результатов

Итак, наибольшее число психологических исследований направлено на изучение репродуктивных установок женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, а также их ценностных ориентаций. Несмотря на то что за последнее время появились работы, направленные на исследование роли семьи в формировании позиции бездетности, в настоящий момент их недостаточно. Важно отметить увеличение числа публикаций за последние пять лет, однако несмотря на всю актуальность заявленной темы, их всё же было недостаточно для полноценного обзора. Кроме того, среди публикаций по данной проблематике в настоящее время преобладают теоретические исследования на фоне дефицита эмпирических данных.

Между тем, проведенный нами обзор показывает, что решение быть без детей — это многогранное и полидетерминированное решение. Этот вывод подтверждается и результатами недавнего польского исследования (метод глубинного интервью), в ходе которого было обнаружено девять мотивов, приводящий к жизни без детей. Многие из этих мотивов были описаны в литературе ранее и связаны с широким спектром причин: 1) стремление к свободе,

2) нежелание приносить жертву, 3) потребность в покое и одиночестве, 4) неприязнь к детям, 5) отсутствие материнского инстинкта, 6) страх беременности и родов, 7) страх потенциальной болезни ребенка, 8) экологический мотив, 9) плохой опыт из детства, где были отмечены две тенденции: родители были «монстрами» и/или заставляли сидеть в няньках с младшими детьми (Wilak 2023).

В заключение отметим, что наша работа имеет несколько ограничений. Во-первых, анализу были подвергнуты исключительно материалы статей, не были проанализированы другие научные источники. Во-вторых, из-за недоступности полнотекстовых статей (преимущественно это коснулось зарубежных баз данных) в анализ удалось включить не все работы, соответствующие сформулированным выше критериям. Тем не менее, данная работа — это одна из первых попыток обзора результатов отечественных и зарубежных психологических исследований феномена добровольного отказа женщин от рождения детей, в России, и ее результаты могут быть полезны для расширения психологических исследований, посвященных проблеме добровольного отказа от деторождения.

Выводы

В целом, на основании полученных результатов можно говорить о том, что, во-первых, у женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, отмечается репродуктивная пассивность с преобладанием высокого уровня тревожности и личностной беспомощности; во-вторых, в ценностных ориентациях отсутствует категория «семья», при этом выражена ориентация на эгоизм и гедонизм; в-третьих, к нежеланию заводить детей могут приводить конфликты с собственными родителями, а также эмоциональное непринятие со стороны родителей.

Результаты исследования могут быть использованы при формулировании теоретической модели эмпирического исследования по данной проблеме, а модель «психологического портрета» женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, также может применяться в практической психологии для оказания психологической помощи женщинам по вопросам материнства.

Обращает внимание достаточно узкая направленность эмпирических психологических исследований по проблематике добровольного отказа женщин от рождения детей: в основном,

изучаются репродуктивные установки и ценностные ориентации, в то время как изучению опыта детско-родительских отношений и его последующей значимости для формирования данной репродуктивной позиции должного внимания не уделяется, что, на наш взгляд, может стать перспективой дальнейших исследований. Также нами не было обнаружено работ, направленных на исследование неоднородности самой группы бездетных женщин, так как во всех имеющихся на данный момент работах женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, либо сравнивают с людьми, имеющими детей, с целью выявить различия между группами, либо объектом исследования является исключительно сама группа женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей,

а целью — изучение ее психологических особенностей, при этом не затрагивается вопрос о различиях внутри самой группы. На наш взгляд, этот вопрос также определяет одно из важных направлений исследований, посвященных психологии женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Бирюкова, С. С., Козлов, В. А. (2023) Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2 (174), с. 3–13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412>
- Гареева, И. А. (2023) Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения. *Власть и управление на Востоке России*, № 1 (102), с. 101–110. <https://www.doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110>
- Гребенюк, А. А. (2019) Культурно-психологический анализ причин неадаптивного поведения человека эпохи метамодернизма. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 8, № 3 (28), с. 326–328. <https://www.doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0083>
- Грицай, Л. А. (2013) Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри». *Культура и образование*, № 2 (2), с. 1–12. EDN: [RNLZZN](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0083)
- Елисеева, Т. В. (2018) Материнство как предмет философской рефлексии. *Вестник Омского университета*, т. 23, № 2, с. 142–146. EDN: [RWKOZV](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0083)
- Загирова, Э. М. (2023) Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения. *Caucasian Science Bridge*, т. 6, № 1 (19), с. 40–50. <https://www.doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>
- Захарова, Е. И. (2015) Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли. *Культурно-историческая психология*, т. 11, № 1, с. 44–49. <https://www.doi.org/10.17759/chp.2015110106>
- Земзюлина, Н. А., Северинова, А. В. (2020) Мотивационно-ценностные установки людей с позицией чайлдфри в юношеском возрасте. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, т. 8, № 2 (29), с. 216–223. <https://www.doi.org/10.23888/humJ20202216-224>
- Иванова, В. С. (2015) Childfree как показатель кризиса современной семьи. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 1-4 (32), с. 50–51. EDN: [TILJTX](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Ипполитова, Е. А., Лужбина, Н. А., Ральникова, И. А. (2023) Субъективная картина жизненного пути женщин, не планирующих рождение ребенка. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 11, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN223.pdf> (дата обращения 24.04.2024).
- Казачихина, М. В. (2014) Чайлдфри как одна из форм современной семьи. *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, № 3, с. 10–14. EDN: [TAUZKP](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Камзина, О. А., Самыкина, Н. Ю. (2014) Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «Childfree». *Вестник Самарского государственного университета*, № 1 (112), с. 213–223. EDN: [RZCENX](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Кислов, А. Г., Шапко, И. В. (2016) Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри. *Научный диалог*, № 2 (50), с. 362–373. EDN: [TIKSIK](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Клецина, И. С. (2003) Теоретические основания психологии гендерных исследований. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, т. 3, № 6, с. 154–166. EDN: [KWDVKX](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Клецина, И. С. (2022) Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований. *Социальная психология и общество*, т. 13, № 4, с. 5–12. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2022130401>
- Клецина, И. С., Иоффе, Е. В. (2019) Нормы женского поведения: традиционная и современная модели. *Женщина в российском обществе*, № 3, с. 72–90. EDN: [FAECLZ](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)
- Клименко, Н. С. (2017) «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, № 40, с. 59–62. EDN: [ZGFGLB](https://doi.org/10.23888/humJ20202216-224)

- Козырева, В. В. (2022) Психологические особенности женщин, выбирающих осознанную бездетность. *Вестник университета*, № 6, с. 200–208. <https://www.doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-200-208>
- Корж, Е. М., Кирасова, О. П. (2021) Особенности ценностно-смысловой сферы личности представителей чайлдфри в России. В кн.: *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник статей и тезисов. Материалы Международной научно-практической конференции «Социально-экономические особенности современного российского общества: анализ и пути развития»*. Т. 8. М.: Московский психолого-социальный институт, с. 305–311.
- Коржова, К. М. (2017) Психологические аспекты формирования феномена «чайлдфри» у женщин. В кн.: *Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего профессионального образования: интеграция науки и практики. Материалы IV межрегиональной, с международным участием научно-практической конференции*. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного медицинского университета, с. 158–161.
- Костина, Н. Б., Гараева, Э. И. (2019) Добровольная бездетность: сущность, факторы детерминации. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, № 5 (62), с. 159–168. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.62.5.027>
- Косцова, М. В., Корепанов, А. Л., Костеньков, Н. А. (2022) Психологические предикторы феномена «чайлдфри» у женщин репродуктивного возраста. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, № 4 (64), с. 241–251. EDN: [BOMQXO](https://www.edn.ru/entry/BOMQXO)
- Куцубей, А. Т., Пономарева, И. В. (2019) Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, т. 5 (71), № 3, с. 94–104. EDN: [GINTTY](https://www.edn.ru/entry/GINTTY)
- Левченко, В. В., Баянзина, Я. О. (2022) Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект. *Вестник университета*, № 12, с. 188–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-12-188-196>
- Левченко, В. В., Баянзина, Я. О. (2023) Отношение к добровольной бездетности в современном российском обществе. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, № 1, с. 131–141. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.10>
- Ломакин, И. В. (2019) Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 6, с. 394–436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>
- Лысенко, Т. А., Дашкевич, Д. Д., Мозутко, А. В. (2024) Феномен чайлдфри и сознательная бездетность. *NovaInfo.ru*, № 141, с. 134–136. EDN: [FVULWL](https://www.edn.ru/entry/FVULWL)
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2018) «#онажесать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе. *Женщина в российском обществе*, № 1 (86), с. 67–77. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.6>
- Перова, А. П., Кара, Ж. Ю. (2020) Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 8, № 6, с. 1–9. EDN: [BVMMAP](https://www.edn.ru/entry/BVMMAP)
- Полутова, М. А. (2013) Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления. *Вестник Забайкальского государственного университета*, № 11 (102), с. 66–79. EDN: [SDHGPP](https://www.edn.ru/entry/SDHGPP)
- Рогова, А. М., Давыдов, С. А. (2023) Социальные факторы распространения чайлдфри в России. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, № 1 (9), с. 76–80. <https://www.doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-76-81>
- Ростовцева, М. В., Гончаревич, Н. А., Шестаков, В. Н. и др. (2022) Успешность в карьере супругов в семьях патриархального и эгалитарного типа. *Психолог*, № 5, с. 18–34. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2022.5.38774>
- Сапогова, Е. Е. (2022) «Текущий субъект» в поисках устойчивой идентичности. *Психологическая газета*. [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/pubs/10116/> (дата обращения 25.10.2023).
- Ушакова, В. Р. (2020) Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, т. 20, № 3, с. 322–328. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328>
- Филиппова, Г. Г. (2023) Репродуктивный компонент возрастной идентичности и феномен «отложенного материнства». *Медицинская психология в России*, т. 15, № 2, статья 2. EDN: [KDKOVK](https://www.edn.ru/entry/KDKOVK)
- Халикова, Г. А., Мазурчук, Н. И., Мазурчук, Е. О. (2022) Актуальное состояние ценностного отношения к семье у студентов. *Педагогическое образование в России*, № 1, с. 157–164. https://www.doi.org/10.26170/2079-8717_2022_01_18
- Шелехов, И. Л., Берестнева, О. Г., Петрова, Л. А. (2019) Авторская концепция психологического механизма формирования нарушений материнско-детских взаимоотношений, девиантного материнства, добровольной бездетности. *Проблемы современного педагогического образования*, № 62-1, с. 404–406. EDN: [VVHAJY](https://www.edn.ru/entry/VVHAJY)
- Шляпникова, Ю. В., Устин, П. Н., Попов, Л. М. (2018) Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, т. 7, № 5А, с. 107–113. EDN: [YXLQST](https://www.edn.ru/entry/YXLQST)

- Gemmill, A. (2019) From some to none? Fertility expectation dynamics of permanently childless women. *Demography*, vol. 56, no. 1, pp. 129–149. <https://www.doi.org/10.1007/s13524-018-0739-7>
- Global Gender Gap Report*. (2022) Geneva: World Economic Forum Publ. [Online]. Available at: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2022/> (accessed 25.10.2023).
- Hird, M. J., Abshoff, K. (2000) Women without children: A contradiction in terms? *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 347–366. <https://doi.org/10.3138/jcfs.31.3.347>
- Nakkerud, E. (2023) Choosing to live environmentally childfree: Private-sphere environmentalism, environmental activism, or both? *Current Psychology*, vol. 43, pp. 2887–2898. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04295-9>
- Neal, J. W., Neal, Z. P. (2021) Prevalence and characteristics of childfree adults in Michigan (USA). *PLoS ONE*, vol. 16, no. 6, article e0252528. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252528>
- Ray, C. M., Harcey, S. R., Greil, A. et al. (2018) Stability and change in personal fertility ideals among U.S. women in heterosexual relationships. *Demographic Research*, vol. 39 (1), no. 16, pp. 459–486. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.16>
- Shenaar-Golan, V., Lans, O. (2022) Measuring differentiation of self to evaluate subjective well-being in women who are childfree by choice. *The Family Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 278–287. <https://doi.org/10.1177/10664807221123552>
- Veevers, J. E. (1980) *Childless by Choice*. Toronto: Butterworths Publ., 254 p.
- Verniers, C. (2020) Behind the maternal wall: The hidden backlash toward childfree working women. *Journal of Theoretical Social Psychology*, vol. 4, no. 3, pp. 107–124. <https://doi.org/10.1002/jts5.65>
- Wilak, J. (2023) Why do polish women want to stay childless? *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu*, vol. 67, no. 3, pp. 130–141. <https://doi.org/10.15611/pn.2023.3.12>

References

- Biryukova, S. S., Kozlov, V. A. (2023) Demograficheskie issledovaniya v sovremennom kontekste: dolgosrochnye trendy razvitiya i vliyanie vneshnikh shokov [Demographic research in modern context: Long-term trends and impact of external shocks]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2 (174), pp. 3–13. (In Russian)
- Eliseeva, T. V. (2018) Materinstvo kak predmet filosofskoy refleksii [Motherhood as a subject of philosophical reflexion]. *Vestnik Omskogo universiteta — Herald of Omsk university*, vol. 23, no. 2, pp. 142–146. EDN: [RWKOZV](https://doi.org/10.15611/pn.2018.2.142) (In Russian)
- Filippova, G. G. (2023) Reproduktivnyj komponent vozrastnoj identichnosti i fenomen “otlozhennogo materinstva” [The reproductive component of age identity and the phenomenon of “delayed motherhood”]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii — Medical Psychology in Russia*, vol. 15, no. 2, article 2. EDN: [KDKOBK](https://doi.org/10.15611/pn.2023.2.142) (In Russian)
- Gareeva, I. A. (2023) Sotsial'naya obuslovlennost' reproduktivnogo povedeniya naseleniya [Social conditioning of reproductive behavior of the population]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii — Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (102), pp. 101–110. <https://www.doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110> (In Russian)
- Gemmill, A. (2019) From some to none? Fertility expectation dynamics of permanently childless women. *Demography*, vol. 56, no. 1, pp. 129–149. <https://www.doi.org/10.1007/s13524-018-0739-7> (In English)
- Global Gender Gap Report*. (2022) Geneva: World Economic Forum Publ. [Online]. Available at: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2022/> (accessed 25.10.2023). (In English)
- Grebenyuk, A. A. (2019) Kul'turno-psikhologicheskij analiz prichin neadaptivnogo povedeniya cheloveka epokhi metamodernizma [Cultural and psychological analysis of the causes of non-adaptive behavior of the person of the age of metamodernizm]. *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psikhologiya — Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 3 (28), pp. 326–328. <https://www.doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0083> (In Russian)
- Gritsaj, L. A. (2013) Nekotorye aspekty nauchnogo izucheniya fenomena “chajldfri” [Some aspects of the scientific study of the phenomenon of “childfree”]. *Kul'tura i obrazovanie — Culture and Education*, no. 2 (2), pp. 1–12. EDN: [RNLZZN](https://doi.org/10.15611/pn.2013.2.1) (In Russian)
- Hird, M. J., Abshoff, K. (2000) Women without children: A contradiction in terms? *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 347–366. <https://doi.org/10.3138/jcfs.31.3.347> (In English)
- Ippolitova, E. A., Luzhbina, N. A., Ralnikova, I. A. (2023) Sub'ektivnaya kartina zhiznennogo puti zhenshchin, ne planiruyushchikh rozhdenie rebenka [Subjective picture of the women's life path who do not plan to have a child]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 11, no. 2. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN223.pdf> (accessed 24.04.2024). (In Russian)
- Ivanova, V S. (2015) Childfree kak pokazatel' krizisa sovremennoj sem'i [Childfree as an indicator of the crisis of the modern family]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal — International Research Journal*, no. 1-4 (32), pp. 50–51. EDN: [TILJTX](https://doi.org/10.15611/pn.2015.4.50) (In Russian)
- Kamzina, O. A., Samykina, N. Yu. (2014) Issledovanie zhiznennykh stsenarijev u predstavitelej soobshchestva “Childfree” [Study of life scenarios at representatives of “Childfree” community]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Samara State University*, no. 1 (112), pp. 213–223. EDN: [RZCENX](https://doi.org/10.15611/pn.2014.1.213) (In Russian)

- Kazachikhina, M. V. (2014) Chajldfri kak odna iz form sovremennoj sem'i [Childfree as a form of modern family]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki*, no. 3, pp. 10–14. EDN: [TAUZKP](#) (In Russian)
- Khalikova, G. A., Mazurchuk, N. I., Mazurchuk, E. O. (2022) Aktual'noe sostoyanie tsennostnogo otnosheniya k sem'e u studentov [The current state of value attitude to family among students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, no. 1, pp. 157–164. https://www.doi.org/10.26170/2079-8717_2022_01_18 (In Russian)
- Kislov, A. G., Shapko, I. V. (2016) Otnoshenie studencheskoj molodezhi Sverdlovskoj oblasti k fenomenu chajldfri [Sverdlovsk region students' attitude toward childfree phenomenon]. *Nauchnyi dialog — Scientific Dialogue*, no. 2 (50), pp. 362–373. EDN: [TIKSIK](#) (In Russian)
- Kletsina, I. S. (2003) Teoreticheskie osnovaniya psikhologii gendernyx issledovanij [Theoretical basis for gender relations psychology]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 3, no. 6, pp. 154–166. EDN: [KWDVKX](#) (In Russian)
- Kletsina, I. S. (2022) Gendernaya problematika v sotsial'noj psikhologii [Gender issues in social psychology: Research directions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 13, no. 4, pp. 5–12. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2022130401> (In Russian)
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2019) Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [The norms of female behavior: Traditional and contemporary models]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russia Society*, no. 3, pp. 72–90. EDN: [FAECLZ](#) (In Russian)
- Klimenko, N. S. (2017) “Chajldfri” i “yazhemat” kak bipolyarnye kategorii sovremennoj femininnosti [“Childfree” and “Yazhemat” as bipolar categories of modern femininity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*, no. 40, pp. 59–62. EDN: [ZGFGLB](#) (In Russian)
- Korzh, E. M., Kirasova, O. P. (2021) Osobennosti tsennostno-smyslovoj sfery predstavitelej chajldfri v Rossii [Features of the value-semantic sphere of the personality of childfree representatives in Russia]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoj Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo. Sbornik statej i tezisov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii “Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti sovremennogo rossijskogo obshchestva: analiz i puti razvitiya”. T. 8 [Actual problems of modern Russia: Psychology, pedagogy, economics, management and law. Collection of articles and abstracts. Proceeding of the International scientific and practical conference “Socio-economic features of modern Russian society: Analysis and development paths”. Vol. 8]. Moscow: Moscow Psychological and Social University Publ., pp. 305–311. (In Russian)*
- Korzhova, K. M. (2017) Psikhologicheskie aspekty formirovaniya fenomena “chajldfri” u zhenshchin [Psychological aspects of the formation of the childfree phenomenon in women]. In: *Aktual'nye problemy psikhologo-pedagogicheskogo i mediko-sotsial'nogo soprovozhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya: integratsiya nauki i praktiki. Materialy IV mezhdunarodnoj, s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii [Actual problems of psychological, pedagogical, medical and social support of higher professional education: integration of science and practice. Proceedings of the 4th interregional scientific conference with international participation-practical conference]. Khabarovsk: Far-Eastern State Medical University Publ., pp. 158–161. (In Russian)*
- Kostina, N. B., Garaeva, E. I. (2019) Dobrovol'naya bezdetnost': sushchnost', faktory determinatsii [Voluntary childlessness: Essence, factors of determination]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (62), pp. 159–168. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.62.5.027> (In Russian)
- Kostsova, M. V., Korepanov, A. L., Kosten'kov, N. A. (2022) Psikhologicheskie prediktory fenomena “chajldfri” u zhenshchin reproduktivnogo vozrasta [Psychological predictors of the childfree phenomenon in women of reproductive age]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (64), pp. 86–94. EDN: [BOMQXO](#) (In Russian)
- Kozyreva, V. V. (2022) Psikhologicheskie osobennosti zhenshchin, vybirayushchikh osoznannuyu bezdetnost' [Psychological characteristics of women who choose conscious childlessness]. *Vestnik Universiteta*, no. 6, pp. 200–208. <https://www.doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-200-208> (In Russian)
- Kutsubej, A. T., Ponomareva, I. V. (2019) Psikhologicheskie osobennosti i motivy otkaza ot rozhdeniya detej predstavitelej chajldfri [Psychological peculiarities and motives refusal of childbirth representative of childfree]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya — Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, vol. 5 (71), no. 3, pp. 94–104. EDN: [GINTTY](#) (In Russian)
- Levchenko, V. V., Bayandina, Ya. O. (2022) Otnoshenie k fenomenu chajldfri sovremennoj molodezhi: regional'nyj aspekt [Attitude to the childfree phenomenon of modern youth: Regional aspect]. *Vestnik Universiteta*, no. 12, pp. 188–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-12-188-196> (In Russian)
- Levchenko, V. V., Bayandina, Ya. O. (2023) Otnoshenie k dobrovol'noj bezdetnosti v sovremennom rossijskom obshchestve [Attitude to voluntary childlessness in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki — PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no. 1, pp. 131–141. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.10> (In Russian)

- Lomakin, I. V. (2019) Chajldfri ili dobrovol'no bezdetnye? K pereopredeleniyu kontseptual'nogo polya issledovaniy ne-roditel'stva v Rossii [Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parenthood in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 394–436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20> (In Russian)
- Lysenko, T. A., Dashkevich, D. D., Mozutko, A. V. (2024) Fenomen chajldfri i soznatel'naya bezdetnost' [The Childfree phenomenon and conscious childlessness]. *NovayaInfo.ru*, no. 141, pp. 134–136. EDN: FVULWL (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Rumyantseva, P. V. (2018) "#onazhemat": implitsitnye sotsial'nye predstavleniya o materinstve v sovremennom rossijskom internet-diskurse ["#sheisamother": Implicit social beliefs about motherhood in the modern Russia internet discourse]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russia Society*, no. 1 (86), pp. 67–77. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.6> (In Russian)
- Nakkerud, E. (2023) Choosing to live environmentally childfree: Private-sphere environmentalism, environmental activism, or both? *Current Psychology*, vol. 43, pp. 2887–2898. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04295-9> (In English)
- Neal, J. W., Neal, Z. P. (2021) Prevalence and characteristics of childfree adults in Michigan (USA). *PLoS ONE*, vol. 16, no. 6, article e0252528. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252528> (In English)
- Perova, A. P., Kara, Zh. Yu. (2020) Psikhologicheskie osobennosti zhenshchin-chajldfri: sovremennyy vzglyad [Psychological characteristics of childfree women: A modern view]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 6, pp. 1–9. EDN: BBMMAP (In Russian)
- Polutova, M. A. (2013) Metodologicheskie podkhody zarubezhnykh uchenykh k teorii feminizma: istoki, etapy razvitiya, osnovnye napravleniya [Methodological approaches of foreign scientists to the theory of feminism: Origin, development, main directions]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta — Transbaikalian State University Journal*, no. 11 (102), pp. 66–79. EDN: SDHGPP (In Russian)
- Rogova, A. M., Davydov, S. A. (2023) Sotsial'nye faktory rasprostraneniya chajldfri v Rossii [Social factors of the spread of childfree in Russia]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy — Telescope: journal of sociological and marketing research*, no. 1 (9), pp. 76–80. <https://www.doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-76-81> (In Russian)
- Rostovtseva, M. V., Goncharevich, N. A., Shestakov, V. N. et al. (2022) Uspeshnost' v kar'ere suprugov v sem'yakh patriarkhal'nogo i egalitarnogo tipa [Success in the career of spouses in patriarchal and egalitarian families]. *Psikholog — Psychologist*, no. 5, pp. 18–34. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2022.5.38774> (In Russian)
- Ray, C. M., Harcey, S. R., Greil, A. et al. (2018) Stability and change in personal fertility ideals among U.S. women in heterosexual relationships. *Demographic Research*, vol. 39 (1), no. 16, pp. 459–486. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.16> (In English)
- Sapogova, E. E. (2022) "Tekushchij sub'ekt" v poiskakh ustojchivoj identichnosti [A "fluid subject" in search of a stable identity]. *Psikhologicheskaya gazeta*. [Online]. Available at: <https://psy.su/pubs/10116/> (accessed 25.10.2023). (In Russian)
- Shelekhov, I. L., Berestneva, O. G., Petrova, L. A. (2019) Avtorskaya kontseptsiya psikhologicheskogo mekhanizma formirovaniya narushenij materinsko-detskikh vzaimootnoshenij, deviantnogo materinstva, dobrovol'noj bezdetnosti [Author's concept of the psychological mechanism of formation of violations of mother-children's relationships, deviant maternity, voluntary integrity]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 62–1, pp. 404–406. EDN: VVHAJY (In Russian)
- Shenaar-Golan, V., Lans, O. (2022) Measuring differentiation of self to evaluate subjective well-being in women who are childfree by choice. *The Family Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 278–287. <https://doi.org/10.1177/10664807221123552> (In English)
- Shlyapnikova, Yu. V., Ustin, P. N., Popov, L. M. (2018) Psikhologicheskie faktory reproduktivnogo povedeniya predstavitel'nits soobshchestva chajldfri [Reproductive behavior's psychological factors of the childfree community]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya — Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 7, no. 5A, pp. 107–113. EDN: YXLQST (In Russian)
- Ushakova, V. R. (2020) Tsennost' sem'i i roditel'stva u molodezhi s raznymi modelyami reproduktivnogo povedeniya [Family value in young people with different reproductive behaviors]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika — Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 20, no. 3, pp. 322–328. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328> (In English)
- Veevers, J. E. (1980) *Childless by Choice*. Toronto: Butterworths Publ., 254 p. (In English)
- Verniers, C. (2020) Behind the maternal wall: The hidden backlash toward childfree working women. *Journal of Theoretical Social Psychology*, vol. 4, no. 3, pp. 107–124. <https://doi.org/10.1002/jts5.65> (In English)
- Wilak, J. (2023) Why do polish women want to stay childless? *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wroclawiu — Research Papers of Wroclaw University of Economics and Business*, vol. 67, no. 3, pp. 130–141. <https://doi.org/10.15611/pn.2023.3.12> (In English)
- Zagirova, E. M. (2023) Dobrovol'naya bezdetnost': otношение i otsenka v obshchestvennom soznanii dagestanskogo naseleniya [Voluntary childlessness: Attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population]. *Caucasian Science Bridge*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 40–50. <https://www.doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4> (In Russian)

- Zakharova, E. I. (2015) Usloviya stanovleniya negativnogo otnosheniya sovremennykh zhenshchin k materinskoj roli [Negative attitudes towards motherhood in modern women: Settings and conditions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 44–49. <https://www.doi.org/10.17759/chp.2015110106> (In Russian)
- Zemzyulina, N. A., Severinova, A. V. (2020) Motivatsionno-tsennostnye ustanovki lyudej s pozitsiej chajldfri v yunosheskom vozraste [Motivational and value attitudes in people with the position of childfree in youth age]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie — Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, vol. 8, no. 2 (29), pp. 216–223. <https://www.doi.org/10.23888/humJ20202216-224> (In Russian)

Сведения об авторе

Никифорова Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
ORCID: [0009-0003-0960-4126](https://orcid.org/0009-0003-0960-4126), e-mail: missanastasia2018@mail.ru

Author

Anastasia V. Nikiforova, Senior Lecturer, Department of Social Psychology, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
ORCID: [0009-0003-0960-4126](https://orcid.org/0009-0003-0960-4126), e-mail: missanastasia2018@mail.ru

УДК 159.9

EDN IMRFNS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-462-471>

Short communication

Family cohesion, children's thoughts, and children's cognitive assessments: Mediating role of sport anxiety

Yu. Ali ¹, S. M. I. Shah ²

¹ Hazara University Mansehra, Dhodial, Mansehra, Khyber Pakhtunkhwa 21120, Pakistan

² Pakistan Sports Board, Union Internationale de Pentathlon Moderne,
Near Srinagar Hwy., Abpara, Islamabad, Pakistan

For citation: Ali, Yu., Shah, S. M. I. (2024) Family cohesion, children's thoughts, and children's cognitive assessments: Mediating role of sport anxiety. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 462–471. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-462-471> EDN IMRFNS

Received 3 October 2024; reviewed 12 October 2024; accepted 12 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. Ali, S. M. I. Shah (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The aim of this quantitative cross-sectional correlational study is to explore the relationship between family cohesion and children's cognitive assessments. Today, against the backdrop of digitalization, it is crucial to emphasize the importance of sports to ensure people have more physical activity. From the perspectives of sports psychology and education, understanding the role of parental involvement, family bonding, and boundaries is essential for exploring their impact on children's sports performance.

Materials and Methods. A purposive sampling technique was employed, selecting 200 sports education students and trainees. Informed written consent was obtained from all participants prior to data collection. Following formal consent procedures, valid and reliable instruments were used. Data analysis was conducted using IBM SPSS Version 25, employing both descriptive and inferential statistics. Statistical methods included Pearson's correlation, logistic regression, the Hayes' PROCESS Macro, and analysis of variance (ANOVA). The Family Cohesion Scale (FACES II; Olson et al. 1983), the Children's Thoughts Questionnaire (CTQ; Marien et al. 2007), the Children's Cognitive Assessment Questionnaire (CCAQ; Zatz, Chassin 1985) and the Sport Anxiety Scale (Smith et al. 2007) were the primary instruments used.

Results. Data normalization was performed, adjusting for normality using Shapiro-Wilk tests, skewness, and kurtosis values. Parametric tests were applied, and Pearson's product-moment correlation revealed significant associations. Multiple logistic regression analysis showed that both family cohesion and children's thoughts positively influenced children's cognitive assessments. Hayes' PROCESS Macro further demonstrated that sport anxiety has a significant mediating effect between thoughts and cognitive outcomes, including negative self-evaluations, off-task evaluations, positive self-evaluations, and on-task thoughts.

Conclusions. Proactive family involvement in children's sports education is crucial. Families serve as valuable resources that support progress in training and sports performance. They also influence children's cognitive responses, particularly in terms of self-evaluations (both positive and negative), off- and on-task thoughts.

Keywords: family cohesion, children's thoughts, children's cognitive assessment, sport anxiety, Pakistan

Краткое сообщение

Сплоченность семьи, мысли детей и их когнитивная оценка: опосредующая роль спортивной тревожности

Ю. Али^{✉1}, С. М. И. Шах²¹ Хазарский университет Мансехра, 21120, Пакистан, Хайбер-Пахтунхва, г. Мансехра, Додиал² Спортивный совет Пакистана, Международный союз современного пятиборья, Пакистан, г. Исламабад, шоссе Сринагара, Абпара

Для цитирования: Али, Ю., Шах, С. М. И. (2024) Сплоченность семьи, мысли детей и их когнитивная оценка: опосредующая роль спортивной тревожности. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 462–471. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-462-471> EDN IMRFNS

Получена 3 октября 2024; прошла рецензирование 12 октября 2024; принята 12 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. Али, С. М. И. Шах (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. Целью этого количественного поперечного корреляционного исследования является изучение взаимосвязи между сплоченностью семьи и когнитивными оценками детей. Сегодня, на фоне цифровизации, крайне важно подчеркнуть важность спорта для обеспечения большей физической активности людей. С точки зрения спортивной психологии и образования, понимание роли родительского участия, семейных связей и границ необходимо для изучения их влияния на спортивные результаты детей.

Материалы и методы. Использовалась целенаправленная выборка. Было отобрано в общей сложности 200 студентов и стажеров спортивных учебных заведений. От участников было получено письменное информированное согласие на участие в исследовании. Для интерпретации описательной и логической статистики использовался IBM SPSS версии 25. Применялись корреляционный анализ, логистическая регрессия, макро-анализ процесса Хейса и дисперсионный анализ, Шкала сплоченности семьи FACES II (Olson et al. 1983), опросник «Мысли детей» (Marien et al. 2007), опросник когнитивной оценки детей CCAQ (Zatz, Chassin 1985) и опросник спортивной тревожности (Smith et al. 2007).

Результаты. Данные были скорректированы в соответствии со значениями Уилка, асимметрии и эксцесса Шапиро. Использовалось параметрическое тестирование. Корреляция момента продукта Пирсона продемонстрировала значимые связи. Множественный логистический регрессионный анализ показал, что сплоченность семьи и мысли детей оказывают значительное положительное влияние на когнитивные способности детей. Макроанализ процесса Хейса был использован для того, чтобы показать, что спортивная тревожность характеризуется взаимосвязью между мыслями и когнитивными аспектами негативных оценок вне задания, положительных оценок и мыслей, связанных с выполнением задания.

Заключение. Активное участие семьи в развитии детского спортивного образования является его неотъемлемой частью. Семья — это ценный ресурс, который помогает в учебном процессе, в том числе в спортивном образовании. Близкие люди дополнительно влияют на когнитивные реакции детей: негативную/позитивную самооценку, мысли, отвлекающие внимание от выполнения задач (off-task thoughts) и когнитивные способности, которые помогают фокусироваться на задачах (on-task thoughts).

Ключевые слова: сплоченность семьи, мышление детей, когнитивная оценка детей, спортивная тревожность, Пакистан

Introduction

Research on the sports community, specifically concerning children, remains underexplored in Pakistan. This study aims to contribute to the fields of sports and child psychology by examining the dynamics of family cohesion, children's thoughts

on anxiety and depression, cognitive assessments, and sport anxiety.

Family cohesion

The family plays a pivotal role as a primary social unit. Family cohesion refers to the emotional bonds that connect family members, influencing the

family's adaptability — its ability to adjust power structures, roles, and meet situational needs. To assess these dimensions, the Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale was developed (Olson et al. 1983; Olson 2000). The Circumplex Model posits that emotions are processed within an 'emotional space' characterized by two subdimensions: valence and arousal (Olson et al. 1979). The model emphasizes the interconnectedness of family cohesion, flexibility, and communication. A study by (Carroll, Chelladurai 1981) examined the role of family and team sports cohesiveness among athletes. It was found that cohesion fostered a sense of belonging, membership, and enjoyment, as well as closeness within teams. Cohesion in sports was influenced by the nature of the task and the interaction between athletes and coaches. Cohesion is recognized as a crucial factor in reducing sports anxiety and enhancing performance, particularly among Chinese athletes. It also promotes psychological collectivism to foster engagement (Lehto et al. 2012). Moreover, family cohesion was identified as a significant mediator between aggression and sports mindfulness in an Iranian football team sample (Gharibvand et al. 2022). A study of Taiwanese adolescents highlighted that family cohesion plays an important role in predicting anxiety, depression, and deviance during childhood (Lin, Yi 2019). Research from Argentina suggests that elite athletes perceive family cohesion differently than recreational athletes, underscoring its significance in the development of children's opportunities to succeed in sports (Raimundi et al. 2019). In Brazilian youth athletes, family cohesion is linked to group cohesion, which ultimately fosters social cohesion within the sporting context (Freire et al. 2023).

Children's thoughts

Children's thoughts are often conceptualized in terms of the anxiety and depression they experience at specific developmental stages (Marine, Bell 2007). A study conducted on a sample of young athletes in Australia, ranging in age from 12 to 17, highlighted the importance of mental health, particularly regarding the experience of depressive and anxious thoughts among male athletes (Swann et al. 2018). Furthermore, children and adolescents in Sweden have been found to experience suicidal ideation, while the sense of coherence and coping strategies play a crucial role in mental well-being. The study emphasized the need for a safe environment where children can discuss personal issues, as they are at a heightened risk of abuse by senior athletes. Notably, many of the children in the sample came from immigrant families (Timpka et al. 2021). In a study of Russian and Bulgarian

sports students, significant differences were observed across such factors as fame type, qualifications, and nationality. The researchers also noted that anxiety and depression could persist due to factors such as an unpredictable sports calendar and a lack of information regarding athletes' physical condition (Iancheva et al. 2020).

Children's cognitive assessments

Children's cognitive assessments include off-task thoughts, on-task thoughts, negative evaluations, and positive evaluations. However, this measure has rarely been applied in the context of children's sports psychology. In a study of a Turkish sample of elementary school students, it was found that girls exhibited better autonomic responses to test anxiety compared to their boys (Aydın 2019). Similarly, in a German sample of students aged 9 to 15 years, those who experienced social anxiety tended to have more negative cognitive evaluations and fewer positive cognitive evaluations. The emotional bonding within the family was identified as a key factor influencing these cognitive patterns (Schwarz et al. 2020).

Sport anxiety

Sport anxiety is defined as a persistent sense of tension characterized by somatic symptoms, worry, and concentration disruption. It has been suggested that sports coaches should focus on creating a positive motivational climate as an intervention to reduce sport anxiety in young athletes (Greenlees 2021).

Methods

This study has a quantitative cross-sectional correlational design. The sample was drawn from a sports institution that granted permission for data collection across five sports — fencing, jumping, shooting, swimming, and running. These sports are recognized as the five integrated sports of the International Federation. The participants were selected through purposive sampling. The sample consisted of children aged 5 to 12 years, enrolled either in primary or secondary school. Written informed consent was obtained from the parents or guardians of the children. Initially, 280 pen-and-paper questionnaires were distributed, of which 200 were completed and returned, yielding a response rate of 71.4%. The parametric Pearson correlation analysis, with an effect size of 0.3, G*Power 3.1 indicated that a minimum sample size of 134 was required. Importantly, the sample included only those children who could understand, read and respond to simple English language statements (see Table 1).

Table 1. Demographics

Variable	N	Percent
<i>Gender</i>		
Male	102	51.0
Female	98	49.0
<i>Education</i>		
Primary	75	37.1
Secondary	125	62.6
<i>Type of sport</i>		
Fencing	26	13.0
Shooting	35	17.5
Running	62	31.0
Swimming	57	28.5
Jumping	20	10.0
<i>Disposable income (PKR)</i>		
100,000–200,000	41	20.5
200,000–400,000	57	28.5
400,000–600,000	48	24.0
More than 600,000	54	27.0

Hypotheses

1. There is significant association between family cohesion, children's thoughts, cognitive assessments, and sport anxiety.
2. Family cohesion and children's thoughts significantly affect children's cognitive assessments.
3. Sport anxiety has a significant mediating effect between thoughts and cognitive outcomes, including negative evaluations, off-task evaluations, positive evaluations, and on-task thoughts.
4. Gender, income, and type of sport have a significant main effect on family cohesion, children's

thoughts, cognitive assessments, and sport anxiety.

Statistical methods

1. Pearson product-moment correlation was used to test the relationships between variables.
2. Logistic regression was used to test regression models.
3. Hayes' PROCESS Macro was used to assess mediating effects.
4. Multivariate analysis of variance (MANOVA) was used to examine the main effects of gender, income, and type of sport.

Scales (see Table 2)

Table 2. Psychometrics

Variable	A	K	M	SD	Skewness	Kurtosis
Family cohesion	0.792	8	24.17	8.234	0.072	-1.745
Children's thoughts	0.978	36	670.69	735.579	1.520	1.655
Negative evaluation	0.696	10	16.62	3.286	0.493	-0.015
Off-task thoughts	0.702	10	15.57	2.461	0.062	-1.129
Positive evaluations	0.707	10	14.85	2.426	-0.269	-0.951
On-task thoughts	0.704	10	13.97	2.332	0.695	0.250
Somatic symptoms	0.769	3	55.27	18.623	0.132	-1.353
Worry	0.742	4	13.1200	4.64797	0.116	-1.288
Concentration disruption	0.737	4	13.2261	4.86007	0.064	-1.336
Sport anxiety	0.764	21	55.27	18.623	0.132	-1.353

Note: α = Cronbach's alpha, K = number of items, M = mean, SD = standard deviation.

The Family Cohesion Scale (FACES II; Olsen et al. 1983) includes three forms. In this study, the 8-item version was used, which is rated on 5-point Likert scale ranging from 1 = almost never or never to 5 = almost always or always. Some of the items include: 'Our family did things together' and 'We approved of each other's friends'.

The Children's Thoughts Questionnaire (CTQ; Marine, Bell 2007) is a 60-item psychometric survey that includes situational items related to anxiety and depression-related thoughts, serving as a cognitive measure. The CTQ is rated on a 5-point Likert scale ranging from 1 = not at all like I would think to 5 = exactly like I would think.

The Children's Cognitive Assessment Questionnaire (Zatz, Chassin 1985) is a 40-item survey with five subscales: negative self-evaluation, positive self-evaluation, self-distracting thoughts (off-task thoughts), and cognitions focused on the task (on-task thoughts). It uses a dichotomous scale.

The Sport Anxiety Scale (Smith et al. 2007) is a 36-item survey designed to measure sport-specific cognitive and somatic trait anxiety. The instrument has three subscales: somatic symptoms, worry, and

concentration disruption. It is rated on a 4-point scale ranging from 1 = not at all to 4 = very much.

Results

Table 3 shows the correlational analysis among all the constructs. Family cohesion demonstrated a strong negative correlation with children's anxiety and depression-related thoughts ($r = -0.654$, $p < 0.001$), a weak negative correlation with negative evaluations in the course of cognitive assessment ($r = -0.113$, $p < 0.001$), and a strong positive correlation with off-task thoughts. Additionally, family cohesion showed a strong negative correlation with sport anxiety ($r = -0.879$, $p < 0.001$) and its subscales: somatic symptoms ($r = -0.851$, $p < 0.001$), worry ($r = -0.871$, $p < 0.001$), and concentration disruption ($r = -0.850$, $p < 0.001$).

Table 4 shows regression analysis to explore the effect of family cohesion, children's thoughts and sport anxiety on cognitive assessment. Family cohesion has a significantly positive effect on cognitive assessments of children ($\beta = 0.038$, $p = 0.007$), while children's thoughts have a negative significant effect

Table 3. Correlational Analysis

Variables	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Family cohesion		-0.654**	-0.113	0.670**	-0.692**	-0.527**	-0.879**	-0.851**	-0.871**	-0.850**
2. Children's thoughts			-0.008	-0.483**	0.545**	0.402**	0.633**	0.627**	0.623**	0.601**
3. Negative evaluations				-0.251**	0.178*	-0.209**	0.306**	0.268**	0.294**	0.256**
4. Off-task thoughts					-0.556**	-0.259**	-0.664**	-0.639**	-0.667**	-0.615**
5. Positive evaluations						0.262**	0.717**	0.681**	0.699**	0.675**
6. On-task thoughts							0.349**	0.352**	0.369**	0.334**
7. Sport anxiety								0.957**	0.962**	0.951**
8. Somatic symptoms									0.930**	0.929**
9. Worry										0.891**
10. Concentration disruption										

Note: $p < .001^*$.

Table 4. Regression analysis

Variables	B	t	P
(Constant)		16.622	0.000
Family cohesion	0.038	0.266	0.007
Children's thoughts	-0.063	-0.737	0.042
Somatic symptoms	-0.124	-0.544	0.054
Worry	0.124	0.485	0.628
Concentration disruption	-0.145	-0.640	0.054
R ²	0.226		
F	9.375		

on cognitive assessments ($\beta = -0.063$, $p = 0.042$). Somatic symptoms ($\beta = -0.124$, $p = 0.054$) and concentration disruption ($\beta = -0.640$, $p = 0.054$) has a significant negative effect on children's cognitive assessments.

Hayes' PROCESS analysis of mediation shows that sport anxiety significantly mediates between family cohesion and children's cognitive assessments (see Table 5).

Table 6 shows that the outcomes of sports performance have a significant impact on family cohesion, children's thoughts, their negative and positive evaluations as well as off- and on-task thoughts.

Table 6.1 shows that disposable income has a significant T main effect on family cohesion,

children's thoughts, their positive evaluations, on-task thoughts and off-task thoughts as well as sport anxiety.

Gender was found to have no pronounced effect on either of the three constructs, except for off-task thoughts (see Table 6.2).

Table 6.3 shows the main interaction effects. There is no main interaction effect of gender and disposable income as well as no main interaction for gender and type of sport. However, there are main effects of disposable income and fame on negative and positive evaluations as well on-task thoughts. No main interaction effect for gender, disposable income or fame were found to be significant.

Table 5. Mediation analysis

Effect	SE	B	t	P
Total effect	0.001	0.001	3.674	0.000
Direct effect	0.000	0.000	-0.860	0.391
Indirect effect	0.002	0.002		

Note: SE = standard error, β = Beta, p = significance level.

Table 6. Multivariate analysis of variance

Tests of between-subjects effects						
Source	Dependent variable	Type III Sum of squares	Df	Mean square	F	Sig.
Type of sport	F	878.490	4	219.622	3.396	0.010
	CT	4769477.258	4	1192369.315	2.259	0.064
	CN	124.427	4	31.107	2.996	0.020
	CO	56.899	4	14.225	2.416	0.050
	CP	44.204	4	11.051	1.912	0.110
	COT	60.385	4	15.096	2.882	0.024
	S	1887.683	4	471.921	1.371	0.245

Table 6.1. Tests of between-subjects effects

Source	Dependent variable	Type III Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
Disposable income	F	10492.425	3	3497.475	228.620	0.000
	CT	47285934.126	3	15761978.042	51.158	0.000
	CN	39.801	3	13.267	1.233	0.299
	CO	455.784	3	151.928	39.737	0.000
	CP	536.055	3	178.685	55.115	0.000
	COT	311.333	3	103.778	26.399	0.000
	S	48144.471	3	16048.157	150.709	0.000

Table 6.2. Tests of between-subjects effects

Source	Dependent variable	Type III Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
Gender	F	0.531	1	0.531	0.008	0.930
	CT	282096.817	1	282096.817	0.520	0.472
	CN	62.186	1	62.186	5.901	0.016
	CO	1.402	1	1.402	0.231	0.632
	CP	0.650	1	0.650	0.110	0.741
	COT	1.261	1	1.261	0.231	0.631
	S	541.685	1	541.685	1.566	0.212

Table 6.3. Tests of between-subjects effects

Source	Dependent variable	Type III Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
Gender * disposable income	F	82.608	3	27.536	1.815	0.146
	CT	850780.067	3	283593.356	0.837	0.475
	CN	48.513	3	16.171	1.877	0.136
	CO	42.330	3	14.110	4.501	0.005
	CP	10.465	3	3.488	1.234	0.299
	COT	17.151	3	5.717	1.450	0.230
	S	163.327	3	54.442	0.525	0.666
Gender * type of sport	F	109.925	4	27.481	1.811	0.129
	CT	208163.955	4	52040.989	0.154	0.961
	CN	47.443	4	11.861	1.377	0.244
	CO	31.268	4	7.817	2.494	0.045
	CP	44.841	4	11.210	3.967	0.004
	COT	4.667	4	1.167	0.296	0.880
	S	750.440	4	187.610	1.810	0.129
Disposable income * type of sport T	F	99.723	12	8.310	0.548	0.880
	CT	2175484.168	12	181290.347	0.535	0.889
	CN	264.399	12	22.033	2.557	0.004
	CO	61.942	12	5.162	1.647	0.083
	CP	69.793	12	5.816	2.058	0.022
	COT	27.663	12	2.305	0.585	0.853
	S	673.265	12	56.105	0.541	0.885
Gender * income disposable * type of sport	F	90.139	9	10.015	0.660	0.744
	CT	378897.360	9	42099.707	0.124	0.999
	CN	107.052	9	11.895	1.381	0.201
	CO	44.414	9	4.935	1.574	0.127
	CP	47.488	9	5.276	1.867	0.060
	COT	16.497	9	1.833	0.465	0.896
	S	655.351	9	72.817	0.702	0.706

Note: F = Family cohesion, CT = Children's thoughts, CN = Negative evaluations, CO = Off-task thoughts, CO = On-task thoughts, CP = Positive evaluation, COT = Children's cognitive assessment, S = Sport anxiety.

Discussion

In children embracing sports, family cohesion encourages higher self-esteem, enjoyment, and intrinsic motivation ensuring sustained participation. The model proposed by J. A. Fredrick and J. S. Eccles' (Fredricks, Eccles 2005) suggests that girls require supportive opportunities and role models, particularly from their parents, to develop self-beliefs that translate into sports and physical activity. Interestingly, mothers tend to provide more support to girls as compared to fathers (Davison, Jago 2009). Without parental encouragement, girls who feel pressured to perform may experience higher levels of anxiety (Bois et al. 2009). Similarly, coaches have a significant influence on girls' psychological outcomes in terms of motivation (Weiss, Weiss 2007).

Children from low-income backgrounds may face barriers to sports participation. Sports, however, can offer significant emotional and social benefits. Research findings indicate that families with lower income tend to exhibit lower family cohesion associated with higher levels of depression and anxiety in children, as well as increased negative self-evaluations and off-task thoughts. These results align with previous studies showing that children from low-income households face a variety of challenges that prevent them from engaging in sports (Nelson et al. 2022).

Conclusion

It is crucial to develop targeted interventions for sports-related concussions, as children, particularly those in elementary and middle school, are more vulnerable to such injuries, which can lead to long-term cognitive issues. In addition, family-integrated therapies are important and should be delivered by sports coaches and sports psychologists. However, Pakistan now lacks registered sports psychologists who can collaborate directly with families and provide sports-related counselling services. Moreover, sports students from Pakistan have participated in countries around the world yet require international sports trainers to intervene for better cross-cultural learning.

Ontological coaching interventions are also essential in children's sports. Coaching frameworks should incorporate positive youth development, life skills training, and humanistic coaching principles to support psychological growth of children and youth (Bloom et al. 2020).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы заявляют, что исследование соответствует институциональным академическим и исследовательским принципам страны, где проводится исследование.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with the institutional academic and research principles of the country where the study is conducted.

Вклад авторов

Юмна Али: концептуализация, анализ данных, написание оригинального проекта, ресурсы, администрирование проекта, формальный анализ и проверка.

Сайед Мубашар Икбал Шах: концептуализация, сбор данных, ресурсы, корректура и проверка.

Authors' contributions

Yumna Ali: conceptualization, data analysis, writing original draft, resources, project administration, formal analysis and validation.

Syed Mubashar Iqbal Shah: conceptualization, data collection, resources, proof reading and validation.

Заявление о доступности данных

Данные доступны у соответствующего автора и предоставляются по обоснованному запросу.

Data availability statement

The data is available with the corresponding author and is provided on reasonable request.

References

- Aydin, U. (2019) Test anxiety: Gender differences in elementary school students. *European Journal of Educational Research*, vol. 8, no. 1, pp. 21–30. <https://doi.org/10.12973/eu-jer.8.1.21> (In English)
- Bloom, G. A., Dohme, L. C., Falcão, W. R. (2020) Coaching youth athletes. In: R. Resende, A. R. Gomes (eds.). *Coaching for human development and performance in sports*. Cham: Springer Publ., pp. 143–167. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-63912-9> (In English)
- Bois, J. E., Lalanne, J., Delforge, C. (2009) The influence of parenting practices and parental presence on children's and adolescents' precompetitive anxiety. *Journal of Sports Sciences*, vol. 27, no. 10, pp. 995–1005. <https://doi.org/10.1080/02640410903062001> (In English)
- Carron, A. V., Chelladurai, P. (1981) The dynamics of group cohesion in sport. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, vol. 3, no. 2, pp. 123–139. <https://doi.org/10.1123/jsp.3.2.123> (In English)
- Davison, K. K., Jago, R. (2009) Change in parent and peer support across ages 9 to 15 yr and adolescent girls' physical activity. *Medicine & Science in Sports & Exercise*, vol. 41, no. 9, pp. 1816–1825. <https://doi.org/10.1249/MSS.0b013e3181a278e2> (In English)
- Freire, G., Contreira, A., De Moraes, J. et al. (2023) Coach-athlete relationship, team cohesion and motivation in Brazilian youth athletes: A cluster analysis. *Human Movement*, vol. 24, no. 3, pp. 44–53. <https://doi.org/10.5114/hm.2023.116531> (In English)
- Fredricks, J. A., Eccles, J. S. (2005) Family socialization, gender, and sport motivation and involvement. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, vol. 27, no. 1, pp. 3–31. <https://doi.org/10.1123/jsep.27.1.3> (In English)
- Gharibvand, A. H., Makvandi, B., Heidari, A. (2022) Relationship between sports aggression and sports mindfulness with sports self-efficacy in male athletes; the mediating role of family Cohesion. *Men's Health Journal*, vol. 6, no. 1, p. e8. <https://doi.org/10.22037/mhj.v6i1.37765> (In English)
- Greenlees, I. (2021) Creating an optimal motivational climate for effective coaching. In: C. Heaney, N. Kentzer, B. Oakley (eds.). *Athletic Development*. New York: Routledge Publ., pp. 125–140. <http://dx.doi.org/10.4324/9781003153450-11> (In English)
- Iancheva, T., Rogaleva, L., García-Mas, A., Olmedilla, A. (2020) Perfectionism, mood states, and coping strategies of sports students from Bulgaria and Russia during the pandemic COVID-19. *Journal of Applied Sports Sciences*, vol. 1, pp. 22–38. <https://doi.org/10.37393/JASS.2020.01.2> (In English)
- Lehto, X. Y., Lin, Y. C., Chen, Y., Choi, S. (2012) Family vacation activities and family cohesion. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, vol. 29, no. 8, pp. 835–850. <https://doi.org/10.1080/10548408.2012.730950> (In English)
- Marien, W. E., Bell, D. J. (2004) Children's thoughts questionnaire (CTQ). In: J. Fischer, K. J. Corcoran (eds.). *Measures for clinical practice and research: A sourcebook*. Vol. 1. 4th ed. New York: Oxford University Press, pp. 486–490. (In English)
- Nelson, H. J., Spurr, S., Bally, J. M. (2022) The benefits and barriers of sport for children from low-income settings: An integrative literature review. *Sage Open*, vol. 12, no. 1, <https://doi.org/10.1177/21582440221087272> (In English)
- Olson, D. H. (2000) Circumplex model of marital and family systems. *Journal of Family Therapy*, vol. 22, no. 2, pp. 144–167. <https://doi.org/10.1111/1467-6427.00144> (In English)
- Olson, D. H., Sprenkle, D. H., Russell, C. S. (1979) Circumplex model of marital and family systems: I. Cohesion and adaptability dimensions, family types, and clinical applications. *Family Process*, vol. 18, no. 1, pp. 3–28. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1979.00003.x> (In English)
- Olson, D. H., Portner, J., Bell, R. (1983) *Marriage and Family Assessment: A sourcebook for family therapy*. Beverly Hill: Sage Publ., 342 p. (In English)
- Raimundi, M. J., Molina, M. F., Schmidt, V., Hernández-Mendo, A. (2019) Family functioning profiles and character strengths in young elite athletes from Argentina. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, vol. 17, no. 1, pp. 32–51. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2016.1189949> (In English)
- Schwarz, J., Schreiber, F., Kühnemund, M. et al. (2020) Kognitionen von Kindern mit sozialer Angststörung unter Stress [Cognitions of children with social anxiety disorder under stress]. *Zeitschrift für Kinder- und Jugendpsychiatrie und Psychotherapie*, vol. 48, no. 2. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1024/1422-4917/a000702> (accessed 23.02.2024). (In German)
- Swann, C., Telenta, J., Draper, G. et al. (2018) Youth sport as a context for supporting mental health: Adolescent male perspectives. *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 35, pp. 55–64. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2017.11.008> (In English)
- Smith, R. E., Smoll, F. L., Cumming, S. P. (2007) Effects of a motivational climate intervention for coaches on young athletes' sport performance anxiety. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, vol. 29, no. 1, pp. 39–59. <https://doi.org/10.1123/jsep.29.1.39> (In English)
- Timpka, T., Spreco, A., Dahlstrom, O. et al. (2021) Suicidal thoughts (ideation) among elite athletics (track and field) athletes: associations with sports participation, psychological resourcefulness and having been a victim of sexual and/or physical abuse. *British Journal of Sports Medicine*, vol. 55, no. 4, pp. 198–205. <https://doi.org/10.1136/bjsports-2019-101386> (In English)

- Weiss, W. M., Weiss, M. R. (2007) Sport commitment among competitive female gymnasts: A developmental perspective. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, vol. 78, no. 2, pp. 90–102. <https://doi.org/10.1080/02701367.2007.10599407> (In English)
- Zatz, S., Chassin, L. (1985) Cognitions of test-anxious children under naturalistic test-taking conditions. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 53, no. 3, pp. 393–401. <https://doi.org/10.1037//0022-006x.53.3.393> (In English)

Authors

Yumna Ali, PhD Scholar Psychology, Hazara University Pakistan
ResearcherID: [AHD-7722-2022](https://orcid.org/0000-0002-5364-5238), ORCID: 0000-0002-5364-5238, e-mail: yumnaali123@gmail.com
Syed M. I. Shah, Sports Family Coach, Pakistan Sports Board, Union Internationale de Pentathlon Moderne
E-mail: ainali732@gmail.com

Сведения об авторах

Юмна Али, кандидат психологических наук, Хазарский университет Пакистана
Researcher ID: [AHD-7722-2022](https://orcid.org/0000-0002-5364-5238), ORCID: 0000-0002-5364-5238, e-mail: yumnaali123@gmail.com
Сайед М. И. Шах, семейный тренер по спорту, Спортивный совет Пакистана, Международный союз современного пятиборья
E-mail: ainali732@gmail.com

УДК 316.64 + 159.922

EDN TVPFDE

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-472-483>

Научная статья

Роль семьи в формировании миграционных установок омской молодежи

А. Ю. Маленова¹, Ю. В. Потапова^{✉1}, А. А. Маленов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, д. 55А

Для цитирования: Маленова, А. Ю., Потапова, Ю. В., Маленов, А. А. (2024) Роль семьи в формировании миграционных установок омской молодежи. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 472–483.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-472-483> EDN TVPFDE

Получена 10 сентября 2024; прошла рецензирование 30 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова, А. А. Маленов (2024) Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. На протяжении уже более десяти лет в Омской области присутствует проблема высокой миграционной убыли. Особенно активно покидают регион молодые образованные люди, которые уезжают в поисках более благоприятных условий для жизни и возможностей раскрыть свой потенциал в карьере. Применение сугубо экономических мер сдерживания миграционного потока оказывается недостаточным для того, чтобы нивелировать эту тенденцию, поэтому в данном исследовании фокус внимания сдвигается к социально-психологическим, конкретнее, к малоизученным семейно-средовым факторам формирования миграционных установок учащейся молодежи. В школьном возрасте к таким параметрам отнесены состав семьи (полнота, нуклеарность, количество детей), в студенческом возрасте — факт совместного или отдельного проживания от родителей, семейное положение и детность.

Материалы и методы. В выборку исследования вошли 851 человек, из них 461 школьник из 20 учебных заведений Омска и Омской области и 390 студентов из восьми образовательных организаций Омска. Применены методы анкетирования и тестирования (методика «Шкала миграционных установок личности» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко). Методы статистической обработки: первичные описательные статистики, t-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты исследования. Выявлено, что у школьников миграционные установки в среднем выше и хуже согласованы, чем у студентов. На повышение миграционных намерений в школьном возрасте влияет принадлежность к составной семье (в формате «мать — отчим — дети») и неполной семье («мать — дети»), в студенчестве — отсутствие официально заключенного брака и детей (последний результат обнаружен исключительно в выборке девушек).

Заключение. Полученные результаты позволяют выделить группы риска и сформировать представление о направлениях социально-психологической работы с молодежью разного статуса и возраста, а также с родителями как прямыми и опосредованными трансляторами миграционных установок для своих детей. Перспективой исследования выступает расширение студенческой выборки за счет молодых людей, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих детей, а также введение гендерного критерия.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, семья, школьники, студенты

Research article

The role of family in the development of migration attitudes in Omsk youth

A. Yu. Malenova¹, Yu. V. Potapova^{✉1}, A. A. Malenov¹¹ Dostoevsky Omsk State University, 55A Mira Ave., Omsk 644077, Russia

For citation: Malenova, A. Yu., Potapova, Yu. V., Malenov, A. A. (2024) The role of family in the development of migration attitudes in Omsk youth. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 472–483. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-472-483> EDN TVPFDE

Received 10 September 2024; reviewed 30 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. Yu. Malenova, Yu. V. Potapova, A. A. Malenov (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. For over ten years, the Omsk Region has been experiencing high out-migration. Young educated people are especially active in leaving the region, looking for more favorable living conditions and opportunities to fulfil their career potential. Purely economic measures are insufficient in terms of reducing the out-migration. That is why our study focuses on socio-psychological factors in the development of migration attitudes in youth — more specifically, on family and environmental factors, which are poorly studied. At school age, such factors include family composition (completeness, nuclearity, number of children), and at college age, the fact of living together with or separately from parents, marital status and parenthood status.

Materials and Methods. The sample included 851 people: 461 schoolchildren from 20 schools in Omsk and Omsk Region, and 390 college students from eight universities in Omsk. We used The Scale of Personality Migration Attitudes (S. A. Kuznetsova, I.Yu. Kuznetsova, A. V. Feshchenko) and statistical methods: primary descriptive statistics, Student's t-test and one-way ANOVA.

Results. It was found that schoolchildren, on average, have more pronounced and less coordinated migration attitudes than college students. The increase in migration intentions at school age is influenced by belonging to a family of the 'mother-stepfather-children' type or an incomplete family ('mother-children'). In college students, the increase in migration intentions is influenced by the absence of an officially registered marriage and children (the latter was found exclusively in females).

Conclusions. The obtained results make it possible to identify risk groups. They also provide an idea of the vectors of socio-psychological work with young people of different status and age, and with their parents, who directly and indirectly transmit migration attitudes to their children. The prospects for the study include expanding the student sample to include young people in registered marriages and having children, and introducing the gender criterion.

Keywords: migration, migration attitudes, family, schoolchildren, college students

Введение

В современной психологии миграционного поведения молодежи важную роль играет поиск факторов не только выталкивающего, но и удерживающего характера (Чернышева, Чжан 2022), позволяющих выходить на уровень профилактики миграционных рисков. Последние особенно выражены в регионах «транзитного типа» (Габдрахманов и др. 2019), которые рассматриваются жителями как место временной дислокации, закрепляют установки смены территории проживания на более привлекательную (Савенцев и др. 2022). Временный характер пребывания в определенных населенных пунктах в молодежной среде часто связывают с образовательной

мобильностью, пик которой приходится на ранний и поздний юношеский возраст, когда необходимо сделать выбор места профессионального обучения впервые или его продолжения на более высокой ступени (Габдрахманов и др. 2019). Такие выборы, способствуя личной самореализации молодых людей, обедняют регионы, не способные обеспечить полноценные условия для карьерного развития, приводя к неравномерному распределению населения внутри страны. Омская область относится к числу «транзитных», несмотря на достаточную представленность как образовательных учреждений, так и перспективных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Местные органы власти предпринимают многочисленные попытки

удержания молодежи на малой родине, задействуя разнообразные ресурсы, прежде всего экономические. Однако ситуация в лучшую сторону кардинально не меняется: отток населения молодого возраста продолжается, достигая критических для региона значений (Общие итоги миграции... 2024).

Следует отметить, что тенденция к «утечке умов» из одних регионов в другие и связанные с этим проблемы развития территорий обсуждаются не только в России, но и за рубежом, к примеру, в Эфиопии (Assfaw, Minaye 2022), Китае (Jin et al. 2022), Индонезии (Hidayat et al. 2023).

Сложившаяся ситуация настоятельно требует обнаружения альтернативных способов работы с молодежью, в частности, использования социально-психологических механизмов управления миграционным поведением. Поскольку решение о переезде, как правило, является результатом, к которому молодой человек приходит после достаточно длительного подготовительного периода, можно предположить, что миграционные установки как готовность сменить одну территорию проживания ради другой (Зайков и др. 2018) начинают формироваться в подростковом возрасте под активным влиянием ближайшего социального окружения, что подчеркивает не только их полиобъектный (настоящее и будущее место проживания), но и полисубъектный (участие в принятии миграционных решений других людей) характер (Кузнецова и др. 2014). Роль значимых взрослых (родителей, педагогов, наставников) в этом процессе велика. Их влияние продолжается и в юности, вследствие инфантилизации молодежи, с одной стороны (Долгова, Митрофанова 2015), и тесной эмоциональной связи между поколениями, с другой (Микляева, Постникова 2019; Сапоровская 2012). Однако в разные возрастные периоды роль семьи для развития личности специфична: если для подростков большее значение имеют детско-родительские отношения, структура и состав родительской семьи, то в юности на первый план выходят сепарационные процессы, стремление к интимно-личным связям и супружеству. Полагаем, что и роль семьи в формировании миграционных установок в эти периоды также различна: семья может способствовать как их закреплению, так и снижению вплоть до нивелирования. Оба этих процесса предоставляют интерес, позволяя рассматривать семью в качестве фактора, опосредующего формирование миграционных установок молодежи и потому требующего контроля в отношении превенции миграционных рисков.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Изучение миграционных установок охватывает несколько уровней: от макрофакторов (географическое расположение, культура, мировая политика, федеральная экономика и пр.) до локальных, связанных с индивидуальными особенностями потенциального мигранта и его социального окружения. Последнее рассматривается и как влияние отдельных личностей, и разных групп, прежде всего, референтных для субъекта (Кузнецова и др. 2014).

Переменные, лежащие на стыке между внутренним миром личности и ее внешними взаимоотношениями, могут быть связаны с опытом проживания и оценки определенных ситуаций, связанных с миграцией, другими людьми. Знакомство с описанием условий жизни в другой среде (Данилова 2010), даже виртуальное (Hidayat et al. 2023), трансляция позитивного опыта миграции знакомыми респондента в социальных сетях (Сигарева, Сивоплясова 2014), наличие непосредственного опыта индивидуального или группового переезда (Зайончковская, Ноздрин 2008), а также его временные критерии (Рочева, Варшавер 2020) способствуют повышению общего уровня миграционной подвижности населения, формируя так называемый миграционный капитал (Ivlevs, King 2012), закрепляющий позитивные установки в отношении территориальных перемещений вплоть до их оценки как необходимых на определенных жизненных этапах (Kandel, Massey 2002). Так, значительный пласт потенциальных мигрантов составляют молодые люди, которые еще не обзавелись репродуктивной семьей, но уже готовы отделиться от родительской (Маленова, Потапова 2020).

Объективный фактор миграции, связанный с социальным окружением, — доход и жилищные условия семьи (Гольцова 2015), в частности совместное/раздельное проживание с родителями (Маленов 2024). Субъективно семейно-средовые факторы представлены значимыми межличностными связями в пределах места проживания (Бакина и др. 2018), своеобразной «сетью контактов», которая усиливает привязанность к месту (Assfaw, Minaye 2022), «обжитостью» (Скрипник 2010), укорененностью, привязанностью к малой родине (Марков и др. 2021). При этом «выталкивающим» фактором выступает присутствие знакомых, друзей, родных там, куда стремится переехать человек (Зайончковская, Ноздрин 2008), тогда как необходимость расставания, напротив, может запустить работу «удерживающих» механизмов (Потапова и др.

2024). Противоречивость семейного фактора при оценке миграционных рисков отражает тот факт, что родители, являясь часто приверженными своей малой родине, не видят возможности реализации своих детей на этой территории, формируя тем самым их миграционные установки, а также аналогичные диспозиции и в отношении следующего поколения, ориентируя сыновей и дочерей на создание собственной семьи и продолжение рода на новом месте (Сигарева, Сивоплясова 2014).

В этой связи правдоподобной выглядит «поли-субъектная» структура миграционной установки, предложенная С. А. Кузнецовой с коллегами, включающая три компонента: оценку субъектом собственного потенциального миграционного поведения, ожиданий и намерений близких по поводу его миграции, а также меры имеющейся миграционной активности у самого ближнего окружения (Кузнецова и др. 2014). Как показывают результаты упомянутого исследования, факторная структура этих компонентов имеет возрастные различия: у студентов каждый компонент относительно автономен, тогда как у школьников миграционные установки больше зависят от мнения окружающих, прежде всего родителей.

Организация и методы исследования

Цель настоящего исследования — выявление особенностей миграционных установок учащейся молодежи Омска в зависимости от специфики семейной ситуации. Тестируемые гипотезы: потенциальными факторами формирования миграционных установок в школьном возрасте выступают структура и состав семьи, в студенческом — сепарационный и семейный статус, а также наличие детей.

Общая выборка исследования ($N = 851$) была представлена двумя группами — школьники ($N = 461$, 58,1 % девушек, 41,9 % юношей от 14 до 17 лет ($M = 15,5$, $SD = 1,39$)) из 20 учебных заведений Омска и Омской области (их включение в выборку согласовано с администрацией учебных заведений, самими респондентами и их родителями) и студенты ($N = 390$, 69,7 % девушек и 30,3 % юношей от 18 до 22 лет ($M = 19,9$, $SD = 3,02$)) из восьми учебных заведений Омска.

В составе выборки школьников были учтены следующие критерии:

1. Полнота семьи: 350 полных (75,9%), 100 неполных (21,7%) в большинстве типа «мать — ребенок», 11 составных семей (2,4%) по типу «мать — отчим — дети».

2. Нуклеарность: 405 нуклеарных (87,9%), 56 расширенных семей (12,1%).
3. Количество детей: 187 однодетных (40,6%), 205 среднететных (44,5%), 69 многодетных (15,0%) семей.

Выборка студентов имела следующий состав по изучаемым критериям:

1. Сепарационный статус: 176 проживают совместно с родителями (45,1%), 214 отдельно (54,9%);
2. Семейное положение: 196 не имеют партнера (50,3%), у 179 (45,9%) он есть, при этом 110 имеют партнера, но не живут с ним совместно (28,2%), 57 сожительствуют с партнером (14,6%), 12 состоят в зарегистрированном браке (3,1%). 15 человек (3,8%) не дали информации о своем семейном положении.
3. Детность: 368 не имеют детей (94,4%), у 9 они есть (2,3%). 13 предпочли не раскрывать данную информацию о себе.

Для сбора эмпирических данных применены методы анкетирования (информация о социально-демографическом составе выборки) и тестирования — Шкала миграционных установок личности С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко (Кузнецова и др. 2014). Методы статистической обработки: первичные описательные статистики, t -критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ / критерий Уэлча.

Результаты исследования

В первую очередь мы проанализировали и сравнили средние значения миграционных установок школьников и студентов (табл. 1).

Значимые отличия наблюдались в области собственных миграционных установок, при этом у студентов они оказались ниже. Можем предположить, что это связано с тем, что, выбирая учебное заведение, человек уже (по крайней мере на время обучения) делает для себя выбор в сторону города, где он обучается, происходит своеобразный «отсев» людей с самыми высокими миграционными установками — они уезжают в качестве абитуриентов в вузы других городов.

Далее были сравнены друг с другом компоненты миграционных установок отдельно в группах школьников и студентов. Отличия между компонентами наблюдались только в выборке школьников: между собственными установками и установками о миграции у близких ($t = -10,5$, $p \leq 0,001$), собственными установками и установками близких о миграции респондента

Табл. 1. Миграционные установки школьников и студентов г. Омска (результаты сравнения)

Миграционные установки	Школьник		Студент		t	p
	М, балл	SD	М, балл	SD		
Собственные миграционные установки	54,37	15,87	52,25	14,21	-2,04	0,04
Миграционные установки близких	48,58	13,09	49,58	12,22	1,13	0,26
Установки близких о миграции респондента	50,90	13,87	50,33	12,44	-0,63	0,53

Table 1. Migration attitudes in schoolchildren and college students in Omsk (comparison results)

Migration attitudes	Schoolchild		College student		t	p
	M, score	SD	M, score	SD		
Respondent's migration attitudes	54.37	15.87	52.25	14.21	-2.04	0.04
Migration attitudes of family	48.58	13.09	49.58	12.22	1.13	0.26
Attitudes of family to the respondent's migration	50.90	13.87	50.33	12.44	-0.63	0.53

($t = -7,5, p \leq 0,001$), миграционными установками близких и тем, в какой степени они считают необходимой миграцию собственных детей ($t = -5,87, p \leq 0,001$). У студентов таких отличий не наблюдается, что может быть объяснено снижением противоречивости в отношениях с родителями, достижением консенсуса по важным вопросам с приходом юношеского возраста.

Перейдем к анализу отличий между подвыборками, обусловленных включением в группы с разными семейно-средовыми характеристиками.

У школьников нами анализировались характеристики родительской семьи, которые могли потенциально повлиять на миграционные установки (состав, нуклеарность, количество детей в семье). Выявлено, что миграционные установки школьников существенно выше, если они растут в составных семьях, несколько ниже установки детей из неполных семей, и слабее всех выражено стремление мигрировать у детей из полных семей (табл. 2).

Состав семьи в контексте прочих родственников (нуклеарность — расширенность) и сиблингов (однодетные, средне- и многодетные семьи) не был связан с трансформацией миграционных установок.

У студентов нами анализировался параметр проживания совместно с родителями или отдельно от них, семейное положение, детность. Студенты, живущие отдельно от родителей, оценивают их миграционные установки как существенно более высокие, чем в семьях, где обучающиеся живут вместе с родителями (табл. 3).

В плане собственных установок, а также установок близких о миграции респондентов различий не было найдено.

Не связанными с формированием миграционных установок студентов оказались также параметры наличия партнера, совместного проживания с ним, если брак не был официально заключен. А вот в группах студентов, вступивших в официальный брак, собственные миграционные установки были значимо ниже, чем у тех, кто не сделал этого (табл. 4).

Табл. 2. Миграционные установки школьников из семей с разным составом

Миграционные установки	Состав семьи	M	SD	F	p
Собственные миграционные установки	Неполная	58,16	15,19	4,77	0,01
	Полная	53,76	16,46		
	Составная	64,27	14,07		
Миграционные установки близких	Неполная	52,35	12,37	6,10	0,00
	Полная	47,80	13,51		
	Составная	55,91	13,32		
Установки близких о миграции респондента	Неполная	54,55	14,30	3,81	0,02
	Полная	50,35	14,15		
	Составная	55,09	12,13		

Table 2. Migration attitudes of schoolchildren from families with different composition

Migration attitudes	Family composition	M	SD	F	p
Respondent's migration attitudes	Incomplete	58.16	15.19	4.77	0.01
	Complete	53.76	16.46		
	Composite (mother-stepfather-children)	64.27	14.07		
Migration attitudes of family	Incomplete	52.35	12.37	6.10	0.00
	Complete	47.80	13.51		
	Composite (mother-stepfather-children)	55.91	13.32		
Attitudes of family to respondent's migration	Incomplete	54.55	14.30	3.81	0.02
	Complete	50.35	14.15		
	Composite (mother-stepfather-children)	55.09	12.13		

Табл. 3. Миграционные установки студентов с разным сепарационным статусом

Миграционные установки	Сепарационный статус				t	p
	Отдельно		Совместно			
Собственные миграционные установки	52,08	14,55	52,46	13,86	-0,26	0,80
Миграционные установки близких	50,88	12,23	48,11	12,22	2,20	0,03
Установки близких о миграции респондента	50,99	12,59	49,51	12,32	1,15	0,25

Table 3. Migration attitudes of college students who live separately from or together with their parents

Migration attitudes	Living separately from or together with parents				t	p
	Separately		Together			
Respondent's migration attitudes	52.08	14.55	52.46	13.86	-0.26	0.80
Migration attitudes of family	50.88	12.23	48.11	12.22	2.20	0.03
Attitudes of family to respondent's migration	50.99	12.59	49.51	12.32	1.15	0.25

Табл. 4. Миграционные установки студентов с разным семейным положением

Миграционные установки	Семейное положение				t	p
	Состоят в браке		Не состоят в браке			
Собственные миграционные установки	42,92	18,78	52,58	13,82	-2,35	0,02
Миграционные установки близких	41,50	17,18	49,87	11,82	-1,67	0,12
Установки близких о миграции респондента	42,67	18,84	50,57	11,97	-1,44	0,18

Table 4. Migration attitudes of college students with different marital status

Migration attitudes	Marital status				t	p
	Married		Not married			
Respondent's migration attitudes	42.92	18.78	52.58	13.82	-2.35	0.02
Migration attitudes of family	41.50	17.18	49.87	11.82	-1.67	0.12
Attitudes of family to respondent's migration	42.67	18.84	50.57	11.97	-1.44	0.18

Параметр детности также был связан со значительным снижением миграционных установок, однако только у девушек (табл. 5).

Обсуждение результатов

При оценке структуры семьи по критерию ее состава (полноты) у школьников были установлены отличия как для собственных миграционных установок, так и для установок близких о миграции респондентов. Это означает, что школьник из составной семьи и сам сильнее, чем его сверстники из полных и неполных семей, хочет мигрировать, и думает, что родители тоже были бы не против покинуть город и ждут подобного решения от своего ребенка. Поскольку ни нуклеарность, ни структура семьи (с учетом количества детей в семье) не была связана с миграционными намерениями обучающихся, можно предположить, что ослабление их установок на переезд, скорее, обусловлено наличием гармоничного состава родительской пары (это двое родных родителей, находящихся в браке), тогда как изменение состава (утрата одного из родителей) и особенно приход отчима/мачехи способствуют увеличению миграционных установок.

Возможно, дети из составных семей, особенно воспитывающиеся в условиях, когда у матери и отчима уже появился собственный ребенок, испытывают комплекс негативных эмоциональных состояний (обида, ощущение своей ненужности, неуместности и заброшенности), которые могут переноситься на условия жизни в целом. Они могут считать, что город, в котором они живут — это некомфортная для них среда (переноса внимание с агрессивных эмоций в отношении матери, которые могут быть табуиро-

ванными для ребенка, на более нейтральный и безопасный объект). У таких детей могут возникать психологические защиты по типу рационализации, сущность которых — фантазия о «прекрасном далеко», где они смогут найти возможности для самореализации и быть принятыми другими людьми, получить недостающее тепло и поддержку. Однако все перечисленное не зависит от места проживания и может быть обеспечено ребенку в родном городе. Поскольку число таких детей невелико, организация массовых мероприятий малопродуктивна, скорее более эффективной станет индивидуальная работа со школьниками, оказавшимися в подобной ситуации, направленная на поиск путей повышения их субъективного благополучия, снятие острых негативных эмоциональных состояний и нормализацию их аффективного баланса.

Что касается студентов, то обнаруженные различия их представлений о миграционных намерениях их близких (предполагается, что это в первую очередь родительская семья) связаны со следующим. Родители, которые еще проживают со своими детьми-студентами, более активно включены в «завершение» своей семейной миссии, стремятся оставаться в городе, чтобы позволить своему ребенку доучиться и получить выбранное профессиональное образование. Предполагается, что с момента получения диплома о высшем образовании такая семья может существенно изменить свои миграционные намерения, однако это пока только гипотеза. Родители же, которые живут отдельно от своих детей, кажутся студентам более миграционно подвижными, потому что первый этап физической сепарации между ними был уже пройден, и потому они более свободны

Табл. 5. Миграционные установки детных и бездетных студенток

Миграционные установки	Детность				t	p
	Есть дети		Нет детей			
Собственные миграционные установки	38,13	16,65	53,26	14,37	-2,92	0,00
Миграционные установки близких	37,25	14,98	50,21	12,29	-2,92	0,00
Установки близких о миграции респондента	37,50	14,80	51,36	12,89	-2,98	0,00

Table 5. Migration attitudes of female college students with different motherhood status

Migration attitudes	Motherhood status				t	p
	Has children		No children			
Respondent's migration attitudes	38.13	16.65	53.26	14.37	-2.92	0.00
Migration attitudes of family	37.25	14.98	50.21	12.29	-2.92	0.00
Attitudes of family to respondent's migration	37.50	14.80	51.36	12.89	-2.98	0.00

в своих решениях и перемещениях; по крайней мере, именно такая картина складывается в представлениях молодых людей, отвечавших на наши вопросы.

При этом наличие зарегистрированных отношений, образовавшихся в студенчестве, может существенно ослабить стремление переезжать из города, где был заключен брак. Это может быть связано с тем, что, принимая такое важное решение, как создание семьи, потенциальные супруги оценивают, в частности, условия, где они собираются строить эту семью. Вероятно, те, кто принимает решение о браке, в целом удовлетворены условиями и готовы оставаться со своим партнером в текущем месте жительства. Аналогичному решению способствует и рождение в молодой семье ребенка, которое усиливается принятием женщиной материнской роли.

Возможно, появление ребенка существенно меняет планы не только самой женщины, но и ее ближайшего окружения, потому что как собственные миграционные установки, так и представления об установках близких у студенток-матерей были значительно снижены по сравнению с бездетными девушками. Показательно, однако, что усиление оседлости по причине деторождения происходит именно у девушек — возможно, пока ребенок маленький и сильно зависит от матери, она откладывает свои миграционные планы до тех пор, пока не сможет вкладывать больше сил в построение карьеры и быта на новом месте жительства. На снижение миграционных установок у девушек может повлиять также наличие старших родственников в родном городе, которые могут прийти на помощь семье. Возможно, юноши не считают наличие ребенка серьезным препятствием к совершению миграции, поскольку пока не столь активно включены в его воспитание, а может быть полученный результат связан с недостаточностью респондентов, имеющих детей, в «мужской» доле выборки. Следует отметить, что случаи детности у студентов не столь часты, чтобы можно было полноценно ориентироваться на эти результаты, поэтому именно данный вопрос требует набора специфической выборки и проведения более внимательного содержательного анализа проблемы. Однако выявленная тенденция видится нам вполне закономерной, несмотря на дисбаланс выборки: человек, который уже в студенчестве обзавелся семьей и ребенком, теряет свою изначальную миграционную подвижность, и фокус его внимания сдвигается к обеспечению минимально необходимого комфорта для членов семьи. Скорее всего, сочетаясь с задачами студенчества, эта жизненная ситуа-

ция потребует приложения существенных усилий. Взять на себя еще и труд по организации переезда в таком случае будет довольно проблематично.

Выводы

1. Миграционные установки омских студентов значимо слабее, более гармоничны и внутренне согласованы, чем у школьников.
2. У школьников фактором изменения миграционных установок служит состав семьи: сильнее прочих стремятся мигрировать школьники из составных семей, несколько слабее — из неполных, слабее всех — из полных.
3. У студентов, живущих отдельно от родителей, формируются представления о более сильных миграционных установках их близких.
4. Факторы значительного снижения миграционных установок студентов — заключение официального брака (и у юношей, и у девушек) и рождение ребенка (у девушек).

Таким образом, полученные данные позволяют выявить группы миграционного риска среди учащейся омской молодежи в семейно-средовом контексте. В школьном возрасте — это дети, воспитывающиеся в составных и неполных семьях, на которые следует обратить особое внимание при организации психолого-педагогического сопровождения. В случае со студенческой выборкой наиболее значимым результатом является то, что официальный брак и наличие детей «защищают» человека от повышения миграционных установок достаточно эффективно. Отметим, что выявленная закономерность обнажает и ограничения данного исследования: в нем, что логично, сравнительно небольшой процент студентов, состоящих в браке и имеющих детей, поэтому для выявления полной картины необходим дополнительный набор столь специфичной в современных условиях выборки.

С учетом полученных результатов и этики довольно сложно представить себе мероприятия, которые были бы адресно и экологично направлены на превенцию миграционных установок в семейно-средовом ключе. Оптимальными на данный момент мерами для решения этих задач в образовательных организациях могут выступать акции в поддержку молодых семей, лектории для молодых родителей-студентов, в идеале — развитие инфраструктуры университетов, настроенной под задачи молодых родителей (детские комнаты, ведомственные детские сады, где как студенты, так и сотрудники могли бы оставлять детей на время обучения/работы).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

А. Ю. Маленова: введение, теоретический обзор; А. А. Маленов: организация и методы исследования, оформление статьи; Ю. В. Потапова: результаты и их обсуждение, выводы.

Author Contributions

A. Yu. Malenova — introduction, theoretical review; A. A. Malenov — organization and research methods, preparing the manuscript; Yu. V. Potapova — results, discussion, conclusions.

Заявление о доступности данных

Данные недоступны по этическим причинам.

Data Availability Statement

The access to the reported data cannot be provided for ethical and commercial reasons.

Литература

- Бакина, А. В., Орлова, О. А., Яремчук, С. В. (2018) Образ социально-психологического пространства города в представлении молодежи с разными миграционными намерениями (на примере города Комсомольска-на-Амуре). *Современные исследования социальных проблем*, т. 9, № 7–1, с. 36–62. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2018-7-36-62>
- Габдрахманов, Н. К., Никифорова, Н. Ю., Лешуков, О. В. (2019) «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. *Современная аналитика образования*, № 5 (26), с. 4–42. EDN: DKZGMI
- Гольцова, Е. В. (2015) Факторы социальной среды как детерминанты миграционного поведения молодежи Иркутской области. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, № 14-1, с. 51–55. EDN: UXOMSH
- Данилова, З. А. (2010) Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования). *Проблемы прогнозирования*, № 3 (120), с. 115–118. EDN: TUTODG
- Долгова, А. А., Митрофанова, Е. С. (2015) Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект. *Экономическая социология*, т. 16, № 5, с. 46–76. EDN: VUZCIN
- Зайков, К. С., Каторин, И. В., Тамицкий, А. М. (2018) Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 11, № 3, с. 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>
- Зайончковская, Ж. А., Ноздрин, Н. А. (2008) Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах). *Проблемы прогнозирования*, № 4 (109), с. 98–111. EDN: IUDQRP
- Кузнецова, С. А., Кузнецов, И. Ю., Фещенко, А. В. (2014) Разработка шкалы миграционных установок личности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, № 1, с. 83–90. EDN: RXWGRT
- Маленов, А. А. (2024) Миграционные мотивы и установки омских студентов, проживающих совместно с родителями и отдельно от них. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, № 1, с. 38–47. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.38-47>
- Маленова, А. Ю., Потапова, Ю. В. (2020) *Сепарация взрослеющих детей: свобода для или от?* Омск: Изд-во Омского государственного университета, 311 с. EDN: RKQEFD
- Марков, В. И., Волкова, Т. А., Ахметгалева, З. М. (2021) Имидж региона и мотивация внутренней миграции студентов региональных вузов (на примере Кузбасса (Россия)). *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*, № 3 (29), с. 20–28. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2021-3-20-28>
- Микляева, А. В., Постникова, М. И. (2019) Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, т. 10, № 2, с. 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>

- Общие итоги миграции населения Омской области в январе — апреле 2024 года. (2024) *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области (Омскстат)*. [Электронный ресурс]. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migr_04-2024.htm (дата обращения 11.08.2024).
- Потапова, Ю. В., Маленова, А. Ю., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2024) Причины и факторы миграционного поведения молодежи Омской области. *ДЕМИС. Демографические исследования*, т. 4, № 1, с. 116–131. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8>
- Рочева, А. Л., Варшавер, Е. А. (2020) Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 3 (157), с. 295–334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>
- Савенцев, Г. В., Флаот, Н. С., Егоров, Д. В., Казанцев, Д. А. (2022) Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе. *Социальные и гуманитарные знания*, т. 8, № 2, с. 162–177. <http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177>
- Сапоровская, М. В. (2012) *Психология межпоколенных отношений в современной российской семье*. Кострома: Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 430 с. EDN: [ZXONBT](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632)
- Сигарева, Е. П., Сивоплясова, С. Ю. (2014) Некоторые аспекты миграционной мотивации Российской молодежи. *Народонаселение*, № 2 (64), с. 65–71. EDN: [SJFYRL](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632)
- Скрипник, Е. О. (2010) Миграционные намерения городского населения Хабаровского края. *Пространственная экономика*, № 4, с. 42–57. EDN: [NCGRYR](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632)
- Чернышева, Н. С., Чжан, Ю. (2022) Молодежная миграция в России: обзор дискуссий. *Социологические исследования*, № 11, с. 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
- Assfaw, A. K., Minaye, A. (2022) Explaining migration intention from selected psycho-social variables in South Wollo, Ethiopia. *Frontiers in Sociology*, vol. 7, article 960203. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.960203>
- Hidayat, Ar. R. T., Onitsuka, K., Sianipar, C. P. M. et al. (2023) To migrate or not to migrate: Internet use and migration intention among rural youth in developing countries (case of Malang, Indonesia). *Digital Geography and Society*, vol. 4, article 100052. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100052>
- Ivlevs, A., King, R. M. (2012) Family migration capital and migration intentions. *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 33, pp. 118–129. <https://doi.org/10.1007/S10834-011-9269-9>
- Jin, C., Li, B., Jansen, S. J. T. et al. (2022) What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. *Cities*, vol. 128, article 103802. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103802>
- Kandel, W., Massey, D. S. (2002) The culture of Mexican migration: A theoretical and empirical analysis. *Social Forces*, vol. 80, no. 3, pp. 981–1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>

References

- Assfaw, A. K., Minaye, A. (2022) Explaining migration intention from selected psycho-social variables in South Wollo, Ethiopia. *Frontiers in Sociology*, vol. 7, article 960203. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.960203> (In English)
- Bakina, A. V., Orlova, O. A., Yaremchuk, S. V. (2018) Образ сotsial'no-psikhologicheskogo prostranstva goroda v predstavlenii molodezhi s raznymi migratsionnymi namereniyami (na primere goroda Komsomol'ska-na-Amure) [Socio-psychological space of komsomolsk-on-amur among young people with different migration intentions]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 9, no. 7–1, pp. 36–62. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2018-7-36-62> (In Russian)
- Chernysheva, N. S., Chzhan, Yu. (2022) Molodezhnaya migratsiya v Rossii: obzor diskussii [Approaches to the studying youth migration in russia: Reviewing discussions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3> (In Russian)
- Danilova, Z. A. (2010) Migratsionnye nastroyeniya naseleniya bajkal'skogo regiona (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [The population migration climate in the Baikal region (Based on the materials of a sociological research)]. *Problema prognozirovaniya*, no. 3 (120), pp. 115–118. EDN: [TUTODG](https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3) (In Russian)
- Dolgova, A. A., Mitrofanova, E. S. (2015) Otdelenie ot roditel'skoj sem'i v Rossii: mezhpokolencheskij aspekt [Leaving the parental home in Russia: Intergenerational aspect]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya — Journal of Economic Sociology*, vol. 16, no. 5, pp. 46–76. EDN: [VUZCIN](https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3) (In Russian)
- Gabdrakhmanov, N. K., Nikiforova, N. Yu., Leshukov, O. V. (2019) “Ot Volgi do Eniseya...”: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii [Educational migration of young in Russia]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya — Modern Education Analytics*, no. 5 (26), pp. 4–42. EDN: [DKZGMI](https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3) (In Russian)
- Gol'tsova, E. V. (2015) Faktory sotsial'noj sredy kak determinanty migratsionnogo povedeniya molodezhi Irkutskoj oblasti [Factors of social environment as determinants of migratory behavior of youth in the Irkutsk region]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya — Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, no. 14-1, pp. 51–55. EDN: [UXOMSH](https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3) (In Russian)
- Hidayat, Ar. R. T., Onitsuka, K., Sianipar, C. P. M. et al. (2023) To migrate or not to migrate: Internet use and migration intention among rural youth in developing countries (case of Malang, Indonesia). *Digital Geography and Society*, vol. 4, article 100052. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100052> (In English)

- Ivlevs, A., King, R. M. (2012) Family migration capital and migration intentions. *Journal of Family and Economic Issues*, no. 33, pp. 118–129. <https://doi.org/10.1007/S10834-011-9269-9> (In English)
- Jin, C., Li, B., Jansen, S. J. T. et al. (2022) What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. *Cities*, vol. 128, article 103802. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103802> (In English)
- Kandel, W., Massey, D. S. (2002) The culture of Mexican migration: A theoretical and empirical analysis. *Social Forces*, vol. 80, no. 3, pp. 981–1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009> (In English)
- Kuznetsova, S. A., Kuznetsov, I. Yu., Feshchenko, A. V. (2014) Razrabotka shkaly migratsionnykh ustanovok lichnosti [Working out Migratory attitudes scale of personal]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika — RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 1, pp. 83–90. EDN: [RXWGRT](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009) (In Russian)
- Malenov, A. A. (2024) Migratsionnye motivy i ustanovki omskikh studentov, prozhivayushchikh sovместно s roditel'nyimi i ot del'no ot nikh [Migration motives and attitudes of Omsk students living together with parents and separately from their]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, no. 1, pp. 38–47. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.38-47> (In Russian)
- Malenova, A. Yu., Potapova, Yu. V. (2020) *Separatsiya vzrosleyushchikh detej: svoboda dlya ili ot?* [Separation of growing up children: Freedom for or from?] Omsk: Omsk State University Publ., 311 p. EDN: [RKQEFD](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009) (In Russian)
- Markov, V. I., Volkova, T. A., Akhmetgaleeva, Z. M. (2021) Imidzh regiona i motivatsiya vnutrennej migratsii studentov regional'nykh vuzov (na primere Kuzbassa (Rossiya)) [Image of the region and internal migration motivation on the part of students of regional universities (a case of Kuzbass, Russia)]. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv) — Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts*, no. 3 (29), pp. 20–28. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2021-3-20-28> (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Postnikova, M. I. (2019) Sotsial'no-psikhologicheskaya struktura mezhpokolencheskikh otnoshenij studencheskoj molodezhi [A socio-psychological structure of intergenerational relationships of student]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209> (In Russian)
- Obshchie itogi migratsii naseleniya Omskoj oblasti v yanvare — aprele 2024 goda [General results of population migration in the Omsk region in January–April 2024]. (2024) *Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Omskoj oblasti (Omskstat)*. [Online]. Available at: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migr_04-2024.htm (accessed 11.08.2024). (In Russian)
- Potapova, Yu. V., Malenova, A. Yu., Malenov, A. A., Potapov, A. K. (2024) Prichiny i faktory migratsionnogo povedeniya molodezhi Omskoj oblasti [Migration behavior of youth in the Omsk region: Reasons, factors, prospects]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya — DEMIS. Demographic Research*, vol. 4, no. 1, pp. 116–131. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8> (In Russian)
- Rocheva, A. L., Varshaver, E. A. (2020) Migratsionnye namereniya molodezhi s migratsionnym bekgraundom i bez: rossijskij sluchaj [Migration intentions of youth with and without migrant backgrounds: A Russian case]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremery — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 3 (157), pp. 295–334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632> (In Russian)
- Saporovskaya, M. V. (2012) *Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenij v sovremennoj rossijskoj sem'e* [Psychology of intergenerational relations in a modern Russian family]. Kostroma: Kostroma State University Publ., 430 p. EDN: [ZXOHB](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009)T (In Russian)
- Saventsev, G. V., Flaot, N. S., Egorov, D. V., Kazantsev, D. A. (2022) Faktory migratsionnogo prirosta v regionakh Rossii na sovremennom etape [Factors of migration growth in modern Russia's regions]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, vol. 8, no. 2, pp. 162–177. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177> (In Russian)
- Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2014) Nekotorye aspekty migratsionnoj motivatsii Rossijskoj molodezhi [Some aspects of migration motivation of Russian youth]. *Narodonaselenie — Population*, no. 2 (64), pp. 65–71. EDN: [SJFYRL](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009) (In Russian)
- Skipnik, E. O. (2010) Migratsionnye namereniya gorodskogo naseleniya Khabarovskogo kraja [Migration intentions of the urban population of the Khabarovsk Territory]. *Prostranstvennaya ekonomika — Spatial Economics*, no. 4, pp. 42–57. EDN: [NCGRYR](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009) (In Russian)
- Zaikov, K. S., Katorin, I. V., Tamitskii, A. M. (2018) Migratsionnye ustanovki studentov, obuchayushchikhsya po obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovaniya arkticheskoy napravlenosti [Migration attitudes of the students enrolled in arctic-focused higher education programs]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremery: fakty, tendentsii, prognoz — Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, no. 3, pp. 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15> (In Russian)
- Zajonchkovskaya, Zh. A., Nozdrina, N. A. (2008) Migratsionnyj opyt naseleniya regional'nykh tsentrov Rossii (na primere sotsiologicheskogo oprosa v 10 gorodakh) [The migration experience of the population of Russian regional centers based on a sociological survey in 10 cities]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 4, pp. 98–111. EDN: [IUDQRP](https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009) (In Russian)

Сведения об авторах

Арина Юрьевна Маленова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
SPIN-код: [8179-3954](#), Scopus AuthorID: [57224741278](#), ResearcherID: [AAH-7974-2021](#), ORCID: [0000-0001-5778-0739](#), e-mail: malyonova@mail.ru

Юлия Викторовна Потапова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
SPIN-код: [5026-5940](#), Scopus AuthorID: [58114942500](#), ResearcherID: [AAB-6832-2022](#), ORCID: [0000-0002-1226-8982](#), e-mail: kardova.jv@gmail.com

Александр Александрович Маленов, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
SPIN-код: [9545-2314](#), Scopus AuthorID: [57224725844](#), ORCID: [0000-0002-3654-956X](#), e-mail: malyonov@mail.ru

Authors

Arina Yu. Malenova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University
SPIN: [8179-3954](#), Scopus AuthorID: [57224741278](#), ResearcherID: [AAH-7974-2021](#), ORCID: [0000-0001-5778-0739](#), e-mail: malyonova@mail.ru

Yuliya V. Potapova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University
SPIN: [5026-5940](#), Scopus AuthorID: [58114942500](#), ResearcherID: [AAB-6832-2022](#), ORCID: [0000-0002-1226-8982](#), e-mail: kardova.jv@gmail.com

Aleksandr A. Malenov, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University
SPIN: [9545-2314](#), Scopus AuthorID: [57224725844](#), ORCID: [0000-0002-3654-956X](#), e-mail: malyonov@mail.ru

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 159.923.2:316.61

EDN TWIVAY

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-484-501>

Научная статья

Внутрисемейные и личностные предикторы жизнеспособности студенток вуза и их матерей

И. А. Курапова ¹

¹ Марийский государственный университет,
424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

Для цитирования: Курапова, И. А. (2024) Внутрисемейные и личностные предикторы жизнеспособности студенток вуза и их матерей. Психология человека в образовании, т. 6, № 4, с. 484–501. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-484-501> EDN TWIVAY

Получена 10 сентября 2024; прошла рецензирование 23 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. А. Курапова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В связи с инфантилизацией молодежи, кризисом семьи, важно определить личностные и средовые предикторы жизнеспособности студентов вуза и их родителей как системной характеристики личности с учетом половой принадлежности. Цель исследования состоит в изучении внутрисемейных отношений и личностной зрелости как предикторов жизнеспособности студенток вуза и их матерей.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование проведено на студентках вуза и их матерях (118 человек). Использовались методика «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнача, опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха, методика PARI на измерение родительских установок и реакций Е. С. Шефер, Р. К. Белл (адаптация Т. В. Архиреевой).

Результаты исследования. У респондентов преобладает средний уровень жизнеспособности, однако у матерей выше показатели духовности, а у студенток — самоэффективности, настойчивости и совладания.

Личностная зрелость как предиктор жизнеспособности у респондентов соответствует низкому и среднему уровням выраженности. Однако у студенток выше эмпатия и мотивация достижений, чем у их матерей.

Внутрисемейные отношения характеризуются оптимальностью эмоционального контакта с ребенком, отсутствием выраженного дистанцирования и концентрации на нем при намерении сохранить зависимость от родителей.

Предикторами жизнеспособности респондентов являются личностная зрелость и внутрисемейные отношения. Их вклад в жизнеспособность студенток и их матерей различается. Жизнеспособность матерей детерминирована личностной зрелостью и семейными отношениями в равной степени, в то время как у студенток вклад личностных характеристик в жизнеспособность больше, чем вклад семейных отношений.

Заключение. Проведенное исследование определило специфику личностной и семейной детерминации жизнеспособности студенток вуза и их матерей, что уточняет имеющиеся данные о предикторах жизнеспособности студенток с учетом семейного контекста.

Ключевые слова: жизнеспособность, личностная зрелость, внутрисемейные отношения, родительские установки, семейные роли, предикторы, студенты вуза, юношеский возраст

Research article

Intra-family and personal predictors of resilience in female university students and their mothers

I. A. Kurapova ¹¹ Mari State University, 1 Lenina Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russia

For citation: Kurapova, I. A. (2024) Intra-family and personal predictors of resilience in female university students and their mothers. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 484–501. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-484-501> EDN TWIVAY

Received 10 September 2024; reviewed 23 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. A. Kurapova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. Today we observe both the crisis of the family and the fact that young people become increasingly infantile. This makes it important to identify the personal and environmental gender-specific predictors of resilience in students and their parents, where resilience is viewed as a systemic personality characteristic. This article studies intra-family relationships and personal maturity as resilience predictors in female university students and their mothers.

Materials and Methods. The empirical study involved female university students and their mothers (118 people). The methods included The Adults' Resilience Questionnaire by A. Makhnach, The Personality Maturity Questionnaire by Yu. Gilbukh, and the PARI method by E. Schaefer and R. Bell (adapted by T. Arkhireyeva).

Results. Most of respondents showed an average level of resilience, but mothers have higher scores of spirituality, while their daughters have higher scores of self-efficiency, persistence and coping. Personal maturity as a predictor of resilience in the respondents showed low and average levels of development. However, female students have more empathy and motivation for achievement than their mothers. The intra-family relationships are characterized by an optimal emotional contact with the child, the absence of pronounced distancing from the child, the absence of pronounced focus on the child, and the intention to preserve dependence on parents. Personal maturity and intra-family relationships are the predictors of female students' and their mothers' resilience. These predictors contribute differently to the resilience of female students and their mothers. Specifically, the mothers' resilience is equally determined by personal maturity and family relationships. In female students, resilience is affected by personal maturity more than by family relationships.

Conclusions. The study identified how personal and family factors affect resilience in female university students and their mothers, which allows a better understanding of resilience predictors in female students having regard to the family context.

Keywords: resilience, personal maturity, family relationships, parental attitudes, family roles, predictors, university students, youth

Введение

Неизбежность трансформационных процессов в современном обществе повышает риск социальной дезадаптации различных слоев населения, что не только не снимает, но еще более актуализирует проблему жизнеспособности человека. Одновременное функционирование человека в нескольких взаимосвязанных системах (семья, образовательная организация, трудовой коллектив и др.) позволяет отнести жизнеспособность к «зонтичной» характеристике с позиции теории социального понимания (Махнач, Лактионова 2021).

Несмотря на увеличивающееся количество исследований жизнеспособности детей и молодежи (Лактионова 2017; Махнач и др. 2022; Постылякова 2024; Рыльская, Мошкина 2021; Шерешкова 2023; Zarotti et al. 2020), социальных групп, организаций (Scheuch et al. 2021), в том числе и семьи (Махнач, Толстых 2018; Одинцова и др. 2023), остается нерешенным вопрос о влиянии индивидуальных и средовых факторов на жизнеспособность человека, зависимость этого влияния от индивидуальных и контекстуальных характеристик. Обозначается проблема однозначности отнесения конкретной переменной к фактору риска или фактору защиты,

а также определения механизмов их влияния на жизнеспособность человека.

Учеными среди факторов риска и защиты перечисляется большое количество переменных (Лактионова 2017; Махнач 2016; Постылякова 2024; Abiola, Udofia 2011), их действие зависит от характера переживаемых человеком трудностей (Махнач и др. 2022). Источник факторов риска и защиты может находиться как в самом человеке (и опосредствоваться субъективным восприятием трудностей, возможностью их разрешения), так и в его социальном окружении. По мере взросления человека увеличивается количество социальных систем, в которые он включен, что увеличивает и количество факторов риска, и факторов защиты его жизнеспособности.

Увеличивающееся количество исследований жизнеспособности студентов (Куфтяк 2018; Махнач и др. 2022; Постылякова 2024; Рыльская, Мошкина 2021; Шерешкова 2023) определяет роль молодежи в современном обществе. Мы считаем, что существуют как специфичные для студентов факторы жизнеспособности, так и универсальные, определяемые возрастом, принадлежностью к социальной группе. Универсальные характеристики жизнеспособности студентов заслуживают такого же пристального внимания, как и специфичные.

К личностным факторам жизнеспособности человека можно отнести личностную зрелость как интегральную характеристику субъекта, связанную с процессом взросления (адаптацией и самореализацией), регулирующую систему отношений с миром и самим собой (Кожевникова 2022). При этом взросление молодежи характеризуется социально-психологическим инфантилизмом (Микляева и др. 2023; Толстых 2015), что приводит к снижению способности молодежи к самоорганизации, а в обществе — восприятию их как незрелых (Parameswaran 2020). У студентов различается актуальный уровень зрелости и ее субъективная оценка (Кожевникова 2022), при этом у большинства низкая личностная зрелость (Габаева, Кожевникова 2020). Соответственно личностная незрелость или псевдозрелость могут приводить к дезадаптации, снижению жизнеспособности.

Жизнеспособность — предиктор совладания с трудностями у студентов (Brewer et al. 2019), их психологического благополучия (Петраш и др. 2022). Студенты, осваивая учебно-профессиональную деятельность, переживают ситуацию вынужденной сепарации, переоценивают свой жизненный путь (Махнач и др. 2022), что придает особую значимость социальной

поддержке, в том числе семьи (Петраш и др. 2022). В юности влияние семьи закономерно меньше, чем на предыдущих этапах развития, однако семья продолжает обуславливать поведение своих членов семейными нормами, ценностями (Посохова и др. 2020), которые в юности начинают определять индивидуальность студента наряду с индивидуальными потребностями. Учитывая системный характер семьи, изменениям подвергается и личность родителей в связи с взрослением их детей. Поэтому важно изучать взаимообусловленность жизнеспособности родителей и детей семейными и индивидуально-психологическими характеристиками.

В исследованиях показано, что существуют половые различия жизнеспособности в юности и молодости: у девушек, в сравнении с юношами, ниже общая жизнеспособность, а также индивидуальная и семейная жизнеспособность (Лактионова 2022). При этом студентки склонны обращаться за личной и социальной поддержкой при столкновении с жизненными трудностями (Куфтяк 2018). Поэтому исследование направлено на изучение внутрисемейных отношений и личностной зрелости как предикторов жизнеспособности с учетом пола, к участию в нем привлекались студентки вуза и их матери как субъекты семейной системы.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Жизнеспособность как междисциплинарная проблема изучается в психологии на протяжении нескольких десятилетий, и за этот период ее трактовка как отдельной личностной характеристики, придающей адаптивность и устойчивость, расширилась до рассмотрения ее как «сверхсложной самоорганизующейся системы» (Махнач и др. 2023, 70). Наиболее часто жизнеспособность человека определяется как способность, носящая системный (Masten 2014), метасистемный (Лактионова 2017) характер, предполагающая успешную адаптацию и жизнедеятельность в целом в ситуации интра- и интерпсихических угроз (Masten 2014), восстановление в результате травматичного опыта и управление как внутренними, так и внешними ресурсами, воспринимаемая субъективно как удовлетворенность жизнью (Рыльская 2019). Жизнеспособность — динамическое явление и различается в зависимости от возраста, пола, социокультурного контекста (Лактионова 2022; Махнач и др. 2022; Постылякова 2024).

Согласно модели А. В. Махнач, жизнеспособность содержит «...взаимосвязанные компоненты (пять внутренних и один внешний): самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптацию, внутренний локус контроля, семейные/социальные взаимоотношения, духовность/культура...» (Махнач 2016, 144). Каждый компонент также «...включен в: индивидуально-личностный контекст, к которому отнесены следующие компоненты — самоэффективность, настойчивость, совладание, внутренний локус контроля; контекст отношений (компонент семейные/социальные взаимоотношения), контекст общества (компонент адаптация), контекст культуры (компонент духовность)» (Махнач 2016, 144). При этом развитие жизнеспособности имеет индивидуальный, а не универсальный характер (Ungar et al. 2013). Само взаимодействие человека с большим количеством систем, а также особенности этих систем определяют жизнеспособность субъекта. Понимание влияния разнообразных социальных контекстов на жизнеспособность человека и группы (семьи, университета) обуславливает ее исследование на различных уровнях.

Большинство исследований жизнеспособности ориентировано на изучение ее индивидуальных и микросистемных характеристик. К ресурсам жизнеспособности человека относят оптимизм, социальную поддержку, активный копинг (Abiola, Udofia 2011), инициативу, интеллектуальные способности, доверие, автономность, идентичность, образование, самоуважение (Maclean 2004). Для студентов специфическими ресурсами жизнеспособности являются учебная мотивация, мотивация достижений, а также социально-психологические факторы — психологическая и материальная поддержка родителей, поддержка одноклассников и преподавателей (Постылякова 2024). Таким образом, для совладания с проблемами студенты используют ресурсы непосредственного окружения (Постылякова 2024), касающиеся личностного и социально-психологического уровней индивидуальности (Рыльская, Мошкина 2021). Факторы риска, содержащиеся как в самом себе, так и в семье, вузе, в различной конфигурации могут негативно влиять на жизнеспособность студентов. В то же время факторы риска могут актуализировать ресурсы. Однако механизмы подобной актуализации пока не изучены подробно.

Семейные взаимоотношения являются значимым фактором жизнеспособности студентов — вторым после собственных ресурсов (Постылякова 2024), что показывает необходи-

мость учета семейного контекста индивидуальной жизнеспособности. Студенты с низкой жизнеспособностью отмечают низкую семейную и дружескую поддержку, в целом не удовлетворены семейными и дружескими отношениями (Махнач и др. 2022).

Как отмечает А. В. Махнач, «семейные ресурсы — это ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические характеристики и качества, которые члены семьи могут использовать при совладании со стрессом. К таким ресурсам мы относим: гибкость семейных границ, ролевую гибкость, возможность пересмотра семейных правил, ясную коммуникацию, умеренную сплоченность семьи, открытость в восприятии окружающего мира» (Махнач 2016, 242), то есть ресурсы как отдельных членов семьи, так и системные характеристики семьи. Важно при описании семейных ресурсов обратиться к родительской системе (Махнач, Толстых 2018). В литературе отмечается, что «система отношений родителей сложно организована и объединяет отношение к себе, своим переживаниям, к личностным изменениям, отношению к ребенку и состоянию его здоровья, к семейным ценностям, к использованию социальных и личных ресурсов в преодолении жизненных проблем» (Посохова, Диденко 2020, 121), что, на наш взгляд, влияет на индивидуальную и семейную жизнеспособность. В связи с этим акцентируется внимание на ближайшей социальной среде, которая в значительной степени определяет траекторию развития своих членов, их интеграцию в общество, способствуя удовлетворению базовых потребностей или фрустрируя их.

Итак, семья выступает одним из значимых факторов индивидуальной жизнеспособности своих членов. Происходящие в ней внутренние процессы наряду с внешними социальными детерминируют ее жизнеспособность как социальной группы и как социальной системы. Интегральным психологическим параметром семьи являются детско-родительские отношения, их «целесообразно рассматривать как интеграцию системы отношений родителей и системы отношений детей» (Посохова и др. 2020, 63). Важно понимать, что «родительская и детская системы отношений оказывают автономное влияние на стили воспитания и семейную атмосферу, демонстрируя многообразие детско-родительских отношений в целостной семейной организации» (Посохова и др. 2020, 66), что связано с взрослением детей и старением их родителей. По мнению детей, родители игнорируют их потребности, что повышает незрелость

детей и закрепляет авторитарность родителей (Посохова, Диденко 2020).

Межпоколенные отношения (межпоколенный диалог, а не взаимодействие) влияют на личностный рост и психологическое благополучие студентов вуза (Петраш и др. 2022). Студенты вовлечены преимущественно во взаимодействие с представителями собственного поколения и реже с представителями переходного поколения (родители) (Микляева, Постникова 2019). Изучение семейных эмоциональных коммуникаций родителей как модели для их детей-студентов показало, что завышенные требования родителей и стремление к совершенству способствуют психологическому благополучию студентов (Петраш и др. 2022), то есть существует преемственность семейных отношений.

Испытываемый родителями дискомфорт в результате невозможности их самореализации за пределами семьи может быть фактором риска как их жизнеспособности, так и жизнеспособности их детей, что детерминируется подавлением субъектности ребенка (Посохова и др. 2020). Показано, что жизнеспособность студентов вуза связана с их восприятием детско-родительских отношений: чем выше удовлетворенность отношениями с родителями, тем выше их жизнеспособность (Мотовилова, Капустина 2023).

Динамический характер жизнеспособности человека объясняет постепенность ее развития и достижения оптимальных показателей на определенном уровне зрелости (Рыльская 2019), условно в зрелом возрасте (Малиева 2022), что связано с количественно-качественной трансформацией ее компонентов в направлении к саморазвитию (Рыльская 2019). Зрелость рассматривается не только как личностная характеристика, но и как социальный конструкт, определяемый социальными представлениями о качествах зрелых людей (Микляева и др. 2023). К ним относят жизнестойкость, рефлексивность, нравственность, позитивные межличностные отношения (Манукян 2022). Выделенные авторами критерии личностной зрелости соотносятся с характеристиками жизнеспособности, что позволяет предположить взаимосвязь этих параметров. Было показано, что личностная зрелость в молодости и зрелом возрасте связана с жизнестойкостью, однако эта взаимосвязь не однозначна (Анчукова, Демидов 2022). Также на выборке английских студентов выявлена взаимосвязь жизнеспособности и осознанного отношения к своей жизни: осознанность опосредует жизнеспособность и совладание (Zarotti et al. 2020).

В целом на каждом возрастном этапе выделяются нормативные компоненты личностной зрелости: в юности — самопринятие, самоуважение, автономность, жизнестойкость; в ранней зрелости — готовность принять ответственность, осознанность, позитивные межличностные отношения. Средняя зрелость связана с самореализацией, рефлексивностью, при этом снижаются некоторые параметры жизнестойкости, что приводит к снижению удовлетворенности жизнью (Головей 2014). Схожие результаты получены и в другом исследовании о большей жизнестойкости в молодости, чем в зрелости (Сиврикова и др. 2019).

Обобщая, отметим, что факторы риска и защиты жизнеспособности человека противоположны по своему содержанию или знаку и касаются как личностных, так и средовых характеристик. Однако факторы описывают причинно-следственные связи, которые могут вызвать изменение жизнеспособности человека, а могут не повлиять на нее. В связи с этим важно также изучать предикторы жизнеспособности, лежащие на разных уровнях организации человека и его среды, которые выполняют прогностическую функцию и более устойчивы, чем факторы.

Организация и методы исследования

Объектом данного исследования стала жизнеспособность студенток вуза и их матерей, предметом — детерминированность жизнеспособности студенток вуза и их матерей внутрисемейными и личностными характеристиками.

Исследовательская гипотеза: личностная зрелость и внутрисемейные отношения выступают в качестве предикторов жизнеспособности студенток вуза и их матерей, при этом вклад их в жизнеспособность различен.

В исследовании участвовали студентки 2 курса ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (возраст $19,39 \pm 1,29$ лет) и их матери (возраст $45,76 \pm 5,86$ лет) общим количеством 118 человек (59 человек — студентки, 59 человек — их матери).

Для изучения жизнеспособности применялся тест А. В. Махнача «Жизнеспособность взрослого человека», позволяющий определить выраженность интегрального показателя и компонентов жизнеспособности, один из которых связан с семейным окружением («Социальные и семейные взаимосвязи»). Личностная зрелость как предиктор жизнеспособности определялась с помощью опросника Ю. З. Гильбуха, включающего итоговую и промежуточные шкалы.

Внутрисемейные отношения респондентов измерялись с помощью методики PARI E. С. Шефер, Р. К. Белла в адаптации Т. В. Архиреевой. Данная методика проводилась с матерями студенток и позволила изучить отношения матерей к детям, а также к семейной роли. Выбор методик осуществлялся с учетом их диагностических возможностей, надежности и валидности.

Массив эмпирических данных обработан с помощью IBM SPSS Statistics V26 for Windows, использовались множественный регрессионный анализ (Backward stepwise), Н-критерий Краскела — Уоллиса, U-критерий Манна — Уитни (для независимых выборок), корреляционный анализ по Спирмену. Так как сравнение показателей изучаемых феноменов проводилось в выборках, разделяемых по разным признакам, то распределение данных в них по отдельным шкалам отличалось от нормального, что потребовало использование наряду с параметрическими и непараметрическими методов.

Результаты и их обсуждение

Жизнеспособность студенток ($n = 59$) и их матерей ($n = 59$) соответствует нормативному среднему уровню выраженности (64,4% и 57,6% соответственно), что подтверждается и другими исследованиями на выборке студентов (Куфтяк 2018; Малова, Толстых 2023; Постылякова 2024; Рыльская, Мошкина 2021; Шерешкова 2023; Zarotti et al. 2020). Выявлено незначительное количество респондентов с низким уровнем жизнеспособности (по 5,64% в каждой группе). Несмотря на то что средний показатель жизнеспособности студенток и их матерей имеет одинаковую выраженность, отсутствует полное соответствие уровней жизнеспособности: дети родителей с низкой жизнеспособностью обладают средней жизнеспособностью, а у студенток с низкой жизнеспособностью матери со средней и высокой жизнеспособностью. Однако почти у половины студенток и их матерей (44,1%) уровень жизнеспособности совпадает, что можно объяснить, предположительно, влиянием близких отношений студенток с матерями, а, возможно, низкой сепарацией студенток.

При этом имеются различия выраженности отдельных параметров жизнеспособности у студенток и их матерей, что позволяет предположить наличие различных значимых компонентов жизнеспособности в разных поколениях. Выявлена тенденция к высоким показателям параметров «Семейные и социальные взаимосвязи» как у студенток, так и их матерей, параметра

«Самоэффективность» только у студенток. Иначе говоря, как для студенток, так и их матерей, важны социальная поддержка при совладании с трудностями, и они обращаются к ней, что подтверждает результаты другого исследования о значимости семейных ресурсов для студентов в контексте проблемы жизнеспособности (Постылякова 2024) и согласуется с позицией А. В. Махнача о том, что этот компонент является наиболее важным в жизнеспособности человека (Махнач 2016).

При этом у студенток, кроме самоэффективности ($U_9 = 1255$, $p = 0,009$), более выражены показатели настойчивости ($U_9 = 1127,5$, $p = 0,001$), совладания и адаптации ($U_9 = 1308,5$, $p = 0,02$), чем у их матерей, но ниже показатель духовности ($U_9 = 746,5$, $p = 0,000$), что совпадает с результатами исследователей о большей жизнеспособности молодого поколения, нежели зрелого (Сиврикова и др. 2019). Таким образом, студентки в большей степени, чем их матери, верят в свои возможности, проявляют упорство, жизнестойкость, активность в совладании с трудностями, адаптации к ним. Матери студенток демонстрируют большую духовность и нравственность, по сравнению со своими детьми; они обращаются к трансцендентному, общечеловеческим ценностям в трудных ситуациях, что объясняется возрастными особенностями стремления осмыслить/переосмыслить имеющийся жизненный опыт (рис. 1).

Жизнеспособность студенток определяется в равной степени всеми ее параметрами, за исключением духовности. Жизнеспособность матерей также определяется показателями социальных и семейных связей, самоэффективности, внутреннего локуса контроля, и, кроме того, духовностью, что не характерно для студенток. При этом совладание и настойчивость не имеют особого значения для жизнеспособности матерей.

При сравнении профилей жизнеспособности у студенток и их матерей в зависимости от интегрального показателя жизнеспособности выявлено наличие различий по всем переменным ($p \leq 0,01$), кроме духовности: духовность матерей с разным уровнем жизнеспособности не отличается, однако у студенток с низкой жизнеспособностью ($n = 3$) духовность ниже, чем у студенток с высокой жизнеспособностью ($n = 18$) ($U_9 = 114$, $p = 0,000$).

Выявлено соответствие выраженности отдельных компонентов жизнеспособности у студенток ее уровню в целом (однородность компонентов жизнеспособности), что корреспондируется с данными других исследований

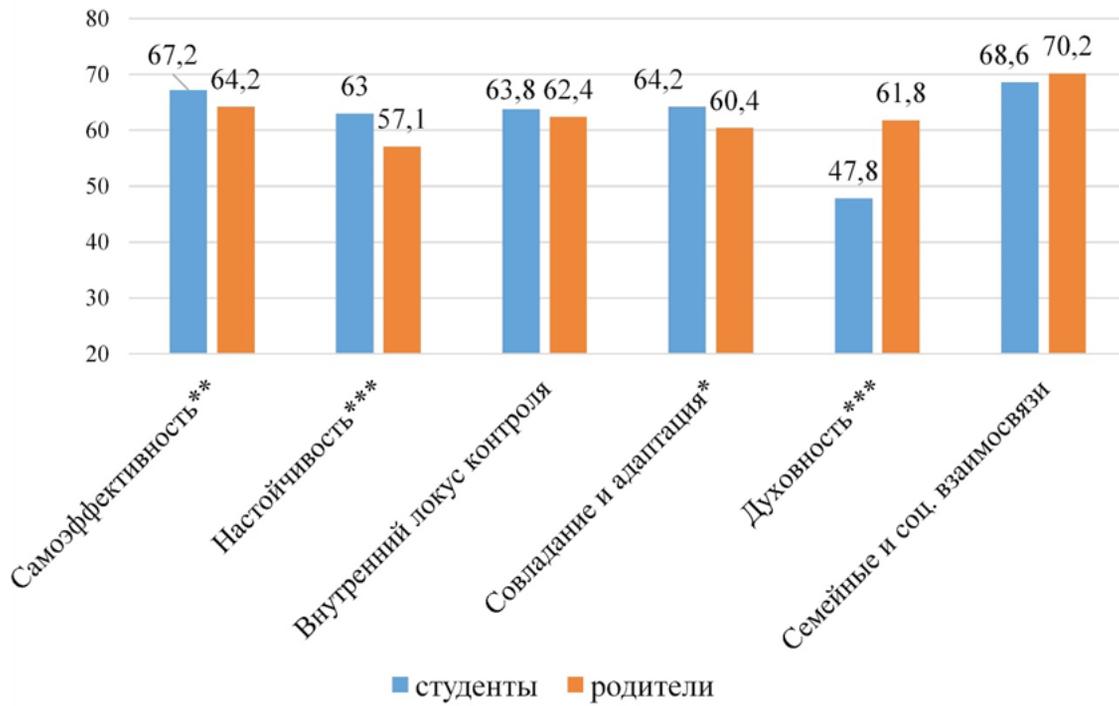

Рис. 1. Выраженность компонентов жизнеспособности у студенток и их матерей

Примечание: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$, *** — $p \leq 0,001$

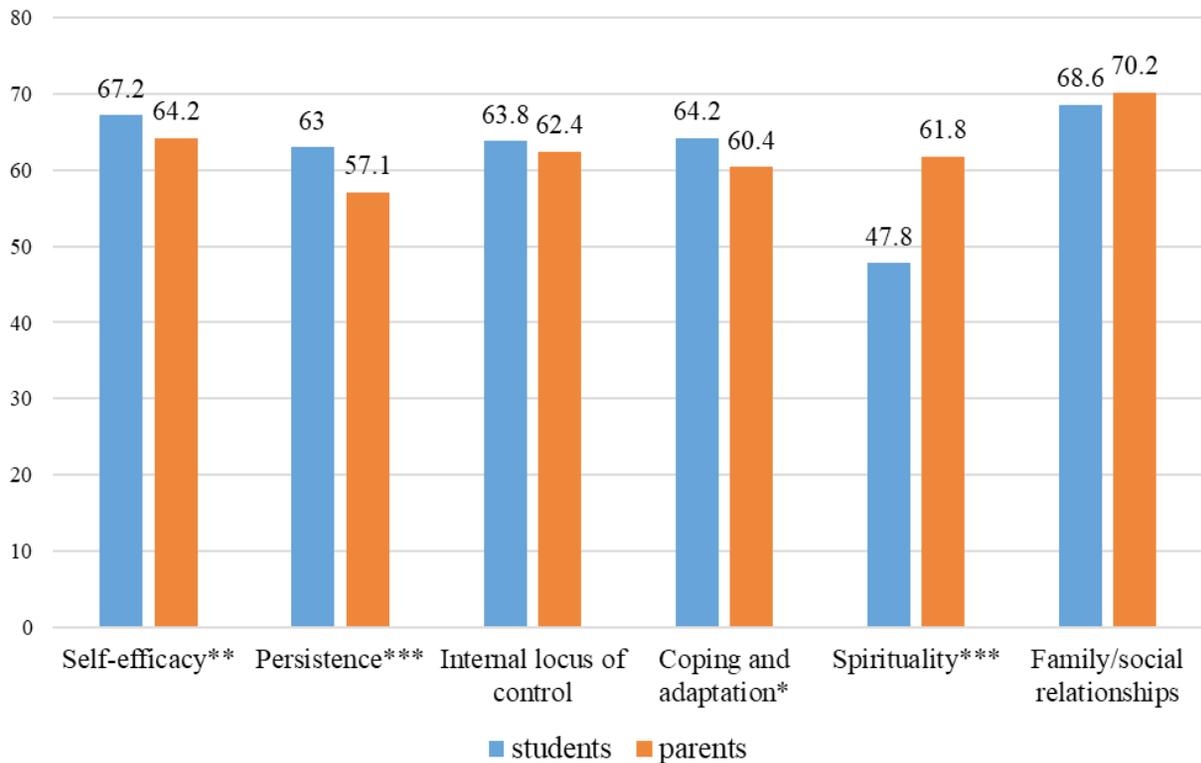

Fig. 1. The scores of various resilience components in female students and their mothers

(* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$)

(Махнач и др. 2022). Отметим только, что у студенток с низким уровнем жизнеспособности имеется тенденция средней выраженности показателей духовности. У родителей с высоким уровнем жизнеспособности ($n = 22$) более выражена неоднородность компонентов жизнеспособности: настойчивость, совладание, духовность имеют средние значения. В целом показатели духовности у матерей (с низкой, средней, высокой жизнеспособностью) соответствует среднему уровню. Важно отметить, что у матерей с низкой жизнеспособностью ($n = 3$) только показатель духовности имеет среднюю выраженность, а остальные показатели — низкую, что подтверждает способность духовности «обеспечить защиту, адаптацию к стрессам в жизни человека» (Махнач 2016, 63).

Обратимся к личностным и внутрисемейным предикторам жизнеспособности студенток и их матерей. В качестве личностного предиктора жизнеспособности в исследовании рассматривается личностная зрелость как интегративный показатель зрелых отношений с социумом и самим собой, включающий в себя ключевые личностные характеристики.

У большинства студенток (52,5%) и их матерей (57,6%) выявлен низкий уровень личностной

зрелости, что сопоставимо с результатами других исследований (Габаева, Кожевникова 2020). Испытуемых с высоким уровнем зрелости практически нет, что подтверждает отсутствие детерминированности личностной зрелости возрастом (Головей 2014). Анализ параметров личностной зрелости респондентов показывает также низкий уровень выраженности большинства переменных у студенток и их матерей (рис. 2).

Мотивация достижения у респондентов выражена средне, что говорит об их стремлении к самореализации, достижению целей. У матерей почти все показатели личностной зрелости соответствуют низкому уровню выраженности (кроме мотивации достижения), у их детей на среднем уровне находится параметр «Жизненные установки», что характеризует их склонность к рассудительности. При этом у студенток выше выраженность эмпатии (тенденция к средним показателям) ($U_9 = 1255, p = 0,009$) и мотивации достижений (тенденция к высоким показателям) ($U_9 = 1362,5, p = 0,041$), чем у их матерей. Также не наблюдается однозначного соответствия выраженности личностной зрелости у студенток и их матерей, как и в случае с жизнеспособностью, однако более чем у трети студенток (39%)

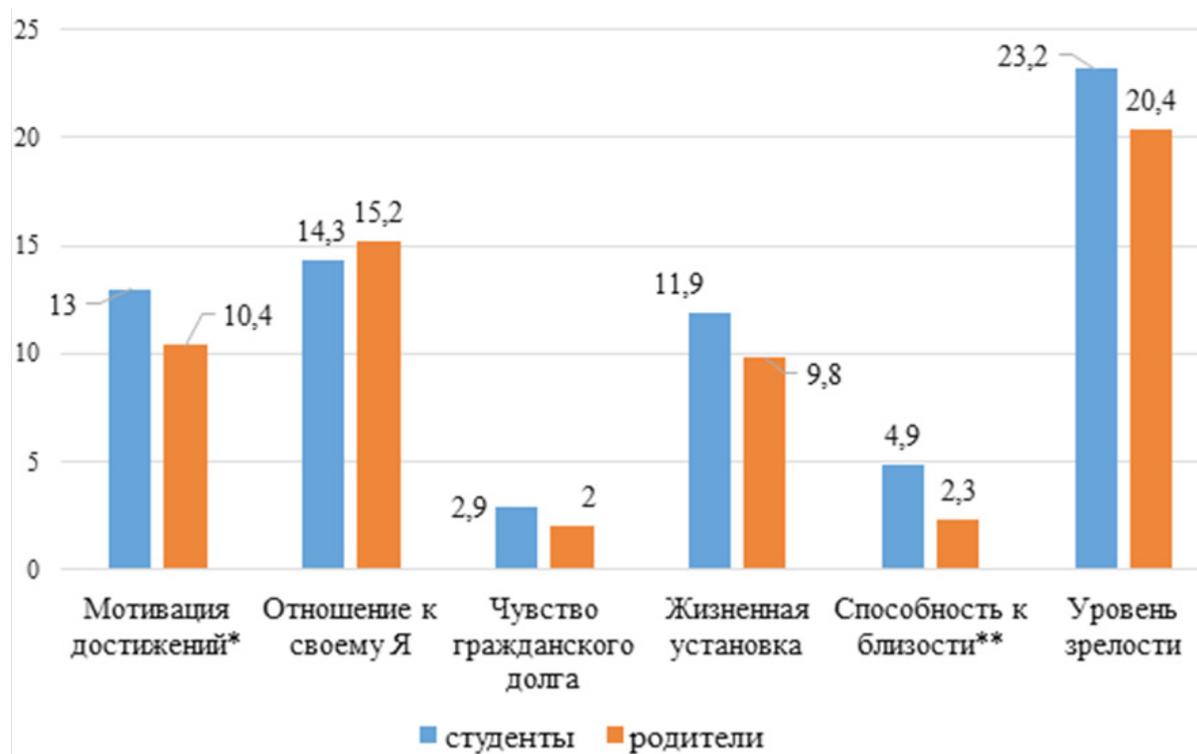

Рис. 2. Выраженность компонентов личностной зрелости у студенток и их матерей

Примечание: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$

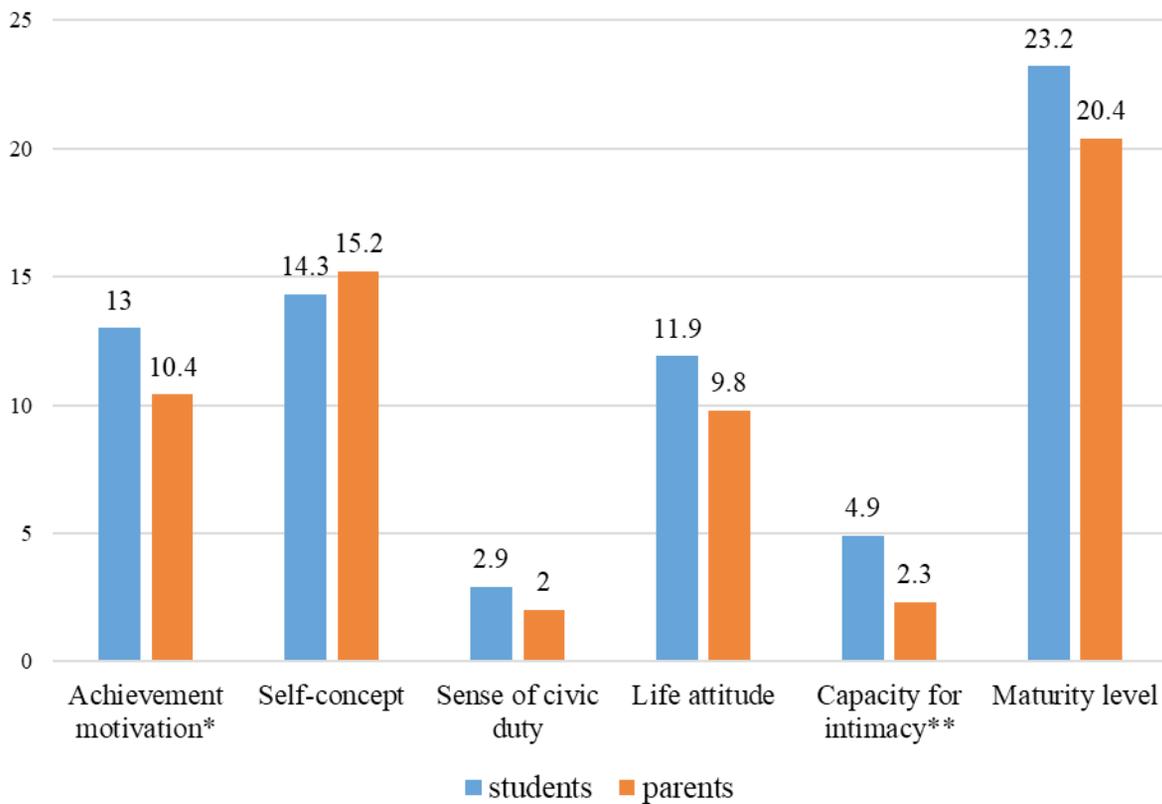

Fig. 2. The scores of various components of personal maturity in students and their mothers (* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$)

уровень личностной зрелости идентичен уровню зрелости матери.

Корреляционный анализ выявил незначительное количество умеренных взаимосвязей личностной зрелости и жизнеспособности у студентов и их матерей, что подтверждает полученные ранее данные о неоднозначном характере взаимосвязи этих параметров (Анчукова, Демидов 2022), причем именно параметр «Семейные и социальные взаимосвязи» имеет большее количество взаимосвязей с личностной зрелостью у студентов ($p \leq 0,05$), у матерей с их зрелостью больше связан параметр «Духовность» ($p \leq 0,05$).

Дадим краткую характеристику отношений в семьях студенток как предиктору жизнеспособности. В целом по выборке выявлены высокие показатели чрезмерного авторитета родителей (7,88) при поддержании эмоционального контакта с ребенком (3,35), невмешательстве в мир ребенка (3,05) и низком доминировании матери (3,10) (табл. 1).

При этом матери студенток не ограничивают себя только рамками семьи (2,88), что характерно для детско-родительских отношений в семьях со взрослым ребенком (Посохова, Диденко 2020).

Внутрисемейные отношения связаны с отдельными параметрами жизнеспособности

и личностной зрелости студенток. Так, излишняя концентрация на ребенке имеет обратную взаимосвязь с личностной зрелостью студенток: чем ниже стремление родителей ускорить развитие ребенка, тем выше мотивация достижений ($r_s = -0,319$, $p = 0,014$), способность к близости ($r_s = -0,267$, $p = 0,041$), жизненная установка на понимание относительности всего сущего, выраженность эмоциональной уравновешенности и рассудительности ($r_s = -0,368$, $p = 0,004$); чем ниже опасение обидеть ребенка, тем выше чувство гражданского долга ($r_s = -0,321$, $p = 0,013$) и жизненная установка на понимание относительности всего сущего, выраженность эмоциональной уравновешенности и рассудительности ($r_s = -0,264$, $p = 0,043$). Также с жизненной установкой на понимание относительности всего сущего, выраженность эмоциональной уравновешенности и рассудительности связано подавление воли ребенка ($r_s = -0,265$, $p = 0,042$). Жизнеспособность студенток (параметр «Духовность») связана с неудовлетворенностью матери ролью хозяйки дома ($r_s = -0,263$, $p = 0,044$).

Внутрисемейные отношения имеют большое количество взаимосвязей с жизнеспособностью и личностной зрелостью матерей. Так, чем выше оптимальный контакт с ребенком (уравнительные

Табл. 1. Показатели внутрисемейных отношений у респондентов (стены)

Переменные		М	SD
Отношение к семейной роли	Ограниченность интересов рамками семьи	2,88	2,31
	Ощущение самопожертвования в роли матери	6,77	1,35
	Семейные конфликты	5,11	1,82
	Сверхавторитет родителей	7,88	1,34
	Неудовлетворенность ролью хозяйки дома	3,77	1,8
	Безучастность мужа	4,47	1,15
	Доминирование матери	3,1	1,69
	Несамостоятельность матери	7,4	1,46
Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком	Побуждение словесных проявлений	7,0	2,42
	Партнерские отношения	4,57	1,8
	Развитие активности ребенка	6,79	1,32
	Уравнительные отношения родителей и ребенка	7,49	1,68
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	Раздражительность	6,49	1,9
	Излишняя строгость с ребенком	3,79	1,8
	Уклонение от контакта с ребенком	3,35	2,33
Излишняя концентрация на ребенке	Чрезмерная забота	4,22	2,14
	Подавление воли	5,2	1,66
	Создание безопасности, опасение обидеть	5,79	1,18
	Исключение внесемейных влияний	6,4	2,18
	Подавление агрессивности	4,79	1,51
	Подавление сексуальности	4,4	3,08
	Чрезмерное вмешательство в мир ребенка	3,05	2,64
	Стремление ускорить развитие ребенка	4,88	2,07

Table 1. Indicators of intra-family relationships in respondents (stens)

Indicators		М	SD
Attitude to the role in the family	Interests are limited to the family	2.88	2.31
	The sense of sacrifice as a mother	6.77	1.35
	Family conflicts	5.11	1.82
	Parental super-credibility	7.88	1.34
	Dissatisfaction with the housewife role	3.77	1.8
	Husband's indifference	4.47	1.15
	Maternal dominance	3.1	1.69
	Maternal dependency	7.4	1.46
Optimal emotional contact with the child	Encouragement of verbal manifestations	7.0	2.42
	Partnership	4.57	1.8
	Encouragement of the child's activity	6.79	1.32
	The equalizing relationship of parents and children	7.49	1.68
Excessive emotional distance with the child	Irritability	6.49	1.9
	Excessive strictness with the child	3.79	1.8
	Avoidance of contact with the child	3.35	2.33
Excessive focus on the child	Excessive concern	4.22	2.14
	Suppressing the will	5.2	1.66
	Creating a safe environment, fear of offending	5.79	1.18
	Exclusion of non-family influence	6.4	2.18
	Suppression of aggression	4.79	1.51
	Suppression of sexuality	4.4	3.08
	Excessive interference in the child's world	3.05	2.64
	The desire to accelerate the child's development	4.88	2.07

отношения ($r_s = 0,397, p = 0,002$), партнерские отношения ($r_s = 0,374, p = 0,004$), побуждение словесных проявлений ($r_s = 0,297, p = 0,022$), а также концентрация на ребенке (стремление ускорить развитие ($r_s = 0,664, p = 0,000$), опасение обидеть ($r_s = 0,43, p = 0,001$), чрезмерная забота ($r_s = 0,332, p = 0,01$)), тем выше жизнеспособность матерей. Также высокая жизнеспособность связана со сверхавторитетом родителей ($r_s = 0,339, p = 0,009$), отсутствием доминирования матери ($r_s = -0,272, p = 0,037$) и ограниченности ее интересов рамками семьи ($r_s = -0,269, p = 0,039$).

Чем выше личностная зрелость матерей, тем меньше они ограничивают внесемейные влияния ($r_s = -0,295, p = 0,024$), подавляют сексуальность детей ($r_s = -0,304, p = 0,019$), проявляют несамостоятельность ($r_s = -0,273, p = 0,037$) и «жертвенность» в роли родителей ($r_s = -0,269, p = 0,039$), но больше поддерживают партнерские отношения ($r_s = 0,262, p = 0,045$). Однако чем более выражены семейные конфликты ($r_s = 0,359, p = 0,005$) и неудовлетворенность ролью хозяйки дома ($r_s = 0,324, p = 0,012$), тем выше личностная зрелость матерей. В целом полученные результаты не противоречат результатам исследований взаимовлияния родительской и детской систем отношений, полученным ранее (Посохова, Диденко 2020; Посохова и др. 2020).

Для достижения поставленной цели проведен множественный регрессионный анализ (обратный пошаговый метод), с помощью которого определены предикторы жизнеспособности студенток и их матерей.

На жизнеспособность студенток влияет их личностная зрелость и родительские установки, связанные с отношением к семейной роли и излишней концентрацией на ребенке. Регрессионная модель статистически значима ($F = 5,472, p = 0,000$) (табл. 2).

Жизнеспособность студенток тем выше, чем выше уровень их личностной зрелости (при невысоких показателях эмпатийности и отношения к своему «Я») при склонности их матерей подавлять агрессию взрослеющих детей и поощрять их независимость. Закономерно, что на жизнеспособность студенток больше влияют личностные факторы, чем семейные. Поэтому жизнеспособность матерей не определяет жизнеспособность студенток. Полученные результаты вполне логичны и отражают социальную ситуацию развития в юности. Они соответствуют результатам исследования А. И. Лактионовой, согласно которым, в возрасте 18–25 лет большее значение имеют индивидуальные ресурсы жизнеспособности (Лактионова 2022). Согласно полученной регрессионной модели, мы предполагаем наличие большего количества предикторов жизнеспособности студенток, скорее всего, связанных с их внесемейными отношениями (друзья, одноклассники, соседи по общежитию, романтические партнеры), что также подтверждает положение о нацеленности в юности на взаимодействие с представителями своего поколения (Микляева, Постникова 2019).

Предикторами жизнеспособности матерей выступают все группы родительских установок, которые имеют высокие регрессионные

Табл. 2. Личностные и внутрисемейные предикторы жизнеспособности студенток

R	R ²	Независимые переменные	b	β	p	F	p
0,583	0,34	Личностная зрелость	2,993	1,412	0,000	5,472	0,000
		Отношение к своему «Я»	-3,861	-1,037	0,000		
		Способность к близости	-2,9	-0,405	0,022		
		Сверхавторитет родителей	-6,482	-0,306	0,016		
		Подавление агрессивности	4,297	0,245	0,05		

Table 2. Personal and family predictors of female students' resilience

R	R ²	Independent indicators	b	β	p	F	p
0.583	0.34	Personal maturity	2.993	1.412	0.000	5.472	0.000
		Self-concept	-3.861	-1.037	0.000		
		Capacity for intimacy	-2.9	-0.405	0.022		
		Parental super-credibility	-6.482	-0.306	0.016		
		Suppression of aggression	4.297	0.245	0.05		

Табл. 3. Личностные и внутрисемейные предикторы жизнеспособности матерей студентов

R	R ²	Независимые переменные	b	β	p	F	p	
0,975	0,95	Способность к близости (родители)	-5,791	-0,845	0,000	31,362	0,000	
		Мотивация достижения (родители)	2,774	0,570	0,04			
		Отношение к семейной роли	Сверхавторитет родителей	12,997	0,744			0,000
			Неудовлетворенность ролью хозяйки дома	11,690	1,128			0,000
			Зависимость и несамостоятельность матери	-9,480	-0,752			0,000
			Семейные конфликты	-7,690	-0,682			0,000
			Безучастность мужа	2,930	0,143			0,000
			Доминирование матери	-2,003	-0,185			0,047
		Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком	Партнерские отношения	10,554	0,751			0,000
			Побуждение словесных проявлений	-8,279	-0,904			0,000
			Уравнительные отношения родителей и ребенка	5,755	0,447			0,000
			Развитие активности ребенка	-4,794	-0,293			0,001
		Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	Излишняя строгость с ребенком	4,818	0,337			0,000
			Уклонение от контакта с ребенком	-3,209	-0,309			0,004
		Излишняя концентрация на ребенке	Чрезмерная забота	12,640	1,185			0,000
			Подавление сексуальности ребенка	-12,618	-1,191			0,000
			Подавление агрессивности	-10,168	-0,703			0,000
			Исключение внесемейных влияний	-8,151	-0,863			0,000
			Стремление ускорить развитие ребенка	6,197	0,568			0,000
			Подавление воли	5,707	0,420			0,000
Чрезмерное вмешательство в мир ребенка	4,826	0,483	0,000					
Личностная зрелость (студенты)		0,195	0,112	0,021				

Table 3. Personal and family predictors of students' mothers' resilience

R	R ²	Independent variables	b	β	p	F	p	
0.975	0.95	Capacity for intimacy (parents)	-5.791	-0.845	0.000	31.362	0.000	
		Achievement motivation (parents)	2.774	0.570	0.04			
		Attitude to the role in the family	Parental super-credibility	12.997	0.744			0.000
			Dissatisfaction with the housewife role	11.690	1.128			0.000
			Maternal dependency	-9.480	-0.752			0.000
			Family conflicts	-7.690	-0.682			0.000
			Husband's indifference	2.930	0.143			0.000
			Maternal dominance	-2.003	-0.185			0.047
		Optimal emotional contact with the child	Partnership	10.554	0.751			0.000
			Encouragement of verbal manifestations	-8.279	-0.904			0.000
			The equalizing relationship of parents and children	5.755	0.447			0.000
			Development of the child's activity	-4.794	-0.293			0.001
		Excessive emotional distance with the child	Excessive strictness with the child	4.818	0.337			0.000
			Avoidance of contact with the child	-3.209	-0.309			0.004
		Excessive focus on the child	Excessive concern	12.640	1.185			0.000
			Suppression of sexuality in the child	-12.618	-1.191			0.000
			Suppression of aggression	-10.168	-0.703			0.000
			Exclusion of non-family influence	-8.151	-0.863			0.000
			The desire to accelerate the child's development	6.197	0.568			0.000
			Suppressing of the will	5.707	0.420			0.000
Excessive interference in the child's world	4.826	0.483	0.000					
Personal maturity (students)		0.195	0.112	0.021				

коэффициенты. Модель статистически значима ($F = 31,362$, $p = 0,000$) (табл. 3).

Согласно полученной регрессионной модели, предикторы предсказывают независимую переменную на 95 %, что говорит о значимости для человека зрелого возраста его личностных и семейных характеристик и соответствует результатам исследований, согласно которым, в возрасте 46–65 лет ведущую роль для жизнеспособности играют индивидуальные и семейные ресурсы (Лактионова 2022). На жизнеспособность матерей студенток примерно одинаковое влияние оказывают как личностные факторы (зрелость), так и семейные. Личностная зрелость и жизнеспособность студенток практически не влияют на жизнеспособность их матерей (кроме уровня личностной зрелости студенток — самое слабое влияние, по сравнению с остальными предикторами). У матерей личностная зрелость оказывает влияние на их жизнеспособность, но, в сравнении со студентками, компоненты различаются: высокие показатели жизнеспособности матерей опосредованы невыраженными способностями к близости и мотивацией достижения.

Ранжирование родительских установок по выраженности стандартизированного коэффициента регрессии (β) и определение среднего ранга каждой из групп установок показало, что наибольшее влияние на жизнеспособность матерей оказывают признаки излишней концентрации на ребенке (7,55), далее — признаки отношения к семейной роли (9) и признаки оптимального эмоционального контакта с ребенком (10,25), меньшее влияние оказывают признаки излишней эмоциональной дистанции с ребенком (15,5). Высокая жизнеспособность матерей детерминирована выраженной самостоятельностью матери в воспитании ребенка, чрезмерной заботой и вмешательством в его жизнь. Также жизнеспособность опосредуется установкой на зависимость от матери, ускоренное развитие ребенка, подавление его воли, что предполагает недопущение проявления активности, высказывания своих мыслей. Отмечается зависимость жизнеспособности матерей от одновременного наличия строгости и партнерских отношений, контакта с ребенком и широких социальных взаимосвязей, отсутствия подавления агрессивности и сексуальности со стороны ребенка, бесконфликтной атмосферы в семье, а также неудовлетворенности ролью только хозяйки дома, невнимательности мужа. В целом можно сказать, что высокая жизнеспособность матерей связана с отсутствием отверженности конкретному стилю воспитания,

наличием отдельных признаков как демократического, так и авторитарного и опекающего стиля, нежеланием ограничивать свою жизнь только семейными функциями, что было показано в исследованиях детско-родительских отношений в юности ранее (Посохова, Диденко 2020; Посохова и др. 2020).

Выводы

С помощью проведенного эмпирического исследования определены основные внутрисемейные и личностные предикторы и их вклад в жизнеспособность студенток вуза и их матерей.

Выявлен средний уровень жизнеспособности студенток и их матерей, но у студенток и их матерей он определяется различной выраженностью компонентов: у матерей выше показатели духовности, у студенток — показатели самоэффективности, настойчивости, совладания.

В качестве предикторов жизнеспособности в исследовании рассматривались личностная зрелость и внутрисемейные отношения.

Личностная зрелость респондентов соответствует низкому и среднему уровням развития, однако у студенток выше способность к близости и мотивация достижений, чем у их матерей.

Внутрисемейные отношения студенток и их матерей опосредуются детско-родительскими отношениями и восприятием родителями семейной роли. В целом выражены признаки оптимального эмоционального контакта с ребенком, отсутствие дистанцирования и концентрации на нем при желании сохранить зависимость детей от родителей.

Предикторами жизнеспособности респондентов являются личностная зрелость и внутрисемейные отношения, однако их вклад в жизнеспособность студенток и их матерей различен. Так, жизнеспособность матерей детерминирована личностной зрелостью и семейными отношениями в равной степени, при этом спектр семейных предикторов широк. У студенток вуза вклад личностной зрелости в жизнеспособность больше, чем семейных отношений. При этом регрессионная модель позволяет предположить наличие дополнительных предикторов жизнеспособности студенток (предположительно, межличностные отношения вне семьи).

В качестве ограничений исследования отметим исключительно женскую выборку, в связи с чем полученные результаты не могут быть экстраполированы на мужскую выборку студентов вуза и не позволяют однозначно утверждать,

что выявленные особенности жизнеспособности и их предикторы характерны для студентов в целом, хотя в большинстве своем выводы совпадают с данными исследований на выборке студентов, включавших и женщин, и мужчин. Также в качестве ограничения назовем отсутствие оценки детско-родительских отношений студентками.

Вместе с тем данное исследование уточняет представление о предикторах жизнеспособности студенток в контексте внутрисемейных отношений, позволяет наметить перспективы изучения внесемейных взаимоотношений как предиктора жизнеспособности студенток.

В качестве перспектив исследования отметим изучение личностных и внутрисемейных предикторов жизнеспособности на мужской выборке студентов и сравнение результатов с женской выборкой, определение характерных для студентов предикторов жизнеспособности и их особенностей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные недоступны по этическим причинам.

Data Availability Statement

The access to the reported data cannot be provided for ethical reasons.

Литература

- Анчукова, Н. И., Демидов, А. В. (2022) Личностная зрелость и жизнестойкость: эмпирические типы соотношения феноменов. *Национальная ассоциация ученых*, № 76, с. 17–20. <https://www.doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.176.568>
- Габаева, Л. М., Кожевникова, О. В. (2020) Психологические предикторы личностной зрелости студентов университета. В кн.: Н. А. Краснова (ред.). *International conference on global trends in academic research*. Лос Гатос: Профессиональная наука, с. 61–74. EDN OSYNRQ
- Головей, Л. А. (ред.). (2014) *Психологическая зрелость личности*. СПб.: Скифия-принт; Изд-во СПбГУ, 240 с.
- Кожевникова, О. В. (2022) Соотношение субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости студентов. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, № 4, с. 543–553. <https://www.doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-543-553>
- Куфтяк, Е. В. (2018) Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрастах: динамика и детерминанты. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*, № 3 (92), с. 126–134. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2018-092-03-126-134>
- Лактионова, А. И. (2017) *Жизнеспособность и социальная адаптация подростков*. М.: Институт психологии РАН, 236 с. EDN: ZCKFTD
- Лактионова, А. И. (2022) Динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин в разных возрастных группах. В кн.: Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач и др. (ред.). *История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН*. М.: Изд-во Института психологии РАН, с. 592–594. EDN: SFEFWL
- Малиева, Е. С. (2022) Особенности взаимосвязи личностной зрелости с различными конструктами структуры личности. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 8 (122), с. 1–14. <https://www.doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.104>
- Малова, Г. А., Толстых, Н. Н. (2023) Особенности эмоционального интеллекта и жизнеспособности в юношеском возрасте и молодости. В кн.: *Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева*. М.: Изд-во Московского государственного психолого-педагогического университета, с. 526–528. EDN: NSTMDB

- Манукян, В. Р. (2022) Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет. *Психологическая наука и образование*, т. 27, № 3, с. 129–140. <https://www.doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Махнач, А. В. (2016) *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Изд-во Института психологии РАН, 459 с. EDN: [VZIWPX](https://www.doi.org/10.17759/sps.201120203)
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2021) Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А. А. Богданова. *Социальная психология и общество*, т. 12, № 2, с. 41–55. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2021120203>
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. (2022) Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности. *Образование и наука*, т. 24, № 5, с. 90–121. <https://www.doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-90-121>
- Махнач, А. В., Сараева, Н. М., Дагбаева, С. Б. и др. (2023) Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи. *Социальная психология и общество*, т. 14, № 2, с. 66–84. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2023140205>
- Махнач, А. В., Толстых, Н. Н. (2018) Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители. *Социальная психология и общество*, т. 9, № 2, с. 127–149. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2018090209>
- Микаяева, А. В., Безгодова, С. А., Рудыхина, О. В. и др. (2023) *Траектории взросления в постнеклассическую эпоху: психологические риски и возможности*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 224 с. EDN: [KGMVVC](https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100209)
- Микаяева, А. В., Постникова, М. И. (2019) Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, т. 10, № 2, с. 114–126. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100209>
- Мотовилова, Н. В., Капустина, В. А. (2023) Исследование взаимосвязи между восприятием детско-родительских отношений и показателями жизнеспособности подростков старшего возраста. В кн.: Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова и др. (ред.). *Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук*. М.: Изд-во Института психологии РАН, с. 1556–1561. EDN: [ZMNJNV](https://www.doi.org/10.17759/chp.2023190310)
- Одинцова, М. А., Лубовский, Д. В., Бородкова, В. И. и др. (2023) Профили семейной жизнеспособности и жизнестойкость представителей российских и белорусских семей. *Культурно-историческая психология*, т. 19, № 3, с. 81–92. <https://www.doi.org/10.17759/chp.2023190310>
- Петраш, М. Д., Стрижицкая, О. Ю., Харитоновна, Т. С. (2022) Роль семейных эмоциональных коммуникаций в психологическом благополучии: межпоколенные эффекты. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, т. 28, № 1, с. 69–75. <https://www.doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-69-75>
- Посохова, С. Т., Диденко, Е. Я. (2020) Внутрисемейные детерминанты детско-родительских отношений. В кн.: О. В. Заширинская (ред.). *Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде*. СПб.: София, с. 119–128. EDN: [UNIQOJ](https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-57-67)
- Посохова, С. Т., Диденко, Е. Я., Колпакова, А. Е. (2020) Интегральные психологические феномены в семейном взаимодействии. *Психология человека в образовании*, т. 2, № 1, с. 57–67. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-57-67>
- Постылякова, Ю. В. (2024) Факторы жизнеспособности и факторы риска в образовательном пространстве вуза у студентов с разным уровнем индивидуальной жизнеспособности. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 9, № 1, с. 49–69. https://www.doi.org/10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_003
- Рыльская, Е. А. (2019) Тенденции развития представлений о жизнеспособности профессионала: транспективный анализ. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 4, № 1, с. 28–45. EDN: [ZDDJGH](https://www.doi.org/10.14529/jpps210403)
- Рыльская, Е. А., Мошкина, А. Д. (2021) Жизнеспособность в структуре интегральной индивидуальности студентов. *Психология. Психофизиология*, т. 14, № 4, с. 24–36. <https://www.doi.org/10.14529/jpps210403>
- Сиврикова, Н. В., Постникова, М. И., Солдатова, Е. Л. и др. (2019) Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России. *Российский психологический журнал*, т. 16, № 1, с. 144–165. <https://www.doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7>
- Толстых, Н. Н. (2015) Современное взросление. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 23, № 4, с. 7–24. <https://www.doi.org/10.17759/cpp.2015230402>
- Шерешкова, Е. А. (2023) Жизнеспособность и социально-психологическая адаптация студентов к образовательной среде вуза. *Перспективы науки и образования*, № 5 (65), с. 549–565. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2023.5.32>
- Abiola, T., Udofia, O. (2011) Psychometric assessment of the Wagnild and Young's resilience scale in Kano, Nigeria. *BMC Research Notes*, no. 4, article 509. <https://www.doi.org/10.1186/1756-0500-4-509>
- Brewer, M. L., van Kessel, G., Sanderson, B. et al. (2019) Resilience in higher education students: A scoping review. *Higher Education Research and Development*, vol. 38 no. 6, pp. 1105–1120. <https://www.doi.org/10.1080/07294360.2019.1626810>

- Maclea, K. (2004) Resilience: what it is and how children and young people can be helped to develop it. *Online Journal of the International Child and Youth Care Network (CYC-Net)*, vol. 62. [Online]. Available at: <http://www.cyc-net.org/cyc-online/cycol-0304-resilience.html> (accessed 12.07.2024).
- Masten, A. S. (2014) *Ordinary magic: Resilience in development*. New York: The Guilford Press, 370 p.
- Parameswaran, G. (2020) The social historical roots of the concept of emerging adulthood and its impact on early adults. *Theory and Psychology*, vol. 30, no 1, pp. 18–35. <https://doi.org/10.1177/0959354319876985>
- Scheuch, I, Peters, N, Lohner, M. S. et al. (2021) Resilience training programs in organizational contexts: A scoping review. *Frontiers in Psychology*, vol. 12, article 733036. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.733036>
- Ungar, M., Ghazinour, M., Richter, J. (2013) Annual research review: What is resilience within the social ecology of human development? *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 54, no. 4, pp. 348–366. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12025>
- Zarotti, N., Povah, C., Simpson, J. (2020) Mindfulness mediates the relationship between cognitive reappraisal and resilience in higher education students. *Personality and Individual Differences*, vol. 156, article 109795. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109795>

References

- Abiola, T., Udofia, O. (2011) Psychometric assessment of the Wagnild and Young's resilience scale in Kano, Nigeria. *BMC Research Notes*, no. 4, article 509. <https://doi.org/10.1186/1756-0500-4-509> (In English)
- Anchukova, N. I., Demidov, A. V. (2022) Lichnostnaya zrelost' i zhiznestojkost': empiricheskie tipy sootnosheniya fenomenov [Personal maturity and resilience: Empirical types of relationships of phenomena]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh — National Association of Scientists*, no. 76, pp. 17–20. <https://www.doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.1.76.568> (In Russian)
- Brewer, M. L., van Kessel, G., Sanderson, B. et al. (2019) Resilience in higher education students: A scoping review. *Higher Education Research and Development*, vol. 38 no. 6, pp. 1105–1120. <https://doi.org/10.1080/07294360.2019.1626810> (In English)
- Gabaeva, L. M., Kozhevnikova, O. V. (2020) Psikhologicheskie prediktory lichnostnoj zrelosti studentov universiteta [Psychological predictors of personal maturity of university students]. In: N. A. Krasnova (ed.). *International conference on global trends in academic research*. Los Gatos: Professional science Publ., pp. 61–74. EDN: OSYNRQ (In Russian)
- Golovey, L. A. (ed.). (2014) *Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti [Psychological maturity of personality]*. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ.; Saint Petersburg State University Publ., 240 p. (In Russian)
- Kozhevnikova, O. V. (2022) Sootnoshenie sub'ektivnykh kharakteristik i ob'ektivnykh kriteriev lichnostnoj zrelosti studentov [Correspondence between subjective characteristics and objective criteria of personal maturity of university students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya — Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 4, pp. 543–553. <https://www.doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-543-553> (In Russian)
- Kuftyak, E. V. (2018) Zhiznesposobnost' v podrostkovom i yunosheskom vozrastakh: dinamika i determinant [Vitality in teenagers and adolescents: Dynamics and determinants]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki — Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, no. 3 (92), pp. 126–134. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2018-092-03-126-134> (In Russian)
- Laktionova, A. I. (2017) *Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov [Adolescent resilience and social adaptation]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 236 p. EDN: ZCKFTD (In Russian)
- Laktionova, A. I. (2022) Dinamika razvitiya zhiznesposobnosti u muzhchin i zhenshchin v raznykh vozrastnykh gruppakh [The dynamics of the development of resilience in men and women in different age groups]. In: D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, A. V. Makhnach et. al. (eds.). *Istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya psikhologii v sisteme Rossiiskoj akademii nauk. Materialy Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchnoi konferentsii, posvyashchennoj 50-letiyu sozdaniya Instituta psikhologii RAN [History, modernity and prospects of the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences. Proceedings of the International Anniversary Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the establishment of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 592–594. EDN SFEFWL (In Russian)
- Maclea, K. (2004) Resilience: what it is and how children and young people can be helped to develop it. *Online Journal of the International Child and Youth Care Network (CYC-Net)*, vol. 62. [Online]. Available at: <http://www.cyc-net.org/cyc-online/cycol-0304-resilience.html> (accessed 12.07.2024). (In English)
- Makhnach, A. V. (2016) *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma [The resilience of the individual and the family: A socio-psychological paradigm]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 459 p. EDN: VZIWXP (In Russian)
- Makhnach, A. V., Laktionova, A. I. (2021) Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoj teorii A. A. Bogdanova [Family resilience from the perspective of A. A. Bogdanov' organizational theory]. *Sotsial'naya psikhologiya*

- i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 12, no. 2, pp. 41–55. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2021120203> (In Russian)
- Makhnach, A. V., Laktionova, A. I., Postlyakova, Yu. V. (2022) Zhiznesposobnost' studencheskoj molodezhi Rossii v usloviyakh neopredelennosti [Resilience of student youth in Russia under uncertainty]. *Obrazovanie i nauka — The Education and Science Journal*, vol. 24, no. 5, pp. 90–121. <https://www.doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-90-121> (In Russian)
- Makhnach, A. V., Saraeva, N. M., Dagbaeva, S. B. et al. (2023) Srovnitel'nyj empiricheskiy analiz zhiznesposobnosti russkoj i buryatskoj molodezhi [Comparative empirical analysis of the Russian and Buryat youth resilience]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 14, no. 2, pp. 66–84. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2023140205> (In Russian)
- Makhnach, A. V., Tolstykh, N. N. (2018) Zhiznesposobnost' kak kharakteristika sotsial'noj gruppy kandidatov v zameshchayushchie roditeli [Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 9, no. 2, pp. 127–149. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2018090209> (In Russian)
- Malieva, E. S. (2022) Osobennosti vzaimosvyazi lichnostnoj zrelosti s razlichnymi konstruktami struktury lichnosti [Specifics of the relationship of personal maturity with various constructs of personality structure]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skiy zhurnal — International Research Journal*, no. 8 (122), pp. 1–14. <https://www.doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.104> (In Russian)
- Malova, G. A., Tolstykh, N. N. (2023) Osobennosti emotsional'nogo intellekta i zhiznesposobnosti v yunosheskom vozraste i molodosti [Features of emotional intelligence and vitality in youth and adolescence]. In: *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati M. Yu. Kondrat'eva [Social psychology: Questions of theory and practice. Proceedings of the VII International scientific-practical conference in memory of M. Y. Kondratyev]*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ., pp. 526–528. EDN: NSTMDB (In Russian)
- Manukyan, V. R. (2022) Vzroslenie molodezhi: separatsiya ot roditel'ev, sub'ektivnaya vzroslost' i psikhologicheskoe blagopoluchie v vozraste 18–27 let [Growing up of youth: Separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 27, no. 3, pp. 129–140. <https://www.doi.org/10.17759/pse.2022270310> (In Russian)
- Masten, A. S. (2014) *Ordinary magic: Resilience in development*. New York: The Guilford Press, 370 p. (In English)
- Miklyaeva, A. V., Bezgodova, S. A., Rudykhina, O. V. et al. (2023) *Traektorii vzrosleniya v postneklassicheskuyu epokhu: psikhologicheskie riski i vozmozhnosti [Trajectories of growth in the post-classical era: Psychological risks and opportunities]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 224 p. EDN: KGMVVC (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Postnikova, M. I. (2019) Sotsial'no-psikhologicheskaya struktura mezhpokolencheskikh otnoshenij studencheskoj molodezhi [A socio-psychological structure of intergenerational relationships of students.]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 114–126. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100209> (In Russian)
- Motovilova, N. V., Kapustina, V. A. (2023) Issledovanie vzaimosvyazi mezhdu vospriyatiem detsko-roditel'skikh otnoshenij i pokazatelyami zhiznesposobnosti podrostkov starshego vozrasta [Study on the relationship between child-parent relations and the vitality of older adolescents]. In: D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova (eds.). *Chelovek, sub'ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovanij. Materialy Vserossiiskoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo i 300-letiyu osnovaniya Rossiiskoj akademii nauk [Person, subject, personality: Perspectives of psychological research. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the foundation of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 1556–1561. EDN: ZMNJNV (In Russian)
- Odintsova, M. A., Lubovsky, D. V., Borodkova, V. I. et al. (2023) Profili semeinoj zhiznesposobnosti i zhiznestojkost' predstavitelej rossijskikh i belorusskikh semej [Profiles of family resilience and vitality of representatives of Russian and Belarusian families]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 19, no. 3, pp. 81–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190310> (In Russian)
- Parameswaran, G. (2020) The social historical roots of the concept of emerging adulthood and its impact on early adults. *Theory and Psychology*, vol. 30, no 1, pp. 18–35. <https://doi.org/10.1177/0959354319876985> (In English)
- Petrash, M. D., Strizhitskaya, O. Yu., Kharitonova, T. S. (2022) Rol' semejnykh emotsional'nykh kommunikatsii v psikhologicheskom blagopoluchii: mezhpokolennye efekty [The role of Family emotional communication in psychological well-being: Intergenerational effects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogiya. Psikhologiya. Sociokinetika*, vol. 28, no. 1, pp. 69–75. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-69-75> (In Russian)
- Posokhova, S. T., Didenko, E. Ya. (2020) Vnutrisemejnye determinanty detsko-roditel'skikh otnoshenij [Interfamilial determinants of the parent-child relationships]. In: O. V. Zashchirinskaya (ed.). *Aktual'nye voprosy izucheniya travmaticheskogo stressa i psikhotravy v sotsial'noj i obrazovatel'noj srede [Actual issues of study of traumatic stress and psychosomatics in social and educational environment]*. Saint Petersburg: Sofiya Publ., pp. 119–128. EDN: UNIQOJ (In Russian)

- Posokhova, S. T., Didenko, E. Ya., Kolpakova, A. E. (2020) Integral'nye psikhologicheskie fenomeny v semejnom vzaimodejstvii [Integral psychological phenomena in family interaction]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 2, no. 1, pp. 57–67. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-57-67> (In Russian)
- Postlyakova, Yu. V. (2024) Faktory zhiznesposobnosti i faktory riska v obrazovatel'nom prostranstve vuza u studentov s raznym urovнем individual'noj zhiznesposobnosti [Resilience factors and risk factors in the educational space of a university for students with different level of individual resilience]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 9, no. 1, pp. 49–69. https://www.doi.org/10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_003 (In Russian)
- Ryl'skaya, E. A. (2019) Tendentsii razvitiya predstavlenij o zhiznesposobnosti professionala: transspektivnyj analiz [The trends of development of ideas about the resilience of a professional: Trans-spective analysis]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, vol. 4, no. 1, pp. 28–45. EDN: ZDDJGH (In Russian)
- Ryl'skaya, E. A., Moshkina, L. D. (2021) Zhiznesposobnost' v strukture integral'noj individual'nosti studentov [Resilience in the integral individuality of students]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya — Psychology. Psychophysiology*, vol. 14, no. 4, pp. 24–36. <https://doi.org/10.14529/jpps210403> (In Russian)
- Scheuch, I, Peters, N, Lohner, M. S. et al. (2021) Resilience training programs in organizational contexts: A scoping review. *Frontiers in Psychology*, vol. 12, article 733036. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.733036> (In English)
- Shereshkova, E. A. (2023) Zhiznesposobnost' i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya studentov k obrazovatel'noj srede vuza [Resilient, social and psychological adaptation of students to the educational environment of the university]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science and Education*, no. 5 (65), pp. 549–565. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.5.32> (In Russian)
- Sivrikova, N. V., Postnikova, M. I., Soldatova, E. L. et al. (2019) Sravnitel'nyj analiz zhiznestojkosti predstavitelej raznykh pokolenij sovremennoj Rossii [A comparative analysis of hardiness among different generations in contemporary Russia]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 144–165. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7> (In Russian)
- Tolstykh, N. N. (2015) Sovremennoe vzroslenie [Modern Maturation]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 88, no. 4, pp. 7–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402> (In Russian)
- Ungar, M., Ghazinour, M., Richter, J. (2013) Annual research review: What is resilience within the social ecology of human development? *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 54, no. 4, pp. 348–366. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12025> (In English)
- Zarotti, N., Povah, C., Simpson, J. (2020) Mindfulness mediates the relationship between cognitive reappraisal and resilience in higher education students. *Personality and Individual Differences*, vol. 156, article 109795. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109795> (In English)

Сведения об авторе

Ирина Александровна Курапова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования, Марийский государственный университет
 SPIN-код: 5925-9088, Scopus Author ID: [36711782200](https://orcid.org/36711782200), Researcher ID: [F-1490-2014](https://orcid.org/F-1490-2014), ORCID: [0000-0002-3168-0294](https://orcid.org/0000-0002-3168-0294),
 e-mail kurapova.psy@mail.ru

Author

Irina A. Kurapova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Education, Mari State University
 SPIN: 5925-9088, Scopus Author ID: [36711782200](https://orcid.org/36711782200), Researcher ID: [F-1490-2014](https://orcid.org/F-1490-2014), ORCID: [0000-0002-3168-0294](https://orcid.org/0000-0002-3168-0294),
 e-mail kurapova.psy@mail.ru

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 159.9

EDN ZIWKIQ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-502-522>

Научная статья

Ценностные основания родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии взрослых детей

Е. А. Васина¹, Е. А. Юмкина

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Для цитирования: Васина, Е. А., Юмкина, Е. А. (2024) Ценностные основания родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии взрослых детей. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 502–522. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-502-522> EDN ZIWKIQ

Получена 12 сентября 2024; прошла рецензирование 26 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. А. Васина, Е. А. Юмкина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Изучение родительско-детских отношений в ценностно-смысловом контексте представляется важным в поиске оптимальных моделей семейного взаимодействия и условий гармоничного личностного развития детей. В статье проводится анализ ценностных оснований родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии детей старшего школьного и студенческого возраста, рассматривается специфика взаимосвязей различных стилей семейного воспитания с ценностно-смысловой сферой личности.

Материалы и методы. В исследовании использовались диагностические методики «Родос», «Ценностные ориентации-36» (ЦО-36), разработанные В. Н. Куницыной, демографическая анкета «Моя семья». Получены эмпирические данные, характеризующие выраженность и распространенность восьми стилей семейного взаимодействия и семейной атмосферы доверия, их зависимость от демографических характеристик семьи, рассмотрены взаимосвязи родительско-детских отношений с ценностными ориентациями матерей (в рефлексивном восприятии детей), актуальными ценностями детей и ценностным рассогласованием в родительско-детских диадах. Выборку составили студенты и старшеклассники Северо-Западного региона России (403 человека в возрасте от 15 до 30 лет).

Результаты исследования. Наиболее распространены и выражены в родительской практике конструктивные стили взаимодействия с детьми: либерально-поддерживающий, доверительный и личностно-развивающий. Деструктивные стили представлены в меньшей степени и обусловлены девальвацией ценностного отношения к личности ребенка. Общими ценностными основаниями родительско-детских отношений выступают семейные ценности, положительно коррелирующие с позитивными стилями воспитания, семейной атмосферой доверия и образующие отрицательные связи с гиперопекой, авторитарным принуждением, равнодушно-дистанционными, угрожающими и опасливо-враждебными отношениями в семье. К важным аксиологическим основаниям позитивных стилей воспитания относятся духовно-нравственные ценности, толерантность, ценности межличностных отношений, нормативного и конформного поведения, безопасность, независимость. В нарушенных родительско-детских отношениях выявляется дефицитарность этих групп ценностей. Также установлено, что характер вовлеченности родителей в жизнь детей и форма предъявления требований к детям имеют качественную специфику в ценностных предпочтениях детей и в их рефлексивном восприятии ценностей родителей.

Заключение. Характер родительско-детских отношений взаимосвязан с ценностными ориентациями родителей и детей и выступает одним из важных условий становления ценностной сферы и гармоничного развития личности.

Ключевые слова: родительско-детские отношения, стиль воспитания, семейное взаимодействие, ценностные ориентации, развитие личности

Research article

The values behind parenting practices in the retrospective perception of adult children

Е. А. Васина¹, Е. А. Юмкина ¹¹ St Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

For citation: Vasina, E. A., Yumkina, E. A. (2024) The values behind parenting practices in the retrospective perception of adult children. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 502–522. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-502-522> EDN ZIWKIQ

Received 12 September 2024; reviewed 26 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. A. Vasina, E. A. Yumkina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The study of parent-child relations in the value-meaning context is important in terms of finding optimal models of family interaction and optimal conditions for personal development. This article analyses the values behind parenting practices in the retrospective perception of high school and college-age children.

Materials and Methods. The following methods were used: RODOS, Value Orientations 36 (VO-36) by V. N. Kunitsyna, and the My Family demographic questionnaire. We obtained empirical data characterizing the levels and prevalence of eight styles of family interaction and family trust atmosphere, and their dependence on the demographic characteristics of the family. We examined the correlations of parent-child relations with mothers' value orientations (as reflexively perceived by children), children's current values and value incongruities in parent-child dyads. The sample consisted of high school and college students of the North-West region of Russia (403 people, aged 15 to 30 years).

Results. Constructive parenting styles are the most widespread and expressed in parental practice— i. e., the liberal-supportive, the trusting and the personal-developing styles. Destructive styles are less widespread and are caused by the devaluation of the value attitude to the child's personality. Shared values in parent-child relationships are directly correlated with trust and positive parenting styles, and inversely correlated with overprotective, authoritarian, distant, threatening and fearful-hostile family relationships.

The values of safety and moral orientation are the essential foundations of positive parenting styles. In disturbed parent-child relationships, there is a deficit of such values. It was established that the manner of parents' involvement in their children's lives and the form of making demands to children have specificity in children's value preferences and in their reflexive perception of parents' values.

Conclusions. The specifics of child-parent relations are connected to the value orientations of both parents and children and constitute an important factor that underpins the development of one's values and harmonious personality.

Keywords: parent-child relations, parenting style, family interaction, value orientations, personality development

Введение

Родительская семья — естественная среда социализации и становления личности. Отечественные и зарубежные исследователи обращаются в своих работах к анализу влияния семьи и семейного воспитания на психосоциальное развитие детей, рассматривая воспитательный потенциал семьи через призму родительско-детских отношений* (Варга 1986; Гурко 2022;

Дементьева 2004; Дружинин 2012; Захаров 2006; Карабанова 2018; Куницына 2010; Марковская 2007; Сатир 1992; Слободчиков 2001; Хоментаскас 2003; Шнейдер 2011; Эйдемиллер 2008; Baumrind 1966 и др.).

В «Конвенции о правах ребенка» утверждается, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» (Конвенция о правах ребенка 1990). В современном мире трансформационные процессы в семье приводят к разрыву между постулируемой ценностью личности ребенка и ее реализацией в практиках семейного воспитания, что делает актуальным анализ родительско-

* Термин «родительско-детские отношения» предложен в концепции стилей семейных отношений В. Н. Куницыной (Куницына 2015), составляющей теоретико-методологическое основание проведенного эмпирического исследования.

детских отношений на предмет их соответствия общечеловеческим ценностям.

Стиль семейного воспитания, по определению А. Л. Венгера, — это «стиль взаимоотношений с ребенком в семье, характеризуемый степенью контроля, заботы и опеки, теснотой эмоциональных контактов между родителями и ребенком (эмоционально теплый — эмоционально холодный), характером руководства поведением ребенка со стороны взрослых (демократический — авторитарный), количеством запретов (ограничительный — попустительский) и т. п.» (Венгер 2005, 71). К важным условиям родительско-детской общности относятся воспитательный такт и личностная зрелость взрослых. Взаимоотношения между родителями и детьми эволюционируют по линии духовной близости: взаимопонимание, принятие, доверие — отсутствие взаимопонимания, отчужденность (Слободчиков, Шувалов 2001). Отклонения в личностном развитии детей свидетельствуют о серьезных нарушениях в жизни семьи, обусловленных дисгармоничными отношениями и неправильным воспитанием (Горьковая, Оксенчук 2023). Выделяется несколько типов неправильного воспитания (отвергающее, гиперсоциализирующее, эгоцентрическое и др.), где общим фактором, препятствующим нормальному развитию личности ребенка, выступают искаженные отношения родителей и обделенность полноценным общением (Эйдемиллер, Юстицкис 2008; Захаров 2006). Частыми причинами аномалий в воспитании детей являются нарушения родителями этики семейных отношений и неверное понимание ценностей человеческого существования.

Родительско-детские отношения в семье имеют аксиологические основания как на уровне стратегических целей воспитания, так и на инструментальном уровне (способов их достижения). При этом ценностные установки родителей играют определяющую роль в формировании внутреннего мира ребенка, выполняя ориентирующую и направляющую функцию. В проблемном поле современной психологии достаточно широко представлены работы, касающиеся влияния стилей семейного воспитания на становление личности детей и подростков (Петровский, Полевая 2001; Ждакаева 2010; Головей и др. 2015; Бурменская 2018; Поскребышева, Юсифова 2018; Гасанова 2022; Кухтова и др. 2023), а также исследования ценностных ориентаций старшего и младшего поколений в семье (Phinney, Vedder 2022), однако ценностные основания родительских практик остаются мало освещенными. Между тем, стиль семейного

воспитания выступает одним из ключевых механизмов межпоколенной трансляции ценностей (Куницына и др. 2010).

Среди отечественных работ можно отметить исследование Н. Н. Авдеевой и И. В. Берсеневой, в котором рассматривается специфика связи ценностных установок матерей и моделей родительства. Так, ценностными приоритетами матерей, ориентированных на «интенсивную» модель, являются материально обеспеченная жизнь, рационализм, образованность, самоконтроль, дисциплинированность, аккуратность. Для «естественного» родительства наиболее значимы: жизненный опыт, смелость в отстаивании своего мнения, чуткость, независимость, терпимость, самореализация в ведении домашнего хозяйства (Авдеева, Берсенева 2022).

В исследовании Е. Э. Кригер и Е. В. Бахадовой ценностный фактор родительско-детских отношений рассматривается как одна из важных предпосылок личностного развития и социализации подростков. Результатом анализа стало выделение ценностного поля благополучных и девиантных подростков и их родителей. Ценностное поле родителей благополучных подростков фокусируется на семейных ценностях и характеризуется осознанностью родительских позиций, что позволяет детям чувствовать свою защищенность и сосредоточиться на творчестве, личностном развитии, любви. Ценностное поле родителей подростков с девиантным поведением более размыто, осознанность установок снижена, что вызывает у детей охранительную позицию и повышает значимость витальных ценностей (здоровье), семьи и активной жизни (Кригер, Бахадова 2019).

Существование взаимосвязи между материнским отношением и ценностными ориентациями подростков подтверждают результаты исследования М. А. Новиковой и А. А. Реана: «Высокие показатели материнского принятия положительно связаны с мировоззренческими установками, основывающимися на ценностях справедливости, поддержки, трудолюбия. Испытуемые, которые описывают своих матерей как чрезмерно опекающих, склонны к воззрениям, отражающим важность умения подстраиваться и стремиться получить личную выгоду, а также большую сосредоточенность на себе» (Новикова, Реан 2021, 148).

В зарубежных исследованиях взаимосвязь между ценностными ориентациями и стилями воспитания изучается с конца 60-х годов прошлого века. В работах Д. Баумринд (Baumrind 1966), Е. Маккоби и Дж. Мартин (Maccoby, Martin 1983) предложено два измерения отношения

родителя к детям: отзывчивость и требовательность. Позже Л. Стенберг с коллегами (Steinberg et al. 1992) добавили третье измерение, которое они назвали предоставлением психологической автономии. В рамках концепции самодетерминации В. Гролник с соавторами объединили эти три параметра, расставив немного иные смысловые акценты в терминологии (Grolnick et al. 1997). Первое измерение они называют родительской вовлеченностью, понимая под ней интерес и активное участие родителей в жизни своего ребенка. Второе измерение — это поддержка автономии, то есть степень, в которой родители поощряют чувство субъектности у своих детей, помогая им чувствовать себя авторами своих решений и действий. Третье измерение в зарубежных текстах обозначается как структура (structure) и подразумевает общение родителями информации и руководящих принципов, которые помогут детям успешнее организовывать себя. В русскоязычной терминологии по смыслу в структурирующие воздействия входят как родительские требования, так и семейные наставления (Куницына, Юмкина 2015а; 2015б).

На основании комбинации трех измерений можно сделать вывод о стиле родительско-детских отношений. Так, сочетание вовлеченности с поддержкой автономии и конструктивными наставлениями маркирует авторитетный стиль воспитания. В разрешающем стиле (не попустительском) присутствует вовлеченность, при этом есть недостаток требований и наставлений. В авторитарном стиле недостаток вовлеченности родителей сочетается со строгими требованиями и повышенным контролем (антипод поддержки автономии).

В отношении этих измерений родительского отношения по отдельности, а также в составе перечисленных воспитательных стилей получены разнообразные данные о взаимосвязях с ценностными ориентациями детей. Так, вовлеченность родителей способствует тому, что дети эмоционально идентифицируются с транслируемыми родителями ценностями, включая их в структуру собственной Я-концепции (Howard 2024). Вовлеченность матери наиболее критична для развития просоциальных ценностей личности (Davis et al. 2018). Избыток структурирующих коммуникаций между родителем и ребенком, в свою очередь, приводит к тому, что ребенок действует не из ценностного смысла, а из вторичной выгоды, следующей за определяемым ценностью поступком (Hardy et al. 2008).

В лонгитюдном исследовании подростков было обнаружено, что вклад матерей и отцов

в усвоение ценностей различается (Williams, Ciarrochi 2019). Так, авторитетный стиль матерей предсказывает более высокую личную идентификацию с ценностями. Такое же отношение отцов приводит к снижению значимости внешних ценностей (таких как богатство, власть, престиж). В противоположность этому попустительское отношение отцов сказывается на снижении значимости внутренних ценностей (личностное развитие, эмоциональная близость, общественное участие). К такому же эффекту в более позднем возрасте приводит отвержение родителями ребенка, невнимание к его потребностям и интересам (Kasser et al. 1995; Tessier et al. 2023).

Крупные кросс-культурные исследования взаимосвязи стилей воспитания и ценностей детей подтверждают ключевую роль вовлеченности в усвоении просоциальных ценностей независимо от культурных условий (Fatima et al. 2020; Martinez et al. 2020). Кроме того, при высокой вовлеченности родителей наблюдаются самые высокие показатели сходства в ценностях детей и родителей (Balundé, Perlaviciute 2023; Meneses et al. 2022). Эти результаты очень важны, потому как существуют данные о том, что межпоколенный разрыв в ценностях сопряжен с депрессивной симптоматикой у детей (Stein, Polo 2014) и другими трудностями социализации (Phinney, Vedder 2022).

Стоит отметить, что в последнее время исследователи уделяют большое внимание сознательности родителей в выборе воспитательных воздействий на ребенка. Так, А. Дёринг, Е. Макарова, У. Херцог, А. Барди установили существенный вклад просоциальных образовательных целей родителей в сходство ценностей с их детьми (Döring et al. 2017). Схожие данные получены и К. А. Любицкой (Любицкая 2019).

Насколько возможно судить по данным литературы, исследователями довольно подробно изучено влияние трех параметров (вовлеченность, требовательность, поддержка автономии) родительского отношения на усвоение ценностей детьми. В то же время не вызывает сомнений тот факт, что реальное взаимодействие родителей и детей гораздо богаче и разнообразнее, как и множество смыслов, усваиваемых детьми. В этом плане можно констатировать недостаток фактического материала о более специфических связях между особенностями семейного взаимодействия, приоритетами родителей и ценностями детей. На восполнение этого пробела были направлены усилия профессора В. Н. Куницыной, инициировавшей совместно со своими учениками цикл исследований семейных

отношений и трансляции ценностей в семье. В данной статье представлена часть полученных результатов.

Организация и методы исследования

Цель исследования — проанализировать ценностные основания родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии взрослых детей и особенности их проявления в ценностно-смысловой сфере личности в юношеском возрасте.

Задачи:

- представить эмпирические данные, характеризующие выраженность и распространенность различных стилей семейного взаимодействия в зависимости от демографических характеристик семьи;
- рассмотреть взаимосвязи родительско-детских отношений с ценностными ориентациями матерей (в рефлексивных оценках) и детей, а также ценностным рассогласованием в родительско-детских диадах;
- выявить специфические отношения между продуктивными и контрпродуктивными родительскими воспитательными воздействиями и ценностными предпочтениями детей (для более глубокого понимания механизма интернализации ценностей).

Выборка. В исследовании приняли участие 403 респондента в возрасте от 15 до 30 лет (35,7% юноши, 64,3% девушки; средний возраст 18,8 лет) — студенты дневного и заочного отделений вузов (экономисты, юристы, биотехнологи, педагоги, психологи), курсанты военного училища, учащиеся колледжа, старшеклассники (Санкт-Петербург, Ярославль, Ленинградская область).

Возрастные группы: 15–17 лет (34%), 18–19 лет (40,7%), 20–23 (18,4%), 24–30 (6,9%). Воспитывались в полных семьях 82,4% опрошенных, в неполных — 17,6%; в однодетных семьях — 32,1%, в семьях с двумя и более детьми — 67,9%. В семье доминирует отец у 36,6%, мать — 47%, эгалитарная семья — 16,4%.

Методы исследования. Для диагностики родительско-детских отношений использовалась методика «Родос», разработанная В. Н. Куницыной, которая позволяет изучить стиль семейного взаимодействия и ретроспективно измеряет восемь типов родительского отношения к ребенку в семье и общий показатель психологической атмосферы (семейная атмосфера доверия) (Куницына 2015). Автор методики придерживался формулировки «родительско-детские

отношения» (а не «детско-родительские»), обосновывая это тем, что отношение родителя к ребенку — первичное и определяющее, оно задает складывающуюся впоследствии структуру внутрисемейного взаимодействия. Это согласуется и с зарубежным термином “parent-child relationship” (Erel, Burman 1995).

Кратко охарактеризуем данные стили.

Либерально-поддерживающий (ЛИП). Родители предоставляют ребенку инициативу, поддерживают его увлечения, внимательны к его мнению и пожеланиям, используют поощрения эмоционально-личностного свойства (похвалу и поддержку) (пример суждения: «Мои просьбы обычно всегда выполнялись дома по мере возможности»).

Доверительный (ДОВ). Родители уважают выбор ребенка, позволяют иметь личный неприкосновенный внутренний мир, не вмешиваются в дружеские связи. Словам и обещаниям детей родители верят, уважают высказанную ими точку зрения; нет излишнего контроля за поступками. Поощряется толерантность, доверие, ценность стабильности и уважительных человеческих отношений (пример: «В детстве (и юности) у меня не было секретов от родителей»).

Личностно-развивающий (ЛИР). Родители заинтересованы в духовном развитии ребенка, уделяют много времени общению и совместной деятельности с детьми. Ведется обучение широкому спектру социальных умений, уделяется внимание развитию познавательных интересов и способностей (пример: «Если я спрашивал о чем-то, мне никогда не говорили: “Потом, придет время, узнаешь”, а долго растолковывали»).

Гиперопека (ГО). Изобилие советов, детального контроля всех сфер жизни (так называемая «удушающая любовь»). Забота родителей о ребенке чрезмерна и постоянна, блокировано формирование самодостаточности и эмоциональной зрелости (пример: «Родители всегда относились ко мне как к маленькому беспомощному ребенку, да и сейчас это бывает»).

Опасливо-враждебный (ОВ). Ребенок является центром негативного внимания, замечаний и порицаний со стороны родителей. Они плохо знают своего ребенка, считают его поведение непредсказуемым и враждебным; не понимают, что можно ждать от него. Постоянно опасаются, что их ребенок будет в чем-то хуже других детей, поэтому постоянно указывают ему на необходимость борьбы с недостатками (пример: «Мне без конца говорили, что я должен бороться со своими недостатками и плохими чертами»).

Равнодушно-дистанционный (РД). Родители не интересуются повседневной жизнью и внутренним миром ребенка, его занятиями дома и в школе. Сохраняют автономную и отстраненную позицию по отношению к событиям, происходящим в жизни ребенка, не откликаются на его детские просьбы. Ребенок практически выключен из системы семейных отношений и существует сам по себе; отсутствуют поощрения, ласка и похвала (пример: «Родители обычно мало волновали мои детские огорчения»).

Авторитарно-принудительный (АП). Родители не позволяют ребенку иметь свои планы, пренебрегают его желаниями и потребностями, обращаются с ним, как с вещью, принуждают в простых вопросах делать все по указке. В семье преобладают диктат и принуждение, применяются жесткие санкции. Все решения, касающиеся ребенка, принимаются без его ведома и согласия (пример: «Во всех вопросах родители всегда умели настоять на своем, как бы я не сопротивлялся»).

Угрожающе-уничжительный (УГУ). В способах родительского воспитания преобладают жестокие и унижающие личность наказания, разнообразные формы физического и психического насилия (подзатыльники, побои, прозвища). Враждебность и негативное отношение к ребенку в семье воспроизводится им в отношениях со сверстниками. У ребенка формируется и проявляется сильная агрессия, вымещение и злопамятность (пример: «Под горячую руку меня могли выпороть или дать подзатыльник»).

Семейная атмосфера доверия (САД). Между членами семьи сложились взаимные теплые, близкие отношения сплоченности и любви. Родители любят проводить время в обществе своих детей; возникшие споры и разногласия стремятся решить мирным, неконфликтным путем. Привычные способы семейного взаимодействия определяют степень удовлетворенности ребенка сложившимися взаимоотношениями, уровнем внутрисемейного согласия (пример: «Мои родители умели радоваться жизни и всех заражали своим оптимизмом»).

Для анализа семейных ценностей была использована методика «Ценностные ориентации — 36» В. Н. Куницыной (Куницына 2010), которая представляет собой модификацию ценностного опросника Ш. Шварца. Модификация была осуществлена В. Н. Куницыной в 2005 году. Она включает в себя 36 ценностей, сгруппированных в 12 блоков, и предназначена для исследования ценностей разных поколений;

при этом перечень семейных ценностей был расширен. Подробное описание и обоснование модификации, а также результаты оценки валидности измененной версии приводятся в статье (Куницына 2010).

Методика ЦО-36 выполнена в подвыборке в 222 человека, из них 130 ответили за себя и за маму (рефлексивные ценности матери). Между актуальными и рефлексивными оценками рассчитывалась разница как показатель меры согласованности воспринимаемых ценностей старшего поколения с младшим и, следовательно, степени идентификации ребенка со значимой фигурой родителя (в данном случае матери). Такой прием был реализован не случайно. Согласно исследованиям (Roest et al. 2009), восприятие ребенком отношений и ценностей родителя является достаточно точным и прогностичным при анализе интернализации ценностей и формирования собственных ценностных предпочтений.

Анкета «Моя семья» использовалась для сбора социально-демографических данных.

Обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistic 22.0. Данные проверялись на нормальность распределения. Использовался корреляционный анализ (r-Пирсона).

Результаты

Рассмотрим взаимосвязи стилей семейного взаимодействия с ценностными ориентациями детей старшего школьного и студенческого возраста и их матерей (по рефлексивным оценкам детей), а также с позициями ценностного расхождения в родительско-детских диадах. (таблицы 1–3).

Либерально-поддерживающий стиль (ЛИП) в исследуемой молодежной выборке — наиболее выраженный и распространенный, в качестве преобладающего (8–12 баллов) стиля родительско-детских отношений в семье его отмечают 68,1% респондентов. Среднее значение $8,67 \pm 2,54$ (по 12-балльной шкале). Этот показатель несколько выше в однодетных семьях (8,93), чем в семьях с двумя и более детьми (8,57), и в большей степени проявляется по отношению к младшим детям (8,92), чем к старшим (8,46).

Ценностными основаниями либерально-поддерживающих отношений в корреляционной матрице матерей выступают духовно-нравственные ценности (мудрость, внутренняя гармония, социальная справедливость), толерантность (широта взглядов, терпимость), независимость, религиозность.

Табл. 1. Взаимосвязи родительско-детских отношений с ценностными ориентациями

Типы отношений	Ценности матерей в рефлексивных оценках детей (n = 130)		Актуальные ценности детей (n = 222)		Корреляции разностей в ценностях в родительско-детских диадах (n = 130)	
	Переменная	r	Переменная	r	Переменная	r
ЛИП	Социальная справедливость	0,197*	Защита семьи	0,208**	Защита семьи	-0,178*
	Независимость	0,242**	Понимание и доверие в семье	0,232**	Интеллект	-0,200*
	Религиозность	0,233**	Религиозность	0,148*	Мир прекрасного	0,212*
	Мудрость	0,252**	Потакание себе	0,155*	Понимание и доверие в семье	-0,176*
	Внутренняя гармония	0,196*			Потакание себе	0,206*
	Широта взглядов	0,276**				
	Терпимость	0,198*				
АП	Мудрость	-0,220*	Защита семьи	-0,257**	Зрелая любовь	0,191*
	Зрелая любовь	-0,189*	Понимание и доверие в семье	-0,278**		
	Терпеливость	-0,283**				
ГО	Уважение традиций	0,182*	Защита семьи	-0,207**	Самоуважение	0,285**
	Здоровье	0,244**	Понимание и доверие в семье	-0,176**	Социальное признание	-0,178*
			Религиозность	0,144*		
			Терпимость	0,137*		
УГУ	Выбор собственных целей	-0,181*	Защита семьи	-0,134*	Самоуважение	0,262**
	Терпеливость	-0,221*	Понимание и доверие в семье	-0,176**	Интеллект	0,195*
	Широта взглядов	-0,242*	Терпимость	-0,138*	Выбор собственных целей	0,302**
	Вежливость	-0,243**			Религиозность	0,267**
					Терпеливость	0,190*
					Ответственность	0,352**
					Терпимость	0,181*
ДОВ	Выбор собственных целей	0,179*	Защита семьи	0,202**	Защита семьи	-0,229**
	Внутренняя гармония	0,178*	Понимание и доверие в семье	0,158*	Религиозность	-0,183*
	Терпеливость	0,245**	Авторитетность	0,216**		
РД	Интеллект	-0,259**	Защита семьи	-0,168*	Защита семьи	0,194*
	Выбор собственных целей	-0,216*	Понимание и доверие в семье	-0,218**	Интеллект	0,271**
	Терпеливость	-0,301**	Интересная жизнь	0,134*	Выбор собственных целей	0,226**
	Широта взглядов	-0,328**			Понимание и доверие в семье	0,221*
	Вежливость	-0,184*			Зрелая любовь	0,312**
					Социальное признание	0,183*
					Уважение родителей	0,180*
					Смысл жизни	0,193*
					Честность	0,243**
					Вежливость	0,246**
					Интересная жизнь	0,191*
				Ответственность	0,321**	

Табл. 1. Продолжение

Типы отношений	Ценности матерей в рефлексивных оценках детей (n = 130)		Актуальные ценности детей (n = 222)		Корреляции разностей в ценностях в родительско-детских диадах (n = 130)	
	Переменная	r	Переменная	r	Переменная	r
ЛИР	Настоящая дружба	0,222*	Мир прекрасного	0,255**	Настоящая дружба	-0,188*
	Мир прекрасного	0,189*	Здоровье	-0,204**	Понимание и доверие в семье	-0,202*
	Авторитетность	0,221*	Независимость	-0,153*	Смысл жизни	-0,246**
			Благополучие	-0,193**	Благополучие	0,237**
			Широта взглядов	0,209**	Вежливость	-0,222*
			Терпимость	0,203**		
ОВ			Защита семьи	-0,205**	Защита семьи	0,221*
			Понимание и доверие в семье	-0,222**	Самоуважение	0,207*
					Выбор собственных целей	0,189*
					Религиозность	0,280**
					Благополучие	0,209*
САД	Интеллект	0,262**	Защита семьи	0,136*	Интеллект	-0,341**
	Выбор собственных целей	0,274**	Понимание и доверие в семье	0,220**	Выбор собственных целей	-0,225*
	Понимание и доверие в семье	0,250**	Социальная справедливость	0,171*	Понимание и доверие в семье	-0,326**
	Мудрость	0,221*	Потакание себе	-0,150*	Религиозность	-0,249**
	Зрелая любовь	0,254**	Терпеливость	0,196**	Зрелая любовь	-0,299**
	Терпеливость	0,278**	Терпимость	0,219**	Социальное признание	-0,181*
	Отвага	0,186*			Уважение родителей	-0,228**
					Смысл жизни	-0,180*
					Терпеливость	-0,229**

Примечание: r — коэффициент корреляции Пирсона; ** — p < 0,01; * — p < 0,05

Table 1. Correlations of parent-child relationship types with value orientations

Types of relationships	Mothers' values in children's reflective assessments (n = 130)		Children's current values (n = 222)		Correlations of value differences in parent-child dyads (n = 130)	
	Variable	r	Variable	r	Variable	r
Liberal-supportive	Social justice	0.197*	Family protection	0.208**	Family protection	-0.178*
	Independence	0.242**	Understanding and trust in the family	0.232**	Intelligence	-0.200*
	Religiosity	0.233**	Religiosity	0.148*	World of beauty	0.212*
	Wisdom	0.252**	Self-indulgence	0.155*	Understanding and trust in the family	-0.176*
	Inner harmony	0.196*			Self-indulgence	0.206*
	Open-mindedness	0.276**				
	Tolerance	0.198*				

Table 1. Completion

Types of relationships	Mothers' values in children's reflective assessments (n = 130)		Children's current values (n = 222)		Correlations of value differences in parent-child dyads (n = 130)	
	Variable	r	Variable	r	Variable	r
Authoritarian	Wisdom	-0.220*	Family protection	-0.257**	Mature love	0.191*
	Mature love	-0.189*	Understanding and trust in the family	-0.278**		
	Patience	-0.283**				
Overprotective	Respect for traditions	0.182*	Family protection	-0.207**	Self-esteem	0.285**
	Health	0.244**	Understanding and trust in the family	-0.176**	Social recognition	-0.178*
			Religiosity	0.144*		
			Tolerance	0.137*		
Threatening	Choosing one's own goals	-0.181*	Family protection	-0.134*	Self-esteem	0.262**
	Patience	-0.221*	Understanding and trust in the family	-0.176**	Intelligence	0.195*
	Open-mindedness	-0.242*	Tolerance	-0.138*	Choosing one's own goals	0.302**
	Politeness	-0.243**			Religiosity	0.267**
					Patience	0.190*
					Responsibility	0.352**
Trusting	Choosing one's own goals	0.179*	Family protection	0.202**	Family protection	-0.229**
	Inner harmony	0.178*	Understanding and trust in the family	0.158*	Religiosity	-0.183*
	Patience	0.245**	Authority	0.216**		
Indifferent	Intelligence	-0.259**	Family protection	-0.168*	Family protection	0.194*
	Choosing one's own goals	-0.216*	Understanding and trust in the family	-0.218**	Intelligence	0.271**
	Patience	-0.301**	Interesting life	0.134*	Choosing one's own goals	0.226**
	Open-mindedness	-0.328**			Understanding and trust in the family	0.221*
	Politeness	-0.184*			Mature love	0.312**
					Social recognition	0.183*
					Respect for parents	0.180*
					The meaning of life	0.193*
					Honesty	0.243**
					Politeness	0.246**
				Interesting life	0.191*	
				Responsibility	0.321**	

Table 1. Completion

Types of relationships	Mothers' values in children's reflective assessments (n = 130)		Children's current values (n = 222)		Correlations of value differences in parent-child dyads (n = 130)	
	Variable	r	Variable	r	Variable	r
Personal-developmental	True friendship	0.222*	World of beauty	0.255**	True friendship	-0.188*
	World of beauty	0.189*	Health	-0.204**	Understanding and trust in the family	-0.202*
	Authority	0.221*	Independence	-0.153*	The meaning of life	-0.246**
			Welfare	-0.193**	Welfare	0.237**
			Open-mindedness	0.209**	Politeness	-0.222*
			Tolerance	0.203**		
Hostile			Family protection	-0.205**	Family protection	0.221*
			Understanding and trust in the family	-0.222**	Self-esteem	0.207*
					Choosing one's own goals	0.189*
					Religiosity	0.280**
					Welfare	0.209*
Family climate of trust	Intelligence	0.262**	Family protection	0.136*	Intelligence	-0.341**
	Choosing one's own goals	0.274**	Understanding and trust in the family	0.220**	Choosing one's own goals	-0.225*
	Understanding and trust in the family	0.250**	Social justice	0.171*	Understanding and trust in the family	-0.326**
	Wisdom	0.221*	Self-indulgence	-0.150*	Religiosity	-0.249**
	Mature love	0.254**	Patience	0.196**	Mature love	-0.299**
	Patience	0.278**	Tolerance	0.219**	Social recognition	-0.181*
	Courage	0.186*			Respect for parents	-0.228**
					The meaning of life	-0.180*
				Patience	-0.229**	

Note: r — Pearson correlation coefficient; ** — p < 0.01; * — p < 0.05

Табл. 2. Взаимосвязи родительско-детских отношений с ценностно-мотивационными блоками

Тип отношений	Ценности матерей в рефлексивных оценках детей (n = 130)		Актуальные ценности детей (n = 222)	
	Переменная	r	Переменная	r
ЛИП	Традиции	0,243**		
	Независимость	0,237**		
	Нравственные ценности	0,230**		
	Толерантность	0,345**		
	Духовные ценности	0,207*		
АП			Безопасность	-0,189*
			Межличностные отношения	-0,168*
ГО	Безопасность	0,244**	Толерантность	0,139*
	Традиции	0,212*		

Табл. 2. Продолжение

Тип отношений	Ценности матерей в рефлексивных оценках детей (n = 130)		Актуальные ценности детей (n = 222)	
	Переменная	r	Переменная	r
УГУ	Нормативного и конформного поведения	-0,271**	Безопасность	-0,144*
	Толерантность	-0,196*	Межличностные отношения	-0,146*
ДОВ	Нравственные ценности	0,204*	Власть, влияние	0,148*
РД	Межличностные отношения	-0,195*		
	Нормативного и конформного поведения	-0,293**		
	Достижения	-0,173*		
	Независимость	-0,177*		
ЛИР	Межличностные отношения	0,254**	Безопасность	-0,142*
	Достижения	0,177*	Толерантность	0,249**
			Духовные ценности	0,149*
ОВ			Безопасность	-0,132*
САД	Межличностные отношения	0,313**	Традиции	0,145*
	Нормативного и конформного поведения	0,215*	Межличностные отношения	0,154*
	Активность	0,176*	Нормативного и конформного поведения	0,159*
	Независимость	0,178*	Гедонизм	-0,137*
	Толерантность	0,195*	Нравственные ценности	0,178**
	Духовные ценности	0,187*	Толерантность	0,182**
			Духовные ценности	0,135*

Примечание: r — коэффициент корреляции Пирсона; ** — p<0,01; * — p<0,05

Table 2. Correlations of parent-child relationship types with value-motivational blocks

Types of relationships	Mothers' values in children's reflective assessments (n = 130)		Children's current values (n = 222)	
	Variable	r	Variable	r
Liberal-supportive	Traditions	0.243**		
	Independence	0.237**		
	Moral values	0.230**		
	Tolerance	0.345**		
	Spiritual values	0.207*		
Authoritarian			Safety	-0.189*
			Interpersonal relationships	-0.168*
Overprotective	Safety	0.244**	Tolerance	0.139*
	Traditions	0.212*		
Threatening	Normative and conformal behavior	-0.271**	Safety	-0.144*
	Tolerance	-0.196*	Interpersonal relationships	-0.146*
Trusting	Moral values	0.204*	Power, influence	0.148*

Table 2. Completion

Types of relationships	Mothers' values in children's reflective assessments (n = 130)		Children's current values (n = 222)	
	Variable	r	Variable	r
Indifferent	Interpersonal relationships	-0.195*		
	Normative and conformal behavior	-0.293**		
	Achievements	-0.173*		
	Independence	-0.177*		
Personal-developmental	Interpersonal relationships	0.254**	Safety	-0.142*
	Achievements	0.177*	Tolerance	0.249**
			Spiritual values	0.149*
Hostile			Safety	-0.132*
Family climate of trust	Interpersonal relationships	0.313**	Traditions	0.145*
	Normative and conformal behavior	0.215*	Interpersonal relationships	0.154*
	Activity	0.176*	Normative and conformal behavior	0.159*
	Independence	0.178*	Hedonism	-0.137*
	Tolerance	0.195*	Moral values	0.178**
	Spiritual values	0.187*	Tolerance	0.182**
			Spiritual values	0.135*

Note: r — Pearson correlation coefficient; ** — p < 0.01; * — p < 0.05

Табл. 3. Взаимосвязи семейной атмосферы доверия с типами родительско-детских отношений

Параметры родительско-детских отношений		r
Семейная атмосфера доверия	Либерально-поддерживающий	0,370**
	Доверительный	0,360**
	Личностно-развивающий	0,335**
	Опасливо-враждебный	-0,443**
	Равнодушно-дистанцированный	-0,552**
	Авторитарно-принудительный	-0,446**
	Гиперопека	-0,238**
	Угрожающе-уничижительный	-0,517**

Примечание: r — коэффициент корреляции Пирсона; ** — p < 0,01; * — p < 0,05

Table 3. Types of parental relationships perceived by children and enlarged blocks of values

Parameters of parent-child relationships		r
Family atmosphere of trust	Liberal-supportive	0.370**
	Trusting	0.360**
	Personal-developmental	0.335**
	Fearful-hostile	-0.443**
	Indifferent-distanced	-0.552**
	Authoritarian-coercive	-0.446**
	Overprotective	-0.238**
	Threatening-derogatory	-0.517**

Note: r — Pearson correlation coefficient; ** — p < 0.01; * — p < 0.05

Этот стиль способствует укреплению ориентации детей на семейные ценности (защита семьи, понимание и доверие в семье), но в то же время поддерживает гедонистические тенденции (потакание себе) в ценностных ориентациях детей. Связан с согласованностью в материнско-детских диадах по отношению к семейным ценностям и разобщенностью по позициям мир прекрасного и потакание себе.

Доверительный стиль (ДОВ) занимает второе место по степени выраженности и распространности, среднее значение составляет $6,94 \pm 2,68$ балла, частота 50,7%; более характерен для полных семей (7,12) по сравнению с неполными (6,30). Интересно, что этот стиль отношений в большей степени проявляется в семьях, где доминирует отец (7,39), по сравнению с семьями, где главенствует мать (6,74), а также равноправными (эгалитарными) семьями (6,87); коррелирует с супружеским стажем родителей ($r = 0,157$; $p < 0,05$), стабильностью семейных отношений.

Этот стиль положительно связан с такими родительскими ценностями, как выбор собственных целей, внутренняя гармония, терпеливость, а также с ценностно-мотивационным блоком нравственных ценностей. У детей укрепляет ориентацию на семейные ценности (защита семьи, понимание и доверие в семье) и авторитетность, но при этом снижает значимость смысложизненной определенности. Отмечаются связи с отсутствием рассогласования в значимости защиты семьи и религиозности в ценностных ориентациях детей и матерей.

Личностно-развивающий стиль (ЛИР) представлен в 26,5% семей, среднее значение по выборке составляет $5,00 \pm 2,64$ балла. Он более характерен для респондентов, воспитывавшихся в полных семьях (5,17), по сравнению с неполными (4,62), а также для тех, чье детство прошло в условиях города (5,69), а не в сельской местности (4,62).

В рефлексивно воспринимаемых детьми ценностных ориентациях родителей, придерживающихся личностно-развивающего стиля, детьми отмечается более высокая значимость межличностных отношений (настоящей дружбы), авторитетности, ценностей достижений и мира прекрасного. Этот стиль ориентирует детей на ценности толерантности (широта взглядов, терпимость), понимание и доверие в семье, приводит к снижению значимости благосостояния, материальной стороны жизни.

Ценностным маркером личностно-развивающего стиля семейного воспитания выступает согласованность позиций родителей и детей в понимании значимости межличностных от-

ношений (дружба, вежливость, понимание и доверие в семье) и смысложизненных ценностей.

Опасливо-враждебный стиль (ОВ) отмечается в 25,0% семей выборки, среднее значение $4,99 \pm 3,38$ балла. В большей степени характерен для неполных семей (6,03), чем для полных (4,83); чаще проявляется в отношениях со старшими детьми (5,40), чем с младшими (4,46). Нестабильность долговременных супружеских отношений ($r = -0,216$; $p < 0,01$), противоречивость и несходство родителей по характеру ($r = -0,207$; $p < 0,01$) служат объективными предпосылками данного стиля семейного воспитания.

Достоверно значимых связей с рефлексивно воспринимаемыми ценностями матерей не обнаружено. У детей выявляются отрицательные связи с ценностями безопасности (защита семьи, здоровье), пониманием и доверием в семье, достижением успеха. Опасливо-враждебные отношения связаны с рассогласованием в родительско-детских диадах в оценке приоритетов по таким аспектам, как самоуважение, выбор собственных целей, благосостояние, защита семьи и религиозность.

Равнодушно-дистанционный стиль (РД) диагностируется в 19,4% родительских семей и в большей степени выражен в неполных семьях (5,92) по сравнению с полными (4,41), при среднем значении по выборке $4,65 \pm 3,02$ балла. Старшие дети более подвержены риску отчужденного отношения к себе со стороны родителей (5,17), чем младшие (4,08). Обнаруживается отрицательная связь с супружеским стажем ($r = -0,238$; $p < 0,01$) и сходством родителей по характеру ($r = -0,134$; $p < 0,05$).

Равнодушно-дистанционный стиль в восприятии детей отрицательно связан с воспринимаемыми родительскими установками на ценности межличностных отношений, нормативного и конформного поведения (терпеливость, вежливость), а также ориентацией на достижения, независимость (выбор собственных целей) и широтой взглядов. У детей этот стиль снижает стремление к пониманию и доверию в семье и усиливает ориентацию на внесемейные ценности (интересную жизнь).

Диагностичным для равнодушно-дистанционного стиля является рассогласование ценностей детей и рефлекслируемых ими ценностей своих матерей по целому спектру позиций: духовно-нравственные ценности (честность, ответственность, смысл жизни), межличностные отношения (зрелая любовь, понимание и доверие в семье, уважение родителей), ценности достижений, независимости и активности (интеллект, социальное признание, выбор собственных

целей, интересная жизнь), нормативное и конформное поведение (вежливость); это неизбежно сопровождается снижением ценностно-ориентационного единства семьи.

Авторитарно-принудительный стиль (АП) менее выражен (среднее значение $4,26 \pm 2,87$ балла) и менее распространен (13,9%). В большей мере проявляется в неполных семьях (5,27), по сравнению с полными (3,97), а также в отношениях родителей со старшими детьми (4,53), по сравнению с младшими (3,47). Этот стиль отрицательно связан с супружеским стажем родителей ($r = -0,221$; $p < 0,01$).

По рефлексивным оценкам детей, авторитарно-принудительный стиль отрицательно коррелирует с такими родительскими ценностями, как мудрость, терпеливость, зрелая любовь. Этот стиль снижает у детей ориентацию на семейные ценности и настоящую дружбу, усиливает значимость смысла жизни, связан с рассогласованием в родительско-детских диадах в значимости ориентации на зрелую любовь.

Гиперопекающий стиль (ГО) отмечают 18,1% респондентов, среднее значение по выборке составляет $3,96 \pm 2,92$ балла. Больше проявляется в условиях воспитания в городской среде (4,31), чем в сельской местности (3,79); в неполных семьях выражен сильнее (4,69), чем в полных (3,89). В однодетных семьях средние значения гиперопеки выше (4,41), чем в семьях с двумя и более детьми (3,85) (корреляция с количеством детей в семье $r = -0,131$; $p < 0,05$). Примечательно, что сверхопекающая родительская позиция имеет связь с возрастом матери ($r = -0,146$; $p < 0,05$) (чем моложе мама в год рождения ребенка, тем сильнее тенденция к проявлению сверхопеки), а также с большей разницей в возрасте родителей ($r = 0,153$; $p < 0,05$).

На уровне ценностей гиперопека и контроль связаны с рефлексивно воспринимаемой детьми ориентацией родителей на уважение традиций, здоровье, безопасность. У детей чрезмерная родительская опека усиливает ориентации на честолюбие, религиозность, толерантность (терпимость), снижает значимость семейных ценностей. Отмечается положительная связь гиперопеки с рассогласованием в родительско-детских диадах в значимости самоуважения и отсутствием различий в ориентации на социальное признание.

Среднее значение для угрожающе-уничжительного стиля (УГУ) составляет $3,59 \pm 3,09$ балла, распространенность 10,4%. В неполных семьях этот стиль проявляется в большей степени, чем в полных (4,13 и 3,50 соответственно); менее выражен в однодетных семьях (3,20), по срав-

нению с семьями с двумя и более детьми (3,80) (корреляция с количеством детей в семье $r = 0,112$; $p < 0,05$). В большей мере жертвами угрожающе-уничжительных отношений в семье становятся старшие дети (3,99), по сравнению с младшими (3,04). Имеется связь с возрастной разницей родителей ($r = 0,154$; $p < 0,05$).

При угрожающе-уничжительном отношении к ребенку со стороны родителей обнаруживается дефицитарность ценностей нормативного и конформного поведения (терпеливость, вежливость), толерантности (широты взглядов), а также низкая значимость выбора собственных целей. У детей данный тип родительского отношения приводит к снижению значимости безопасности, межличностных отношений, терпимости, блокирует ориентацию на семейные ценности (защита семьи, понимание и доверие в семье). Связан с рассогласованием в диадах по семи позициям: самоуважение, интеллект, выбор собственных целей, религиозность, терпеливость, ответственность, терпимость. Угрожающе-уничжительные отношения препятствуют ценностной интеграции семьи.

Семейная атмосфера доверия (САД) присутствует в 56,2% семей, среднее значение этого показателя $7,24 \pm 3,24$ баллов. Более характерна для полных семей (7,51), по сравнению с неполными (6,56), а также для семей с двумя детьми (7,50), по сравнению с однодетными (7,35) и многодетными семьями (6,99). Старшие дети оценивают семейную атмосферу более критично (6,99), чем младшие (7,98). Супружеский стаж (стабильность семейных отношений) и сходство родителей по характеру положительно связаны с семейной атмосферой ($r = 0,182$ при $p < 0,05$ и $r = 0,199$ при $p < 0,05$ соответственно).

Ценностными коррелятами атмосферы доверия в семье выступают ценности межличностных отношений, толерантности, нормативного и конформного поведения, духовные ценности, которые оказываются общими для детей и родителей. В круг рефлексивно воспринимаемых детьми материнских ценностей, гармонизирующих семейную атмосферу, также входят независимость (выбор собственных целей), активность (отвага), интеллект. Благоприятная атмосфера способствует укреплению ориентации детей на семейные ценности, социальную справедливость, терпеливость, традиции; ограничивает гедонизм (потакание себе).

Прогностичным для семейной атмосферы доверия может быть малое расхождение в родительско-детских диадах по девяти позициям: понимание и доверие в семье, уважение родителей, зрелая любовь, терпеливость, смысл

жизни, религиозность, выбор собственных целей, социальное признание, интеллект, что поддерживает ценностно-ориентационное единство в семье.

САД высоко коррелирует с удовлетворенностью детей семейным воспитанием ($r = 0,503$; $p < 0,01$) и служит индикатором конструктивности/деструктивности различных типов родительско-детских отношений в семье.

Обсуждение

В целом полученные нами результаты согласуются с данными других исследователей. Так, личностно-развивающий стиль в концепции В. Н. Куницыной может быть соотнесен с авторитетным стилем воспитания, исследуемым зарубежными коллегами (Williams, Ciarrrochi 2019). Наши данные также свидетельствуют о том, что вовлеченность в сочетании с конструктивной требовательностью родителей способствует росту значимости просоциальных и внутренних ценностей. Помимо этого, нами обнаружено, что при стремлении родителей развивать своих детей у последних снижается значимость ценности благосостояния, определяемой как внешней (Davis et al. 2018). Кроме того, анализ рефлексивно воспринимаемых ценностей матерей показывает, что, вероятно, одним из ключевых медиаторов в трансляции просоциальных ценностей выступает ценностное отношение родителей с одной стороны, к своим детям, а с другой стороны, к миру культуры в целом (ценность «мир прекрасного»).

Многими авторами отмечалась центральная роль вовлеченности в актуализации внутренних ценностей (Davis et al. 2018; Martinez et al. 2020; Howard 2024). Сопоставление между собой ценностных коррелятов с другими типами конструктивных взаимоотношений родителей и детей позволяет нам выявить качественную специфику опосредующей роли вовлеченности в ценностные ориентации детей. Так, вовлеченность в сочетании со снисходительностью при либерально-поддерживающем отношении родителей приводит к тому, что ребенок ориентирован на себя и на ценности референтной группы. Вовлеченность родителей с акцентом на доверительность актуализирует сам феномен доверия как ценность и сопровождается снижением напряженности в поиске смысловой опоры в жизни (смысл жизни).

В отношении авторитарного стиля отношений нами также получены данные о том, что контроль и принуждение снижают значимость ценности межличностной привязанности (Tessier et al.

2023). При этом актуальность смысловой опоры для молодых людей, воспитывавшихся в атмосфере принуждения, возрастает. При гиперопеке контроль, подкрепленный родительской тревогой, имеет противоречивые проявления в ценностных приоритетах: повышается значимость ценностей конформности при снижении значимости семейных ценностей.

В нашем исследовании были проанализированы различные типы проявления враждебности к ребенку: от простого непонимания до его явного отвержения с угрозами и физическими наказаниями. В любых своих выражениях враждебность блокирует потребность личности достигать что-либо, ценить родных и близких, вероятно, потому, что у самих родителей не выработана ценностная позиция по отношению к ребенку. Отстраненность и равнодушие родителей сопряжено с потребностью детей в насыщенной и активной жизни, вероятно, как компенсации недостатка участия в их жизни близких людей.

В исследовании (Tessier et al. 2023) было обнаружено, что наибольшая рассогласованность в ценностях родителей и детей наблюдается при непоследовательном стиле воспитания. Наши данные показывают, что рассогласованность имеет свою качественную специфику в зависимости от характера отношений с родителем. Так, равнодушие родителей к ребенку, равно как и отсутствие доверительности сопряжены с ценностным расхождением по наибольшему числу позиций, относящихся и к межличностным отношениям, и к достижениям, и к самоопределению в целом. Угрозы и унижения приводят к рассогласованию в ценностях саморегуляции, а враждебное отношение — в семейных ценностях и самоуважении; авторитарный контроль связан с расхождением в значимости любви. Следовательно, невозможно свести рассогласование в ценностях только к одному из аспектов родительско-детских отношений.

Выводы

Общими ценностными основаниями родительско-детских отношений выступают семейные ценности (защита семьи, понимание и доверие в семье), положительно коррелирующие с либерально-поддерживающим, доверительно-уважительными стилями воспитания и семейной атмосферой доверия и образующие отрицательные связи с гиперопекой, авторитарным принуждением, равнодушно-дистанционными, угрожающими и опасливо-враждебными отношениями в семье.

Позитивные стили воспитания подкрепляются духовно-нравственными ценностями, толерантностью, ценностями межличностных отношений, нормативного и конформного поведения, безопасности, независимости. В нарушенных родительско-детских отношениях обнаруживается дефицитарность вышеназванных групп ценностей.

Следует подчеркнуть, что родительские воздействия всегда имеют свои ценностно-смысловые основания. При этом важную роль играет именно их восприятие ребенком. Так, вовлеченность родителей имеет специфику в ее восприятии детьми: при личностно-развивающем стиле она может выражать ценностное отношение к людям и миру культуры, тогда как при либерально-поддерживающем транслировать более индивидуалистическую, автономную позицию родителя в отношении к миру.

Родительский контроль также может быть понят детьми в контексте различных ценностных смыслов: как направленный на общее благо, как основа спокойствия родителя или как демонстрация его влияния. В двух последних случаях эффектом становится сомнение в семье как ценности и ориентация либо на самоутверждение, либо на поиск смысловой опоры в жизни.

Таким образом, характер родительско-детских отношений реципрокно связан с ценностной сферой личности. Отношения сотрудничества, заботы, уважения и доверия между родителями и детьми, предполагающие отношение к другому человеку как ценности, способствуют формированию просоциальной направленности личности, в то время как дисгармоничные отношения затрудняют процесс интернализации общечеловеческих ценностей, блокируют и искажают личностное развитие.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследования с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Васина Елена Алексеевна — разработка методологии исследования, теоретический анализ отечественной литературы, сбор эмпирических данных, анализ, интерпретация, формулировка выводов;

Юмкина Екатерина Анатольевна — теоретический обзор зарубежной литературы, интерпретация данных, формулировка выводов.

Author Contributions

E. A. Vasina — development of research methodology, theoretical analysis of Russian-language literature, collection of empirical data, analysis, interpretation, formulation of conclusions;

E. A. Yumkina — theoretical review of foreign literature, interpretation of data, formulation of conclusions.

Заявление о доступности данных

Данные не доступны по этическим причинам.

Data Availability Statement

The access to the reported data cannot be provided for ethical reasons.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность и посвящают статью светлой памяти почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета Валентины Николаевны Куницыной, которая инициировала исследование ценностных оснований семейных отношений на кафедре социальной психологии СПбГУ.

Acknowledgements

The authors express their deep gratitude and dedicate the article to the glowing memory of Valentina Nikolaevna Kunitsina, Professor Emeritus of St. Petersburg State University, who initiated research on the value bases of family relationships at the Department of Social Psychology of St. Petersburg State University

Литература

- Авдеева, Н. Н., Берсенева, И. В. (2022) Ценностные установки матерей в современных моделях родительства. *Социальная психология и общество*, т. 13, № 2, с. 163–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211>
- Бурменская, Г. В. (2018) Принятие-отвержение как фактор детско-родительских и сиблинговых взаимоотношений в детстве и взрослости. *Мир психологии*, № 1 (93), с. 108–126. EDN: [XMPWDR](#)
- Варга, А. Я. (1986) *Структура и типы родительского отношения: Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 206 с.
- Венгер, А. Л. (ред.). (2005) *Психология развития. Словарь*. М.: ПЕР СЭ, 176 с.
- Гасанова, Г. (2022) Учет влияния стиля семейного воспитания на развитие агрессивного поведения у подростков в контексте психокоррекционной и психопрофилактической работы психолога. *Психология человека в образовании*, т. 4, № 1, с. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/26869527-2022-4-1-112-120>
- Головей, Л. А., Савеньшева, С. С., Василенко, В. Е. (2015) Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства. *Психологический журнал*, т. 36, № 2, с. 32–43. EDN: [TTJZMZ](#)
- Горьковая, И. А., Оксенчук, А. О. (2023) Сравнительный анализ воспитательной практики родителей подростков мужского и женского пола с устойчивым противоправным поведением в 2004 и 2020 гг. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386>
- Гурко, Т. А. (2022) Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей. *Социологические исследования*, № 10, с. 107–116. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250021397-9>
- Дементьева, И. Ф. (2004) *Социализация детей в семье: теории, факторы, модели*. М.: Генезис, 232 с.
- Дружинин, В. Н. (2012) *Психология семьи*. 3-е изд. СПб.: Питер, 176 с.
- Ждакаева, Е. И. (2010) Деструктивные детско-родительские отношения как фактор девиантного поведения подростков. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, № 4 (43), с. 56–59. EDN: [NRATFZ](#)
- Захаров, А. И. (2006) *Происхождение и психотерапия детских неврозов*. СПб.: КАРО, 672 с.
- Карабанова, О. А. (2018) Семья как пространство развития личности. *Мир психологии*, № 1 (93), с. 37–45. EDN: [ORQKOD](#)
- Конвенция о правах ребенка. (1990) *КонсультантПлюс* [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.detmobib.ru/pravo/docs/convention.pdf> (дата обращения 04.08.2024)
- Кригер, Е. Э., Бахадова, Е. В. (2019) Ценности родительско-детских отношений девиантных подростков. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, № 1, с. 157–165. <https://www.doi.org/10.28995/2073-6398-2019-1-157-167>
- Куницына, В. Н. (2010) Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН). В кн.: *Семья в современном мире*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 42–54.
- Куницына, В. Н. (2015) Методика «Родительско-детские отношения в семье» (РОДОС). В кн.: А. А. Бодалев (ред.). *Психология общения. Энциклопедический словарь*. 2-е изд. М.: Когито-Центр, с. 553.
- Куницына, В. Н., Васина, Е. А., Казанцева, Т. В., Кузнецова, И. В. (2010) Трансляция ценностей в современной семье: концепции, методы исследования, некоторые результаты и перспективы изучения. В кн.: В. Н. Куницына (ред.). *Семья в современном мире*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, с. 7–16.
- Куницына, В. Н., Юмкина, Е. А. (2015а) *Семейные отношения и дом*. СПб.: Лема, 84 с.
- Куницына, В. Н., Юмкина, Е. А. (2015б) Психологический статус понятия “семейные наставления”. В кн.: А. В. Махнач, К. Б. Зуев (ред.). *Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2*. М.: Изд-во Института психологии РАН, с. 368–375.
- Кухтова, Н. В., Сотникова, Е. И., Белановская, М. Л. (2023) Измерение стилей семейного воспитания детей и механизмов социального научения. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 2, с. 283–304. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-283-304>
- Любичкая, К. А. (2019) Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей. *Педагогика*, № 8, с. 64–72. EDN: [UAPJAJ](#)
- Марковская, И. М. (2007) *Психология детско-родительских отношений*. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 91 с.
- Новикова, М. А., Реан, А. А. (2021) Особенности материнского отношения в связи с формированием ценностных ориентаций современных подростков. *Социальная психология и общество*, т. 12, № 2, с. 148–165. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120209>
- Петровский, В. А., Полевая, М. В. (2001) Отчуждение как феномен детско-родительских отношений. *Вопросы психологии*, № 1, с. 19–26. EDN: [MWHТАJ](#)
- Поскребышева, Н. Н., Юсифова, Н. Д. (2018) Образ детско-родительских отношений у подростков: кросс-культурный аспект. *Мир психологии*, № 1 (93), с. 126–134. EDN: [UOHJQT](#)
- Сатир, В. (1992) *Как строить себя и свою семью*. М.: Педагогика-Пресс, 192 с.
- Слободчиков, В. И., Шувалов, А. В. (2001) Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей. *Вопросы психологии*, № 4, с. 91–105. EDN: [NBEVHN](#)
- Хоментаускас, Г. Т. (2003) *Семья глазами ребенка*. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 224 с. EDN: [QXPMDZ](#)

- Шнейдер, Л. Б. (2011) *Семейная психология*. 5-е изд. М.: Академический Проект; Киров: Константа, 736 с.
- Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис, В. В. (2008) *Психология и психотерапия семьи*. 4-е изд. СПб.: Питер, 663 с.
- Balundé, A., Perlaviciute, G. (2023) Are we on the same page? Exploring the relationships between environmental values, self-identity, personal norms and behavior in parent-adolescent dyads. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 92, article 102157. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.102157>
- Baumrind, D. (1966) Effects of authoritarian parental control on child behavior. *Child Development*, vol. 37, no. 4, pp. 887–907. <https://doi.org/10.2307/1126611>
- Davis, A. N., Carlo, G., Streit, C. et al. (2018) Longitudinal associations between maternal involvement, cultural orientations, and prosocial behaviors among recent immigrant Latino adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, no. 47, pp. 460–472. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0792-3>
- Döring, A. K., Makarova, E., Herzog, W., Bardi, A. (2017) Parent–child value similarity in families with young children: The predictive power of prosocial educational goals. *British Journal of Psychology*, vol. 108, no. 4, pp. 737–756. <https://doi.org/10.1111/bjop.12238>
- Erel, O., Burman, B. (1995) Interrelatedness of marital relations and parent-child relations: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, vol. 118, no. 1, pp. 108–132. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.118.1.108>
- Fatima, S., Dawood, S., Munir, M. (2020) Parenting styles, moral identity and prosocial behaviors in adolescents. *Current Psychology*, vol. 41, pp. 902–910. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00609-3>
- Grolnick, W. S., Deci, E. L., Ryan, R. M. (1997) Internalization within the family: The self-determination theory perspective. In: J. E. Grusec, L. Kuczynski (eds.). *Parenting and children's internalisation of values: A handbook of contemporary theory*. New York: Wiley Publ., pp. 135–161.
- Hardy, S. A., Padilla-Walker, L. M., Carlo, G. (2008) Parenting dimensions and adolescents' internalisation of moral values. *Journal of Moral Education*, vol. 37, no. 2, pp. 205–223. <https://doi.org/10.1080/03057240802009512>
- Howard, L. (2024) *Longitudinal association of involvement and monitoring during early adolescence and empathy and value regulation during emerging adulthood*. [Online]. Available at: <https://krex.k-state.edu/items/6ccb3168-f433-4050-b8bf-648595c7678d> (accessed 04.08.2024).
- Kasser, T., Ryan, R. M., Zax, M., Sameroff, A. J. (1995) The relations of maternal and social environments to late adolescents' materialistic and prosocial values. *Developmental Psychology*, vol. 31, no. 6, pp. 907–914. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.31.6.907>
- Maccoby, E., Martin, J. (1983) Socialization in the context of the family: Parent-child interaction. In: P. H. Mussen, E. M. Hetherington (eds.). *Handbook of child psychology: Socialization, personality, and social development*. Vol. 4. New York: Wiley Publ., pp. 1–101.
- Martinez, I., Garcia, F., Veiga, F. et al. (2020) Parenting styles, internalization of values and self-esteem: A cross-cultural study in Spain, Portugal and Brazil. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 7, article 2370. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072370>
- Meneses, G. D. O., Santos, W. S. D., Biermann, M. C. et al. (2022) Influence of values and parenting styles perceived by children in the value transmission. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*, no. 38, article e38318. <https://doi.org/10.1590/0102.3772e38318.en>
- Phinney, J. S., Vedder, P. (2022) Family relationship values of adolescents and parents: Intergenerational discrepancies and adaptation. In: *Immigrant youth in cultural transition*. London: Routledge Publ., pp. 168–185.
- Roest, A. M. C., Dubas, J. S., Gerris, J. R. M., Engels, R. C. M. E. (2009) Value similarities among fathers, mothers, and adolescents and the role of a cultural stereotype: Different measurement strategies reconsidered. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 19, no. 4, pp. 812–833. <https://doi.org/10.1111/j.1532-7795.2009.00621.x>
- Stein, G. L., Polo, A. J. (2014) Parent–child cultural value gaps and depressive symptoms among Mexican American youth. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 23, pp. 189–199. <https://doi.org/10.1007/s10826-013-9724-3>
- Steinberg, L., Lamborn, S. D., Dornbusch, S. M., Darling, N. (1992) Impact of parenting practices on adolescent achievement: Authoritative parenting, school involvement and encouragement to succeed. *Child Development*, vol. 63, no. 5, pp. 1266–1281. <https://doi.org/10.2307/1131532>
- Tessier, J., Joussemet, M., Kurdi, V., Mageau, G. A. (2023) How perceived detrimental parenting relates to adolescents' intrinsic and extrinsic values. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 32, no. 4, pp. 1218–1231. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02483-y>
- Williams, K. E., Ciarrochi, J. (2019) Perceived parenting styles and values development: A longitudinal study of adolescents and emerging adults. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 30, no. 2, pp. 541–558. <https://doi.org/10.1111/jora.12542>

References

- Avdeeva, N. N., Berseneva, I. V. (2022) Tsennostnye ustanovki materej v sovremennykh modelyakh roditel'stva [Value attitudes of mothers in modern parenthood models]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo— Social Psychology and Society*, vol. 13, no. 2, pp. 163–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211> (In Russian)
- Burmenskaya, G. V. (2018) Prinyatie-otverzhenie kak faktor detsko-roditel'skikh i siblingovykh vzaimootnoshenij v detstve i v zroslosti [Acceptance-rejection as a factor in parent-child and sibling relationships in childhood and adulthood]. *Mir psikhologii— The World of Psychology*, vol. 1 (93), pp. 108–126. EDN: XMPWDR (In Russian)

- Balundé, A., Perlaviciute, G. (2023) Are we on the same page? Exploring the relationships between environmental values, self-identity, personal norms and behavior in parent-adolescent dyads. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 92, article 102157. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.102157> (In English)
- Baumrind, D. (1966) Effects of authoritarian parental control on child behavior. *Child Development*, vol. 37, no. 4, pp. 887–907. <https://doi.org/10.2307/1126611> (In English)
- Davis, A. N., Carlo, G., Streit, C. et al. (2018) Longitudinal associations between maternal involvement, cultural orientations, and prosocial behaviors among recent immigrant Latino adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, no. 47, pp. 460–472. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0792-3> (In English)
- Dement'eva, I. F. (2004) *Sotsializatsiya detej v sem'e: teorii, faktory, modeli* [Socialisation of children in the family: Theories, factors, models]. Moscow: Genezis Publ., 232 p. (In Russian)
- Döring, A. K., Makarova, E., Herzog, W., Bardi, A. (2017) Parent–child value similarity in families with young children: The predictive power of prosocial educational goals. *British Journal of Psychology*, vol. 108, no. 4, pp. 737–756. <https://doi.org/10.1111/bjop.12238> (In English)
- Druzhinin, V. N. (2012) *Psikhologiya sem'i* [Family Psychology]. 3rd ed. Saint Petersburg: Piter Publ., 176 p. (In Russian)
- Ejdemiller, E. G., Yustitskis, V. V. (2008) *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. 4th ed. Saint Petersburg: Piter Publ., 663 p. (In Russian)
- Erel, O., Burman, B. (1995) Interrelatedness of marital relations and parent-child relations: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, vol. 118, no. 1, pp. 108–132. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.118.1.108> (In English)
- Fatima, S., Dawood, S., Munir, M. (2020) Parenting styles, moral identity and prosocial behaviors in adolescents. *Current Psychology*, vol. 41, pp. 902–910. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00609-3> (In English)
- Gasanova, G. (2022) Uchet vliyaniya stilya semejnogo vospitaniya na razvitie agressivnogo povedeniya u podrostkov v kontekste psikhokorreksionnoj i psikhoprofilakticheskoj raboty psikhologa [The impact of parenting style on the development of aggressive behaviour in adolescents in the context of corrective and preventive psychological work]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 4, no. 1, pp. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/26869527-2022-4-1-112-120> (In Russian)
- Golovej, L. A., Savenysheva, S. S., Vasilenko, V. E. (2015) Detsko-roditel'skie otnosheniya v stabil'nye i krizisnye periody detstva [Parent-child relationships instable and critical periods of childhood]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 36, no. 2, pp. 32–43. EDN: TTJZMZ (In Russian)
- Gorkovaya, I. A., Oxenchuk, A. O. (2023) Sravnitel'nyj analiz vospitatel'noj praktiki roditelej podrostkov muzhskogo i zhenskogo pola s ustojchivym protivopravnym povedeniem v 2004 i 2020 gg [Family parenting of male and female adolescents with persistent illegal behavior: A comparative analysis of 2004 and 2020] *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386> (In Russian)
- Grolnick, W. S., Deci, E. L., Ryan, R. M. (1997) Internalization within the family: The self-determination theory perspective. In: J. E. Grusec, L. Kuczynski (eds.). *Parenting and children's internalisation of values: A handbook of contemporary theory*. New York: Wiley Publ., pp. 135–161. (In English)
- Gurko, T. A. (2022) Dinamika pokazatelej razvitiya i blagopoluchiya podrostkov v razlichnykh tipakh semej [Dynamics of indicators of development and well-being of adolescents in varioustypes of families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 107–116. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250021397-9> (In Russian)
- Hardy, S. A., Padilla-Walker, L. M., Carlo, G. (2008) Parenting dimensions and adolescents' internalisation of moral values. *Journal of Moral Education*, vol. 37, no. 2, pp. 205–223. <https://doi.org/10.1080/03057240802009512> (In English)
- Homentauskas, G. T. (2003) *Sem'ya glazami rebenka* [Family through the eyes of a child]. Moscow: RIPOL KLASSIK Publ., 224 p. EDN: QXPMDZ (In Russian)
- Howard, L. (2024) *Longitudinal association of involvement and monitoring during early adolescence and empathy and value regulation during adulthood*. [Online]. Available at: <https://krex.k-state.edu/items/6ccb3168-f433-4050-b8bf-648595c7678d> (accessed 04.08.2024). (In English)
- Karabanova, O. A. (2018) Sem'ya kak prostranstvo razvitiya lichnosti [Family as a space for personality development]. *Mir psikhologii— World of Psychology*, no. 1 (93), pp. 37–45. EDN: ORQKOD (In Russian)
- Kasser, T., Ryan, R. M., Zax, M., Sameroff, A. J. (1995) The relations of maternal and social environments to late adolescents' materialistic and prosocial values. *Developmental Psychology*, vol. 31, no. 6, pp. 907–914. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.31.6.907> (In English)
- Konventsija o pravakh rebenka [Convention on the Rights of the Child]. (1990) *Konsul'tantPlyus* [Online]. Available at: <https://pravo.detmobib.ru/pravo/docs/convention.pdf> (accessed 04.08.2024). (In Russian)
- Kruger, E. E., Bakhadova, E. V. (2019) Tsennosti roditel'sko-detskikh otnoshenij deviantnykh podrostkov [Values of parent and child relations deviant adolescents]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" — RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, no. 1, pp. 157–167. <https://www.doi.org/10.28995/2073-6398-2019-1-157-167> (In Russian)
- Kunitsyna, V. N. (2010) Metody izucheniya semejnykh tsennostej i vzaimodejstviya vnutri sem'i (TsO-36, PiN) [Methods of studying family values and interactions within the family (VO-36, PiN)]. In: *Sem'ya v sovremennom mire* [Family in the modern world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 42–54. (In Russian)

- Tessier, J., Joussemet, M., Kurdi, V., Mageau, G. A. (2023) How perceived detrimental parenting relates to adolescents' intrinsic and extrinsic values. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 32, no. 4, pp. 1218–1231. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02483-y> (In English)
- Varga, A. Ya. (1986) *Struktura i tipy roditel'skogo otnosheniya* [Structure and types of parental relationship]. PhD dissertation (Psychology). Moscow, Lomonosov Moscow State University, 206 p. EDN: NPABWD (In Russian)
- Venger, A. L. (ed.). (2006) *Psikhologiya razvitiya. Slovar'* [Developmental psychology. Dictionary]. Moscow: PER SE Publ., 176 p. (In Russian)
- Williams, K. E., Ciarrochi, J. (2019) Perceived parenting styles and values development: A longitudinal study of adolescents and emerging adults. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 30, no. 2, pp. 541–558. <https://doi:10.1111/jora.12542> (In English)
- Zakharov, A. I. (2006) *Proiskhozhdenie i psikhoterapiya detskikh nevrozov* [The origin and psychotherapy of childhood neuroses]. Saint Petersburg: KARO Publ., 672 p. (In Russian)
- Zhdakaeva, E. I. (2010) Destruktivnye detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor deviantnogo povedeniya podrostkov [Destructive parent/child relationships as a factor in deviant behavior of teenagers]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh — Psychopedagogics in Law Enforcement*, no. 4 (43), pp. 56–59. EDN: NRATFZ (In Russian)

Сведения об авторах

Васина Елена Алексеевна, кандидат психологических наук, кафедра социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет
SPIN-код: 5116-1185, ORCID: 0009-0009-1338-9215, e-mail: e2009v@yandex.ru

Юмкина Екатерина Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет
SPIN-код: 1528-0964, Scopus AuthorID: 57200223893, ResearcherID: N-2220-2015, ORCID: 0000-0003-4539-7235, e-mail: katerinayum@mail.ru

Authors

Elena A. Vasina, Candidate of Sciences (Psychology), Department of Social Psychology, St Petersburg University
SPIN: 5116-1185, ORCID: 0009-0009-1338-9215, e-mail: e2009v@yandex.ru

Ekaterina A. Yumkina, Candidate of Sciences (Psychology), Senior Lecturer, Department of Social Psychology, St Petersburg University
SPIN: 1528-0964, Scopus AuthorID: 57200223893, ResearcherID: N-2220-2015, ORCID: 0000-0003-4539-7235, e-mail: katerinayum@mail.ru

Особенности познавательной деятельности современных детей, подростков и молодежи в контексте проблем образования

УДК 159.9

EDN XSYOMS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-523-533>

Научная статья

Уровень образования родителей как фактор академических достижений обучающихся: результаты систематического обзора литературы

В. Н. Панферов¹, Л. А. Цветкова^{✉1, 2, 3}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал, 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

³ Российская академия образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8

Для цитирования: Панферов, В. Н., Цветкова, Л. А. (2024) Уровень образования родителей как фактор академических достижений обучающихся: результаты систематического обзора литературы. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 523–533. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-523-533> EDN XSYOMS

Получена 24 октября 2024; прошла рецензирование 1 ноября 2024; принята 1 ноября 2024.

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 23ВГ).

Права: © В. Н. Панферов, Л. А. Цветкова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Сегодня имеются неопровержимые данные о том, что между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей существуют прямые взаимосвязи. Однако психологические механизмы, лежащие в их основе, описаны довольно фрагментарно, несмотря на то, что их учет важен при планировании и реализации работы, направленной на повышение образовательного уровня родителей в контексте содействия академическим успехам их детей. В связи с этим целью представленного исследования стало обобщение сведений о факторах, которые могут определять вклад уровня образования родителей в академические успехи обучающихся.

Материалы и методы. Использовался метод систематического обзора литературы, отбор источников осуществлялся по ключевым словосочетаниям «образование родителей» и «академические достижения» / «академическая успеваемость» (“education of parents” and “academic achievements” / “academic performance”) в библиографических базах eLibrary, Google Scholar и PubMed по следующим критериям: 1) наличие доступа к полнотекстовой версии статьи или развернутой аннотации; 2) представленность в тексте результатов эмпирических или вторичных (метааналитических) исследований; 3) изложение материалов исследования на русском или английском языке; 4) публикация материалов исследования в рецензируемом научном издании. Первоначально массив данных включал 452 статьи, из которых соответствовали указанным критериям 39 источников. Эти статьи и были включены в обзор.

Результаты. Выделены три группы факторов, которые определяют вклад образовательного уровня родительской семьи в академические успехи обучающихся: когнитивные и некогнитивные особенности обучающихся и их родителей (интеллектуальные, мотивационные, регуляторные, рефлексивные и др.), характеристики детско-родительских отношений (академическая вовлеченность родителей, их ожидания в отношении академических успехов детей и др.) и социальный статус семьи, отражающий ее положение в системе социальных отношений (уровень дохода, принадлежность к расовым/этническим группам большинства/меньшинства и др.).

Заключение. Перспективы исследования связаны с эмпирической проверкой гипотезы об опосредующем влиянии указанных факторов на взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими успехами их детей в контексте изучения траекторий образовательной социализации обучающихся на разных образовательных ступенях. Результаты представляются значимыми для повышения эффективности образовательной работы с родителями, направленной на содействие академическим успехам обучающихся.

Ключевые слова: академические достижения, дошкольники, школьники, студенты, образовательный уровень родителей, систематический обзор литературы

Research article

The level of parents' education as a factor of students' academic achievements: A systematic literature review

V. N. Panferov¹, L. A. Tsvetkova^{✉1, 2, 3}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Higher School of Economics in Saint Petersburg, 16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190008, Russia

³ Russian Academy of Education, 8 Pogodinskaya Str., Moscow 119121, Russia

For citation: Panferov, V. N., Tsvetkova, L. A. (2024) The level of parents' education as a factor of students' academic achievements: A systematic literature review. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 523–533. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-523-533> EDN XSYOMS

Received 24 October 2024; reviewed 1 November 2024; accepted 1 November 2024.

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 23VG).

Copyright: © V. N. Panferov, L. A. Tsvetkova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Today, there is irrefutable evidence that there are direct correlations between the level of parents' education and academic achievements of their children. However, the underlying psychological mechanisms are described fragmentally, despite their importance in terms of the efforts aimed at improving the educational level of parents in order to enhance academic achievements of their children. Our study seeks to summarize information about factors that determine the contribution of parents' educational level to their children's academic achievements.

Materials and Methods. The sources for systematic review were selected with the key phrases 'education of parents' and 'academic achievements' / 'academic performance' in the databases eLibrary, Google Scholar and PubMed according to the following criteria: 1) there is access to the full-text version or a detailed abstract; 2) the article contains results of an empirical or secondary (meta-analytical) study; 3) the language of publication is either Russian or English; and 4) the article is a peer-reviewed scientific publication. The initial data set contained 452 articles, but only 39 were included in the review.

Results. We identified three groups of factors that may determine the contribution of parents' educational level to students' academic achievements: cognitive and non-cognitive characteristics of students and their parents (intellectual, motivational, regulatory, reflective, etc.); characteristics of child-parent relations (academic involvement of parents, their expectations regarding the academic achievements of children, etc.); and the social status of the family, reflecting the family's position in the system of social relations (income level, belonging to a racial or ethnic majority/minority, etc.).

Conclusions. Future research could involve empirical verification of the hypothesis that these factors mediate the relationships between parents' education and their children's academic achievements in the context of studying the trajectories of educational socialization at different educational levels. The results of such verification will be significant for improving the effectiveness of educational work with parents aimed at promoting the academic achievements of students.

Keywords: academic achievements, preschoolers, school students, university students, educational level of parents, systematic literature review

Введение

Взаимосвязи между академическими достижениями обучающихся и уровнем образования их родителей активно изучаются и обсуждаются в психолого-педагогической литературе на протяжении нескольких последних десятилетий. Отмечается, что в каждом обществе, по которому к настоящему имеются эмпирические данные, образовательные достижения

детей, подростков и молодых людей положительно коррелируют с образованием их родителей, рассматриваемым в ряду параметров социально-экономического статуса семьи (Björklund, Salvanes 2011). Исследованиями, проведенными в разных странах мира, было показано, что уровень образования родителей — наиболее мощный (в сравнении с другими параметрами социально-экономического статуса семьи) фактор, определяющий академические

результаты детей (Ardila et al. 2005; Waters et al. 2021), в частности, он оказывается более значимым, чем уровень дохода семьи (O'Connell 2019).

В результате в большинстве стран уровень образования родителей сегодня рассматривается как ключевой компонент культурного капитала семьи (Jæger 2011; Yang 2003). Справедливо утверждается, что образовательный уровень родителей представляет собой одну из наиболее стабильных характеристик семейной образовательной среды (Augustine 2017), существенно влияющую на качество условий для образовательной активности, осуществляемой обучающимися дома, а также на уровень вовлеченности родителей в учебные дела своих детей. Дети высокообразованных родителей достоверно чаще демонстрируют более высокие образовательные достижения, в сравнении со сверстниками, родители которых имеют низкий или средний образовательный уровень, причем эта тенденция прослеживается на всех образовательных ступенях: от начальных этапов обучения (Waters et al. 2021) и обучения в средней школе (Bakar et al. 2017) до обучения в колледжах (Assari 2019) и университетах (Rodríguez-Hernández et al. 2020).

Представление о важном вкладе уровня образования родителей в академические достижения их детей сегодня определяет образовательную политику многих стран, ориентированных на содействие повышению образованности родителей обучающихся, например, в различных форматах психолого-педагогического просвещения и иных формах образовательной активности (O'Connell 2019; Rodríguez-Hernández et al. 2020 и др.). Однако, как свидетельствуют результаты эмпирических исследований, проведенных в последнее десятилетие, данные, характеризующие взаимосвязи между академическими достижениями обучающихся и уровнем образования их родителей, оказались значительно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, и потенциально существует большое количество опосредующих эти взаимосвязи факторов (Yang Hansen, Gustafsson 2016). Так, например, исследования с использованием данных PISA свидетельствуют о том, что показатели культурного капитала семьи обладают лишь скромной объяснительной силой, и позволяют предполагать, что влияние уровня образования родителей на академические достижения детей целесообразно интерпретировать как косвенное, опосредованное наличием причинно-следственных механизмов различной природы (Barone 2006). В связи с этим в нашем исследовании осуществлен системати-

ческий анализ эмпирических исследований, направленных на изучение взаимосвязей между академическими достижениями обучающихся на разных уровнях образования (школа, колледж, университет) и уровнем образования их родителей, с целью обобщения сведений о факторах, которые могут определять вклад уровня образования родителей в академические успехи их детей.

Материалы и методы

Исследование проводилось с использованием метода систематического обзора литературы, посвященной вопросам взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей. В число публикаций, включенных в анализ, вошли научные статьи, опубликованные в период с 2000 по август 2024 гг. в рецензируемых научных изданиях, индексируемые в библиографические базы eLibrary, Google Scholar и PubMed, содержащие результаты эмпирических или вторичных (метааналитических) исследований, которые представлены на русском или английском языке. Поиск запрос содержал словосочетания «образование родителей» и «академические достижения» / «академическая успеваемость» (“parental education” и “academic achievements” / “academic performance”), поиск осуществлялся с использованием поисковых операторов. Общий массив проанализированных публикаций включал 452 статьи. Критериями отбора материалов для анализа стали наличие доступа к полнотекстовой версии статьи или развернутой аннотации, содержащей описание материалов и методологии описываемого исследования. В результате в систематический обзор были включены 39 источников, соответствующих указанному выше критерию.

Результаты

В результате анализа литературы были выделены три группы факторов, которые могут рассматриваться в качестве потенциальных модераторов взаимосвязей между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей: когнитивные и некогнитивные черты учащихся (индивидуальные переменные), особенности детско-родительских отношений (социально-психологические переменные) и иные (помимо образовательного уровня родителей) характеристики социального статуса семьи (социальные переменные).

Когнитивные и некогнитивные особенности учащихся и их родителей

Академические достижения традиционно связываются с когнитивными способностями. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что у детей из семей с высшим образованием в среднем отмечаются более высокие показатели по когнитивным тестам, в сравнении со сверстниками, родители которых не имеют высшего образования. Исследователи связывают эти различия с тем, что более образованные родители создают в большей степени благоприятные условия для когнитивного развития детей благодаря высокой интенсивной когнитивной стимуляции (Conger et al. 2010), например, формируя у них широкий словарный запас и сложные речевые конструкции (Duncan, Magnuson 2012), используя больше абстрактных слов, более сложный синтаксис и побуждая своего ребенка к деконтекстуализированному дискурсу. В совокупности это составляет важнейшие предпосылки для развития у детей интеллектуальных и речевых навыков (Gustafsson et al. 2013). Отмечается, что в основе вклада уровня образования родителей в академические достижения их детей могут лежать когнитивные способности самих родителей, которые, в свою очередь, выступают как значимые детерминанты их образовательного уровня, поскольку показано, что вклад образования родителей существенно снижается при учете их способностей (Marks, O'Connell 2021). На примере лонгитюдного исследования, проведенного американскими учеными на материале анализа более 5000 случаев, было показано, что положительные взаимосвязи между когнитивными возможностями человека (в частности, характеристиками речевых функций, исполнительных функций и, в меньшей степени, памяти) и уровнем образования его родителей сохраняются на протяжении всей жизни, хотя и несколько ослабевают по мере взросления, в отличие от других параметров социально-экономического статуса родительской семьи, вклад которых в когнитивные возможности человека в среднем возрасте становится уже статистически незначимым (Greenfield, Moorman 2019). Более высокая чувствительность (в контексте уровня образования родителей) речевых функций детей, в сравнении с другими сторонами их когнитивного потенциала, была отмечена и в результате исследования китайских ученых, проанализировавших данные более 200 тысяч учащихся из 78 независимых выборок (Liu et al. 2020).

Среди некогнитивных индивидуальных особенностей детей, которые могут рассматриваться в качестве потенциальных модераторов взаимосвязей между уровнем образования их родителей и демонстрируемыми ими академическими достижениями, отмечаются характеристики доминирующего эмоционального фона и различные аспекты самооффективности. Так, показано, что среди родителей с высшим образованием фиксируются более низкие показатели депрессии (Conger et al. 2010), определяющие более благоприятный эмоциональный фон в их семьях. Американскими исследователями было установлено, что образование родителей также связано и с более низкой вероятностью возникновения депрессивного фона у их детей (Assari et al. 2020). Помимо этого, имеются данные о том, что школьники, родители которых имеют высшее образование, ставят перед собой более амбициозные образовательные цели (Iwaniec 2018), а их представления о собственных академических возможностях и способностях управлять своей образовательной активностью носят более позитивный характер (Davis-Kean 2005; Eccles 2005).

Характеристики детско-родительских отношений (социально-психологические переменные)

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что вклад образовательного уровня родителей в академические достижения детей может опосредоваться разницей в родительских ожиданиях относительно образовательных успехов детей и готовностью вовлекаться в их образовательную активность.

Так, показано, что менее образованные родители с большей вероятностью имеют более низкие ожидания в отношении образования своих детей по сравнению с родителями с более высоким образовательным уровнем (Carolan, Wasserman 2015; Dubow et al. 2009; Eccles 2007; Gustafsson et al. 2013; Poon 2020). Кроме того, менее образованные родители в среднем с меньшей вероятностью принимают активное участие в учебных делах своих детей как дома, так и в школе (Cheadle, Amato 2011; Roksa, Potter 2011), в то время как родители с более высоким уровнем образования, как правило, используют более эффективные практики поддержки образовательной активности своих детей (Dumais et al. 2012; Englund et al. 2004; Fekonja-Pekljaj et al. 2010), способствующие более высокой успеваемости. К таким практикам относятся обсуждение школьных вопросов, участие в управлении школой и в школьных мероприятиях, совместное

чтение с детьми, акцентирование важности образования, поддержка в выполнении домашних заданий, общение родителей с преподавателями и др. (Tan et al. 2019).

Однако целый ряд исследований демонстрирует нелинейность указанных выше взаимосвязей.

Так, показано, что в период локдауна, связанного с пандемией covid-19, образовательные результаты школьников определялись не уровнем образования их родителей, а количеством времени, которое родители (независимо от уровня их образования) уделяли учебным делам детей, оказывая им помощь в выполнении заданий и планировании времени, а также обеспечивая им доступ в интернет (Bansak, Starr 2021). В результате метаанализа исследований академической активности студентов-иммигрантов было показано, что вовлеченность родителей в образовательный процесс оказывает более сильное влияние на академические достижения детей, чем уровень образования родителей (Kim et al. 2020). В лонгитюдном исследовании с участием 167 детей, академические достижения которых оценивались на этапах посещения ими детского сада и обучения в начальной школе, было установлено, что вклад уровня образования матерей в академические результаты детей опосредуется материнской вовлеченностью в образовательную активность обучающихся: различия в успеваемости между детьми более и менее образованных матерей становилось значительно менее существенным, когда уровень вовлеченности матерей был высоким. Было показано, что, хотя дети менее образованных матерей «на старте» (в детском саду) имеют менее выраженные академические достижения, чем дети родителей с более высоким образовательным уровнем, эта разница со временем уменьшается, если семьи активно участвуют в обучении (Dearing et al. 2004; Dearing et al. 2006). Эти данные подтверждаются в эмпирическом исследовании с привлечением более старших по возрасту респондентов (школьников), в котором было установлено, что модерационный вклад родительской вовлеченности во взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей наиболее ярко проявляется у учащихся старших, но не младших классов (Roksa, Potter 2011).

Аналогичные результаты были получены в другом лонгитюдном исследовании, охватившем более 15 000 учащихся старших классов американских школ, в котором было показано, что участие родителей в школьной жизни осо-

бенно полезно для молодежи из семей с низким уровнем образования. Родительская вовлеченность в образовательную активность детей в меньшей степени опосредует академические достижения молодых людей из семей с высоким образовательным уровнем, в которых, согласно мнению авторов исследования, изначально присутствуют более благоприятные условия для академической социализации (Benner et al. 2016). Более выраженное положительное влияние на академические достижения детей активного участия их родителей в образовательном процессе, характерное для семей с низким образовательным уровнем, зафиксировано и в других исследованиях (Kim, Schneider 2005; Benner et al. 2016). Имеются данные о том, что в группе родителей с более высоким уровнем образования академическая вовлеченность родителей связана с меньшим количеством поведенческих проблем их детей. В свою очередь, они связаны с академическими достижениями, а затем с устремлениями, в то время как в группе родителей с более низким уровнем образования академическая вовлеченность родителей связана с устремлениями, но не с поведением или достижениями детей (Hill et al. 2004), что также может объяснять отмеченные выше различия.

Характеристики социального статуса семьи (социальные переменные)

Изучение уровня образования родителей в качестве фактора, определяющего академические достижения их детей, в контексте анализа других параметров социально-экономического статуса показывает, что вклад образовательного уровня родительской семьи может коррелировать с уровнем дохода семьи, сопряженным с профессиональным статусом родителей, а также принадлежностью к тем или иным расовым и этническим группам.

Так, результаты исследований свидетельствуют о том, что более высокий образовательный уровень родителей, как правило, ассоциируется с более высоким уровнем жизни семьи. Он может опосредованно влиять на академические достижения детей в связи с тем, что финансовый стресс родителей негативно связан с показателями когнитивного развития в детском возрасте (Conger et al. 2010). Кроме того, уровень жизни семьи положительно взаимосвязан с показателями здоровья детей и отрицательно с их склонностью к употреблению психоактивных веществ, что также оказывает влияние на академические успехи на разных этапах обучения (Assari 2020; Gerra et al. 2020; Mikkonen et al.

2020). На материале анализа академических достижений учащихся четвертых классов из 37 стран, которые участвовали в исследованиях PIRLS и TIMSS, было показано, что связь между образованием родителей и успеваемостью учащихся изменяется в зависимости от уровня социально-экономического развития страны и является наиболее очевидной в странах с высоким социально-экономическим уровнем (Yang Hansen, Gustafsson 2016). При этом установлено, что высокий и средний социально-экономический уровень жизни семьи влияет на успеваемость детей в большей степени, чем низкий, причем в этом контексте образование родителей влияет на успеваемость их детей в школе больше, чем их профессия (Fargoq et al. 2011).

Эмпирические исследования с привлечением детей разных расовых и этнических групп свидетельствуют о том, что социально-экономический статус семьи, в частности образование и доход родителей, влияет на академические достижения детей по-разному в зависимости от их расовой и этнической принадлежности (Davis-Kean 2005). Так, на материале американской выборки установлено, что доходы семьи и уровень образования родителей по-разному связаны с академическим развитием детей в зависимости от расовой принадлежности. Разрыв между афроамериканцами и европейцами сокращался (за счет более интенсивного развития навыков у афроамериканцев) при более высоком уровне доходов, но увеличивался (за счет более медленного развития навыков у афроамериканцев) при более высоком уровне образования родителей. В итоге, несмотря на преимущества в успеваемости при поступлении в детский сад, значительные различия в исходных показателях приводят к тому, что учащиеся-афроамериканцы из семей с более высоким доходом уступают своим сверстникам-европейцам в средней школе, причем учащиеся-афроамериканцы с более образованными родителями неизменно отстают в развитии академических навыков от своих сверстников-европейцев (Henry et al. 2020).

В исследовании, проведенном с привлечением студентов американских колледжей, показано, что влияние уровня образования родителей на успеваемость учащихся опосредовано социальным статусом этнических групп, к которым они принадлежат. В частности, уровень образования родителей оказывает меньшее положительное влияние на средний балл успеваемости у испаноязычной и чернокожей молодежи, чем у неиспаноязычной белой молодежи, а также у неиспаноязычных чернокожих студентов кол-

леджа, чем у неиспаноязычных белых студентов (Assari 2019; Assari et al. 2021). Таким образом, констатируется опосредование взаимосвязей между уровнем образования родителей и успеваемостью их детей принадлежностью семей к этническому большинству или этническим меньшинствам, которое обозначается термином «снижение отдачи от родительского образования». Этот эффект фиксируется многими эмпирическими исследованиями (Boyce et al. 2020; Hosokawa, Katsura 2017; Hung et al. 2020). Отмечается, что эффект снижения отдачи от образования может быть обусловлен не только расовой/этнической принадлежностью, но и контекстуальными факторами, которые обычно связаны с маргинализацией и бедностью (сегрегация, концентрация бедности, а также беспорядки и низкий уровень безопасности по соседству) (Assari et al. 2020).

Обсуждение

Систематический обзор исследований, посвященных вопросам взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей, позволил выделить в качестве потенциальных модераторов этих взаимосвязей различные по своей природе факторы, объединенные нами в три группы: индивидуальные переменные, социально-психологические переменные и социальные переменные. Результаты проведенного обзора позволяют зафиксировать нелинейность связей между академическими успехами детей и образовательным уровнем их родителей, которая, судя по всему, определяется когнитивными и некогнитивными особенностями детей, характеристиками детско-родительских отношений, а также положением семьи в системе социальных отношений.

Представленные в статье данные указывают на то, что положительные корреляции между уровнем образования родителей и академической успешностью детей не могут интерпретироваться как доказательство того, что дети более образованных родителей в среднем учатся несколько лучше, чем их сверстники из менее образованных семей, именно из-за более высокого образовательного уровня родителей. Образовательный уровень родительской семьи сопряжен с широким спектром психологических характеристик и, судя по всему, вносит вклад в академическую успешность не сам по себе, а посредством косвенной поддержки академических успехов детей через родительские ожидания в отношении академических достижений

детей, а также через когнитивную стимуляцию, которую родители обеспечивают им как в домашней обстановке, так и за ее пределами (Davis-Kean et al. 2021; Dearing et al. 2004; 2006; Englund et al. 2004; Fekonja-Peklaj et al. 2010). При этом родители с более высоким уровнем образования могут предоставить своим детям больше ресурсов, что также оказывает положительное влияние на их академические достижения (Nosokawa, Katsura 2017). Это фиксируется как на уровне сравнения академических достижений детей из семей с разным социальным статусом внутри отдельных стран, так и при сравнении силы влияния образовательного уровня родителей на академические достижения детей в странах, различающихся по уровню экономического развития (Yang Hansen, Gustafsson 2016). В этом контексте, помимо собственно экономических ресурсов, может играть существенную роль менее выраженный уровень финансового стресса родителей, который позволяет им быть более вовлеченными в образовательную активность детей (Conger et al. 2010), а также более низкий уровень социального стресса, минимизирующий вероятность возникновения эффекта «снижения отдачи от родительского образования» (Assari et al. 2020; Nosokawa, Katsura 2017).

Представленное выше обобщение указывает на то, что индивидуальные, социально-психологические и социальные факторы, потенциально модулирующие взаимосвязи между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей, вероятно, в свою очередь, тесно взаимосвязаны между собой. Они обеспечивают полидетерминированность реализуемых родителями моделей образовательной социализации собственных детей. Можно предполагать, что разнообразные характеристики родителей, такие как их собственные задатки и способности, образование, принадлежность к культурной группе, род занятий, доход и т. д., влияют на уровень образования их детей, в первую очередь, сказываясь на убеждениях и поведении самих родителей. Родители, в свою очередь, влияют на становление личности и академической субъектности детей, определяя их вовлечение в различные формы образовательной активности, которые со временем вносят вклад в образовательные результаты обучающихся, причем соотношение этих переменных на разных образовательных ступенях, скорее всего, довольно существенно различается. На это указывают интересные факты, полученные исследователями из Финляндии, которые установили, что влияние об-

разовательного уровня матерей на академические успехи детей выше в раннем возрасте, тогда как образование отцов — в раннем взрослом возрасте (Erola et al. 2016). Это предположение нуждается в тщательной эмпирической проверке, результаты которой будут крайне востребованы, в частности, в психолого-педагогической работе, направленной на повышение эффективности образовательной работы с родителями, широко осуществляемой сегодня в контексте просветительских мероприятий и интегрированной во многие программы среднего, среднего профессионального и высшего образования. К сожалению, проведенный нами анализ не позволил обнаружить убедительных по своей методологии эмпирических исследований, посвященных данной проблематике, которые были бы проведены на российских выборках. С учетом сведений о существенной социокультурной опосредованности взаимосвязей между уровнем образования родителей и академическими достижениями их детей это позволяет применять охарактеризованные в данной статье тенденции к современной российской образовательной действительности лишь с определенной долей осторожности.

Представленные в литературе эмпирические данные позволяют спрогнозировать ряд трудностей, с которыми может столкнуться описанное выше эмпирическое исследование: это и разные подходы к оценке уровня образования родителей (от фиксации результатов в системе формального образования до учета разнообразных форм неформальной и информальной образовательной активности родителей), и разнообразие трактовок и критериев «академических достижений» детей (от учета академической успеваемости до фиксации образовательной ступени, окончание которой знаменовало завершение формального образования), и значимость учета социокультурного контекста функционирования семей, привлекаемых в качестве респондентов, и необходимость вовлечения в такое исследование семьи в целом, а не только матерей, которые, как правило, значительно чаще отцов и других родственников школьников и студентов откликаются на приглашение к участию в исследовании, и т. д. Однако, несмотря на это, исследования, проясняющие психологические механизмы, которые опосредуют взаимосвязи между уровнем образования родителей и академической успешностью их детей, представляются весьма перспективными в контексте тех задач, которые ставит перед системой образования современное российское общество.

Выводы

Проведенный систематический обзор публикаций, посвященных взаимосвязям уровня образования родителей и академических достижений их детей, позволил выделить три группы таких факторов: когнитивные и некогнитивные особенности обучающихся и их родителей, характеристики детско-родительских отношений и социальный статус семьи, отражающий ее положение в системе социальных отношений. Указанные факторы целесообразно учитывать при проведении исследований, направленных на изучение траекторий образовательной социализации обучающихся на разных образовательных ступенях в контексте анализа оценки родительского вклада в академические достижения детей, подростков и молодых людей.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

References

- Ardila, A., Rosselli, M., Matute, E., Guajardo, S. (2005) The influence of the parents' educational level on the development of executive functions. *Developmental Neuropsychology*, vol. 28, no. 1, pp. 539–560. https://doi.org/10.1207/s15326942dn2801_5 (In English)
- Assari, S. (2019) Parental educational attainment and academic performance of American college students; Blacks' diminished returns. *Journal of Health Economics and Development*, vol. 1, no. 1, pp. 21–31. PMID: [31372601](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31372601/) (In English)
- Assari, S. (2020) Parental education and youth inhibitory control in the adolescent brain cognitive development (ABCD) study: Blacks' diminished returns. *Brain Sciences*, vol. 10, no. 5, article 312. <https://doi.org/10.3390/brainsci10050312> (In English)
- Assari, S., Boyce, Sh., Bazargan, M., Caldwell, C. H. (2020) African Americans' diminished returns of parental education on adolescents' depression and suicide in the adolescent brain cognitive development (ABCD) study. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, vol. 10, no. 2, pp. 656–668. <https://doi.org/10.3390/ejihpe10020048> (In English)
- Assari, S., Boyce, Sh., Bazargan, M. et al. (2020) Place-based diminished returns of parental educational attainment on school performance of non-hispanic white youth. *Frontiers in Education*, vol. 5, article 30. <https://doi.org/10.3389/educ.2020.00030> (In English)
- Assari, S., Mardani, A., Maleki, M. et al. (2021) Black-white achievement gap: Role of race, school urbanity, and parental education. *Pediatric Health, Medicine and Therapeutics*, vol. 12, pp. 1–11. <https://doi.org/10.2147/PHMT.S238877> (In English)
- Augustine, J. M. (2017) Increased educational attainment among U. S. mothers and their children's academic expectations. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 52, pp. 15–25. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2017.08.001> (In English)
- Bakar, N. A., Mamat, I., Ibrahim, M. (2017) Influence of parental education on academic performance of secondary school students in Kuala-Terengganu. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, vol. 7, no. 8, pp. 296–304. <https://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v7-i8/3230> (In English)
- Bansak, C., Starr, M. (2021) Covid-19 shocks to education supply: How 200,000 U.S. households dealt with the sudden shift to distance learning. *Review of Economics of the Household*, vol. 19, pp. 63–90. <https://doi.org/10.1007/s11150-020-09540-9> (In English)
- Barone, C. (2006) Cultural capital, ambition and the explanation of inequalities in learning outcomes: A comparative analysis. *Sociology*, vol. 40, no. 6, pp. 1039–1058. <https://doi.org/10.1177/0038038506069843> (In English)
- Benner, A. D., Boyle, A. E. Sadler, S. (2016) Parental involvement and adolescents' educational success: The roles of prior achievement and socioeconomic status. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 45, pp. 1053–1064. <https://doi.org/10.1007/s10964-016-0431-4> (In English)
- Björklund, A., Salvanes, K. G. (2011) Education and family background: Mechanisms and policies. *Handbook of the Economics of Education*, vol. 3, pp. 201–247. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53429-3.00003-X> (In English)

- Boyce, S., Bazargan, M., Caldwell, C. H. et al. (2020) Parental educational attainment and social environment of urban public schools in the U.S.: Blacks' diminished returns. *Children*, vol. 7, no. 5, article 44. <https://doi.org/10.3390/children7050044> (In English)
- Carolan, B. V., Wasserman, S. J. (2015) Does parenting style matter? Concerted cultivation, educational expectations, and the transmission of educational advantage. *Sociological Perspectives*, vol. 58, no. 2, pp. 168–186. <https://doi.org/10.1177/0731121414562967> (In English)
- Cheadle, J. E., Amato, P. R. (2011) A quantitative assessment of Lareau's qualitative conclusions about class, race, and parenting. *Journal of Family Issues*, vol. 32, no. 5, pp. 679–706. <https://doi.org/10.1177/0192513X10386305> (In English)
- Conger, R. D., Conger, K. J., Martin, M. J. (2010) Socioeconomic status, family processes, and individual development. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 685–704. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00725.x> (In English)
- Davis-Kean, P. E. (2005) The influence of parent education and family income on child achievement: The indirect role of parental expectations and the home environment. *Journal of Family Psychology*, vol. 19, no. 2, pp. 294–304. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.19.2.294> (In English)
- Davis-Kean, P. E., Tighe, L. A., Waters, N. E. (2021) The role of parent educational attainment in parenting and children's development. *Current Directions in Psychological Science*, vol. 30, no. 2, pp. 186–192. <https://doi.org/10.1177/0963721421993116> (In English)
- Dearing, E., Kreider, H., Simpkins, S., Weiss, H. B. (2006) Family involvement in school and low-income children's literacy: Longitudinal association between and within families. *Journal of Educational Psychology*, vol. 98, no. 4, pp. 653–664. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0663.98.4.653> (In English)
- Dearing, E., McCartney, K., Weiss, H. B. et al. (2004) The promotive effects of family educational involvement for low-income children's literacy. *Journal of School Psychology*, vol. 42, no. 6, pp. 445–460. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2004.07.002> (In English)
- Dubow, E. F., Boxer, P., Huesmann, L. R. (2009) Long-term effects of parents' education on children's educational and occupational success: Mediation by family interactions, child aggression, and teenage aspirations. *Merrill-Palmer Quarterly*, vol. 55, no. 3, pp. 224–249. <https://doi.org/10.1353/mpq.0.0030> (In English)
- Dumais, S. A., Kessinger, R. J., Ghosh, B. (2012) Concerted cultivation and teachers' evaluations of students: Exploring the intersection of race and parents' educational attainment. *Sociological Perspectives*, vol. 55, no. 1, pp. 17–42. <https://doi.org/10.1525/sop.2012.55.1.17> (In English)
- Duncan, G. J., Magnuson, K. (2012) Socioeconomic status and cognitive functioning: Moving from correlation to causation. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, vol. 3, no. 3, pp. 377–386. <https://doi.org/10.1002/wcs.1176> (In English)
- Eccles, J. S. (2005) Influences of parents' education on their children's educational attainments: The role of parent and child perceptions. *London Review of Education*, vol. 3, no. 3, pp. 191–204. <https://doi.org/10.1080/14748460500372309> (In English)
- Eccles, J. S. (2007) Families, schools, and developing achievement-related motivations and engagement. In: J. E. Grusec, P. D. Hastings (eds.). *Handbook of socialization: Theory and research*. New York: Guilford Press, pp. 665–691. (In English)
- Englund, M. M., Luckner, A. E., Whaley, G. J. L., Egeland, B. (2004) Children's achievement in early elementary school: Longitudinal effects of parental involvement, expectations, and quality of assistance. *Journal of Educational Psychology*, vol. 96, no. 4, pp. 723–730. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.96.4.723> (In English)
- Erola, J., Jalonen, S., Lehti, H. (2016) Parental education, class and income over early life course and children's achievement. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 44, pp. 33–43. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.01.003> (In English)
- Farooq, M. S., Chaudhry, A. H., Shafiq, M., Berhanu, G. (2011) Factors affecting students' quality of academic performance: A case of secondary school level. *Journal of Quality and Technology Management*, vol. 7, no. 2, pp. 1–14. (In English)
- Fekonja-Pekljaj, U., Ljubica Marjanovič-Umek, L., Kranjc, S. (2010) Children's storytelling: The effect of preschool and family environment. *European Early Childhood Education Research Journal*, vol. 18, no. 1, pp. 55–73. <https://doi.org/10.1080/13502930903520058> (In English)
- Gerra, G., Benedetti, E., Resce, G. et al. (2020) Socioeconomic status, parental education, school connectedness and individual socio-cultural resources in vulnerability for drug use among students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 4, article 1306. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041306> (In English)
- Greenfield, E. A., Moorman, S. M. (2019) Childhood socioeconomic status and later life cognition: Evidence from the Wisconsin longitudinal study. *Journal of Aging and Health*, vol. 31, no. 9, pp. 1589–1615. <https://doi.org/10.1177/0898264318783489> (In English)
- Gustafsson, J.-E., Yang Hansen, K., Rosén, M. (2013) Effects of home background on student achievement in reading, mathematics, and science at the fourth grade. In: M. O. Martin, I. V. S. Mullis (eds.). *TIMSS and PIRLS 2011: Relationships among reading, mathematics, and science achievement at the fourth grade—implications for early*

- learning*. Chestnut Hill: TIMSS & PIRLS International Study Center Publ.; Boston College Publ., pp. 183–289. (In English)
- Henry, D. A., Betancur Cortés, L., Votruba-Drzal, E. (2020) Black–White achievement gaps differ by family socioeconomic status from early childhood through early adolescence. *Journal of Educational Psychology*, vol. 112, no. 8, pp. 1471–1489. <https://doi.org/10.1037/edu0000439> (In English)
- Hill, N. E., Castellino, D. R., Lansford, J. E. et al. (2004) Parent academic involvement as related to school behavior, achievement, and aspirations: Demographic variations across adolescence. *Child Development*, vol. 75, no. 5, pp. 1491–1509. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2004.00753.x> (In English)
- Hosokawa, R., Katsura, T. (2017) A longitudinal study of socioeconomic status, family processes, and child adjustment from preschool until early elementary school: The role of social competence. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, vol. 11, article 62. <https://doi.org/10.1186/s13034-017-0206-z> (In English)
- Hung, M., Smith, W. A., Voss, M. W. et al. (2020) Exploring student achievement gaps in school districts across the United States. *Education and Urban Society*, vol. 52, no. 2, pp. 175–193. <https://doi.org/10.1177/0013124519833442> (In English)
- Iwaniec, J. (2018) The effects of parental education level and school location on language learning motivation. *The Language Learning Journal*, vol. 48, no. 4, pp. 427–441. <https://doi.org/10.1080/09571736.2017.1422137> (In English)
- Jæger, M. M. (2011) Does cultural capital really affect academic achievement? New evidence from combined sibling and panel data. *Sociology of Education*, vol. 84, no. 4, pp. 281–298. <https://doi.org/10.1177/0038040711417010> (In English)
- Kim, D. H., Schneider, B. (2005) Social capital in action: Alignment of parental support in adolescents' transition to postsecondary education. *Social Forces*, vol. 84, no. 2, pp. 1181–1206. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0012> (In English)
- Kim, Y., Mok, S. Y., Seidel, T. (2020) Parental influences on immigrant students' achievement-related motivation and achievement: A meta-analysis. *Educational Research Review*, vol. 30, article 100327. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2020.100327> (In English)
- Liu, J., Peng, P., Luo, L. (2020) The relation between family socioeconomic status and academic achievement in China: A meta-analysis. *Educational Psychology Review*, vol. 32, pp. 49–76. <https://doi.org/10.1007/s10648-019-09494-0> (In English)
- Marks, G. N., O'Connell, M. (2021) Inadequacies in the SES–Achievement model: Evidence from PISA and other studies. *Review of Education*, vol. 9, no. 3, article e3293. <https://doi.org/10.1002/rev3.3293> (In English)
- Mikkonen, J., Remes, H., Moustgaard, H., Martikainen, P. (2020) Evaluating the role of parental education and adolescent health problems in educational attainment. *Demography*, vol. 57, no. 6, pp. 2245–2267. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00919-y> (In English)
- O'Connell, M. (2019) Is the impact of SES on educational performance overestimated? Evidence from the PISA survey. *Intelligence*, vol. 75, pp. 41–47. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2019.04.005> (In English)
- Poon, K. (2020) The impact of socioeconomic status on parental factors in promoting academic achievement in Chinese children. *International Journal of Educational Development*, vol. 75, article 102175. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102175> (In English)
- Rodríguez-Hernández, C. F., Cascallar, E., Kyndt, E. (2020) Socio-economic status and academic performance in higher education: A systematic review. *Educational Research Review*, vol. 29, article 100305. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2019.100305> (In English)
- Roksa, J., Potter, D. (2011) Parenting and academic achievement: Intergenerational transmission of educational advantage. *Sociology of Education*, vol. 84, no. 4, pp. 299–321. <https://doi.org/10.1177/0038040711417013> (In English)
- Tan, C. Y., Lyu, M., Peng, B. (2019) Academic benefits from parental involvement are stratified by parental socioeconomic status: A meta-analysis. *Parenting*, vol. 20, no. 4, pp. 241–287. <https://doi.org/10.1080/15295192.2019.1694836> (In English)
- Waters, N. E., Ahmed, S. F., Tang, S. et al. (2021) Pathways from socioeconomic status to early academic achievement: The role of specific executive functions. *Early Childhood Research Quarterly*, vol. 54, pp. 321–331. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2020.09.008> (In English)
- Yang Hansen, K., Gustafsson, J. E. (2016) Determinants of country differences in effects of parental education on children's academic achievement. *Large-scale Assessments in Education*, vol. 4, article 11. <https://doi.org/10.1186/s40536-016-0027-1> (In English)
- Yang, Y. (2003) *Measuring socio-economic status and its effects on individual and collective levels: A cross-country comparison*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis Publ., 129 p. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.3875.5441> (In English)

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Панферов, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: [1910-5422](#), Scopus AuthorID: [57128097400](#), ResearcherID: [F-8321-2019](#), ORCID: [0000-0002-3528-3122](#),
e-mail: v-panferov@mail.ru

Лариса Александровна Цветкова, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, и. о. вице-президента Российской академии образования, ведущий научный сотрудник института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заместитель директора по научной деятельности НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге
SPIN-код: [2815-8700](#), Scopus AuthorID: [7006374015](#), ResearcherID: [J-4513-2013](#), ORCID: [0000-0002-4080-7103](#),
e-mail: larac@mail.ru

Authors

Vladimir N. Panferov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor of the Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: [1910-5422](#), Scopus Author ID: [57128097400](#), Researcher ID: [F-8321-2019](#), ORCID: [0000-0002-3528-3122](#),
e-mail: v-panferov@mail.ru

Larisa A. Tsvetkova, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Acting Vice-President of the Russian Academy of Education, Senior Researcher at the Institute of Psychology at Herzen State Pedagogical University of Russia, Deputy Director for Research at Higher School of Economics in Saint Petersburg

SPIN: [2815-8700](#), Scopus AuthorID: [7006374015](#), ResearcherID: [J-4513-2013](#), ORCID: [0000-0002-4080-7103](#),
e-mail: larac@mail.ru

Check for updates

Клинические, образовательные
и социальные аспекты психологии здоровья

УДК 159.9.618.89

EDN WIWYNL

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-534-542>

Научная статья

Роль фигуры отца ребенка при формировании материнского отношения к новорожденному с заболеванием

И. А. Золотова ^{1, 2}

¹ Ярославский государственный медицинский университет,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5

² Московский Институт Психоанализа, 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14

Для цитирования: Золотова, И. А. (2024) Роль фигуры отца ребенка при формировании материнского отношения к новорожденному с заболеванием. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 534–542. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-534-542> EDN WIWYNL

Получена 8 августа 2024; прошла рецензирование 12 сентября 2024; принята 22 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. А. Золотова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Концепция о формирующем влиянии со стороны отца на психическое здоровье и когнитивное развитие детей в разные возрастные периоды получила широкое признание. Однако остается неизученной роль фигуры отца ребенка при формировании материнского отношения к новорожденному с заболеванием. Цель исследования сосредоточена на изучении субъективных представлений женщины об отношении к ней отца ребенка и о его влиянии на эмоциональное состояние и отношение к новорожденному с заболеванием в раннем послеродовом периоде.

Материалы и методы. Исследование проводилось в раннем послеродовом периоде. Основная группа представлена женщинами, беременность которых завершилась рождением ребенка с заболеванием в количестве 126 человек, пребывающими в отделении патологии новорожденных. Контрольная группа включает женщин со здоровым новорожденным — 80 человек, которые находятся в условиях родильного дома. Применялись метод полуструктурированного интервью, Тест отношений беременной И. В. Добрякова, модифицированная версия, Клинический опросник невротических состояний.

Результаты исследования. У женщин при рождении ребенка с заболеванием превалирует выраженность эйфорического ($U = 268$; $p < 0,001$) и тревожного ($U = 245,5$; $p = 0,007$) компонентов в структуре субъективной оценки отношения отца ребенка. Эйфорический компонент коррелирует с показателями по шкале «истерического типа реагирования» ($r = 0,65$; $p < 0,001$). Тревожный компонент находится в положительной корреляции с показателями по шкале «невротическая депрессия» ($r = 0,63$; $p < 0,001$). Субъективное представление женщины может носить иррациональный характер и неблагоприятно отражаться на формировании триады «мать — отец — дитя».

Заключение. Исследование дополняет научные знания о роли фигуры отца при формировании отношения к новорожденному, а также имеет практико-ориентированную направленность и подтверждает значимость психологического сопровождения не только женщины, но и триады «мать — отец — дитя» в раннем послеродовом периоде.

Ключевые слова: роль фигуры отца ребенка, отношение к новорожденному, триада «мать — отец — дитя», эйфорический компонент, истерический тип реагирования, невротическая депрессия, астения

Research article

The role of the figure of the child's father in the development of maternal attitude to a newborn with a disease

I. A. Zolotova ^{1, 2}¹ Yaroslavl State Medical University, 5 Revolutsionnaya Str., Yaroslavl 1150000, Russia² Moscow Institute of Psychoanalysis, Structure 14, 34 Kutuzovsky Prospekt, Moscow 121170, Russia

For citation: Zolotova, I. A. (2024) The role of the figure of the child's father in the development of maternal attitude to a newborn with a disease. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 534–542. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-534-542> EDN WIWYNL

Received 8 August 2024; reviewed 12 September 2024; accepted 22 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. A. Zolotova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The father's formative influence on the mental health and cognitive development of children has been widely recognized in respect of different age ranges. However, there are no studies focusing on the figure of the child's father in the development of maternal attitude to a newborn with a disease. This study investigates a woman's subjective perception of the attitude of the child's father towards her and the impact of such perception on the woman's emotional state and her attitude to a newborn with a disease in the early postpartum period.

Materials and Methods. The study was conducted in the early postpartum period. The main group included 126 women whose pregnancy ended with the birth of a child with a disease. All the women in the main group were receiving hospital care at a neonatal pathology department. The control group included 80 women with a healthy newborn. All the women in the control group were staying at a maternity hospital. The following methods were used: semi-structured interviews; Pregnant Woman's Attitudes Test by I. V. Dobryakov (modified version), and the Clinical Questionnaire of Neurotic States.

Results. In women who gave birth to a child with a disease, the non-optimal components prevail in the structure of the 'attitude of the child's father' indicator — specifically, the euphoric component ($U = 268$; $p = 0.001$) and the anxiety component ($U = 245.5$; $p = 0.007$). The euphoric component correlates with the indicators of the scale 'hysterical type of reaction' ($r = 0.65$; $p < 0.001$). The anxiety component positively correlates with the indicators of the scale 'neurotic depression' of the Clinical Questionnaire of Neurotic States ($r = 0.63$; $p < 0.001$). A woman's subjective perception may be irrational and adversely affect the development of the 'mother-father-child' triad.

Conclusions. The study complements scientific knowledge about the role of the father figure in the development of the mother's attitudes towards the newborn. The findings also have a practical significance and confirm the importance of psychological support not only for women, but specifically for the entire 'mother-father-child' triad in the early postpartum period.

Keywords: role of father figure, attitude to newborn, triad 'mother-father-child', euphoric component, hysterical type of reaction, neurotic depression, asthenia

Введение

В современных условиях возрастает интерес к исследованиям психологии отцовства в различных направлениях (Хоффман 2022). Многогранность феномена отцовства позволяет рассматривать его как с точки зрения реализации гендерно-ролевой составляющей (Архиреева 2013), так и с точки зрения непосредственного влияния отца на становление ребенка в различные возрастные периоды. Зарубежные исследователи указывают на влияние участия отца, как

биологического, так и проживающего совместно, при становлении когнитивных навыков детей в раннем и среднем детстве (Rollè et al. 2019). Отечественными учеными описан вклад отца не только в физическое развитие ребенка, но и в психическое (Калина, Холмогорова 2019). Изучается отцовская вовлеченность на стадии перехода к родительству (Одинцова, Миссюк 2022). Среди зарубежных и отечественных исследований набирает популярность изучение отцовской привязанности в пренатальный и постнатальный периоды (Савенышева, Савина 2018;

Condon et al. 2013). Являясь сторонником теории привязанности Дж. Боулби, Д. Пакетт рассматривает эффективную привязанность отца к ребенку только в контексте эмоциональной связи между ними, подчеркивая, что она может сформироваться и реализоваться посредством «игровой деятельности» в постнатальном периоде (Raquette 2004). Часть ученых ставят развитие пренатальной привязанности со стороны отца под сомнение по причине неравнозначной ценности ребенка для будущих родителей, определяющейся доминантой зачатия как значимого компонента материнской доминанты. «И среди мужчин, ожидающих рождения ребенка, и среди отцов младенцев присутствуют мужчины, которые практически не ориентируются на ценность ребенка в организации своей жизни» (Захарова 2017, 278). Как среди женщин, так и «среди мужчин, ожидающих рождения ребенка, ценностно-смысловая сфера может быть представлена приоритетной профессиональной деятельностью, ценностью реализации личных достижений и карьерной реализации, а также определяться особенностями межличностных взаимоотношений будущих родителей. По результатам ранее проведенных исследований, зарубежные психологи уточняют: отцы транслируют «привязанность к ребенку», когда они сами имеют эмоциональное благополучие, определяющееся качественными, доверительными отношениями с матерью ребенка (Condon et al. 2013). Были представлены результаты о том, что «отношение к новорожденному соотносится с отношением к отцу ребенка» со стороны женщины (Золотова 2013, 131). На современном этапе обращают на себя внимание многочисленные исследования родительского стресса, связанного с госпитализацией младенцев. Но опыт и роль отцов, как правило, изучены недостаточно по сравнению с опытом матерей (Hendy et al. 2024). Несмотря на наличие разносторонних концептуальных направлений исследований отцовства, дефицитными остаются знания о влиянии роли «фигуры» отца ребенка «в раннем послеродовом периоде женщины» (Золотова 2024, 47).

В результате анализа отечественных и зарубежных исследований, с учетом возрастающего интереса со стороны психологического сообщества, была определена цель нашего исследования: изучение субъективных представлений женщины об отношении к ней отца ребенка, как при нормативном родоразрешении, так и при «рождении ребенка с заболеванием» (Золотова 2024, 46).

Рождение ребенка с особенностями развития и адаптации — это сильнейший стрессовый

фактор нарушения оптимального функционального эмоционального состояния женщины, граничащего в раннем послеродовом периоде с разным уровнем невротизации. Субъективное знание об особенностях отношения к ней отца ребенка может либо усиливать беспокойство, либо нивелировать его в разной степени. В эмпирическом исследовании проверялась гипотеза о том, что субъективное представление женщины об отношении к ней отца ребенка взаимосвязано с ее отношением к новорожденному и актуальным психоэмоциональным состоянием в раннем послеродовом периоде при рождении ребенка с заболеванием.

Материалы и методы

В исследовании участвовали 206 женщин. У 126 представительниц основной группы состояние детей требовало длительного лечения. По этой причине мама с ребенком были переведены в другое медицинское учреждение на второй лечебно-реабилитационный этап. 80 женщин, представляющих контрольную группу, находились в условиях родильного дома. Их беременность завершилась срочными родами и рождением здорового ребенка.

Этиопатогенез заболеваний периода новорожденности многофакторен и определяется не только структурными, но и выраженными функциональными изменениями систем жизнеобеспечения (дыхательной, сердечно-сосудистой, центральной нервной системы), а также аномалиями развития.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы метод полуструктурированного интервью в авторской версии и клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (Яхин, Менделевич 1998). По причине недостаточности валидных методик, направленных на изучение особенностей отношения к новорожденному и отцу ребенка у женщин в раннем послеродовом периоде применялся Тест отношений беременной И. В. Добрякова в модификации (Добряков 2015; Золотова 2024).

Методы математической статистики: корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена и непараметрический U-критерий Манна — Уитни.

Результаты исследования

1. Данные полуструктурированного интервью. Отвечая на вопрос о том, что является для них самым сложным в раннем послеродовом периоде, 83 % представительниц основной группы,

беременность которых завершилась рождением ребенка с заболеванием, акцентировали свое внимание на «качестве» общения с отцом ребенка и охарактеризовали это общение как «недостаточное и неполноценное». Подобным образом на аналогичный вопрос ответили 22 % женщин при нормативном родоразрешении и рождении здорового ребенка.

2. С помощью непараметрического U-критерия Манна — Уитни было установлено, что субъективное представление об отношении отца ребенка к женщине чаще характеризуется эйфорическим ($U = 268$; $p < 0,001$) и тревожным ($U = 245,5$; $p = 0,007$) компонентами и характерно в ситуации рождения ребенка с заболеванием. У женщин при рождении здорового ребенка превалирует выраженность оптимального компонента ($U = 364$; $p < 0,001$) в структуре субъективно оцениваемого отношения отца ребенка.

3. Результаты корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена в основной группе женщин, беременность которых завершилась рождением ребенка с заболеванием, представлены в таблице.

В результате исследования описаны значимые взаимосвязи между субъективным представлением женщины об отношении к ней отца ребенка и ее отношением к новорожденному. Обращают на себя внимание статистически значимые корреляции между гипогестогнозическим компонентом, отражающим субъективное восприятие отношения отца ребенка к женщине и собственным депрессивным отношением к ребенку с заболеванием ($r = 0,68$; $p < 0,001$).

Установлена статистически значимая прямая корреляция между депрессивным отношением к новорожденному и высокими значениями по шкалам «невротическая депрессия» и «астения» ($r = 0,39$; $p < 0,05$) клинического опросника невротических состояний.

Обсуждение результатов исследования

1. Рождение ребенка — обычно приятное радостное событие. Ситуация рождения ребенка в тяжелом состоянии не всегда ожидаема для родителей и отражается на их взаимодействии, поскольку сопряжена с медицинскими

Табл. Результаты корреляционного анализа шкал Теста отношений беременной (в модификации) и шкал «Клинического опросника для выявления невротических состояний» в основной группе женщин (указаны только достоверные корреляции)

Показатели	Шкала «истерического типа реагирования»	Шкала «невротической депрессии»	Шкала «астении»
Субъективное представление женщины об отношении к ней отца ребенка (эйфорическое)	$r = 0,65^{***}$	—	—
Субъективное представление женщины об отношении к ней отца ребенка (тревожное)	—	$r = 0,63^{***}$	—
Отношение к новорожденному (депрессивное)	—	$r = 0,39^*$	$r = 0,39^*$

Примечание:

* — корреляция на уровне значимости $p < 0,05$

** — корреляция на уровне значимости $p < 0,01$

*** — корреляция на уровне значимости $p < 0,001$

Table. Results of correlation analysis of the scales of the Pregnant Woman's Attitudes Test (modified version) and the scales of the Clinical Questionnaire of Neurotic States in the main group of women

Indicators	Scale 'Hysterical Type of Reaction'	Scale 'Neurotic Depression'	Scale 'Asthenia'
A woman's subjective perception of the child's father's attitude to her (euphoric)	$r = 0.65^{***}$	—	—
A woman's subjective perception of the child's father's attitude to her (anxious)	—	$r = 0.63^{***}$	—
Attitude to the newborn (depressive)	—	$r = 0.39^*$	$r = 0.39^*$

Note: * the level of significance at $p < 0.05$; ** the level of significance at $p < 0.01$; *** the level of significance at $p < 0.001$.

ограничениями. Стресс, связанный с ухудшением здоровья новорожденного, поддерживает нестабильное психоэмоциональное состояние матери (Swanson et al. 2022). Зарубежные исследователи также обращают внимание на то, что родители сталкиваются с трудностями и повышенным риском психологического стресса при нахождении ребенка в отделении интенсивной терапии (Hartzell et al. 2023; Hendy et al. 2024), и указывают на недостаточность исследований, касающихся профилактических мер, которые могут быть реализованы (Kleine et al. 2020).

В большинстве случаев общение женщины с отцом ребенка осуществляется исключительно в online-пространстве и, по данным полуструктурированного интервью, «не является поддерживающим или успокаивающим». 85 % представительниц основной группы описывают результат общения следующим образом: «...сложно было описать состояние новорожденного и правильно оценивать реакцию отца ребенка. Многое приходилось “додумывать”». «Остаться непонятой» — именно это воспринимается женщинами как одна из главных трудностей данного периода.

Нестабильное, чаще тяжелое состояние новорожденного сопровождается фрустрацией женщины по поводу отношения к ней отца ребенка и значимых близких. Согласно данным полуструктурированного интервью, одна часть женщин (63 %) тревожится за возможную реакцию в виде неприятия больного ребенка со стороны отца, заранее обвиняя его в недостаточном внимании. Другая часть женщин, напротив, пребывает в состоянии эйфории (37 %) и абсолютной уверенности, что отец ребенка возьмет всю ответственность за происходящее на себя, и отстраняется от ситуации, транслируя эйфорическое отношение к новорожденному, к себе-матери и к образу жизни в сочетании с «истерическим типом реагирования» на происходящее, вероятно, выступающем в качестве варианта психологической защиты, нивелирующей травматичный фактор — рождение ребенка с заболеванием. Такое предположение обусловили выявленные взаимосвязи между тревожным компонентом, характеризующим субъективное представление женщины об отношении к ней отца ребенка, и высокими значениями по шкале «невротическая депрессия» ($r = 0,63$; $p < 0,001$), а также корреляции между эйфорическим типом отношения с показателями по шкале «истерического типа реагирования» ($r = 0,65$; $p < 0,001$).

Описанные позиции женщин потенциально не способствуют гармонизации в триаде «мать —

отец — дитя» и могут привести к ухудшению отношений с отцом ребенка.

3. Недостаточная заинтересованность со стороны мужа, согласно представлениям женщины, обусловленная нарушениями здоровья новорожденного, поддерживает у нее тревогу в реальной жизненной ситуации неопределенности. Ранний послеродовой период характеризуется гормональной перестройкой организма и является уязвимым для развития депрессивных состояний. Замена «образа здорового ребенка», формирующегося в течение беременности, и принятие «образа младенца с заболеванием» — одна из форм перинатальных потерь, может оказывать влияние на психоэмоциональное состояние женщины.

4. Астеническое состояние женщины характеризуется эмоциональным истощением психических ресурсов. Что первично в этой ситуации: депрессивность как симптом астении или астеничность как симптом депрессии — определить не представляется возможным и не было целью исследования.

«Анализ публикаций последних десятилетий показал, что в большей мере исследователи обращали внимание на проблему влияния состояния и стресса женщины в период беременности» (Савеньшева, Савина 2018, 2). Материнская тревожность изучалась как фактор, способствующий преждевременным родам, а также как следствие преждевременных родов (Kleine et al. 2020). «Согласно данным литературы, положительные эффекты со снижением родительской тревожности и депрессии и улучшением состояния детей наблюдаются в парах, вовлеченных в терапевтическую программу» (Андрущенко и др. 2021, 127). Социальная поддержка в целом выступает критически важным ресурсом, который предотвращает влияние родительского стресса на возникновение депрессии у матерей детей с ограниченными возможностями здоровья (Park, Lee 2022; Zhao et al. 2021). «Значимость ценности ребенка для большинства отцов, так же высока, как и для матерей» (Захарова 2017, 255). Но в субъективном понимании женщины эта информация может искажаться при отсутствии прямого непосредственного контакта с отцом ребенка.

Устойчивые положительные корреляции, описанные по результатам данного исследования, подтверждают выдвинутую гипотезу о роли фигуры отца при формировании отношения к новорожденному и выраженности невротических состояний матери в ситуации рождения ребенка с заболеванием. А именно, субъективное представление женщины об отношении

к ней отца ребенка взаимосвязано с ее отношением к новорожденному и актуальным психоэмоциональным состоянием в раннем послеродовом периоде при рождении ребенка с заболеванием.

Выводы

1. Рождение ребенка с заболеванием является стрессовой ситуацией для супружеской (партерской) диады. Мы предполагаем, что высокие показатели по шкалам «истерического типа реагирования», «астении» и «невротической депрессии» у женщины влияют на формирование отношений и становление триады «мать — отец — дитя».

Изучение психоэмоционального статуса отца ребенка не входило в задачи нашего исследования. Но, безусловно, исследование уровня стресса у отцов — одно из перспективных направлений (Hendy et al. 2024).

2. Субъективное знание женщины об особенностях отношения к ней со стороны отца ребенка взаимосвязано с формированием отношения к новорожденному и может быть иррациональным. Причины формирования иррационального суждения многофакторны. К ним относятся: принятие роли матери ребенка с заболеванием в условиях стационара; вынужденное дистанцирование от значимых близких по причине тяжести состояния новорожденного, особенности ценностно-смысловой сферы женщины, а также гормональная перестройка организма, усугубляющая уровень невротических состояний.

3. Проведенное исследование имеет практико-ориентированное значение и подтверждает значимость психологического сопровождения не только женщины, но и триады «мать — отец — дитя», начиная с раннего послеродового периода.

Важно создавать условия для присутствия отца ребенка рядом с женщиной в условиях длительного стационарного пребывания. Это

способствует уменьшению уровня стресса, нормализации психоэмоционального состояния женщины, формированию гармоничных отношений в триаде «мать — отец — ребенок» и снижает вероятность развития послеродовой депрессивной симптоматики у матерей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Проведенное исследование соответствует этическим стандартам Хельсинкской декларации ВМА и одобрено локальным этическим комитетом ГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России (протокол № 49 от 30.09.2021 г.).

Ethics Approval

The study complies with the ethical standards of the WMA's Declaration of Helsinki and was approved by the Ethics Committee of Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Minutes No 49 of 30 September 2021).

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data is available upon request addressed to the corresponding author.

Литература

- Андрущенко, Н. В., Аникина, В. О., Иова, А. С. и др. (2021) Оптимизация выхаживания недоношенных новорожденных на госпитальных этапах ранней помощи при поддержке детско-родительских отношений. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, т. 121, № 10, с. 123–130. <https://doi.org/10.17116/jnevro2021121101123>
- Архиреева, Т. В. (2009) Родительство в гендерном аспекте. В кн.: И. С. Клецина (ред.). *Гендерная психология*. 2-е изд., СПб.: Питер, с. 121–148.
- Добряков, И. В. (2015) *Перинатальная психология*. 2-е изд., СПб.: Питер, 347 с.
- Захарова, Е. И. (2017) *Родительство как возрастно-психологический феномен. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук*. М., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 334 с.

- Золотова, И. А. (2013) *Отношение к новорожденному у женщин группы риска. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. Кострома, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова, 179 с.
- Золотова, И. А. (2024) Невротические состояния женщин в ситуации «отягощенного» материнства. *Аутизм и нарушения развития*, т. 22, № 1, с. 45–51. <https://doi.org/10.17759/autdd.2024220106>
- Калина, О. Г., Холагоорова, А. Б. (2019) *Роль отца в психическом развитии ребенка*. 2-е изд. М.: Форум; Инфра-М, 112 с.
- Одинцова, О. Ю., Миссюк, Ю. В. (2022) Отцовская вовлеченность на этапе перехода к родительству: понятие, структура, динамика. В кн.: *Актуальные проблемы психологии образования. Сборник научных материалов II-ой межрегиональной панельной дискуссии с международным участием для преподавателей ВО и СПО. Вып. XIII. Психологическое сопровождение современной семьи*. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, с. 168–176. EDN: [BDUXAQ](https://doi.org/10.17759/BDUXAQ)
- Савеньшева, С. С., Савина, Е. М. (2018) Отношение к ребенку в пренатальный период его развития у мужчин в связи с супружескими отношениями. *Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология*, № 58 (3), с. 343–346. EDN: [YSTYXF](https://doi.org/10.17759/YSTYXF)
- Хоффман, Б. Э. (2022) Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие детей. *Современная зарубежная психология*, т. 11, № 1, с. 17–25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102>
- Яхин, К. К., Менделевич, Д. М. (1998) Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. В кн.: В. Д. Менделевич (ред.). *Клиническая и медицинская психология*. М.: МЕДпресс-информ, с. 545–552. EDN: [WFALKS](https://doi.org/10.17759/WFALKS)
- Hartzell, G., Shaw, R. J., Givrad, S. (2023) Preterm infant mental health in the neonatal intensive care unit: A review of research on NICU parent-infant interactions and maternal sensitivity. *Infant Mental Health Journal*, vol. 44, no. 6, pp. 837–856. <https://doi.org/10.1002/imhj.22086>
- Hendy, A., El-Sayed, S., Bakry, S. et al. (2024) The stress levels of premature infants' parents and related factors in NICU. *SAGE Open Nursing*, vol. 10. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1177/23779608241231172> (accessed 10.04.2024).
- Condon, J. T., Corkindale, C. J., Boyce, P., Gamble, E. A. (2013) A longitudinal study of father-to-infant attachment: Antecedents and correlates. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 31, no. 1, pp. 15–30. <https://doi.org/10.1080/02646838.2012.757694>
- Kleine, I., Falconer, S., Roth, S. et al. (2020) Early postnatal maternal trait anxiety is associated with the behavioural outcomes of children born preterm. *Journal of Psychiatric Research*, vol. 131, pp. 160–168. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.09.010>
- Paquette, D. (2004) Theorizing the father-child relationship: Mechanisms and developmental outcomes. *Human Development*, vol. 47, no. 4, pp. 193–219. <https://doi.org/10.1159/000078723>
- Park, G. A., Lee, O. N. (2022) The moderating effect of social support on parental stress and depression in mothers of children with disabilities. *Occupational Therapy International*, vol. 2022, no. 1, article 5162954. <https://doi.org/10.1155/2022/5162954>
- Rollè, L., Gullotta, G., Trombetta, T. et al. (2019) Father involvement and cognitive development in early and middle childhood: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 2405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02405>
- Swanson, V., Hannula, L. (2022) Parenting stress in the early years — a survey of the impact of breastfeeding and social support for women in Finland and the UK. *BMC Pregnancy and Childbirth*, vol. 22, article 699. <https://doi.org/10.1186/s12884-022-05010-5>
- Zhao, M., Fu, W., Ai, J. (2021) The mediating role of social support in the relationship between parenting stress and resilience among Chinese parents of children with disability. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 51, no. 10, pp. 3412–3422. <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04806-8>

References

- Andrushchenko, N. V., Anikina, V. O., Iova, A. S. et al. (2021) Optimizatsiya vykhazhivaniya nedonoshennykh novorozhdennykh na gospital'nykh etapakh rannej pomoshchi pri podderzhke detsko-roditel'skikh otnoshenij [Optimization of neonatal hospital care for very preterm babies while supporting early parent-child relationships]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni C. C. Korsakova — S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 121, no. 10, pp. 123–130. <https://doi.org/10.17116/jnevro2021121101123> (In Russian)
- Arkhireeva, T. V. (2009) Roditel'stvo v gendernom aspekte [Parenting from a gender perspective]. In: I. S. Kletsina (ed.). *Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter Publ., pp. 121–148. (In Russian)
- Condon, J. T., Corkindale, C. J., Boyce, P., Gamble, E. A. (2013) A longitudinal study of father-to-infant attachment: Antecedents and correlates. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 31, no. 1, pp. 15–30. <https://doi.org/10.1080/02646838.2012.757694> (In English)

- Dobryakov, I. V. (2015) *Perinatal'naya psikhologiya [Perinatale Psychologie]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter Publ., 347 p. (In Russian)
- Hartzell, G., Shaw, R. J., Givrad, S. (2023) Preterm infant mental health in the neonatal intensive care unit: A review of research on NICU parent-infant interactions and maternal sensitivity. *Infant Mental Health Journal*, vol. 44, no. 6, pp. 837–856. <https://doi.org/10.1002/imhj.22086> (In English)
- Hendy, A., El-Sayed, S., Bakry, S. et al. (2024) The stress levels of premature infants' parents and related factors in NICU. *SAGE Open Nursing*, vol. 10. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.1177/23779608241231172> (accessed 10.04.2024). (In English)
- Hoffman, B. E. (2022) Novye otkrytiya, kontseptsii i voprosy v poiske ponimaniya vliyaniya ottsov na razvitie detej [New discoveries, concepts and questions in the search to understand fathers' influence on child development]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 17–25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102> (In Russian)
- Kalina, O. G., Kholmogorova, A. B. (2019) *Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka [The role of the father in the child's mental development]*. 2nd ed. Moscow: Forum Publ.; Infra-M Publ., 112 p. (In Russian)
- Kleine, I., Falconer, S., Roth, S. et al. (2020) Early postnatal maternal trait anxiety is associated with the behavioural outcomes of children born preterm. *Journal of Psychiatric Research*, vol. 131, pp. 160–168. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.09.010> (In English)
- Odintsova, O. Yu., Misiyuk, Yu. V. (2022) Otsovskaya вовлеченность на этапе перехода к родителству: понятие, структура, динамика [Father's involvement at the stage of transition to parenthood: concept, structure, dynamics]. In: *Aktual'nye problemy psikhologii obrazovaniya. Sbornik nauchnykh materialov II-oj mezhhregional'noj panel'noj diskussii s mezhdunarodnym uchastiem dlya prepodavatelej VO i SPO. Vyp. XIII. Psikhologicheskoe soprovozhdenie sovremennoj sem'i [Actual problems of psychology of education. Collection of scientific materials of the II-th interregional panel discussion with international participation for teachers of HE and SPO. Iss. XIII. Psychological support of a modern family]*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., pp. 168–176. EDN: [BDUXAQ](https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102) (In Russian)
- Paquette, D. (2004) Theorizing the father-child relationship: Mechanisms and developmental outcomes. *Human Development*, vol. 47, no. 4, pp. 193–219. <https://doi.org/10.1159/000078723> (In English)
- Park, G. A., Lee, O. N. (2022) The moderating effect of social support on parental stress and depression in mothers of children with disabilities. *Occupational Therapy International*, vol. 2022, no. 1, article 5162954. <https://doi.org/10.1155/2022/5162954> (In English)
- Rollè, L., Gullotta, G., Trombetta, T. et al. (2019) Father involvement and cognitive development in early and middle childhood: A systematic review. *Frontiers in psychology*, vol. 10, article 2405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02405> (In English)
- Savenysheva, S. S., Savina, E. M. (2018) Otnoshenie k rebenku v prenatal'nyj period ego razvitiya u muzhchin v svyazi s supruzheskimi otnosheniyami [Attitude to the child in the prenatal period of its development in men in connection with the marital relations]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Seriya: Pedagogika i psikhologiya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 58 (3), pp. 343–346. EDN: [YSTYXF](https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102) (In Russian)
- Swanson, V., Hannula, L. (2022) Parenting stress in the early years — a survey of the impact of breastfeeding and social support for women in Finland and the UK. *BMC Pregnancy and Childbirth*, vol. 22, article 699. <https://doi.org/10.1186/s12884-022-05010-5> (In English)
- Yakhin, K. K., Mendelevich, D. M. (1998) Klinicheskij oprosnik dlya vyyavleniya i otsenki nevroticheskikh sostoyanij [A clinical questionnaire for the identification and assessment of neurotic conditions]. In: V. D. Mendelevich (ed.). *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya [Clinical and medical psychology]*. Moscow: MEDpress-inform Publ., pp. 545–552. EDN: [WFALKS](https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102) (In Russian)
- Zakharova, E. I. (2017) *Roditel'stvo kak vozrastno-psikhologicheskij fenomen [Parenthood as an age-related psychological phenomenon]*. PhD dissertation (Psychology). Moscow, Lomonosov Moscow State University, 334 p. (In Russian)
- Zhao, M., Fu, W., Ai, J. (2021) The mediating role of social support in the relationship between parenting stress and resilience among Chinese parents of children with disability. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 51, no. 10, pp. 3412–3422. <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04806-8> (In English)
- Zolotova, I. A. (2013) *Otnoshenie k novorozhdennomu u zhenshchin gruppy riska [Attitude towards the newborn in women at risk]*. PhD dissertation (Psychology). Kostroma, Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 179 p. (In Russian)
- Zolotova, I. A. (2024) Nevroticheskie sostoyaniya zhenshchin v situatsii “otyagoshchennogo” materinstva [Neurotic states of women and the features of the attitude towards the newborn in the situation of “burdened” motherhood]. *Autizm i narusheniya razvitiya — Autism and Developmental Disorders*, vol. 22, no. 1, pp. 45–51. <https://doi.org/10.17759/autdd.2024220106> (In Russian)

Сведения об авторе

Ирина Александровна Золотова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Ярославский государственный медицинский университет; доцент кафедры нейро и патопсихологии взрослых Московского Института Психоанализа
SPIN-код: 2770-9166, ORCID: 0009-0007-5041-0082, e-mail: iazolotova@mail.ru

Author

Irina A. Zolotova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Yaroslavl State Medical University; Associate Professor, Department of Neuro and Pathopsychology of Adults, Moscow Institute of Psychoanalysis
SPIN: 2770-9166, ORCID: 0009-0007-5041-0082, e-mail: iazolotova@mail.ru

УДК 159.9

EDN UMHHBL

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567>

Научная статья

Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация

К. В. Карпинский ^{✉1, 2}

¹ Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22

² Мамун университет, 220900, Узбекистан, г. Хива, ул. Болхавуз, д. 2

Для цитирования: Карпинский, К. В. (2024) Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 543–567. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567> EDN UMHHBL

Получена 8 августа 2024; прошла рецензирование 12 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г23УЗБ-053.

Права: © К. В. Карпинский (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты психометрического исследования, направленного на создание оригинальной диагностической методики «Шкала ценностного отношения к детям». Теоретико-методологические основания исследования составила психологическая концепция личностного смысла ребенка. Методика операционализирует ценностное отношение в качестве одного из психологических типов личностного смысла ребенка для взрослого, а именно как позитивный терминальный смысл. **Материалы и методы.** Пилотажная версия методики представляла собой опросник с 20 пунктами и шестиразрядной шкалой ответов ликертовского типа. Эмпирическая апробация методики осуществлялась на белорусской популяционной выборке взрослых (половозрелых) людей (N = 1920). Психометрическая разработка, валидизация и стандартизация методики производились в русле комбинированного подхода, объединяющего технологии классической (СТТ) и стохастической (IRT) теории теста. Из двух конкурирующих IRT-моделей для методик с политомической шкалой ответов — модели рейтинговой шкалы (RSM) и модели частичных кредитов (PCM) — последняя показала лучшее соответствие эмпирическим данным и была положена в основу калибровки пунктов и общей шкалы. В процессе конструирования методики оценивались парциальные измерительные свойства, характеризующие отдельные пункты (дискриминативность, трудность, дифференциальное функционирование, пороговая статистика, критериальная и конструктивная валидность) и интегральные измерительные свойства, характеризующие шкалу в целом (содержательная, очевидная, структурная, критериальная, конвергентная и дискриминативная валидность, а также консистентная и ретестовая надежность). В целях валидизации методики использовались различные методы и процедуры (независимые экспертные оценки, когнитивное интервью и т. д.).

Результаты исследования. В завершённом виде «Шкала ценностного отношения к детям» представляет собой одномерный стандартизированный опросник, который позволяет диагностировать индивидуальную выраженность позитивного терминального смысла ребенка (детей) для испытуемого. По своим измерительным свойствам методика полностью соответствует конвенциональным психометрическим стандартам, может применяться в рамках выборочного научно-психологического исследования и индивидуального психодиагностического обследования. Целевой диагностический контингент составляют взрослые люди, причем методика демонстрирует одинаково высокую экологическую валидность в отношении испытуемых как в актуальном, так и в потенциальном родительском статусе. **Заключение.** Ближайшая перспектива психометрической проработки методики связана с определением ее устойчивости к действию фактора социальной желательности, поскольку в условиях политики пронатализма ценностное отношение к детям является социально одобряемым индивидуально-психологическим свойством взрослого человека.

Ключевые слова: личностный смысл ребенка, ценностное отношение к детям, психодиагностика, стандартизированный личностный опросник, валидность, надежность

Research article

The Value of Children Scale: Development, validation and standardization

K. V. Karpinski ^{1,2}

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus

² Mamun University, 2 Bolhovuz Str., Khiva 220900, Uzbekistan

For citation: Karpinski, K. V. (2024) The Value of Children Scale: Development, validation and standardization. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 543–567. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567> EDN [UMHHBL](https://www.edn.org/UMHHBL)

Received 8 August 2024; reviewed 12 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study was carried out with financial support of The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project Г23УЗБ-053.

Copyright: © K. V. Karpinski (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The article presents a psychometric study aimed at creating the Value of Children Scale, an original measurement method. The study is grounded in the socio-psychological concept of the personal meaning of a child. The method operationalizes the value of children as a psychological type of personal meaning — namely, as a positive terminal meaning of a child for an adult.

Materials and Methods. The pilot version included 20 items and a six-item Likert-type scale. Its empirical testing was carried out on a Belarusian population sample of adults (sexually mature people), N = 1920. Psychometric development, validation and standardization of the instrument were carried out in line with a combined approach that joins the technologies of the CTT and IRT test theories. Of the two competing IRT models for polytomous response scale — i. e., the Rating Scale Model (RSM) and the Partial Credit Model (PCM) — it is the PCM that showed the best fit to the empirical data and was used as the basis for item calibration and overall scale calibration. Item-level measurement properties (discriminativity, difficulty, differential functioning, threshold statistics, criterial and construct validity), scale-level measurement properties (content, face, structural, criterial, convergent and discriminant validity), consistency and test-retest reliability were assessed.

Results. The final version of the Value of Children Scale is a unidimensional standardized questionnaire that makes it possible to measure the subject's individual level of positive terminal meaning of a child. The instrument fully complies with conventional psychometric standards and can be used for sample psychological research and individual psychodiagnostic examination. The target population includes adults, and the instrument demonstrates equally high ecological validity for respondents with different parental status.

Conclusions. Future research may focus on determining the instrument's resistance to the influence of social desirability, since the value of children is a socially approved individual trait in adults.

Keywords: personal meaning of child, value of children, psychodiagnostics, standardized personality questionnaire, validity, reliability

Введение

Ценностное отношение к детям как диагностический конструкт

С позиций многих современных наук потребностную доминанту и ценностный приоритет жизнедеятельности взрослого должен составлять ребенок. В эволюционной биологии, антропологии и психологии филогенетически выработанная потребность в потомстве считается вершиной «пирамиды» врожденных биологических нужд и мотиваций (Aunger, Curtis 2013; Bernard et al. 2005; Kenrick et al. 2010). В разных отраслях обществоведения

и человекознания — истории, демографии, социологии, этнографии, культурологии, фрурологии, репродуктивистике и других — отмечается прогрессивное нарастание общественной потребности в детях и неуклонное историческое возвышение социальной ценности детей (Бесчасная 2018; Илышев, Багирова 2021; Капица 2010; Кон 2003; Тендрякова 2022). По логике наук, вследствие совместного действия механизмов биологической и социальной детерминации, дети — их рождение и воспитание — должны приобретать предельную личностную ценность и превращаться в главный источник смысла жизни для очень

многих, если не для всех половозрелых социализированных людей.

Однако результаты психологических исследований, социологических и демографических опросов, проведенных в разных странах и в разное время на репрезентативных национальных выборках, свидетельствуют, что смысл жизни с детьми ассоциирует далеко не каждый взрослый (Arnold et al. 1975; Trommsdorff, Nauck 2005). Согласно данным недавних исследований на белорусских популяционных выборках, смысл жизни в рождении и воспитании детей черпают от 53 до 83 % взрослых (Карпинский 2021; 2023). Факты указывают на то, что вопреки филогенетически сформированной биологической потребности и исторически сложившейся социальной ценности детей, в индивидуальной жизнедеятельности конкретного взрослого ребенок может наделяться весьма разным личностным смыслом.

В рамках методологии культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов личностный смысл ребенка для взрослого понимается как высшая по регуляторному рангу и культурная по происхождению психическая функция, становление которой приводит к ослаблению и замещению низших (натуральных) психических функций, отвечающих за регуляцию взаимодействия взрослого с ребенком, в первую очередь, в контексте репродуктивного и родительского поведения. Являясь механизмом более позднего генеза и более высокой регуляторной силы, личностный смысл ребенка отменяет жесткую зависимость человеческого поведения от биологического мотивационного императива размножения. Будучи индивидуализированным значением, складывающимся в личном жизненном опыте на основе индивидуальных потребностей, ценностей и мотивов, личностный смысл ребенка обеспечивает эмансипацию взрослого человека от социальной ценности и конвенционального значения детей, освобождает его от давления социальных норм, ожиданий и других социокультурных регуляторов репродукции и родительства. Общим итогом функционального преодоления биологических и социальных регуляторов на уровне личностного смысла ребенка выступает репродуктивная свобода человека: если другие живые существа не могут не размножаться, люди способны как рожать, так и не рожать детей (Карпинский 2019; 2023).

В предложенной концепции личностного смысла ребенка выделяются следующие психологические типы смысла:

1) *позитивный терминальный смысл*, при котором ребенок осмысливается взрослым как самостоятельная жизненная ценность;

2) *позитивный прагматический (инструментальный, или ресурсный) смысл*, при котором ребенок осмысливается как: а) средство, инструмент, ресурс — условие, способствующее реализации жизненных ценностей; б) помощник, соратник, партнер — субъект, содействующий реализации жизненных ценностей взрослого;

3) *негативный терминальный смысл*, при котором ребенок осмысливается как антиценность в жизни взрослого;

4) *негативный прагматический (преградный, или барьерный) смысл*, при котором ребенок осмысливается как: а) преграда, помеха, барьер — условие, препятствующее реализации жизненных ценностей; б) противник, конкурент, соперник — субъект, противодействующий реализации жизненных ценностей взрослого.

Наконец, возможно *смысловое отчуждение ребенка*, при котором он представляет чуждое, лишнее и безразличное — словом, абсолютно бессмысленное — обстоятельство жизни взрослого (Карпинский 2023; 2024а; 2024б).

Каждый тип личностно-смыслового отношения характеризуется специфическими *онтологическими, феноменологическими, структурно-субстратными и регуляторными особенностями*. Под онтологией понимается характеристика объективного места и роли ребенка в контексте жизненного мира и жизненного пути взрослого; под феноменологией — характеристика субъективного восприятия, понимания и переживания ребенка в плоскости индивидуального сознания взрослого; под субстратностью — характеристика личностных структур, выступающих субстратом личностного смысла ребенка, и их соотношения с другими смысловыми структурами в строении смысловой сферы личности взрослого, в первую очередь, в его индивидуальной мотивационно-смысловой иерархии; под регуляторикой — характеристика функций, выполняемых личностным смыслом ребенка в системе психической регуляции отдельных форм поведения, видов деятельности и целостной жизнедеятельности взрослого.

Описание того или иного типа личностного смысла ребенка для взрослого в единстве онтологического, феноменологического, субстратно-структурного и функционально-регуляторного аспектов составляет его целостную психологическую характеристику (Карпинский 2022а). В этом контексте проанализируем специфику позитивного терминального смысла, который

соответствует ценностному отношению взрослого к конкретному ребенку и детям вообще.

В *онтологическом аспекте* этому типу личностного смысла отвечает *детоцентрическая организация жизненного мира и детономическая направленность жизненного пути* взрослого. Это значит, что ребенок составляет условный «центр» жизненного мира и системообразующий «узел» всех жизненных отношений взрослого. К ребенку сходится большинство жизненных отношений и реализующих их видов деятельности, вокруг него выстраивается и «вращается» повседневная жизнь взрослого. При такой организации остальные сферы жизненных отношений (профессия и карьера, досуг и рекреация и т. д.) локализованы на периферии жизненного мира взрослого. Детоцентризм как особенность устройства жизненного мира сочетается с детономизмом как особенностью протекания жизненного пути взрослого. Последняя выражается в том, что ребенок устойчиво задает общую логику и сквозную направленность жизнедеятельности взрослого в долгосрочной (в пределе — биографической) перспективе. Свои решения и поступки, дела и занятия, слагающие индивидуальную жизнедеятельность, взрослый ориентирует преимущественно на ребенка, и большую часть фундаментальных жизненных ресурсов — времени, физических сил, ментальной энергии (внимания), финансовых средств и т. п. — также расходует именно на него.

В *феноменологическом аспекте* ценностному отношению соответствует понимание и переживание взрослым чрезвычайной субъективной значимости ребенка, который воспринимается как *любимый, идеальный и сверхзначимый (биографически значимый) другой*. Феноменологическими индикаторами такого отношения выступают позитивная валентность и предельная интенсивность представлений и переживаний, адресованных детям, что принимает формы идеализации детей и детолюбия. Любовь к определенному ребенку и к детям вообще считается характерной эмоциональной модальностью ценностного отношения к ним со стороны взрослого. В свое время С. А. Рубинштейн обосновал единство ценностного отношения человека к человеку и любви как специфического выражения этого отношения: «Любовь в ее «онтологическом» содержании — это процесс вычленения из сплетения целей и средств особого, неповторимого существа данного человека <...> В настоящей любви другой человек существует для меня не как «маска», т. е. носитель определенной функции, который может быть испол-

зован соответствующим образом как средство по своему назначению, а как человек в полноте своего бытия» (Рубинштейн 1973, 373).

Эта идея созвучна современным концепциям в области психологии мотивации и эмоций, которые постулируют однозначно-однозначные соответствия между, с одной стороны, содержательно определенной и функционально специализированной мотивацией и, с другой стороны, качественно специфической эмоцией или чувством, которое выступает феноменологическим маркером мотивации*. Применяя эту идею к концепции личностного смысла ребенка, можно утверждать, что подлинная любовь произрастает на основе именно ценностного отношения (позитивного терминального смысла), но не инструментального отношения (позитивного прагматического смысла). Хотя инструментальный смысл ребенка также переживается в широкой палитре положительных эмоций и чувств (прежде всего, уважения), он не порождает чувства любви — беспричинной, бескорыстной и неутилитарной радости взрослого по поводу самого факта присутствия или самой возможности существования этого ребенка в его жизни. Как справедливо отмечал С. А. Рубинштейн, «для нелюбящих в ходе жизни человек выступает по преимуществу в своей функции, которого соответственно ей используют по своему назначению как средство» (Рубинштейн 1973, 375).

Однако из тезиса об однозначности и специфичности связи между ценностным отношением к ребенку и чувством любви к нему не следует выводить поспешные следствия. Отсюда, в частности, не следует, что при ценностном отношении к ребенку взрослый способен испытывать только чувство безусловной любви, тогда как весь остальной спектр человеческих эмоций и чувств оказывается не востребованным. Рассматривая взаимосвязи мотивационно-смысловых отношений и эмоциональных переживаний человека, невозможно игнорировать процессы «ситуативного развития мотивации» (Вилюнас 1990, 41), или «малой динамики смысловых образований личности» (Асмолов и др. 1979, 39–40). Эти процессы приводят к тому, что при взаимодействии человека с одним и тем

* Так, в концепции поведенческой иммунной системы (behavioral immune system, BIS) утверждается релевантность чувства отвращения (feeling of disgust) протективной мотивации, направленной на сохранение здоровья и избегание заражения и болезни (Schaller 2006); в концепции мотивации родительского ухода (parental care motivation) постулируется прямая связь с чувством нежности по отношению к детям (feeling of tenderness) (Buckles et al. 2015).

же объектом в разных жизненных ситуациях его устойчивое смысловое отношение к данному объекту каждый раз трансформируется: генерализуется и конкретизируется — как бы заново «опредмечивается» с учетом текущих условий взаимодействия. Это, в свою очередь, порождает широкую гамму конкретных эмоций и чувств, проистекающих из основного обобщенного чувства к объекту.

Ситуативная динамика любви человека к человеку, за которой скрывается обусловленность ценностного отношения изменениями жизненного контекста, замечательно описана С. Л. Рубинштейном: «Чувство любви к другому человеку — это чувство радости от общения с ним, восхищения, от того образа человеческого, который при таком общении с ним выявляется, связанной с этим нежности к нему, заботы о нем, как только ему начинает что-то угрожать, огорчения, когда он терпит неудачи или подвергается страданиям, возмущения, когда по отношению к нему совершается несправедливость, гордости, когда в трудных ситуациях он оказывается на высоте — все эти чувства выражают применительно к разным обстоятельствам, их вызывающим, одно и то же отношение к человеку» (Рубинштейн 1959, 262). И хотя детолюбие является специфической феноменологической «сигнатурой», эмоциональной «сигнализацией» ценностного отношения к ребенку, это не исключает возможность переживания взрослым широкой палитры ситуативно вызванных эмоций и чувств по поводу этого ребенка и других детей.

В *структурно-субстратном аспекте* ценностное отношение к детям характеризуется особой формой его структурной фиксации и особым способом иерархического построения смысловой сферы личности взрослого. С позиций деятельностно-смыслового подхода субстратом ценностного отношения человека к чему бы то ни было выступает личностная ценность (Братусь 1988; Карпинский 2021; Леонтьев 1999; Салихова 2010). Личностная ценность — это мотив, который под влиянием средовой и субъектной детерминации (внешнего мотивационного обусловливания и опосредования, а также собственных выборов и поступков человека) поднялся на вершину индивидуальной мотивационной иерархии, приобрел чрезвычайную субъективную значимость и трансситуативную устойчивость, распространил свои регулирующие функции за пределы исходно породившей его частной деятельности на индивидуальную жизнедеятельность в целом.

Соответственно, при ценностном отношении к детям вершину индивидуальной мотивационной иерархии взрослого составляет ребенок, а остальным мотивам отведено подчиненное положение. При таком строении ребенок соответствует статусу *личностной ценности* — супермотива, который побуждает, направляет и смыслообразует уже не какую-то парциальную деятельность в ситуативном масштабе, а целостную жизнедеятельность взрослого в биографическом масштабе, т. е. всю совокупность прижизненно освоенных и повседневно практикуемых им видов деятельности. По сути, в этом случае ребенок выступает для взрослого *источником смысла жизни*.

Наряду с базовыми и универсальными функциями побудительной регуляции, присущими всем психическим структурам мотивационно-смысловой природы, личностные ценности обладают рядом дополнительных уникальных функций, которые обуславливают специфику ценностного отношения к детям в *регуляторном аспекте*. При таком отношении дети начинают выполнять важные функции в контурах психической регуляции индивидуальной жизнедеятельности и личностного развития взрослого:

- *субординационную* (ребенок составляет высшую ценность, которая подчиняет себе и доминирует над альтернативными терминальными ценностями);
- *смыслообразующую* (ребенок переживается как источник смысла и залог осмысленной жизни);
- *идентификационную* (ребенок и родительство конституируют Я-концепцию, социальную и личностную идентичность взрослого);
- *гедонистическую* (ребенок и родительство включаются в субъективный стандарт «хорошей жизни», служат «драйверами» позитивного аффекта и удовлетворенности жизнью);
- *эвдемоническую* (рождение и воспитание детей образует первостепенный субъективный критерий жизненного успеха, непреложное условие полноценной жизни, продуктивной самореализации и счастья);
- *развивающую* (рождение и воспитание детей полагается в качестве одной из ведущих жизненных задач, без которой немислимо достижение взрослости и обретение зрелости);
- *самотрансценденции и персонализации* (рождение и воспитание детей определяет стратегию планирования жизненной перспективы, способ самотрансценденции и персонализации).

В общем, приобретая в жизни взрослого позитивный терминальный смысл, ребенок становится для него высшим ценностным приоритетом, источником смысла жизни, критерием самореализации, мерилom жизненного успеха, основанием личностной идентичности, индикатором подлинной зрелости/взрослости, условием гедонии и эвдемонии, средством конструирования жизненной стратегии и перспективы, предпосылкой персонализации и самотрансценденции (Карпинский 2022b; 2023).

Таким образом, ценностное отношение проявляется в особой картине субъективных представлений, переживаний и побуждений взрослого по поводу детей, а также в характерном рисунке общения и обращения с ними. Описанные феноменологические и поведенческие признаки обладают высокой специфичностью и информативностью в контексте эмпирического изучения ценностного отношения к детям как латентного психологического конструкта. Их учет весьма важен при конструировании диагностической методики, прежде всего, при проектировании ее стимульного материала. В целях обеспечения содержательной, очевидной и конструктивной валидности методики эти особенности были заложены в содержание стимульного материала в качестве эмпирических индикаторов ценностного отношения к детям.

Материалы и методы

Отталкиваясь от изложенных концептуальных представлений, было сформулировано 20 пунктов (12 прямых и 8 обратных), составивших стимульный материал будущего опросника. Все пункты имели форму суждений, денотатом которых выступают «ребенок», «дети», «потомство». Чтобы обеспечить пригодность методики для диагностики не только родителей, но и людей, которые еще или уже не имеют детей, эти ключевые слова употреблялись без притяжательных местоимений («мой», «мои», «свой», «свои» и т. д.). Согласно прилагаемой инструкции, испытуемый должен оценить каждое утверждение на предмет соответствия личному опыту, руководствуясь политомической шкалой ответов ликертовского типа. Шкала предоставляет опции ответа от «1 — совершенно неверно» до «6 — совершенно верно», является симметричной (предусматривает по три градации согласия и несогласия) и не включает нейтральной категории ответа.

Пилотажная версия методики апробировалась на белорусской популяционной гетерохронной выборке с остаточной численностью 1920 чело-

век: 1376 женщин и 544 мужчины в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 35,88$, $SD = 9,09$). Репрезентативность выборки обеспечивалась гетерогенностью состава испытуемых по признакам, прежде всего, семейного положения, родительского статуса, стажа родительства и характера профессиональной деятельности. Данные собирались в формате бланкового обследования на условиях добровольного информированного согласия и безвозмездного участия. С учетом корреляционного дизайна и планируемых статистических процедур исследования, а также размеров эффекта, принятых в качестве пороговых значений различных психометрических показателей, в нашем случае минимально необходимый объем выборки — $N = 319$ при вероятности ошибки I рода $\alpha = 0,05$ и статистической мощности $(1 - \beta) = 0,95$ (согласно расчетам в программе G*Power 3.1). Поскольку обследованная совокупность испытуемых отвечала требованиям репрезентативности и статистической мощности, она послужила выборкой не только апробации и валидизации, но также стандартизации методики.

В комплекте с пилотажной версией шкалы предлагались критериальные методики, диагностирующие индивидуально-психологические особенности испытуемых как субъектов репродуктивного и родительского поведения, а также профессиональной педономической деятельности.

Результаты и их обсуждение

Содержательная и очевидная валидность методики

В целях обеспечения содержательной валидности применялась процедура независимой экспертной оценки. Роль экспертов выполняли два специалиста в области психодиагностики и психометрии, предварительно ознакомленные с теоретической трактовкой диагностического конструкта и общим замыслом методики. Каждое из 20 стимульных утверждений они оценивали в двух аспектах:

1. Содержательная релевантность («Насколько содержание пункта отражает психологические или поведенческие проявления, характерные для ценностного отношения к детям?»). При этом применялась рейтинговая шкала от 0 до 5 баллов, где оценка «0» означала полное содержательное несоответствие, а оценка «5» — полное содержательное соответствие пункта.
2. Содержательная направленность («Каким пунктом в составе методики — прямым или обратным — является данное утверждение?»).

При решении задачи эксперты классифицировали пункты на две соответствующие категории.

По первому критерию пункты методики были оценены как релевантные диагностическому конструкту: 15 пунктов — единогласно на 5 баллов, один пункт — единодушно на 4 балла, а в отношении четырех пунктов экспертные мнения не совпали, но укладывались в диапазон от 3 до 5 баллов. Статистика индивидуальных оценок первого ($M = 4,7$, $SD = 0,57$) и второго ($M = 4,9$, $SD = 0,30$) экспертов указывает на то, что исходный массив пунктов достаточно полно отражает картину психологических и поведенческих проявлений ценностного отношения к ребенку. Коэффициент конкордации Кендалла для экспертных оценок составил $W = 0,79$.

По результатам классификации 19 из 20 стимульных утверждений были однозначно распознаны как прямые или обратные пункты. Экспертная оценка при этом совпала с дизайном, который изначально задан этим пунктам при разработке стимульного материала. О согласованности экспертных классификаций свидетельствует значение коэффициента каппа Коэна ($Cohen's\ k = 0,90$).

По итогам совещания с экспертами пункты, вызвавшие разногласия, были подвергнуты содержательной и стилистической ревизии.

В целях проверки очевидной (лицевой) валидности использовалась технология когнитивного интервью. Фокус-группу составили 10 человек — трое мужчин и семь женщин в возрасте от 20 до 50 лет (из них 4 — не имеющие детей, 6 — воспитывающие детей). Процедура когнитивного интервью с каждым из них включала два последовательных этапа: конкурентное интервью (вербальный самоотчет испытуемого непосредственно в процессе работы с методикой с использованием метода рассуждения вслух) и ретроспективное интервью (анкетная оценка методики сразу по окончании тестирования).

На первой стадии когнитивного интервью были выявлены 4 пункта, которые оказались затруднительными и неоднозначными для понимания испытуемых. Снижение когнитивной доступности было обусловлено сравнительно редкими для обыденной речи словами и оборотами, а также формулировкой пунктов в виде сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Исходные формулировки этих пунктов корректировались в сторону упрощения употребляемой лексики и облегчения грамматической конструкции.

Результаты второй стадии когнитивного интервью показали, что на основании ознаком-

ления с инструкцией и стимульными утверждениями испытуемые правильно ориентируются в предмете и целях диагностики (они идентифицировали их в таких терминах, как «отношение к ребенку», «восприятие детей», «личное мнение о детях и родительстве», «готовность стать родителем», «желание иметь детей», «отношения родителей и детей» и т. п.). Анкетирование не выявило пунктов, которые были бы деструкторами и демотиваторами работы с методикой, т. е. вызывали у испытуемого выраженное затруднение с ответом и, как следствие, желание пропустить пункт или вообще отказаться от дальнейшего обследования. Стандартная шкала ответов также не вызвала нареканий со стороны испытуемых.

Судя по ретроспективным баллированным (от 0 до 10 баллов) ответам испытуемых на вопросы анкеты, работа с методикой:

- не порождает у испытуемых выраженное внутреннее дискомфорта в виде настороженности, опасений, тревоги, вины или каких-то других неприятных ощущений ($M = 0,4$, $SD = 0,69$, $Min = 0$, $Max = 2$);
- возбуждает выраженный субъективный интерес ($M = 8,6$, $SD = 1,26$, $Min = 6$, $Max = 10$);
- не вызывает утомления ($M = 1,1$, $SD = 1,72$, $Min = 0$, $Max = 5$).

Расчет ранговых корреляции τ -Кендалла свидетельствует, что такие параметры субъективного опыта испытуемого при работе с методикой, как дискомфорт, интерес и утомление, тесно связаны между собой. Интерес к содержанию и увлекательность процесса диагностики в значительной мере предотвращает развитие у испытуемого эмоционального напряжения ($\tau = -0,70$) и функционального утомления ($\tau = -0,74$). Отсюда следует, что наиболее высокую очевидную валидность методика будет демонстрировать при обследовании людей, для которых рождение и воспитание детей представляет актуальную жизненную задачу или животрепещущую личностную проблему.

Таким образом, в аспекте основных разновидностей априорной валидности — содержательной и очевидной — методика удовлетворяет современным стандартам психодиагностики. Дальнейший анализ ее психометрических свойств, в том числе ключевых видов апостериорной (структурной, критериальной и конструктивной) валидности, производился на эмпирическом материале выборки апробации и стандартизации. При этом использовался комбинированный подход, сочетающий психометрические процедуры

и технологии как классической (СТТ), так и стохастической (IRT) теории теста.

Структурная валидность методики

Психометрическое изучение внутренней структуры исходного массива пунктов осуществлялось эксплораторным (EFA) и подтверждающим (CFA) факторным анализом. Показания тестов адекватности Кайзера — Мейера — Олкина и сферичности Бартлетта подтвердили пригодность матрицы интеркорреляций пунктов для факторно-аналитической стратегии разработки опросника (КМО = 0,953, $\chi^2 = 17604$, $df = 190$, $p < 0,001$). Перебор различных методов разведочного анализа (главных осей, максимального правдоподобия, минимальных остатков)

в сочетании с косоугольным и ортогональным вращением (Varimax и Oblimin) позволил выделить в стимульном материале методики от одного до четырех факторов (при пороговом абсолютном значении факторной нагрузки $\geq 0,4$). По совокупности статистических (доля объяснимой дисперсии, число включенных пунктов со значимыми нагрузками, отсутствие кросс-нагрузок) и психологических (содержательная интерпретируемость на основе теории) признаков оптимальным было признано двухфакторное решение. Оно суммарно объясняет 44,5% дисперсии ответов и интегрирует 16 (75% от исходного массива) пунктов со значимыми факторными нагрузками на один из факторов и без перекрестных нагрузок на другой (табл. 1).

Табл. 1. Результаты эксплораторного факторного анализа (метод экстракции — Principal Axis, метод ротации — Oblimin)

Стимульные суждения	Факторы	
	I	II
8. Наличие детей — обязательное условие жизненного успеха взрослого человека	0,82	-0,07
6. Человек не может достичь полной самореализации без опыта материнства или отцовства	0,81	-0,11
5. Жизнь без детей лишена смысла	0,77	0,01
3. Чтобы стать по-настоящему зрелым, человек должен вырастить ребенка	0,76	-0,04
18. Тот, кто не оставил после себя потомство, прожил свою жизнь зря	0,73	-0,01
15. Только с появлением собственных детей человек становится по-настоящему состоятельным и преуспевающим в жизни	0,73	0,03
20. Отказаться от рождения детей — значит лишить себя жизненной перспективы	0,72	0,04
13. Рождение и воспитание детей — это самая важная жизненная задача взрослого	0,64	0,17
11. Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство	0,54	0,25
1. Дети — это главная ценность в жизни взрослого человека	0,50	0,28
16. Во взрослой жизни полно более интересных и значимых дел, чем рождение детей и забота о них (R)	0,06	0,69
7. В жизни есть задачи поважнее, чем рождение и воспитание детей (R)	0,11	0,63
4. У бездетных людей больше возможностей достичь успеха и наслаждаться жизнью, чем у имеющих детей (R)	-0,26	0,56
12. Ради ребенка и родительства не стоит отказываться от профессиональной карьеры (R)	0,00	0,48
14. Даже взрослому человеку не следует торопиться с рождением детей (R)	0,08	0,48
10. Неразумно ставить детей превыше всего остального в своей жизни (R)	0,13	0,45
9. Если бы пришлось выбирать между собственным здоровьем и наличием детей, то я бы, скорее всего, пожертвовал(а) здоровьем	0,38	0,25
19. Отсутствие детей — не помеха для продуктивной и осмысленной жизни (R)	0,36	0,29
17. Радость родительства перевешивает все трудности и ограничения, связанные с наличием детей	0,35	0,21
2. Отсутствие детей не мешает полноценной, насыщенной жизни (R)	0,31	0,37
Собственное значение фактора	6,08	2,81
% объясняемой дисперсии	30,4	14,1

Примечания: нумерация пунктов соответствует пилотажной версии методики; пункты в таблице отсортированы по убыванию факторной нагрузки; полужирным начертанием выделены факторные нагрузки $\geq 0,40$; (R) — обратный (реверсный) пункт методики.

Table 1. Exploratory factor analysis results (extraction method — Principal Axis, rotation method — Oblimin)

Items	Factors	
	I	II
8. Having children is a necessary component of an adult's life success	0.82	-0.07
6. An adult is unable to fully fulfil him- or herself without the experience of parenthood	0.81	-0.11
5. Life without children is meaningless	0.77	0.01
3. To become a really mature person, one needs to raise a child	0.76	-0.04
18. One who did not leave any children after himself (herself), has lived his (her) life in vain	0.73	-0.01
15. Only with having own children, one becomes prospering and flourishing	0.73	0.03
20. To refuse to have children means to deprive oneself of a life perspective	0.72	0.04
13. Bearing and rearing children is the main life task and challenge for an adult	0.64	0.17
11. Nothing brings as much joy and satisfaction as being a parent	0.54	0.25
1. Children are an utmost value for adults	0.50	0.28
16. In adult life, there are plenty more interesting and fulfilling things than bearing and rearing children (R)	0.06	0.69
7. There are life goals of higher significance than childbearing and parenting (R)	0.11	0.63
4. People with no children have higher chances for pleasant and successful life in comparison with parents (R)	-0.26	0.56
12. Children and parenthood are not worth abandoning a carrier (R)	0.00	0.48
14. Even in the mature age one should not hurry to become a parent (R)	0.08	0.48
10. It is not reasonable to place children before any other values and opportunities (R)	0.13	0.45
9. If I had to choose between my own health and having children, I would rather sacrifice my health	0.38	0.25
19. Childlessness is not a barrier for meaningful and fulfilling life (R)	0.36	0.29
17. Joys of being a parent outweigh all difficulties and shortcomings associated with having children	0.35	0.21
2. Childlessness does not harm fulfilled and exciting life (R)	0.31	0.37
	Eigenvalue	6.08
	% variance explained	30.4
		2.81
		14.1

Notes: item numbering corresponds to the pilot version of the questionnaire; the items in the table are ranked by decreasing factor loadings; factor loadings ≥ 0.40 are boldfaced; (R) — reverse items.

Визуальная инспекция факторной структуры приводит к выводу, что раскладка пунктов по факторам имеет под собой скорее формальное, чем содержательное основание. Первый фактор объединяет прямые суждения, тогда как второй — обратные утверждения. Если бы инверсные пункты отражали качественные особенности негативного терминального смысла (антиценности) детей (к примеру, категорическое неприятие деторождения и родительства, детоненавистничество, антигуманные предубеждения в отношении детей и т. п.), то второй фактор можно было бы рассматривать в качестве самостоятельной субшкалы, измеряющей психологический антипод позитивного терминального смысла (ценности) детей. Однако в нашем случае обратные суждения сформулированы как отрицание тех проявлений, которые свойственны ценностному отношению к детям, и по этой

причине могут трактоваться лишь как индикаторы низкого уровня выраженности этого отношения.

Конфирматорному факторному анализу были подвергнуты две альтернативные измерительные модели: 1) однофакторная модель, в которой десять прямых пунктов нагружают единый фактор ценностного отношения к детям; 2) двухфакторная модель, в которой добавляется второй фактор, интегрирующий инверсные пункты. С учетом того, что ликертовская шкала ответов является порядковой, для моделирования внутренней структуры методики использовался метод DWLS (Diagonally Weighted Least Squares) (Li 2016). На основании полученных данных можно заключить, что однофакторная модель измерения ценностного отношения к детям превосходит двухфакторную по всем показателям структурного соответствия (табл. 2).

Табл. 2. Показатели структурного соответствия альтернативных измерительных моделей

Измерительные модели	Критерий хи-квадрат				RMSEA		SRMR	CFI	TLI	NNFI
	χ^2	df	p	CMIN	Point	95 % CI				
1-факторная	159	35	0,001	4,54	0,043	[0,036; 0,050]	0,039	0,995	0,993	0,995
2-факторная	442	89	0,001	4,97	0,046	[0,041; 0,050]	0,046	0,987	0,985	0,985
<i>Примечания:</i> χ^2 — многомерный критерий хи-квадрат Пирсона; df — число степеней свободы; p — уровень статистической значимости; CMIN — отношение χ^2/df ; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; 95 % CI — границы 95 % доверительного интервала для RMSEA; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI — сравнительный индекс согласия Бентлера; TLI — индекс Такера — Льюиса; NNFI — ненормированный индекс согласия Бентлера — Бонетта.										

Table 2. Structural goodness-of-fit indexes for alternative measurement models

Measurement model	Chi-square				RMSEA		SRMR	CFI	TLI	NNFI
	χ^2	df	p	CMIN	Point	95 % CI				
1-factor	159	35	0.001	4.54	0.043	[0.036; 0.050]	0.039	0.995	0.993	0.995
2-factor	442	89	0.001	4.97	0.046	[0.041; 0.050]	0.046	0.987	0.985	0.985
<i>Notes:</i> χ^2 — Pearson's chi-square; df — degrees of freedom; p — significance level; CMIN — χ^2/df ratio; RMSEA — root mean square error of approximation; 95 % CI — 95 % confidential interval bounds; SRMR — standardized root mean square residual; CFI — comparative fit index; TLI — Taker-Louse index; NNFI — non-normed fit index.										

Более того, согласно различным психометрическим подходам к оценке дискриминантной валидности, второй фактор по своему конструктивному содержанию не отличается от первого фактора настолько, чтобы считаться независимым измерением ценностного отношения к детям и отдельной субшкалой методики. По критерию Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker 1981), квадратный корень средней извлеченной дисперсии субшкалы (average variance extracted) должен превышать ее корреляцию с конкурентной субшкалой методики, чего не наблюдается в нашем случае ($AVE = 0,32$, $\sqrt{AVE} = 0,56$, в то время как $r = 0,69$). По критерию «гетерочерта — моночерта» («heterotrait — monotrait ratio of correlation») (Henseler et al. 2015) для констатации дискриминантной валидности двух субшкал значение НТМТ должно быть ниже 0,90 (некоторые исследователи в качестве минимально приемлемого порога указывают значение 0,85, а в качестве строгого психометрического стандарта — 0,50 и ниже). В нашем случае второй фактор со значением НТМТ = 0,66 не выдерживает этого требования, что ставит под сомнение его дискриминантную валидность.

В общем, двухфакторная структура пилотажной версии методики репрезентирует скорее смешанный состав и различия во фразировании пунктов, чем латентное строение такой психической реальности, как ценностное от-

ношение к детям. По параметрам структурной и дискриминантной валидности оптимальное психометрическое решение — разработка одномерного опросника, включающего 10 прямых пунктов и измеряющего индивидуальную выраженность ценностного отношения к детям в виде общего (композитного) диагностического показателя. Структурная диаграмма, отражающая состав и структуру опросника, изображена на рисунке 1.

Измерительные свойства пунктов методики

С позиций классической теории теста (СТТ) анализировались следующие психометрические свойства пунктов (табл. 3):

1. Критериальная валидность оценивалась путем сопоставления баллов, начисленных за ответ на пункт, с прямой оценкой субъективной значимости ценностной категории «Дети» (по шкале от 0 до 3 баллов), полученной при работе испытуемого с методикой «Смысловый анализ ребенка» (Карпинский 2023). Показателем критериальной валидности пункта выступало значение коэффициента корреляции Пирсона.

2. В отношении дискриминативности показателем служило значение коэффициента корреляции «пункт — шкала», где шкала была представлена линейной суммой баллов по остальным

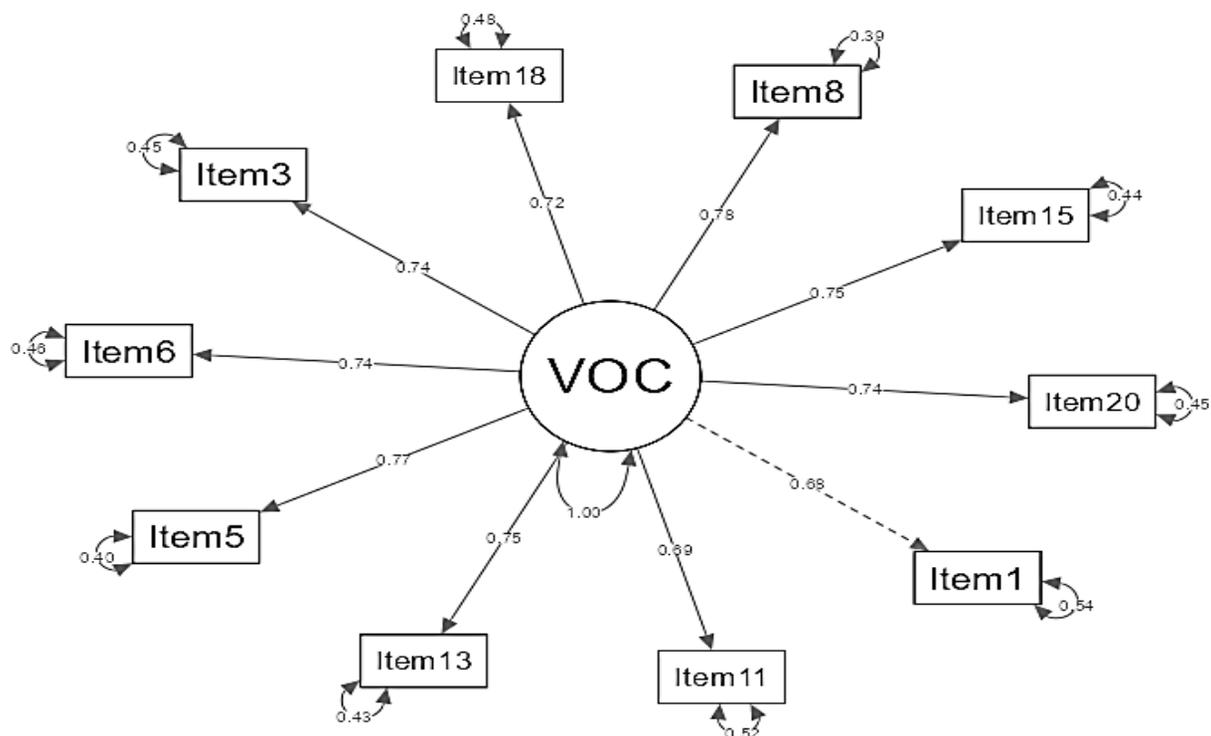

Рис. 1. Измерительная модель ценностного отношения к детям

Примечание: VOC (value of children) — ценностное отношение к детям; Item 1...20 — пункт № 1...20; нумерация пунктов соответствует пилотажной версии методики; в качестве показателей структурных путей «шкала → пункт» приведены стандартизированные регрессионные коэффициенты (β)

Fig. 1. The measurement model of value attitude towards children

Note: VOC (value of children) — value attitude towards children; item numbering corresponds to the pilot version of the instrument; standardized regression coefficients (β) are given as indicators of structural pathways 'scale → item'

9 пунктам. Нижнее пороговое значение коэффициента дискриминативности обычно устанавливается на уровне 0,20, но мы ориентировались на более высокий психометрический стандарт — 0,60.

3. Трудность оценивалась на основании выборочных частот встречаемости различных вариантов ответа на пункт. Для этого шестизрядная шкала ответов была искусственно дихотомизирована до двух категорий: несогласие (варианты ответа «совершенно неверно», «неверно», «скорее неверно») и согласие (варианты ответа «скорее верно», «верно», «совершенно верно»). Оптимальным по трудности признавался пункт, для которого соотношение выборочных частот ответов, выражающих несогласие и согласие, приближалось к 50%. Приемлемыми по трудности считались пункты, для которых выборочная доля «ключевых» (выражающих согласие) ответов попадала в диапазон от 20 до 80% (значение индекса трудности [0,2; 0,8]).

Десять пунктов, отобранных в ходе моделирования внутренней структуры опросника,

оказались эффективными по комплексу измерительных свойств. Данный набор также отличается оптимальной содержательной однородностью-разнородностью, о чем свидетельствует коэффициент психометрической консистентности (средняя интеркорреляция пунктов $r = 0,55$). Это значит, что они высвечивают качественно различные, но при этом тесно взаимосвязанные проявления ценностного отношения к детям.

Вторым этапом психометрической оценки пунктов стал IRT-анализ. Из множества моделей, предназначенных для калибровки методик с политомическими шкалами ответов, в качестве конкурирующих альтернатив рассматривались модель рейтинговой шкалы (Rating Scale Model) и модель частичных кредитов (Partial Credits Model). Эмпирическое сравнение качества подгонки данных к альтернативным IRT-моделям показывает, что модель частичных кредитов более предпочтительна для калибровки отдельных пунктов и всей шкалы (табл. 4).

Табл. 3. Психометрические свойства пунктов методики в контексте СТТ

Номер пункта	Измерительные свойства		
	Критериальная валидность	Дискриминативность	Трудность
1	0,52	0,68	0,80
2	0,30	0,66	0,58
3	0,35	0,71	0,51
4	0,29	0,65	0,46
5	0,32	0,70	0,50
6	0,48	0,69	0,73
7	0,44	0,72	0,65
8	0,31	0,69	0,52
9	0,29	0,65	0,47
10	0,33	0,69	0,44

Примечание: нумерация пунктов соответствует окончательной версии методики (см. в приложении к статье)

Table 3. Items psychometric properties within the CTT approach

Item No	Psychometric properties		
	Criteria validity	Item-total correlation	Difficulty
1	0.52	0.68	0.80
2	0.30	0.66	0.58
3	0.35	0.71	0.51
4	0.29	0.65	0.46
5	0.32	0.70	0.50
6	0.48	0.69	0.73
7	0.44	0.72	0.65
8	0.31	0.69	0.52
9	0.29	0.65	0.47
10	0.33	0.69	0.44

Note: items numbering corresponds to the final version of the questionnaire (see the appendix to the article)

Табл. 4. Показатели соответствия эмпирических данных IRT-моделям

Модель	Log-likelihood	G ²	AIC	BIC	CAIC	Likelihood ratio test
PCM	-27931	55862	55972	56278	56333	$\chi^2 = 312, df = 39,$ $p < 0,001$
RSM	-28087	56174	56206	56295	56311	

Примечания: Log-likelihood — логарифмическая функция правдоподобия, G² — показатель отклонения данных от модели, AIC — информационный критерий Акаике, BIC — байесовский информационный критерий, Likelihood ratio test — тест сравнительного соответствия альтернативных моделей.

Table 4. Polytomous IRT models fit statistics

Model	Log-likelihood	G ²	AIC	BIC	CAIC	Likelihood ratio test
PCM	-27931	55862	55972	56278	56333	$\chi^2 = 312, df = 39,$ $p < 0.001$
RSM	-28087	56174	56206	56295	56311	

Notes: Log-likelihood — logarithmic likelihood function, G² — indicator of data deviation from the model, AIC — Akaike information criterion, BIC — Bayesian information criterion, Likelihood ratio test — test of comparative conformity of alternative models.

В процессе калибровки пунктов методики в модели РСМ определялись следующие психометрические свойства (табл. 5).

1. Конструктивная валидность выражена в показателях WMS (Infit) и UMS (Outfit). Диагностически ценными признаются пункты с индексами конструктивной валидности в диапазоне [0,50; 1,50], однако наиболее эффективными считаются пункты, локализующиеся в интервале от 0,8 до 1,2.

2. Дифференциальное функционирование (DIF-эффект) проявляется в том, что пункт

предоставляет неравные шансы получения определенных категорий ответа от испытуемых, принадлежащих к разным группам. DIF-эффектом обременены пункты, которые параллельно с целевым конструктом измеряют какие-либо побочные конструкты, в силу чего данный эффект можно рассматривать как изъян конструктивной валидности пункта. В нашем случае размер DIF-эффекта пунктов изучался в группах людей с разным родительским статусом. При этом не имеющие детей испытуемые трактовались как фокальная группа, а воспитывающие детей —

Табл. 5. Психометрические свойства пунктов методики в контексте IRT

Номер пункта	Измерительные свойства										
	Валидность		Общая и пороговая трудность						DIF-эффект		
	WMS	UMS	b	b ₁	b ₂	b ₃	b ₄	b ₅	CMH χ^2	E. S.	ETS
1	1,12	1,13	-0,86	-1,62	-0,75	-0,33	1,03	1,68	2,63	-0,14	AA
2	1,02	1,09	0,04	-1,56	-0,64	0,03	0,53	1,65	6,93	0,24	AA
3	0,91	0,91	0,17	-1,43	-0,89	0,31	0,64	1,36	1,65	-0,10	AA
4	1,02	1,04	0,37	-1,73	-0,84	0,31	0,52	1,74	0,17	0,04	AA
5	0,86	0,88	0,28	-1,95	-0,89	0,12	0,72	2,00	7,16	0,20	AA
6	1,10	1,13	-0,57	-1,71	-0,92	-0,16	1,00	1,79	19,2	-0,40	BB-
7	0,93	0,93	-0,37	-2,31	-0,97	0,10	1,04	2,14	0,04	0,03	AA
8	0,96	0,97	0,14	-2,20	-0,96	0,22	0,81	2,14	7,62	0,22	AA
9	1,10	1,10	0,39	-1,45	-0,76	0,23	0,51	1,47	0,43	-0,06	AA
10	1,00	1,03	0,42	-1,83	-0,82	0,28	0,66	1,71	0,05	-0,03	AA

Примечания: нумерация пунктов соответствует окончательной версии методики (см. в приложении к статье); **b** — общий индекс трудности пункта; **b₁₋₅** — индексы пороговой трудности для различных категорий шкалы ответов; CMH χ^2 — значение статистики Кохрана — Мантеля — Хензеля; E. S. — размер эффекта; ETS — класс пункта по признаку выраженности размера эффекта дифференциального функционирования.

Table 5. Items' psychometric properties within the IRT approach

Item No	Psychometric properties										
	Validity		Difficulty and threshold parameters						Differential functioning		
	WMS	UMS	b	b ₁	b ₂	b ₃	b ₄	b ₅	CMH χ^2	E. S.	ETS
1	1.12	1.13	-0.86	-1.62	-0.75	-0.33	1.03	1.68	2.63	-0.14	AA
2	1.02	1.09	0.04	-1.56	-0.64	0.03	0.53	1.65	6.93	0.24	AA
3	0.91	0.91	0.17	-1.43	-0.89	0.31	0.64	1.36	1.65	-0.10	AA
4	1.02	1.04	0.37	-1.73	-0.84	0.31	0.52	1.74	0.17	0.04	AA
5	0.86	0.88	0.28	-1.95	-0.89	0.12	0.72	2.00	7.16	0.20	AA
6	1.10	1.13	-0.57	-1.71	-0.92	-0.16	1.00	1.79	19.2	-0.40	BB-
7	0.93	0.93	-0.37	-2.31	-0.97	0.10	1.04	2.14	0.04	0.03	AA
8	0.96	0.97	0.14	-2.20	-0.96	0.22	0.81	2.14	7.62	0.22	AA
9	1.10	1.10	0.39	-1.45	-0.76	0.23	0.51	1.47	0.43	-0.06	AA
10	1.00	1.03	0.42	-1.83	-0.82	0.28	0.66	1.71	0.05	-0.03	AA

Notes: the numbering of items corresponds to the final version of the methodology (see the appendix to the article); **b** — the general index of difficulty of the item; **b₁₋₅** — threshold difficulty indices for various categories of the response scale; CMH χ^2 — the value of the Cochran-Mantel-Hensel statistics; E. S. — the size of the effect; ETS — the class of the item based on the severity of the size of the effect of differential functioning.

как референтная группа. Использовался метод Кохрана — Мантеля — Хензеля (СМН) с расчетом размера эффекта (E. S.) и последующей классификацией пунктов по правилам ETS («АА» — относительно свободные от DIF-эффекта; «ВВ» — подозрительные; «СС» — отягощенные DIF-эффектом).

3. Трудность пункта (b-параметр) с позиций IRT-подхода отражает количественную выраженность ценностного отношения к детям, при которой соотношение шансов несогласия/согласия испытуемого со стимульным суждением составляет 50/50. Преимуществом модели РСМ выступает возможность расчета не только общего, но и парциальных уровней трудности пункта (пороговых статистик) для каждой градации шкалы ответов. С учетом шестизначной шкалы ответов в нашем случае для каждого пункта вычислялись пять порогов трудности: от b_1 (значение индивидуальной выраженности ценности детей, при которой шансы выбора ответа «1 — совершенно неверно» в соотношении с шансами выбора остальных пяти категорий ответа составляют 50/50) до b_5 (значение индивидуальной выраженности ценности детей, при которой шансы выбора ответа «6 — совершенно верно» в соотношении с шансами выбора остальных пяти категорий ответа составляют 50/50).

На основании расчетов можно констатировать, что все десять пунктов методики обладают отличной конструктивной валидностью в рамках модели РСМ. В своем большинстве они лишены DIF-эффекта и классифицированы как «АА» при тестировании испытуемых с разным родительским статусом. Умеренный размер DIF-эффекта выявлен лишь для пункта № 6 «Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство», который был классифицирован как «ВВ». Это означает, что стимульное суждение несколько фаворизирует — дает более высокие шансы на согласие и получение более высоких баллов — референтную группу, т. е. людей с реальным опытом рождения и воспитания детей. Бездетные испытуемые, за неимением такого опыта, менее склонны соглашаться с данным утверждением. По параметру общей трудности пункты методики характеризуются достаточно широким разбросом — от $-0,86$ до $0,42$ логитов. При анализе пороговых параметров обращает на себя внимание отсутствие «реверсий» — нарушений возрастающего порядка значений коэффициента трудности b , соответствующих последовательности категорий шкалы ответов ($b_1 < b_2 < b_3 < b_4 < b_5$). Это означает, что для выбора каждой последующей категории ответа на пункт

методики от испытуемого требуется более высокая выраженность ценностного отношения к детям. Судя по размаху пороговой статистики, наивысшая диагностическая эффективность методики достигается в пределах от $-2,31$ до $2,14$ логитов, т. е. простирается на континуум индивидуальных различий ценностного отношения к детям от низкого до высокого уровней.

Надежность методики

Анализ точности и устойчивости измерений производился в аспекте синхронной (консистентной) и диахронной (ретестовой) надежности. Значения коэффициентов синхронной надежности удостоверяют высокую измерительную точность методики: α -Кронбаха = $0,922$, ω -МакДональда = $0,923$. Высокая степень постоянства ценностного отношения к детям (как индивидуально-психологического свойства личностно-смысловой природы) дает возможность оценки диахронной надежности создаваемой методики. По итогам двукратного тестирования 96 испытуемых в интервале от трех до шести недель значение коэффициента ретестовой надежности для отдельных пунктов составило $r_{tt} = 0,81-0,97$ ($M = 0,90$, $SD = 0,04$), а для композитного показателя — $r_{tt} = 0,93$.

В методологии IRT диагностическая надежность и эффективность методики оценивалась по таким показателям, как индекс сепарации (отражает способность методики дифференцировать испытуемых по уровню выраженности ценностного отношения к детям, нормативное пороговое значение $\geq 2,0$); индекс количества слоев (отражает способность методики стратифицировать испытуемых по определенному числу статистически значимых уровней выраженности ценностного отношения к детям, нормативное пороговое значение $\geq 2,0$); индекс надежности (отражает способность методики точно диагностировать ценностное отношения к детям на всех уровнях выраженности данной латентной черты, нормативное пороговое значение $\geq 0,80$). Для разрабатываемой шкалы значения данных статистик составили $3,29$, $4,72$ и $0,92$ соответственно, что указывает на высокую различительную силу и точность измерений. Методика позволяет различать от 3 до 5 статистически значимых уровней выраженности ценностного отношения к детям.

На рисунке 2 изображена карта таргетирования пунктов в соотношении с частотным выборочным распределением испытуемых по выраженности ценностного отношения к детям (слева), а также информационная кривая (справа), отражающая область наибольшей диагно-

стической эффективности методики (TIF) и наименьшей стандартной ошибки измерения (TSE). Следует обратить внимание, что по параметру трудности пункты опросника (с учетом значений порогов) охватывают диапазон выраженности ценностного отношения к детям от $-3,56$ (нижняя категория ответа пункта 1) до $2,89$ (верхняя категория пункта 5) логитов, в котором сосредоточена наибольшая часть испытуемых в обследованной выборке. В этом диапазоне методика достигает максимума информативности и минимума погрешности измерений. В регионах крайне низкой и крайне высокой выраженности ценностного отношения к детям диагностические возможности опросника снижаются, но и выборочная частота встречаемости испытуемых с резко акцентуированным ценностным отношением к детям крайне мала. В выборке

из 1920 человек лишь у 8 испытуемых (0,42%) зафиксирован экстремально низкий уровень ($-5,42$ логита) и только у 28 испытуемых (1,46%) — экстремально высокий уровень ($5,35$ логита) ценностного отношения к детям. С учетом относительно высокой ошибки измерения диагностические показатели методики для этого узкого круга испытуемых должны интерпретироваться с осторожностью.

Критериальная и конструктивная валидность методики

Критерием для валидации методики выступали результаты прямого оценивания субъективной значимости категории «Дети», полученные при выполнении испытуемыми смыслометрического анализа (Карпинский 2023). Эта оценка, по условиям смыслометрии,

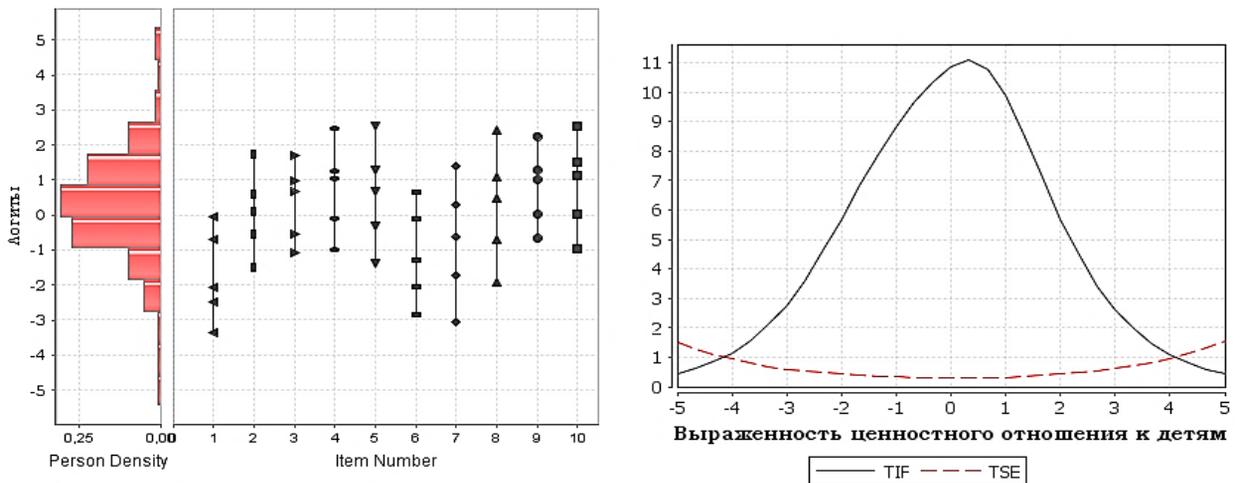

Рис. 2. Карта таргетирования пунктов и информационная кривая методики

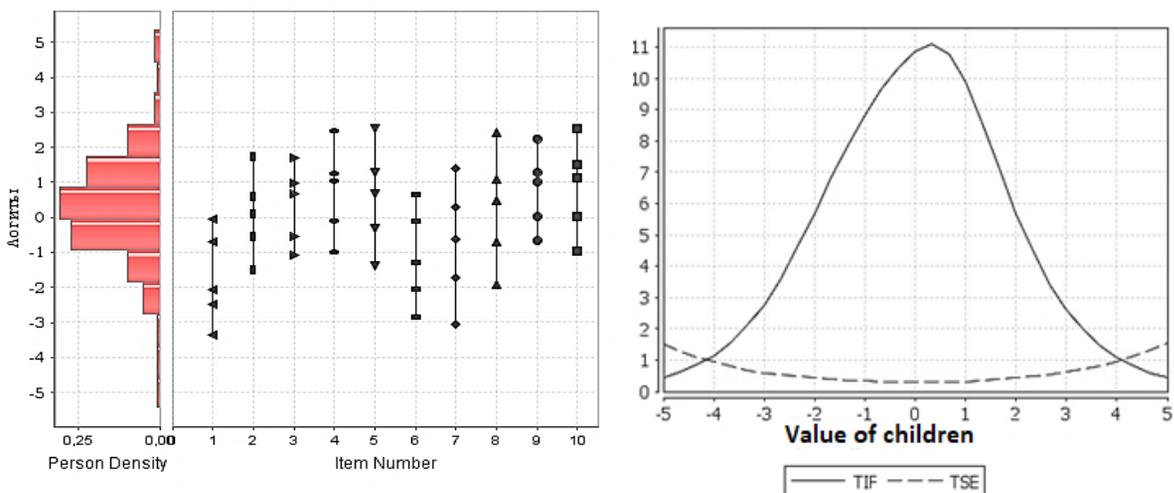

Fig. 2. The item targeting map and the information curve of the instrument

производилась в виде баллированного ответа на вопрос: «В какой степени данная ценность важна для Вас?» с вариантами ответа: «0 — не имеет значения в моей жизни», «1 — имеет малое значение в моей жизни», «2 — имеет среднее значение в моей жизни», «3 — имеет большое значение в моей жизни». Корреляция диагностического показателя «Шкалы ценностного отношения к детям» с критерием позволяет констатировать критериальную валидность методики ($r = 0,47$, $N = 1041$, $p < 0,000$).

Конструктивная валидность проверялась в аспекте способности методики дифференцировать межгрупповые (половые, возрастные, статусные) различия (так называемая «known-groups validity»), а также конвергентной и дискриминантной валидности. При оценке валидности по групповой дифференциации установлено, что:

- половые (гендерные) различия в ценностном отношении к детям отсутствуют ($t(1918) = 0,07$, $p = 0,94$);
- ценностное отношение к детям положительно коррелирует с возрастом ($r = 0,21$, $p = 0,000$) и стажем родительства ($r = 0,21$, $p = 0,000$). При ближайшем рассмотрении выясняется, что связь стажа родительства с ценностью детей опосредуется возрастом как переменной-медиатором (их частная корреляция при статистическом контроле переменной «возраст» снижается до $r = -0,05$);
- положительным коррелятом ценностного отношения к детям является религиозность, определяемая на основе прямого

баллированного самоотчета испытуемого ($r = 0,33$, $p = 0,000$);

- семейные люди ($M = 28,21$, $SD = 11,28$) превосходят холостых ($M = 21,61$, $SD = 11,48$) по уровню ценностного отношения к детям ($t(1677) = 7,17$, $p = 0,000$, $d = 58$);
- бездетные люди ($M = 20,63$, $SD = 11,57$) достоверно уступают малолетним ($M = 27,38$, $SD = 11,14$), а те, в свою очередь, — многодетным ($M = 31,54$, $SD = 10,66$) по степени сформированности ценностного отношения к детям ($F(2,1917) = 45,51$, $p < 0,000$, $d = 0,98$).

Конвергентная и дискриминантная валидность определялась путем выявления наличия, силы и направленности корреляционных связей между диагностическим показателем методики и индивидуально-психологическими особенностями испытуемых как субъектов репродукции, родительства и профессионального педагогического труда (Карпинский 2023; 2024a; 2024b; Салмина и др. 2024). Все эти особенности функционируют в качестве психических регуляторов различных видов поведения и деятельности взрослого, объектом которых выступают дети, и в этой связи могут считаться валидизирующими переменными для диагностического показателя создаваемой методики. Выявленные паттерны корреляций доказывают конструктивную валидность и убеждают в том, что ценностное отношение к детям действительно образует скрытый диагностический конструкт методики (табл. 6).

Табл. 6. Результаты проверки конвергентной и дискриминантной валидности методики

Критериальная методика	Валидизирующая переменная	Корреляция
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА РЕПРОДУКЦИИ		
Репродуктивные установки, или субъективные нормы детности (reproductive attitudes)		
Планируемое число детей, $N = 3\ 312$		0,28***
Желаемое число детей, $N = 3\ 312$		0,29***
Идеальное число детей, $N = 3\ 312$		0,22***
Репродуктивный успех (reproductive success)		
Объективный репродуктивный успех (фактическое число детей), $N = 3\ 312$		0,39***
Субъективный репродуктивный успех (удовлетворенность рожденным числом детей)		0,02
Субъективное репродуктивное расписание (timing of parenthood)		
Оптимальный возраст рождения первого ребенка, $N = 3\ 312$		-0,18***
Оптимальный возраст рождения последнего ребенка, $N = 3\ 312$		0,04
Оптимальный интервал между рождением 1-го и 2-го ребенка, $N = 3\ 312$		-0,16***
Субъективная оценка репродуктивно значимых условий		
Оценка благоприятности природно-географических условий для деторождения		0,23***
Оценка благоприятности социально-экономических условий для деторождения		0,17***
Оценка благоприятности материальных и жилищно-бытовых условий для деторождения		0,05

Табл. 6. Продолжение

Критериальная методика	Валидизирующая переменная	Корреляция
Оценка благоприятности нематериальных условий для деторождения		0,15***
Общая оценка благоприятности жизненной ситуации для деторождения, N = 3 312		0,17***
Совладающее поведение в ситуации бесплодия (coping with infertility)		
Шкала совладания с бесплодием К. В. Карпинского, А. В. Салминой и С. А. Бойко, N = 165	Ассимилятивный копинг	0,55***
	Смысложизненный кризис	0,62***
	Аккомодативный копинг	-0,47***
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА РОДИТЕЛЬСТВА		
Родительские установки (parental attitudes)		
Тест-опросник родительского отношения (ОРО) А. Я. Варга и В. В. Столина, N = 342	Принятие — отвержение	0,08
	Кооперация	0,06
	Симбиоз	0,25***
	Авторитарная гиперсоциализация	0,40***
	Инфантилизация	0,20***
Опросник установок на интенсивное родительство (IPRQ) в адаптации Ю. В. Мисиюк, А. И. Прихидько, П. С. Рогачевой, N = 204	Эссенциализм	0,30***
	Удовлетворенность	0,56***
	Стимуляция	0,49***
	Трудности	0,59***
	Детоцентризм	0,42***
Гедонистическое и эвдемоническое родительское благополучие (parental well-being) на доменном и глобальном уровнях		
Родительская удовлетворенность (детьми), N = 903		0,30***
Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА) (с контекстуализацией для домена родительства), N = 903	Позитивный родительский аффект	0,31***
	Негативный родительский аффект	-0,20***
Шкала родительского стресса (PSS) в адаптации Ю. В. Мисиюк и И. В. Тихоновой, N = 172	Родительские стрессоры	0,00
	Родительское вознаграждение	-0,34***
	Потеря контроля	-0,06
	Неудовлетворенность	-0,13
	Общий родительский стресс	0,00
Опросник родительского выгорания И. Н. Ефимовой, N = 90	Эмоциональное истощение	-0,44***
	Деперсонализация	-0,07
	Редукция родительских достижений	0,16
Родительское самоотношение, N = 142		0,32***
Родительская интернальность, N = 142		0,28***
Опросник переживаний в деятельности (ОПД) Д. А. Леонтьева (с контекстуализацией для домена родительства), N = 450	Переживание удовольствия	0,33***
	Переживание смысла	0,28***
	Переживание усилия	-0,08
	Переживание пустоты	-0,21**
Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (SWLS) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, N = 903		0,47***
Шкала субъективного счастья С. Любомирски (SHS) в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, N = 903		0,37***
Опросник смысловозжизненного кризиса (СЖК-К) К. В. Карпинского, N = 101	Десубъективизация	-0,28***
	Дезинтеграция	-0,30***
	Смысловая дисрегуляция	-0,45***
	Смысловозжизненный кризис	-0,43***
Родительское восприятие и понимание личности ребенка (parental perception)		
Личностный семантический дифференциал на основе пятифакторной модели личности и Опросника национального характера (NCS) в адаптации Б. Г. Мещерякова и Ю. Аллика, N = 192	Нейротизм (N)	-0,06
	Экстраверсия (E)	0,05
	Открытость опыту (O)	0,18**
	Доброжелательность (A)	0,27***
	Добросовестность (C)	0,29***

Табл. 6. Продолжение

Критериальная методика	Валидирующая переменная	Корреляция
Родительское поведение (parental behavior)		
Алабамский опросник методов воспитания (APQ-BF) в адаптации С. В. Логиновой, Е. Р. Слободской, Н. А. Федоровой, Е. А. Козловой, N = 250	Позитивное воспитание	0,29***
	Вовлеченность	0,02
	Телесные наказания	-0,03
	Недостаточный присмотр	-0,12
	Непоследовательная дисциплина	-0,07
Анализ семейных взаимоотношений (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, N = 210	Гиперпротекция	0,57***
	Гипопротекция	-0,07
	Потворствование	0,31***
	Игнорирование потребностей	-0,02
	Чрезмерность требований	0,23***
	Недостаточность требований	-0,01
	Чрезмерность запретов	0,04
	Недостаточность запретов	0,02
	Чрезмерность санкций	0,25***
	Минимальность санкций	0,08
	Неустойчивость стиля воспитания	0,21**
	Предпочтение детских качеств	0,24***
	Воспитательная неуверенность родителя	0,14*
	Фобия утраты ребенка	0,13*
	Неразвитость родительских чувств	0,09
	Проекция на ребенка нежелательных качеств	0,03
Вынесение конфликта в сферу воспитания	0,12	
Предпочтение женских качеств	0,23**	
Предпочтение мужских качеств	0,19**	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Опросник профессиональной мотивации Е. Н. Осина и соавторов, N = 240	Внутренняя мотивация	0,26***
	Интегрированная мотивация	0,25***
	Идентифицированная мотивация	0,11
	Интроецированная мотивация	0,06
	Экстернальная мотивация	0,02
	Амотивация	-0,09
	Автономная мотивация	0,24***
	Контролируемая мотивация	-0,01
	Индекс относительной автономии	0,19**
Опросник «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, N = 240	Переживание удовольствия	0,31***
	Переживание смысла	0,23***
	Переживание усилия	-0,26***
	Переживание пустоты	-0,29***
Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой, N = 240	Энергичность	0,30***
	Энтузиазм	0,18**
	Поглощенность деятельностью	0,22***
Шкала удовлетворенности карьерой К. В. Карпинского и Т. В. Гижук, N = 240		0,39***
<i>Примечания:</i> * p ≤ 0,05, ** p ≤ 0,01, *** p ≤ 0,001.		

Table 6. Convergent and discriminant validity

Criterion scale	Validating variable	Correlation
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN REPRODUCTION DOMAIN		
Reproductive attitudes		
Planned number of children, N = 3 312		0.28***
Desired number of children, N = 3 312		0.29***
Ideal number of children, N = 3 312		0.22***
Reproductive success		
Extrinsic reproductive success (actual number of children), N = 3 312		0.39***
Intrinsic reproductive success (reproductive satisfaction)		0.02
Timing of parenthood		
Optimal term for bearing first child, N = 3 312		-0.18***
Optimal term for bearing last child, N = 3 312		0.04
Optimal interval between bearing first and second child, N = 3 312		-0.16***
Evaluation of conditions for reproduction		
Natural environment, ecology and geographical location		0.23***
Social and economic conditions		0.17***
Living conditions and household income		
Interpersonal relations with spouse (partner)		0.15***
Total living circumstances evaluation, N = 3 312		0.17***
Coping with infertility		
Coping with Infertility Scale, N = 165	Assimilative strategy	0.55***
	Meaning-of-life crisis	0.62***
	Accommodative strategy	-0.47***
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN PARENTHOOD DOMAIN		
Parental attitudes		
Test of Parental Attitude, N = 342	Acceptation-rejection	0.08
	Cooperation	0.06
	Symbiosis	0.25***
	Authoritarian hyper-socialization	0.40***
	Infantilization	0.20***
Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, N = 204	Essentialism	0.30***
	Satisfaction	0.56***
	Stimulation	0.49***
	Difficulties	0.59***
	Child-Centrism	0.42***
Hedonic and eudaimonic parental and global well-being		
Parental satisfaction and pride (with children), N = 903		0.30***
Positive Affect and Negative Affect Scale (contextualized), N = 903	Positive parental affect	0.31***
	Negative parental affect	-0.20***
Parental Stress Scale, N = 172	Parental stressors	0.00
	Parental gains	-0.34***
	Loss of control	-0.06
	Dissatisfaction	-0.13
	Total parental stress	0.00
Parental Burnout Scale, N = 90	Emotional exhaustion	-0.44***
	Depersonalization	-0.07
	Reduction of parental achievements	0.16
Parental self-esteem, N = 142		0.32***
Parental internal LOC, N = 142		0.28***

Table 6. Completion

Criterion scale	Validating variable	Correlation
Experiences in Activity Questionnaire (contextualized), N = 450	Pleasure	0.33***
	Meaning	0.28***
	Effort	-0.08
	Emptiness	-0.21**
Satisfaction with Life Scale, N = 903		0.47***
Subjective Happiness Scale, N = 903		0.37***
Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101	Sense of agency loss	-0.28***
	Disintegration	-0.30***
	Dysregulation	-0.45***
	Overall crisis	-0.43***
Parental social perception		
Semantic differential based upon Five-Factor Personality Model and National Character Stereotypes Scale, N = 192	Neuroticism (N)	-0.06
	Extraversion (E)	0.05
	Openness to experience (O)	0.18**
	Agreeableness (A)	0.27***
	Conscientiousness (C)	0.29***
Parental behavior		
Alabama Parenting Questionnaire (APO-BF), N = 250	Positive involvement with children	0.29***
	Supervision and monitoring	0.02
	Use of corporal punishments	-0.03
	Lack of control	-0.12
	Inconsistent discipline	-0.07
Family Relations Analysis, N = 210	Hyperprotection	0.57***
	Hypoprotection	-0.07
	Need satisfying	0.31***
	Need ignorance	-0.02
	Overwhelming demands	0.23***
	Insufficient demands	-0.01
	Overwhelming restrictions	0.04
	Insufficient restrictions	0.02
	Overwhelming sanctions	0.25***
	Insufficient sanctions	0.08
	Inconsistency of parenting style	0.21**
	Infantile traits preference	0.24***
	Parental non-confidence	0.14*
	Child loss phobia	0.13*
	Lack of parental warmth	0.09
	Undesirable traits projection	0.03
	Spousal conflict irradiation	0.12
Femininity preference	0.23**	
Masculinity preference	0.19**	
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN PEDONOMIC OCCUPATION AND CAREER DOMAIN		
Vocational Motivation Questionnaire, N = 240	Internal motivation	0.26***
	Integrated motivation	0.25***
	Identified motivation	0.11
	Introjected motivation	0.06
	External motivation	0.02
	Amotivation	-0.09
	Autonomous motivation	0.24***
	Controlled motivation	-0.01
Relative autonomy index	0.19**	

Table 6. Completion

Criterion scale	Validating variable	Correlation
Experiences in Vocational Activity Questionnaire, N = 240	Pleasure	0.31***
	Meaning	0.23***
	Effort	-0.26***
	Emptiness	-0.29***
Utrecht Work Engagement Scale, N = 240	Vigor	0.30***
	Dedication	0.18**
	Exhaustion	0.22***
Satisfaction with Career Scale, N = 240		0.39***

Notes: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Стандартизация и диагностические нормы

Окончательная версия методики содержит 10 прямых пунктов. Начисление баллов за стандартные варианты ответа производится следующим образом: «совершенно неверно» — 0 баллов, «неверно» — 1 балл, «скорее неверно» — 2 балла, «скорее верно» — 3 балла, «верно» — 4 балла, «совершенно верно» — 5 баллов. Индивидуальный диагностический показатель рассчитывается путем суммирования баллов по всем пунктам и может варьировать от 0 до 50 баллов. Эмпирическое распределение диагностических результатов в выборке стандартизации методики (N = 1920) носит нормальный характер. Оно описывается параметрами, представленными в таблице 7. Средний уровень выраженности ценностного отношения к детям ограничивается интервалом 16–39, низкий уровень — 0–15, высокий — 40–50 «сырых» баллов. Стандартная ошибка измерения для 95% доверительного интервала, вычисленная на основании коэффициента консистентной надежности, равняется 3 баллам.

Заключение

Итогом проведенного психометрического исследования стала оригинальная методика диагностики ценностного отношения к детям. По формату она является одномерным стандартизированным опросником и обладает надлежащими измерительными свойствами. Перспективы ее дальнейшей психометрической проработки видятся в оценке влияния фактора социальной желательности на диагностический результат. Такая необходимость связана с тем, что в Беларуси, России и ряде других государств активно проводится демографическая политика пронатализма, в свете которой рождение и воспитание детей считается социально одобряемым жизненным выбором. В условиях социального давления пронатальных норм, ожиданий и идеалов методики психодиагностики личностного смысла ребенка должны обладать способностью к распознаванию истинной (реально действующей) и декларируемой (знаемой) ценности детей для испытуемого.

Табл. 7. Описательные статистики распределения диагностических результатов в выборке стандартизации

Показатель опросника	M	σ	Me	Mo	Ac/SE	Экс/SE
Ценностное отношение к детям	27,54	11,36	28	27	-0,18 / 0,05	-0,58 / 0,11

Примечания: M — среднее арифметическое; σ — стандартное отклонение; Me — медиана; Mo — мода; Ac — асимметрия; Экс — эксцесс; SE — стандартная ошибка.

Table 7. Descriptive statistics of the Value of Children Scale in standardization sample

Scale results	M	σ	Me	Mo	Sk/SE	Ku/SE
The Value-of-Children level	27.54	11.36	28	27	-0.18 / 0.05	-0.58 / 0.11

Notes: M — mean; σ — standard deviation; Me — median; Mo — mode; Sk — skewness; Ku — kurtosis; SE — standard error.

Приложение

Шкала ценностного отношения к детям

Инструкция: Ниже приведен ряд суждений, касающихся места и роли ребенка (детей) в жизни взрослого человека. Необходимо оценить, в какой степени каждое из этих суждений соответствует Вашему личному опыту и представлениям. Степень своего согласия либо несогласия с каждым утверждением следует выразить с помощью одного из предложенных вариантов ответа:

1	2	3	4	5	6
совершенно неверно	неверно	скорее неверно	скорее верно	верно	совершенно верно

1. Дети — это главная ценность в жизни взрослого человека	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
2. Чтобы стать по-настоящему зрелым, человек должен вырастить ребенка	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
3. Жизнь без детей лишена смысла	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
4. Человек не может достичь полной самореализации без опыта материнства или отцовства	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
5. Наличие детей — обязательное условие жизненного успеха для взрослого человека	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
6. Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
7. Рождение и воспитание детей — это самая важная жизненная задача взрослого	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
8. Только с появлением собственных детей человек становится по-настоящему состоятельным и преуспевающим в жизни	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
9. Тот, кто не оставил после себя потомство, прожил свою жизнь зря	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
10. Отказаться от рождения детей — значит лишить себя жизненной перспективы	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6

Дешифратор: все пункты являются прямыми; конвертация номера ответа в количество баллов производится по схеме: ответ «1 — совершенно неверно» = 0 баллов ... ответ «6 — совершенно верно» = 5 баллов; индивидуальный показатель ценностного отношения к детям подсчитывается в виде суммы баллов по пунктам № 1–10.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

- Асмолов, А. Г., Братусь, Б. С., Зейгарник, Б. В. и др. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности. *Вопросы психологии*, № 3, с. 35–45. EDN: [IHSKSF](#)
- Бесчасная, А. А. (2018) Наблюдая грядущее: образы современного детства в прогнозировании будущего. *Ценности и смыслы*, № 3 (55), с. 65–78. EDN: [XUAUDJ](#)
- Братусь, Б. С. (1988) *Аномалии личности*. М.: Мысль, 304 с.
- Вилюнас, В. К. (1990) *Психологические механизмы мотивации человека*. М.: Изд-во МГУ, 288 с.
- Ильшев, А. М., Багирова, А. П. (2021) *Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека*. М.: Финансы и статистика, 304 с.
- Капица, С. П. (2010) *Парадоксы роста. Законы глобального развития человечества*. М.: Альпина Нон-фикшн, 192 с.

- Карпинский, К. В. (2019) Мотивационно-смысловая регуляция репродуктивного поведения человека: культурно-исторические трансформации и метаморфозы. *Social Studies: Theory and Practice*, vol. 7, no. 2, pp. 59–81. <https://doi.org/10.34858/sstp.2.2019.005>
- Карпинский, К. В. (2021) *Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 220 с.
- Карпинский, К. В. (2022а) Личностный смысл ребенка в регуляции детско-родительских отношений. В кн.: Н. Л. Карпова, Е. А. Петрова, О. В. Зотова (ред.). *Общение в эпоху конвергенции технологий*. М.: Изд-во Психологического института Российской академии образования, с. 208–211. <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211>
- Карпинский, К. В. (2022б) Преградный смысл ребенка: половозрастная и социально-демографическая изменчивость в белорусской популяционной мультывыборке. *Вестник гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология*, т. 12, № 3, с. 115–129. EDN: FVJVZY
- Карпинский, К. В. (2023) *Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 515 с.
- Карпинский, К. В. (2024а) Личностный смысл ребенка в регуляции профессиональной педономической деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, № 1 (136), с. 170–184. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170
- Карпинский, К. В. (2024б) Личностный смысл ребенка и переживание смыслового кризиса в ситуации бесплодия. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, № 2, с. 40–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5105-2024-2-40-55>
- Кон, И. С. (2003) *Ребенок и общество*. М.: Академия, 336 с.
- Леонтьев, Д. А. (1999) *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 487 с.
- Рубинштейн, С. Л. (1959) *Бытие и сознание*. М.: Изд-во АН СССР, 328 с.
- Рубинштейн, С. Л. (1973) *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 424 с.
- Салихова, Н. Р. (2010) *Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности*. Казань: Казанский университет, 451 с.
- Салмина, А. В., Карпинский, К. В., Бойко, С. Л. (2024) Разработка и апробация психодиагностической методики «Шкала совладания с бесплодием». *Репродуктивное здоровье. Восточная Европа*, т. 14, № 3, с. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004>
- Тендрякова, М. В. (2022) *Антропология детства. Прошлое о современном*. М.: ЛитРес, 310 с.
- Arnold, F., Bulatao, R. A., Buripakdi, Ch. et al. (eds.). (1975) *The value of children. A cross-national study: In 4 vols. Vol. 1*. Honolulu: East-West Population Institute Publ., 234 p.
- Aunger, R., Curtis, V. (2013) The anatomy of motivation: An evolutionary-ecological approach. *Biological Theory*, vol. 8, no. 1, pp. 49–63. <https://doi.org/10.1007/s13752-013-0101-7>
- Bernard, L. C., Mills, M., Swenson, L., Walsh, R. P. (2005) An evolutionary theory of human motivation. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, vol. 131, no. 2, pp. 129–184. <https://doi.org/10.3200/MONO.131.2.129-184>
- Buckels, E. E., Beall, A. T., Hofer, M. K. et al. (2015) Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 108, no. 3, pp. 497–514. <https://doi.org/10.1037/pspp0000023>
- Fornell, C., Larcker, D. F. (1981) Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors. *Journal of Marketing Research*, vol. 18, no. 1, pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Henseler, J., Ringle, C., Sarstedt, M. (2015) A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 43, pp. 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8>
- Kenrick, D. T., Griskevicius, V., Neuberg, S. L., Schaller, M. (2010) Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no. 3, pp. 292–314. <https://doi.org/10.1177/1745691610369469>
- Li, C. H. (2016) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavioral Research Methods*, vol. 48, pp. 936–949. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0619-7>
- Schaller, M. (2006) Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked. *Psychological Inquiry*, vol. 17, no. 2, pp. 96–101. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1702_2
- Trommsdorff, G., Nauck, B. (eds.). (2005) *The value of children in cross-cultural perspective: Case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science Publ., 288 p.

References

- Asmolv, A. G., Bratus, B. S., Zeigarnik, B. V. et al. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образов личностности [On the perspectives in research of meaning structures of personality]. *Voprosy Psichologii*, no. 3, pp. 35–45. EDN: IHSKSF (In Russian)

- Arnold, F., Bulatao, R. A., Buripakdi, Ch. et al. (eds.). (1975) *The value of children. A cross-national study: In 4 vols. Vol. 1.* Honolulu: East-West Population Institute Publ., 234 p. (In English)
- Aunger, R., Curtis, V. (2013) The anatomy of motivation: An evolutionary-ecological approach. *Biological Theory*, vol. 8, no. 1, pp. 49–63. <https://doi.org/10.1007/s13752-013-0101-7> (In English)
- Bernard, L. C., Mills, M., Swenson, L., Walsh, R. P. (2005) An evolutionary theory of human motivation. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, vol. 131, no. 2, pp. 129–184. <https://doi.org/10.3200/MONO.131.2.129-184> (In English)
- Beschasnaya, A. A. (2018) Nablyudaya gryadushchee: obrazy sovremennogo detstva v prognozirovanii budushchego [Watching to the future: Images of modern childhood in predicting the future]. *Tsennosti i smysly — Values and Meanings*, no. 3 (55), pp. 65–78. EDN: [XUAUDJ](https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8) (In Russian)
- Bratus, B. S. (1988) *Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]*. Moscow: Mysl' Publ., 304 p. (In Russian)
- Buckels, E. E., Beall, A. T., Hofer, M. K. et al. (2015) Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 108, no. 3, pp. 497–514. <https://doi.org/10.1037/pspp0000023> (In English)
- Fornell, C., Larcker, D. F. (1981) Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, vol. 18, no. 1, pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312> (In English)
- Henseler, J., Ringle, C., Sarstedt, M. (2015) A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 43, pp. 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8> (In English)
- Ilyshev, A. M., Bagirova, A. P. (2021) *Vvedenie v reproduktivistiku: stanovlenie nauki o vosproizvodstve cheloveka [Introduction to the reproductivistics: Raising of the science about human reproduction]*. Moscow: Finansy i statistika Publ., 304 p. EDN: [SUMWAR](https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8) (In Russian)
- Kapitsa, S. P. (2010) *Paradoksy rosta: zakony razvitiya chelovechestva [Growth paradoxes: Regularities of humanity development]*. Moscow: Alpina Non-fikshn Publ., 192 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2019) Motivatsionno-smyslovaya regulyatsiya reproduktivnogo povedeniya cheloveka: kul'turno-istoricheskie transformatsii i metamorfozy [Motivational regulation of human reproductive behavior: Cultural-historical transformations and metamorphoses]. *Social Studies: Theory and Practice*, vol. 7, no. 2, pp. 59–81. <https://doi.org/10.34858/sstp.2.2019.005> (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2021) *Istochniki smysla zhizni: novyj metod psikhodiagnostiki lichnosti [Sources of the meaning of life: New tool for personality psychodiagnostic]*. Grodno: Yanka Kupala state university of Grodno Publ., 219 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2022a) Lichnostnyy smysl rebenka v regulyatsii detsko-roditel'skikh otnoshenij [Personal meaning of a child as a regulator of parent-child relations]. In: N. L. Karpova, E. A. Petrova, O. V. Zotova (eds.). *Obshchenie v epokhu konvergentsii tekhnologii — Communication in an era of technology convergence*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., pp. 203–207. <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211> (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2022b) Pregradnyy smysl rebenka: polovozrastnaya i sotsial'no-demograficheskaya izmenchivost' v belorusskoj populyatsionnoj mul'tivyborke [The negative meaning of a child: Gender, age and socio-demographic variability in the belarusian population multi-sample]. *Vestnik grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya — Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology. Pedagogy. Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 115–129. EDN: [FVJVZY](https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211) (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2023) *Lichnostnyy smysl rebenka: chto deti znachat dlya vzroslykh [Personal meaning of a child: What children mean for adults]*. Grodno: Yanka Kupala state university of Grodno Publ., 515 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024a) Lichnostnyy smysl rebenka v regulyatsii professional'noj pedonomicheskoy deyatel'nosti [Personal meaning of a child for an adult as a regulator of professional pedonomic activity]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1 (136), pp. 170–184. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170 (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024b) Lichnostnyy smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya [Personal meaning of a child and experience of a meaning of life crisis in a situation of infertility]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, no. 2, pp. 40–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5105-2024-2-40-55> (In Russian)
- Kenrick, D. T., Griskevicius, V., Neuberg, S. L., Schaller, M. (2010) Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no. 3, pp. 292–314. <https://doi.org/10.1177/1745691610369469> (In English)
- Kon, I. S. (2003) *Rebenok i obshchestvo [Child and society]*. Moscow: Akademiya Publ., 336 p. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (1999) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [The psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of personality]*. Moscow: Smysl Publ., 487 p. (In Russian)
- Li, C. H. (2016) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavioral Research Methods*, vol. 48, pp. 936–949. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0619-7> (In English)

- Rubinshtein, S. L. (1959) *Bytie i soznanie [The Being and The Mind]* Moscow: AS USSR Publ., 328 p. (In Russian)
- Rubinshtein, S. L. (1973) *Problemy obshchej psikhologii [Problems of general psychology]*. Moscow: Pedagogika Publ., 424 p. (In Russian)
- Salikhova, N. R. (2010) *Tsenostno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti [Value and meaning organization of life space of personality]*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 452 p. (In Russian)
- Salmiina, A. V. Karpinsky, K. V., Bojko, S. L. (2024) Razrabotka i aprobatsiya psikhodiagnosticheskoj metodiki "Shkala sovladaniya s besplodiem" [Development and testing of the psychodiagnostic method "Scale of coping with infertility"]. *Reproduktivnoe zdorov'e. Vostochnaya Evropa — Reproductive Health. Eastern Europe*, vol. 14, no. 3, pp. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004> (In Russian)
- Schaller, M. (2006) Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked. *Psychological Inquiry*, vol. 17, no. 2, pp. 96–101. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1702_2 (In English)
- Tendryakova, M. V. (2022) *Antropologiya detstva. Proshloe o sovremennom [Anthropology of childhood. Past about present]*. Moscow: LitRes Publ., 310 p. (In Russian)
- Trommsdorff, G., Nauck, B. (eds.). (2005) *The value of children in cross-cultural perspective: Case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science Publ., 288 p. (In English)
- Viliunas, V. K. (1990) *Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka [Psychological mechanisms of human motivation]*. Moscow: Moscow state university named after M. V. Lomonosov Publ., 288 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Константин Викторович Карпинский, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, профессор кафедры психологии, Мамун университет
SPIN-код: [4973-1322](#), Scopus AuthorID: [266590072100](#), ORCID: [0000-0002-1820-4007](#), e-mail: karpkosta@gmail.com

Author

Konstantin V. Karpinski, Doctor of Science (Psychology), Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Experimental and Applied Psychology Chair, Yanka Kupala State University of Grodno, Professor of the Psychology Chair, Mamun University
SPIN: [4973-1322](#), Scopus AuthorID: [266590072100](#), ORCID: [0000-0002-1820-4007](#), e-mail: karpkosta@gmail.com